«Кристин Ханна — тонкий знаток женской психологии. Ее героини такие разные, однако тем легче читательницам находить в каждой из них частицу себя».

The Seattle Times

улица светлячков

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

КРИСТИН ХАННА

#1 New York Times Bestselling Author

«Кристин Ханна — тонкий знаток женской психологии. Ее героини такие разные, однако тем легче читательницам находить в каждой из них частицу себя».
The Seattle Times
улица светлячков
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ
КРИСТИН ХАННА
#1 New York Times Bestselling Author

Annotation

Две девочки-подростка — одна из благополучной семьи, другая из проблемной — случайно оказались соседками по улице и даже не предполагали, что их знакомство перерастет в дружбу, которая продлится более 30 лет. У них разные темпераменты, разные приоритеты: если Талли ставит на первый план карьеру, то Кейт — семью. Тем не менее между ними существует тонкая духовная связь, разрушить которую, кажется, не может ничто — ни появление в их жизни новых людей, ни каверзы судьбы.

И все-таки однажды дело доходит до крупной ссоры, грозящей поставить крест на отношениях. Что же перевесит в самый трудный момент, когда речь пойдет о жизни и смерти, — дружба или ложная гордость?

- Кристин Ханна
  -
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - Часть вторая
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

        - 15
        - 16
        - 17
    - Часть третья
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
    - Часть четвертая
        - 22
        - 23
        - 24
        - 25
        - 26
        - 27
        - 28
        - 29
        - 30
        - 31
        - 32
        - 33
        - 34
        - 35
        - 36
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Кристин Ханна
Улица Светлячков

Это было смешно, удивительно и абсолютно неизбежно. Материнство не только выпило из Кейт все соки и лишило ее уверенности в себе, но и наполнило ее существо такой любовью, что без своей малышки Кейт чувствовала себя только половиной человека.

Еще долго, после того как скрылась из виду машина ее родителей, Кейт стояла, приложив руку козырьком ко лбу, на пороге своего нового дома на побережье острова Бейнбридж.

Затем, зайдя внутрь, она какое-то время не знала, что делать дальше, потому что уже успела забыть, как это — быть одной. Она попыталась снова дозвониться до Талли, но ей опять предложили оставить сообщение…

Эта книга посвящается нам. Девчонкам, юным и не очень. Тем, кто умеет дружить годами, не теряя друг друга из виду в трудные моменты: как драматические, так и просто нелегкие. Вы знаете себе цену. Спасибо вам.

Также книга посвящается тем людям, которые значат для меня очень многое и о которых я не забываю никогда: мой отец Лоуренс, брат Кент, сестра Лора, муж Бенджамин и сын Такер. Как бы далеко вы ни находились от меня, вы всегда в моем сердце.

И моей маме — вдохновительнице многих моих

романов, но в первую очередь — этого.

Старый друг — лучшее из зеркал.

Джордж Герберт

Пролог

Их так и называли — девчонки с улицы Светлячков. Правда, это было давно, больше тридцати лет назад. Но сейчас, когда она лежала в кровати, прислушиваясь к разыгравшейся за окном снежной буре, ей казалось, что все это было вчера.

За прошедшую неделю — хуже которой не было в ее жизни ничего, — она окончательно утратила способность уходить, прятаться от воспоминаний. Слишком часто в последнее время ей снилось, что на дворе снова тысяча девятьсот семьдесят четвертый год, она подросток, взрослеющий в тени проигранной войны, гоняющий на велосипеде вместе с лучшей подругой в такой кромешной тьме, что они порой сами себе казались невидимыми. Место, где это происходило, не имело значения, но она помнила его во всех деталях: извилистая полоска асфальта, по обе стороны от которой тянутся заполненные мутной водой овраги и холмы, поросшие косматой травой. Сначала, до того как они встретились, каждой из них казалось, что эта дорога не ведет вообще никуда. Просто сельская улица, которая носит название насекомых, которых никто никогда не видел в этом суровом сине-зеленом уголке земли.

А позже они смотрели на это место глазами друг друга. Они стояли на склоне холма и видели не огромные деревья, грязные рытвины и снежные горы вдалеке, а те места, где им предстоит когда-нибудь побывать. Ночью они выскальзывали незамеченными из своих домов, стоящих рядом, и встречались на этой дороге. На берегах реки Пилчук они курили, напевали «Не геройствуй, Билли!» и рассказывали друг другу обо всем, сшивая свои жизни в единое целое, так что к концу того лета никто уже не понимал, чем отличаются эти две девочки. Для всех, кто их знал, они стали просто «Талли-и-Кейт», и возникшая более тридцати лет назад дружба была основой их жизни — такая крепкая, долгая, прочная. Менялись мелодии и песни, но не забывались клятвы, данные ими друг другу на улице Светлячков.

Лучшие подруги навсегда!

Они верили, что сохранят верность данным обетам навечно, даже когда превратятся в двух старушек, сидящих в креслах-качалках на

скрипучем крыльце и вспоминающих молодость.

Теперь она знает этому цену. Вот уже год она повторяет себе, что все в порядке, что вполне можно обойтись без лучшей подруги. И иногда даже верит в это.

Иногда в ушах ее звучит музыка. Их музыка. «Прощай, дорога из желтого кирпича», «Меркантильная девушка», «Богемская рапсодия», «Пурпурный дождь». А вчера во время похода по магазинам запись отвратительного качества из тех, что проигрывают обычно в торговых залах, с песней «У тебя есть подруга», так растревожила ее, что она разрыдалась прямо у прилавка с редиской.

Откинув одеяло, она встала с кровати, стараясь не разбудить спавшего рядом мужчину. Несколько секунд она смотрела на него в темноте. Даже во сне на его лице было тревожное выражение.

Взяв трубку телефона, она вышла из спальни и пошла по коридору к входной двери. Там, глядя сквозь стекло на неутихающую бурю, она собралась с духом и набрала знакомые цифры, еще не зная, что скажет женщине, которая была когда-то ее лучшей подругой, после стольких месяцев молчания. С чего надо начать? «У меня была плохая неделя»? «Моя жизнь разваливается на куски»? Или просто сказать: «Ты мне нужна»?

А телефон в другой части города, за бушующим заливом, звонил и звонил.

Часть первая
Семидесятые

Танцующие королевы молодые и наивные, семнадцати лет.[1]

1

Для многих людей в стране тысяча девятьсот семидесятый был годом волнений и перемен, но в доме на Магнолия-Драйв все было чинно и спокойно. Талли Харт, сидя на холодном деревянном полу, строила из деревянных брусочков конструктора домик для куклы, которая лежала рядом, заботливо одетая в крошечные розовые подгузники. Будь Талли у себя в комнате, она давно поставила бы на проигрыватель пластинку группы «Джексон Файв», но здесь, в гостиной, было даже радио.

Бабушка Талли не особенно жаловала музыку. И телевизор. И настольные игры. Чаще всего, как сейчас, бабушка сидела в кресле-качалке у камина и вышивала. Она вышила сотни образцов, по большей части с изречениями из Библии. На Рождество она жертвовала их церкви, и вышивки всегда бойко продавались на благотворительных базарах.

А дедушка… Ну, дедушке оставались только спокойствие и неподвижность. С тех пор как его хватил удар, он не вставал с постели. Иногда дедушка звонил в колокольчик, и это был единственный момент, когда Талли видела, что ее бабушка умеет торопиться. При первом звонке колокольчика она откладывала вышивку.

— О боже! — говорила она и спешила к нему по коридору в своих шлепанцах.

Протянув руку, Талли взяла тролля с желтыми волосами. Что-то бормоча себе под нос, она заставила его потанцевать с куклой по имени Каламити. Танец еще не закончился, когда раздался стук в дверь.

Звук был таким неожиданным, что Талли перестала играть и подняла голову. Кроме как по воскресеньям, когда мистер и миссис Битл заходили за ними, чтобы вместе отправиться в церковь, никто никогда не приходил в их дом.

Бабушка положила вязание в розовый пластиковый пакет, лежавший на полу возле стула, и медленной, шаркающей походкой, которая стала для нее обычной за последние годы, направилась к

входной двери. Щелкнул замок, последовала долгая пауза, затем бабушка тихо произнесла:

— О господи!

Голос ее звучал как-то странно. Оглянувшись, Талли увидела женщину с длинными растрепанными волосами и улыбкой, которая словно блуждала по ее лицу. Это была самая красивая женщина из всех, кого видела Талли в своей жизни: молочно-белая кожа, чуть вздернутый нос и высокие скулы, округлый подбородок, влажные карие глаза, ресницы, которые медленно поднимались и опускались.

— Ничего себе приветствие дочери, с которой ты давно не виделась! — Незнакомая леди прошла мимо бабушки и направилась прямо к Талли. Подойдя, она склонилась над ней: — А это и есть моя малышка Таллула Роуз?

«Дочери?» Так это, значит…

— Мама? — благоговейным шепотом произнесла Талли, боясь в это поверить.

— Ты скучала по мне?

— О да! — сказала Талли, стараясь не рассмеяться. Она была так счастлива!

Бабушка закрыла дверь.

— Почему бы тебе не пройти на кухню и не выпить кофе?

— Я сюда не кофе распивать вернулась. Я пришла за дочерью.

— Ты без гроша в кармане, — устало проговорила бабушка.

— И что с того? — раздраженно спросила мама.

— Талли надо…

— Я сама знаю, что надо моей дочери…

Ее мама изо всех сил старалась стоять прямо, но ей не очень-то это удавалось. У нее дрожали колени, и глаза были какими-то странными. Она рассеянно крутила пальцем прядь длинных волос.

Бабушка сделала шаг в ее сторону.

— Растить ребенка — большая ответственность, Дороти. Может быть, если бы ты пожила с нами какое-то время и узнала Талли получше, ты была бы готова… — Бабушка замолчала и нахмурилась. — Да ты пьяна!

Мама захихикала и подмигнула Талли.

Талли подмигнула в ответ. В том, что мама пьяна, она не видела ничего плохого. Ее дедушка много пил, пока не заболел. И даже

бабушка выпивала иногда бокал вина.

— Седня мой деньраждения, ма, или ты забыла?

— День рождения? — Талли вскочила на ноги. — Подожди здесь.

Она выбежала из комнаты. Сердце девочки отчаянно колотилось, пока она рылась в комоде, выбрасывая оттуда свои вещи. Талли искала ожерелье из бусинок и макаронин, которое она сделала маме в воскресной церковной школе в прошлом году. Бабушка тогда нахмурилась, увидев ожерелье, и велела Талли не надеяться понапрасну. Но Талли все равно надеялась. Схватив ожерелье, она кинулась обратно и вбежала в гостиную как раз в тот момент, когда ее мама говорила бабушке:

— Я не пьяна, мамочка, дорогая. Просто я впервые за три года снова вижу мою дочурку. Любовь — это такой кайф, с которым ничто не сравнится.

— За шесть лет. Талли было четыре, когда ты последний раз бросила ее здесь.

— Так давно? — Мама выглядела обескураженной.

— Возвращайся домой, Дороти, — сказала бабушка. — Я могу помочь тебе.

— Как ты сделала это в прошлый раз? Нет, спасибо!

В прошлый раз? Так мамочка уже возвращалась?

Бабушка вздохнула. Лицо ее стало строгим.

— И долго еще ты будешь мне это припоминать? — вздохнула бабушка.

— Такое не забывается. Пойдем со мной, Таллула! — Мама направилась к двери.

Талли нахмурилась. Она представляла себе это совсем не так. Мама даже не обняла ее, не поцеловала, не спросила, как ей живется. И каждый знает, что, когда уезжаешь, надо собрать чемодан. Она показала на дверь своей комнаты.

— Мои вещи…

— Не нужно тебе все это барахло, Таллула!

— Что? — Талли не понимала, о чем говорит мама.

Бабушка заключила внучку в объятия. От нее привычно пахло тальком и лаком для волос. Бабушка была единственной, чьи руки обнимали Талли, единственной, кто давал ей ощущение безопасности. И Талли вдруг стало страшно.

— Бабушка? — вопросительно произнесла она, отстраняясь. — Что мне делать?

— Ты идешь со мной, — сказала мама. Она прислонилась к двери, чтобы держаться прямо.

Бабушка взяла Талли за плечи.

— Ты ведь знаешь наш адрес и номер телефона, правда? Сразу звони, если что-то испугает тебя или пойдет не так.

Бабушка плакала. Слезы этой сильной и всегда такой спокойной женщины испугали Талли и привели ее в смятение. Что же происходит? Что она уже успела сделать не так?

— Бабушка, я… прости…

Мама, качнувшись в ее сторону, схватила Талли за плечо и сильно встряхнула.

— Никогда не извиняйся, слышишь? У тех, кто извиняется, вид такой жалкий. Пошли! — взяв дочь за руку, она потянула ее к двери.

Талли засеменила за матерью прочь из дома, вниз по ступенькам крыльца и через улицу, где был припаркован видавший виды, тронутый ржавчиной фургон «фольксваген», весь облепленный разнокалиберными переводными картинками, с огромным желтым знаком пацифистского движения на дверце.

Дверца открылась, и из фургона вырвалось облако серого дыма. Сквозь дым Талли разглядела в фургоне троих людей. За рулем был чернокожий мужчина с красной банданой на густой шевелюре. На заднем сиденье — женщина в жилете с бахромой и полосатых шароварах с коричневой косынкой на белокурых волосах. Рядом с ней сидел мужчина в брюках клеш и засаленной футболке. На полу фургона был потертый коричневый палас, на котором были разбросаны несколько трубок и пустые бутылки из-под пива, упаковки от еды и магнитофонные кассеты.

— Это — мой ребенок Таллула, — сказала своим друзьям мама.

Талли ничего не сказала. Она терпеть не могла, когда ее называли Таллула. Но она сообщит об этом мамочке позже.

— Прикольно, — сказал кто-то из сидящих в фургоне.

— Она вылитая ты, Дот. От этого башку сносит.

— Залезайте, — угрюмо потребовал водитель. — Мы уже опаздываем.

Человек в грязной футболке протянул руки к Талли, обхватил ее за пояс и затащил в фургон.

Мама тоже забралась внутрь и захлопнула за собой дверцу. Внутри звучала какая-то странная музыка. Талли удалось разобрать только повторяющиеся слова «что-то происходит». Из-за наполнявшего фургон дыма все выглядело каким-то расплывчатым, словно не в фокусе.

Талли подвинулась к стенке, освобождая место для матери, но Дороти села рядом с женщиной с платком на волосах. Они тут же завели разговор о свиньях, маршах и человеке по имени Кент. Талли ничего не понимала, а от дыма у нее начала кружиться голова. Когда мужчина рядом с ней закурил трубку, Талли громко вздохнула. Повернувшись к Талли, мужчина выпустил облако дыма прямо ей в лицо и усмехнулся:

— Просто плыви по течению, малышка!

— Только посмотрите, как моя мать ее одевает, — с осуждением произнесла Дороти. — Она будто маленькая кукла. Как, черт побери, она может быть настоящей, если ей нельзя даже испачкаться?

— Точно, Дот! — одобрительно сказал сосед Талли, выпуская дым и расслабленно откидываясь на спинку сиденья.

Только сейчас мама впервые посмотрела на Талли. По-настоящему посмотрела.

— Запомни навсегда, дочурка: жизнь дана не для того, чтобы готовить, убираться и нянчить детей. Жизнь — это свобода. Каждый может делать то, что захочет. Ты можешь стать гребаным президентом Соединенных Штатов, если захочешь, черт возьми!

— Да уж, новый президент нам бы не помешал, — заметил водитель.

Женщина в косынке похлопала Дороти по ноге.

— Да уж, это точно. Эй, дружок, подай-ка косячок! — Она захихикала: — О, почти в стихах получилось.

Талли удрученно молчала. Ей-то казалось, что она отлично выглядит в этом платье. И она совсем не хотела быть президентом, Талли мечтала стать балериной.

Но больше всего на свете она хотела, чтобы мамочка ее любила. Она тихонько продвигалась в ее сторону, пока не оказалась достаточно близко, чтобы коснуться Дороти.

— С днем рождения! — тихо сказала она, вытаскивая из кармана ожерелье, над которым столько трудилась, не вставая из-за стола и продолжая собирать его и клеить, когда другие дети уже отправились играть. — Я сделала это для тебя.

Мамины пальцы сомкнулись вокруг ожерелья. Талли ждала, когда мама рассмотрит ожерелье, скажет ей спасибо и наденет ожерелье на шею, но она так и не сделала этого — просто сидела, покачиваясь в такт музыке, и разговаривала со своими друзьями.

Талли закрыла глаза. От дыма ей очень хотелось спать. Всю жизнь ей не хватало мамы. Совсем не так, как не хватает потерянной игрушки или подружки, которая, обидевшись, больше не приходит поиграть. Она скучала по маме каждую секунду. Это чувство не покидало ее никогда, беспокоило, словно рана, которая ноет днем и нестерпимо болит по ночам. Талли обещала себе, что, если мамочка вернется, она будет очень хорошей. Идеальной. Она исправит все, что сделала или сказала не так. Больше всего на свете Талли хотелось, чтобы мама могла ею гордиться.

Но сейчас Талли не знала, что делать. В ее мечтах они с мамой всегда уходили куда-то вместе, держась за руки. Только вдвоем.

«Вот мы и пришли, — говорила мама из ее мечты, когда они подходили к дому, стоявшему на холме. *— Дом, милый дом.* — Потом она целовала Талли в щеку. *— Я так скучала по тебе. Меня не было, потому что…»*

— Таллула! Проснись!

Талли, вздрогнув, очнулась. У нее гудело в висках и болело горло. Она попыталась спросить: «Где мы?», но изо рта вырвался лишь какой-то странный скрип.

Все засмеялись и продолжали смеяться, вылезая из фургона.

На маленькой улочке на окраине Сиэтла повсюду были люди, скандировавшие что-то, оравшие, держащие плакаты с надписями: «Любовь, а не война!» и «Нет, мы не пойдем!». Талли никогда не видела столько людей в одном месте.

Мама взяла ее за руку и притянула поближе к себе.

Остаток дня предстал перед Талли скоплением людей, выкрикивающих лозунги или поющих песни. Талли все время боялась, что выпустит мамину руку и ее сметет возбужденная толпа. Ей стало

еще страшнее, когда появились полицейские с дубинками, оружием в кобурах и пластиковыми щитами, защищавшими их лица.

Толпа шла маршем, беспорядка не наблюдалось, поэтому полицейские только молча стояли и наблюдали.

К тому времени, когда стемнело, Талли очень хотелось есть, и голова у нее раскалывалась, но они все шли и шли то по одной улице, то по другой. Люди теперь вели себя иначе — убрали лозунги и стали пить. Талли слышала обрывки разговоров, но смысла их не понимала.

— Видели этих свиней? Они умирали от желания повыбивать нам зубы. Но мы вели себя мирно, и они не посмели к нам прикоснуться. Эй, Дот, ты что, решила зажать косяк?

Все вокруг засмеялись, а мама громче всех. Талли не понимала, что происходит, да и голова у нее просто раскалывалась. Толпа вокруг колыхалась, танцевала и смеялась. На улицу откуда-то проникала музыка.

И вдруг Талли почувствовала, что рука ее сжимает пустоту.

— Мама! — закричала она.

Но никто не ответил и даже не повернулся в ее сторону. Талли проталкивалась сквозь толпу и звала маму, пока не охрипла окончательно. Тогда она решила вернуться туда, где видела Дороти в последний раз, и подождать ее на тротуаре.

Мамочка обязательно вернется!

Слезы застилали глаза Талли, текли по лицу. Девочка сидела и ждала мать, изо всех сил стараясь не паниковать.

Но Дороти так и не появилась.

Много лет спустя Талли пыталась вспомнить, что было с ней дальше, но бредущие вокруг люди, словно облако, застилали ее память.

Она помнила только, как шла по грязному пандусу вдоль опустевшей улицы и вдруг увидела конного полицейского.

Глядя на нее сверху вниз, служитель закона нахмурился и спросил:

— Эй, малышка, ты здесь одна?

— Одна, — подтвердила Талли.

И полицейский отвез ее обратно в дом на Квин-Энн-Хилл, где бабушка крепко прижала Талли к себе, поцеловала в щеку и сказала, что в происшедшем нет ее вины.

Но Талли ей не поверила. Она была уверена, что сделала сегодня что-то очень неправильное, даже гнусное. В следующий раз, когда мамочка вернется, она будет стараться еще больше. Пообещает, что станет президентом и больше никогда-никогда ни перед кем не будет извиняться.

Талли добыла таблицу с перечнем президентов США и выучила их всех по порядку. Следующие несколько месяцев она говорила всем подряд, что хочет стать первой женщиной-президентом, и даже забросила занятия балетом. Наконец настал день рождения Талли — ей исполнилось одиннадцать лет. Когда бабушка зажгла на торте свечи и стала петь дрожащим голосом слезливую версию «Happy birthday», Талли то и дело оглядывалась на входную дверь, думая: «Вот, сейчас…»

Но никто так и не постучал в дверь, и телефон тоже молчал. Позже, рассматривая подарки, Талли изо всех сил старалась улыбаться. Перед ней на журнальном столике лежал новый альбом для рисования. Может, и не лучший подарок на день рождения, но бабушка всегда дарила вещи, способные занять и отвлечь от грустных мыслей.

— Она даже не позвонила, — произнесла Талли, подняв глаза.

Бабушка тяжело вздохнула.

— У твоей мамы проблемы, Талли. Она — слабый, запутавшийся в жизни человек. И перестань делать вид, будто это не так. Главное, чтобы ты сама была сильной.

Талли слышала этот совет миллион раз.

— Я знаю, — кивнула она.

Бабушка села на цветастый диван рядом с Талли и усадила ее к себе на колени.

Талли любила сидеть вот так, прижавшись щекой к ее груди.

— Мне бы хотелось, чтобы с твоей мамой все было по-другому, Талли, — тихо сказала бабушка. — Это — святая правда, но она — заблудшая душа. И уже давно.

— Поэтому она и не любит меня?

Бабушка посмотрела на нее сверху вниз. Очки в черной роговой оправе делали ее водянисто-серые глаза огромными.

— Она любит тебя, но только по-своему, — сказала бабушка. — Поэтому она все время возвращается.

— Что-то не похоже это на любовь, — возразила Талли.

— Твоя правда, — согласилась бабушка.

— Мне кажется, я ей даже неприятна.

— Это я ей неприятна. Очень давно кое-что случилось, а я не… Впрочем, теперь это не важно. — Бабушка покрепче прижала Талли к груди. — Когда-нибудь она пожалеет о том, что пропустила эти годы, не провела их с тобой. В этом я абсолютно уверена.

— Я могла бы показать ей тогда свой альбом.

Бабушка внимательно поглядела на внучку.

— Это было бы замечательно. С днем рождения, Талли! — И она поцеловала ее в лоб. — А теперь мне пора идти. Твой дедушка неважно чувствует себя сегодня.

После того как бабушка вышла из комнаты, Талли сидела еще какое-то время, растерянно глядя на первый чистый лист подаренного ей альбома. Здорово будет дать его однажды почитать маме, чтобы она узнала обо всем, что пропустила. Но чем же заполнить альбом? У нее было несколько фотографий, в основном сделанных мамами подружек во время школьных праздников и походов, но не так уж много. Бабушка слишком плохо видела, чтобы пользоваться фотоаппаратом. И у нее была всего одна фотография мамочки.

Талли взяла ручку, аккуратно вывела в правом верхнем углу дату и нахмурилась. Что еще написать?

«Дорогая мамочка! Сегодня мне исполнилось одиннадцать лет».

С этого дня Талли стала собирать все, что могло бы рассказать о ее жизни. Школьные фотографии, снимки со спортивных мероприятий, корешки билетов в кино. Каждый раз, когда у нее выдавался удачный день, Талли спешила домой, чтобы написать об этом в альбоме и приклеить туда чек или билет, подтверждавшие, где она была и что делала. С какого-то момента Талли стала чуть приукрашивать события, стараясь казаться лучше. Она не то что бы врала — нет, просто кое-что преувеличивала. Талли старалась записывать все, благодаря чему ее мама сможет в один прекрасный день ею гордиться. Она заполнила сначала один альбом, а потом еще несколько. И на каждый день рождения она получала от бабушки в подарок новый альбом. Пока не наступил переходный возраст.

Тогда с Талли что-то случилось. Может, все дело было в ее груди, которая оформилась раньше, чем у других девчонок. А может, Талли

просто устала поверять свою жизнь листкам бумаги, которые никто не собирался читать. К четырнадцати годам ее энтузиазм иссяк окончательно. Она сложила все свои детские дневники в картонную коробку, засунула ее глубоко в шкаф и попросила бабушку больше не дарить ей альбомы.

— Ты уверена, дорогая?

— Да, — твердо ответила Талли.

Она больше не скучала по матери и старалась вспоминать о ней как можно реже. И даже сказала всем в школе, что ее мать погибла, утонула, катаясь на яхте.

Эта ложь дала ей ощущение свободы.

Талли перестала покупать одежду в детских отделах магазинов и проводила немало времени в отделах для подростков. Она накупила себе облегающих кофточек, оставляющих открытым живот и дававших отличную возможность продемонстрировать появившуюся грудь. Также набрала плотно сидящих на бедрах брюк, соблазнительно обтягивавших попку. Все это приходилось прятать от бабушки, что, впрочем, было совсем не сложно. Надеваешь длинный дутый жилет и пулей выскакиваешь из дома — и пожалуйста, носи под жилетом все, что угодно.

Талли быстро усвоила, что, если правильно одеваться и вести себя определенным образом, с тобой будут дружить «самые классные» из одноклассников. По пятницам и субботам Талли говорила бабушке, что останется ночевать у подруги, и ездила кататься на роликах на Лейк-Хиллз, где никто никогда не спрашивал ее о семье и не смотрел на нее как на «бедную Талли». Она научилась курить сигареты, не кашляя, и жевать жвачку, чтобы отбить запах.

К восьмому классу Талли стала самой заметной девочкой в средней школе и, окруженная друзьями, почувствовала себя намного увереннее. В те моменты, когда от дел шла кругом голова, она почти не вспоминала о женщине, которой была абсолютно не нужна.

Но были дни, когда Талли чувствовала себя не то чтобы одинокой, но какой-то ущербной. Словно она тупо плыла по течению. А все люди вокруг просто временно занимали пустые места в ее жизни.

И сегодня был один из таких дней. Талли сидела в школьном автобусе, стараясь не прислушиваться к тому, о чем шушукались девчонки рядом с ней. Все, казалось, рассказывали друг другу

исключительно про семейные дела. А Талли нечего было сказать на эти темы. Она была далека от ссор с младшим братом или сестрой, не знала, как наказывают родители, когда им дерзишь, и не имела представления о том, что такое поход с матерью по магазинам. К счастью, скоро автобус подъехал к ее остановке, и Талли вышла, не забыв устроить шоу из прощания с подружками. Талли громко смеялась и махала им рукой, всячески изображая полную беззаботность.

После того как автобус отъехал, она поправила на спине рюкзак и начала долгий путь к дому. Талли как раз повернула за угол, когда увидела его.

Потрепанный красный «фольксваген» с переводными картинками на боковых дверях.

2

Было еще темно, когда прозвенел будильник. Застонав, Кейт Муларки открыла глаза и уставилась в потолок. При мысли о том, что надо идти в школу, девочку стало слегка подташнивать.

Восьмой класс — это был настоящий кошмар. Да и весь семьдесят четвертый год стал для Кейт годом полного личного провала. Слава богу, до конца учебы оставалось не больше месяца. Впрочем, лето не обещало быть лучше.

В шестом классе у Кейт было две подружки, и они все делали вместе. Занимались в клубе верховой езды, ходили в молодежную группу и ездили друг к другу в гости на велосипедах. Но летом того года, когда им исполнилось по двенадцать лет, все закончилось. Ее подружки словно с цепи сорвались — по-другому это нельзя было назвать. Они стали курить марихуану и прогуливать уроки. Зато не пропускали ни одной вечеринки. А когда Кейт не захотела присоединиться к их новым развлечениям, ее просто прогнали. И точка. «Хорошие» дети не принимали ее в свой круг, потому что она якшалась с наркоманами. Теперь единственными друзьями Кейт были книги. Она перечитывала «Властелина колец» так часто, что помнила некоторые сцены наизусть.

Впрочем, это было не то, что могло бы помочь ученице восьмого класса стать всеобщей любимицей.

Кейт со вздохом вылезла из постели, приняла душ в крохотном чуланчике наверху, совсем недавно переделанном в ванную комнату. Затем Кейт заплела в косу свои прямые белокурые волосы и надела очки в роговой оправе. Очки были безнадежно несовременными — сейчас носили круглые и без оправы. Но папа сказал, что пока они не могут купить ей новые.

Спустившись вниз, Кейт вышла на заднее крыльцо, плотнее обмотала вокруг ног штанины пижамных брюк и засунула ноги в огромные черные резиновые сапоги, стоявшие на крыльце. Двигаясь как астронавт Нейл Армстронг на Луне, она направилась по грязи к сараю в глубине двора. Старая лошадь, подойдя к забору, тихонько заржала, приветствуя свою хозяйку.

— Привет, Горошинка! — сказала Кейт, бросив на пол охапку сена и погладив лошадку по мягкому теплому уху. — Я тоже страшно по тебе скучаю.

Это была чистая правда. Два года назад эти двое были неразлучны. Кейт ездила на своей кобыле все лето и завоевала несколько призов на ярмарке округа Снохомиш.

Но все в этой жизни очень быстро меняется. Теперь Кейт знала это наверняка. Кобыла может за одну ночь состариться и захромать. И так же быстро может сделаться совсем чужой бывшая подруга.

— Пока, — потрепав лошадь по холке, Кейт вернулась на крыльцо и оставила там заляпанные грязью сапоги.

Открыв заднюю дверь, девочка увидела перед собой картину, которая повторялась изо дня в день — обычная домашняя кутерьма. Мама стояла у плиты в слегка полинявшем цветастом халатике, в розовых шлепанцах и с тонкой ментоловой сигаретой в зубах и наливала масло на электрическую сковородку. Ее каштановые волосы длиной до плеч были собраны в два жиденьких хвостика, подвязанные ярко-розовыми ленточками.

— Накрывай на стол, Кейти, — произнесла мама, даже не оглянувшись. — Шон! Спускайся вниз.

Кейт сделала то, что ей велели. Она еще не успела закончить, а мама уже была у нее за спиной и наливала молоко в расставленные Кейт стаканы.

— Шон, завтракать! — снова закричала мама. Но на этот раз добавила волшебные слова: — Я уже налила молоко.

Вскоре восьмилетний Шон спустился бегом по лестнице и кинулся к столу, спотыкаясь на ходу о недавно появившегося в семье щенка лабрадора.

Кейт как раз собиралась сесть на свое обычное место, когда взгляд ее случайно скользнул в смежную с кухней гостиную. Через огромное окно над диваном она увидела нечто очень интересное. У дома напротив стоял огромный фургон для перевозки мебели.

— Вау! — Кейт прошла вместе с тарелкой через кухню и гостиную и остановилась у окна, не сводя глаз с дома через улицу. Он стоял пустым, сколько она себя помнила.

За спиной Кейт услышала шаги матери: сначала звонкие — по линолеуму в кухне, потом тихие — по мягкому зеленому ковру в

гостиной.

— Кто-то въехал в дом напротив, — сказала Кейт.

— Неужели? — удивилась мать.

— Нет, я вру.

— Может быть, у новых жильцов будет девочка твоего возраста. Хорошо бы тебе завести подругу.

Кейт едва сдержалась, чтобы не ответить какой-нибудь дерзостью. Все матери почему-то думают, что в старших классах средней школы легко завести подругу.

— Мне наплевать, — с этими словами Кейт вышла в коридор, где и доела как можно быстрее свой завтрак под укоризненным взглядом Иисуса Христа.

Как и ожидалось, мама последовала за ней. Она молча стояла перед украшавшим стену гобеленом с «Тайной вечерей».

— Чего тебе? — грубо спросила Кейт, почувствовав, что молчание становится невыносимым.

Мама едва слышно вздохнула:

— Почему мы то и дело ругаемся последнее время?

— Это ты каждый раз начинаешь!

— Тем, что говорю «доброе утро» и спрашиваю, как дела? О да! Я — настоящая ведьма!

— Ты сама это сказала, не я.

— Но это, знаешь ли, не моя вина…

— Ты о чем?

— О том, что у тебя нет друзей. Если бы ты…

Кейт стиснула зубы и отошла. Еще одна речь на тему «если бы ты старалась» — и ее просто вырвет.

Слава богу, на этот раз мама не стала ее преследовать. Она вернулась в кухню и переключилась на брата:

— Быстрее, Шон! Школьный автобус Муларки отправляется через десять минут.

Младший брат захихикал. Кейт, закатив глаза, отправилась наверх. Все это было непереносимо. И как может ее брат смеяться каждый день над одной и той же тупой шуткой? Ответ пришел ей в голову так же быстро, как и вопрос: потому что у Шона есть друзья. А с друзьями все на свете гораздо легче.

Кейт пряталась в спальне, пока не услышала, как старенький «форд» отъехал от дома. Меньше всего ей хотелось ехать в школу с мамой, которая махала рукой и кричала «пока», как болельщик на каком-нибудь телешоу, когда Кейт вылезала из машины. Ездить в школу с родителями — самоубийство, об этом известно каждому. Услышав шелест шин по гравийной дорожке, Кейт спустилась вниз, помыла посуду, собрала свои вещи и вышла из дома. Светило солнце, но дорожка была влажной после шедшего всю ночь дождя, и на ней остались следы шин.

Старики из хозяйственного магазинчика, находящегося чуть ниже по улице, наверняка уже завели разговоры о наводнении. Грязь хлюпала под массивными подошвами «фирменных» тяжелых ботинок Кейт, затрудняя движение. Она так сосредоточилась на том, чтобы не испачкать свои единственные цветные носки, что заметила стоявшую через улицу девочку, только когда дошла до конца дорожки.

Девочка была великолепна! Высокая, с большой грудью, с длинными вьющимися золотисто-каштановыми волосами и лицом как у Каролины — принцессы Монако: бледная кожа, пухлые губы и длинные ресницы. А одежда у нее была просто потрясающей: сидящие на бедрах вареные джинсы-клеш с тремя пуговицами и вставками снизу, туфли на высокой пробковой платформе, кофточка в крестьянском стиле с расширенными книзу рукавами, оставлявшая открытой полоску голого живота.

Кейт прижимала учебники к груди, отчаянно жалея о том, что давила прыщи вчера вечером. И о том, что ее джинсы были не «Раф Райдерз», модные в этом сезоне.

— П… привет, — смущенно произнесла Кейт. — Автобус останавливается на этой стороне.

Шоколадного цвета глаза с накрашенными синими тенями веками в обрамлении густых, тронутых тушью ресниц смотрели на Кейт, ничего не выражая.

В этот момент, пыхтя и поскрипывая, подъехал школьный автобус и остановился. Парень, по которому Кейт сходила с ума, высунулся из окна и закричал:

— Эй, Кути, наводнение закончилось.

И громко заржал.

Опустив голову, Кейт вошла в автобус. Усевшись на свое обычное место спереди, на котором всегда сидела одна, она ждала, не поднимая головы, пока мимо пройдет новая девочка. Но в автобус больше никто не зашел. Когда двери закрылись и автобус тронулся, Кейт решилась поднять глаза и взглянуть на дорогу.

Самой классной девчонки на свете там уже не было.

Талли категорически не нравилось, как она выглядит. А ведь она выбирала все утро, что надеть, и выбранный ею наряд был точной копией представленного в модном молодежном журнале и все же смотрелся ужасно.

Когда подъехал школьный автобус, Талли в одну секунду приняла совершенно неожиданное решение. Не пойдет она в эту дурацкую школу в этом чертовом захолустье. От Снохомиша было не больше часа езды до Сиэтла, но Талли казалось, что до большого города отсюда как до луны, настолько чужой она чувствовала себя в этом месте.

Нет! Черт побери, нет!

Она прошла по дорожке обратно к дому и распахнула дверь так, что та громко стукнулась о стену.

Драматические события в жизни, насколько успела усвоить Талли, были как знание пунктуации: начисто подрывали твой рейтинг среди сверстников.

— Ты опять под кайфом? — уже задав этот вопрос, она поняла, что матери в гостиной нет, зато здесь танцуют несколько мужчин. Один из них, прервав свои движения, устало посмотрел на Талли и переспросил:

— Что?

Она кинулась мимо них, с грохотом задев по дороге шкаф. Вслед ей послышались ругательства, но Талли было все равно. Она ненавидела себя в такие минуты, когда готова была лопнуть от злости.

Больше она не позволит своей так называемой матери заставлять ее чувствовать себя так, будто все внутри завязали в узел. После всех этих лет, когда Дороти бросала и бросала ее раз за разом — нет. Черта с два!

Мать сидела на полу в большой спальне и вырезала ножницами картинки из журнала «Космополитен». Ее длинные нечесаные волосы,

водопадом ниспадавшие на плечи, как всегда, были перехвачены чудовищно старомодной кожаной лентой, расшитой мелкими бусинками. Не поднимая глаз, она перелистнула страницу на следующую, с которой улыбался киноактер Берт Рейнолдс, прикрывавший одной рукой свое мужское достоинство.

— Я не пойду в эту школу! — заявила Талли. — Болото какое-то! Все они там — придурки.

— О! — Мама перевернула страницу и принялась вырезать букет цветов из рекламного объявления. — Что ж, хорошо.

Талли хотелось закричать.

— Хорошо? Хорошо? Мне четырнадцать лет!

— Моя работа — любить и поддерживать тебя, малышка, а не лезть в твои дела.

Талли закрыла глаза, досчитала до десяти и заговорила снова:

— У меня нет здесь друзей.

— Заведи новых. Я слышала, в старой школе ты была звездой.

— Послушай, мам…

— Облачко.

— Я не собираюсь называть тебя Облачком!

— Хорошо, Таллула. — Мать подняла глаза, чтобы убедиться, что до Талли дошел смысл последней фразы. Смысл дошел.

— Я чужая в этом месте.

— Зря ты так говоришь, Талли. Ты — дитя Земли и ты своя повсюду. Бхагават-гита учит…

— С меня хватит!

Хотя мать все еще продолжала говорить, Талли вышла из комнаты. Меньше всего она сейчас нуждалась в советах наркоманки под кайфом. Проходя мимо маминой сумки, Талли вытащила оттуда пачку сигарет «Вирджиния слимз» и отправилась на улицу.

Всю следующую неделю Кейт наблюдала за новой девочкой с почтительного расстояния.

Талли Харт резко отличалась от всех вокруг. Она была крутой и независимой, лучше всех тех, кто бродил по выкрашенным унылой зеленой краской школьным коридорам. Талли не считалась с правилами и не боялась школьной администрации. Ей было наплевать, если ее застукают с сигаретой в лесу за школой. О Талли все

отзывались с благоговейным страхом. Для детей, выросших на окрестных фермах и в домах рабочих целлюлозно-бумажной фабрики Снохомиш-Вэлли, Талли Харт была экзотическим цветком, и каждый хотел с ней подружиться.

Популярность неожиданно появившейся соседки сделала одиночество Кейт еще более невыносимым. Она и сама не понимала, почему это ранит ее так больно. Но каждое утро, когда они молча стояли, позевывая, все на той же автобусной остановке — рядом, но словно за тысячи километров друг от друга, — Кейт отчаянно желала, чтобы Талли обратила на нее внимание и признала ее.

Но она понимала, что этого никогда не случится.

— …до начала шоу Кэрол Бернет. Все уже готово. Кейт? Кейти?

Кейт подняла голову. Она заснула прямо на учебнике по социологии за кухонным столом.

— А? Что ты сказала? — переспросила она мать, поправляя тяжелые очки.

— Я приготовила спагетти с мясным соусом для наших соседей. Хочу, чтобы ты отнесла.

Кейт отчаянно пыталась придумать предлог, чтобы отказаться.

— Но они ведь живут здесь уже целую неделю.

— Да, знаю, я непростительно опоздала — столько было дел в последнее время.

— Мне много задали на дом. Пошли лучше Шона.

— Но Шону ведь ни с кем не надо там подружиться, правда?

— Мне тоже, — с горечью произнесла Кейт.

Мать внимательно посмотрела на нее. Ее каштановые волосы, так тщательно причесанные утром, чуть растрепались, и косметика за день потускнела. От этого круглое миловидное лицо миссис Муларки казалось сейчас поблекшим. И пестрый фиолетовый с желтым вязаный жилет — подарок на Рождество — был застегнут не на ту пуговицу. Глядя на Кейт, мать пересекла комнату и села за стол.

— Могу я сказать тебе кое-что, не рискуя, что ты на меня набросишься?

— Возможно, нет.

— Мне очень жаль, что так вышло у вас с Джоанной.

Этого даже не было в списке ужасов, которых ожидала Кейт.

— Мне наплевать, — сказала она.

— Вовсе нет. Я слышала, что она дружит сейчас с компанией довольно легкомысленных девиц.

Кейт хотела снова сказать, что ей все равно. Но воспоминания вдруг нахлынули волной. Джоанна и Кейт на бегах на ярмарке, вот они стоят перед стойлами своих лошадей в конюшне и болтают о том, как прикольно будет в старшей школе.

— Да. — Кейт пожала плечами.

— Жизнь бывает нелегка. Особенно когда тебе четырнадцать.

Кейт закатила глаза. В чем она была уверена на все сто, так это в том, что ее мать даже не догадывается, какой может быть жизнь подростка.

— Хватит этого дерьма!

— Я сделаю вид, что не слышала этого слова. И будет лучше, если я больше никогда не услышу его. Хорошо?

Больше всего сейчас Кейт жалела, что не может быть такой, как Талли. Уж та-то ни за что не сдалась бы так быстро. Наверное, даже закурила бы сигарету, не заботясь о том, что скажет мама.

Миссис Муларки, порывшись в обширном кармане юбки, нашла там сигареты, закурила и задумчиво посмотрела на дочь.

— Ты знаешь, Кейти, — сказала она, — что я люблю тебя, всегда готова поддержать и никому не позволю тебя обидеть. Но скажи мне, ради бога, чего ты ждешь?

— О чем это ты, мама?

— Ты проводишь все время, читая и делая домашние задания. Как люди сумеют узнать тебя, если ты так себя ведешь?

— Но люди не хотят меня знать.

Мама легко коснулась ее руки.

— Нет смысла сидеть на одном месте и ждать, когда кто-то или что-то изменит твою жизнь. Именно поэтому такие женщины, как Глория Штайнем, сжигают свои лифчики и устраивают марши в Вашингтоне.

— Чтобы у меня появились подруги?

— Чтобы ты знала, что можешь быть в этой жизни такой, какой захочешь. Вашему поколению очень повезло в этом плане. Вы можете стать кем угодно. Но иногда вам приходится идти на риск, решаться что-то сделать. Одно могу сказать тебе наверняка: люди жалеют в этой жизни только о том, чего не сделали.

Кейт расслышала в голосе матери что-то необычное. Как-то странно он дрогнул на слове «жалеют». Но что может знать ее мать о битве за популярность среди подростков? Ведь она уже сто лет как была взрослой.

— Ну да, мама.

— Это — чистая правда, Кейтлин. И когда-нибудь ты поймешь, какими мудрыми были мои слова. — Мама улыбнулась и потрепала Кейт по руке. — Но если ты такая же, как другие дочери, произойдет это, скорее всего, тогда, когда ты первый раз позовешь меня посидеть с внуком или внучкой.

— О чем это ты?

Миссис Муларки улыбнулась, словно какой-то шутке, которую не поняла Кейт.

— Я рада, что мы поговорили. А теперь иди подружись с нашей новой соседкой.

Да уж! Как будто бы это и вправду возможно.

— Только рукавички возьми — кастрюля горячая.

Замечательно. Еще и рукавички!

Кейт подошла к рабочему столику в кухне и угрюмо посмотрела на темно-красную массу внутри жаровни. Она закрыла кастрюльку фольгой и подвернула края, затем надела синие стеганые рукавицы для горячего, которые подарила ей тетя Джорджия. На заднем крыльце Кейт сунула ноги в стоявшие там ботинки и медленно пошла по хлюпающей под ногами дорожке к калитке.

Дом напротив был длинным и приземистым, в форме буквы L, и окна его смотрели во двор. Ветхую крышу местами покрывал мох. Стены нуждались в краске, а сточная канава была переполнена листьями и обломанными сучьями. Гигантские кусты рододендрона закрывали большую часть окон, а разросшийся можжевельник создавал зеленую изгородь вдоль всего дома. Было видно, что никто не занимался ни домом, ни садом целую вечность.

У входной двери Кейт остановилась и задержала дыхание.

Удерживая кастрюльку одной рукой, она сняла с другой рукавичку и постучала.

Господи, сделай так, чтобы никого не оказалось дома!

И почти тут же Кейт услышала приближавшиеся к двери шаги.

Дверь широко распахнулась, на пороге стояла высокая женщина, одетая в широкий балахон. Лоб ее перерезала кожаная лента, расшитая бусинками в индийском стиле. В ушах болтались две разных серьги. В глазах женщины была какая-то странная пустота, словно ей надо было носить очки, но она этого не делала. Несмотря на странность своего внешнего вида, женщина была красива яркой, хотя и увядающей, красотой.

— Да?

Странная пульсирующая музыка шла словно из нескольких мест одновременно. Верхний свет был погашен, но в зловещего вида красных и зеленых жестянках светились несколько гелиевых ламп.

— З-здравствуйте, — заикаясь, произнесла Кейт. — Моя мама приготовила для вас спагетти с мясным соусом…

— Заходи. — Женщина резко отступила назад, чуть не упав, и освободила Кейт проход.

И тут в прихожую стремительно вышла Талли, держась со взрослой грацией, подходившей скорее кинозвезде, чем провинциальной девочке-подростку. Она была в ярко-синем платье мини, белых сапогах для танцев и выглядела старше своих лет. Ничего не говоря, Талли схватила Кейт за руку и провела через гостиную в кухню, где все было розовым: стены, шкафы, занавески, плитка, стол. Когда Талли взглянула на нее, Кейт вдруг почудилось в ее бездонных карих глазах что-то вроде смущения.

— Это была твоя мама? — спросила Кейт, не зная, как еще начать разговор.

— У нее рак, — выпалила Талли.

— О…

Кейт не представляла, что тут можно сказать, кроме: «Мне очень жаль…».

Затем наступила тишина. Вместо того чтобы посмотреть на Талли, Кейт устремила взгляд на кухонный стол. Никогда в жизни не видела она в одном месте столько дешевых полуфабрикатов: пирожные, чипсы, готовые котлеты, крекеры, печенье, пончики, гамбургеры.

— Вау! — сказала Кейт. — Хотелось бы мне, чтобы моя мама разрешала мне есть все это.

Кейт тут же пожалела, что у нее вырвались эти слова. Она вдруг почувствовала себя полной идиоткой, и, чтобы чем-то себя занять — и уклониться от мрачного взгляда Талли, — она поставила кастрюльку на кухонный стол.

— Еще горячие. — Кейт болезненно ощущала на руках бесформенные рукавички, похожие на китов-убийц.

Талли закурила сигарету и прислонилась спиной к розовой стене кухни, внимательно разглядывая Кейт.

Кейт оглянулась на дверь гостиной.

— А твоя мама не против, что ты куришь?

— Она слишком больна, чтобы обращать на это внимание.

— О!

— Хочешь сигарету?

— Спасибо, нет.

— Я так и думала.

На стене тикали большие черные часы в виде кошки с рекламой «Кит-Кат».

— Что ж, тебе, наверное, пора домой — обедать, — сказала Талли.

— О, — снова произнесла Кейт, казавшаяся себе еще более нелепой, чем минуту назад. — Да, пожалуй.

Талли провела Кейт через гостиную, где мать теперь лежала, раскинувшись, на диване.

— Пока, девочка из дома напротив, которая хочет быть хорошей соседкой.

Талли распахнула дверь. Сгущавшиеся сумерки окрашивали все вокруг в таинственный фиолетовый цвет, отчего происходящее казалось почти нереальным.

— Спасибо за еду, — сказала Талли. — Я не умею готовить, а Облачко сама давно спеклась, если ты понимаешь, о чем я.

— Облачко?

— Так сейчас зовут мою мать.

— О!

— Было бы здорово, если бы я умела готовить. Или если бы у нас был свой повар, или что-то в этом роде. Но у моей матери рак и все такое… — Талли внимательно посмотрела на Кейт.

Скажи, что научишь ее готовить. Давай же! Рискни!

Но Кейт не могла этого сделать. На сегодня с нее достаточно унижений.

— Ну… пока.

— До встречи.

Кейт вышла на улицу.

Она почти дошла до калитки, когда Талли окликнула ее:

— Эй, подожди!

Кейт медленно обернулась.

— Как тебя зовут?

Мелькнул проблеск надежды.

— Кейт. Кейт Муларки.

Талли рассмеялась:

— Муларки? Звучит дебильно!

Это было уже слишком. Кейт до смерти надоели шутки по поводу ее фамилии. Вздохнув, она повернулась к Талли спиной и пошла дальше.

— Я не хотела смеяться, — крикнула ей вслед Талли, но остановиться уже не могла.

— Ну да, мне, в общем-то, все равно.

— Почему бы тебе не быть такой же сучкой, как все вокруг? Жизнь стала бы проще.

Кейт молча продолжала свой путь.

3

Талли смотрела вслед удаляющейся девочке.

— Не надо было мне этого говорить, — произнесла она вслух, отметив про себя, каким тонким и жалким был ее голос под раскинувшимся над головой огромным звездным небом.

Талли не понимала, почему ей вообще пришло в голову посмеяться над соседкой. Вздохнув, она вернулась в дом. Прямо с порога у Талли защипало глаза от запаха марихуаны. Мама развалилась на диване, положив одну ногу на спинку, а другую — на журнальный столик. Рот ее был открыт, из уголков вытекала слюна.

И все это видела девочка, живущая по соседству. Талли стало вдруг невыносимо стыдно. Никаких сомнений: в понедельник сплетни поползут по всей школе. Мамаша Талли Харт — наркоманка.

Именно из-за этого Талли никого никогда не приглашала к себе домой. Если хочешь хранить секреты, будь добра сидеть одна, в темноте.

Талли все бы отдала за то, чтобы у нее была мать, которая готовит спагетти с мясным соусом для незнакомых людей. Может быть, именно из-за этого она посмеялась над фамилией Кейт. Мысль об этом разозлила Талли, и она с грохотом захлопнула входную дверь.

— Облачко! Просыпайся!

Мать громко всхрапнула, затем, вздрогнув, села.

— Что такое?

— Пора обедать.

Откинув со лба прядь волос, Дороти попыталась сфокусировать взгляд на стенных часах.

— Мы где — в богадельне? Сейчас пять часов.

Талли удивляло, что ее мать еще может различать время. Выйдя в кухню, она разложила содержимое принесенной Кейт кастрюльки на две одноразовые тарелки, затем вернулась в комнату и протянула тарелку матери.

— Ешь!

— Где ты это взяла? — удивилась Дороти. — Приготовила сама?

— Нет. Принесла соседка.

Облачко обвела комнату мутным взглядом.

— У нас есть соседи?

Талли не стала ничего отвечать. Мама все равно забывала через несколько минут, о чем они говорили, что делало разговор практически бессмысленным. Обычно Талли было наплевать — ей хотелось говорить с Облачком не больше, чем смотреть черно-белые фильмы, — но сегодня она вдруг особенно остро ощутила свою непохожесть на других. Будь у нее настоящая семья — мама, которая готовит вкусное блюдо, чтобы поприветствовать новых соседей, — она не чувствовала бы себя такой одинокой. Присев на пуфик, стоящий у дивана, Талли задумчиво произнесла:

— Интересно, а что сейчас делает бабушка?

— Наверное, вышивает очередную из этих своих ужасных вещиц во славу Иисуса. Как будто это спасет ее душу. Кстати, как дела в школе?

Талли даже вздрогнула от неожиданности. Надо же — матери пришло в голову поинтересоваться ее жизнью.

— Вокруг меня вьется куча народу, но… — Талли нахмурилась, не зная, как облечь в слова свою неудовлетворенность. Она знала только одно: она чудовищно одинока здесь, даже среди своих новых приятелей. — Но я жду чего-то…

— У нас есть кетчуп? — спросила Облачко, хмуро взглянув на спагетти у себя на тарелке. Она сидела, покачиваясь в такт музыке.

Талли ненавидела себя за то разочарование, которое вдруг испытала. И как это ей могло прийти в голову ожидать участия от своей матери?

— Я к себе в комнату, — вставая, заявила Талли.

Последнее, что она услышала, прежде чем захлопнуть дверь, было бормотание Облачка о сыре, которого, на ее вкус, не хватает в блюде.

Поздно ночью, когда весь дом уже спал, Кейт пробралась тихонько на заднее крыльцо, надела отцовские резиновые сапоги и вышла на воздух. Последнее время у нее вошло в привычку выходить из дома, когда она не могла уснуть. Огромное черное небо у нее над головой было усыпано звездами. Кейт смотрела на небо и чувствовала

себя маленькой и никчемной. Одинокая девочка, глядящая на пустую улицу, ведущую в никуда.

Горошинка, приветственно заржав, пошла в ее сторону.

Кейт взгромоздилась на забор.

— Привет, старушка, — сказала она, доставая из кармана куртки морковку.

Кейт посмотрела на дом напротив. Несмотря на поздний час, там еще горел свет в окнах. Наверняка у Талли вечеринка с самыми интересными в их школе ребятами. Небось смеются, танцуют и воображают, какие они крутые.

Кейт отдала бы все, что имела, чтобы быть приглашенной хоть на одну такую вечеринку.

Горошинка тихо фыркнула, потершись носом о ее колено.

— Я знаю — все это пустые мечты, — сказала ей Кейт.

С тяжелым вздохом она слезла с забора, потрепала Горошинку по холке и вернулась в дом.

Несколько дней спустя, пообедав готовым пирожком и растворимой кашей, Талли приняла горячий душ, побрила ноги и подмышки, затем долго сушила и укладывала волосы, пока они не стали абсолютно прямыми, без единой кудряшки. Подойдя к шкафу, она долго решала, что надеть. Это была ее первая вечеринка со старшеклассниками. И очень важно было выглядеть правильно. Ни одну девчонку из средней школы не пригласили, сегодня она была Единственной. Пэт Ричмонд, самый красивый парень из футбольной команды, выбрал ее своей девушкой на этот вечер. В прошлую среду они были на вечеринке в местном кафе — его друзья и ее. Молодым людям оказалось достаточно одного взгляда друг на друга, после чего Пэт отделился от компании высоченных парней и подошел к Талли.

Наблюдая, как он приближается, Талли чуть не упала в обморок. Музыкальный автомат как раз играл «Лестницу в небеса». В общем, все настраивало на романтический лад.

— У меня будут неприятности уже потому, что я заговорил с тобой, — объявил ей Пэт.

— Люблю неприятности, — стараясь выглядеть искушенной особой, ответила Талли.

И он одарил ее такой улыбкой, с которой не могло сравниться ничто в жизни Талли Харт. Впервые в жизни она и вправду почувствовала себя такой красавицей, какой считали ее окружающие.

— Хочешь пойти со мной в пятницу на вечеринку?

— Пожалуй, это могло бы сработать. — Талли слышала эту фразу из уст героини сериала «Все мои дети».

— Заеду за тобой в десять. — Пэт наклонился к ней. — Если, конечно, тебя не заставляют ложиться спать раньше, малышка.

— Улица Светлячков, семнадцать. Мне никто не диктует, когда ложиться спать.

Парень снова улыбнулся.

— Кстати, меня зовут Пэт.

— А меня Талли.

— Что ж, хорошо, Талли. Увидимся в пятницу в десять.

Талли до сих пор не могла в это поверить. Прошедшие с тех пор сорок восемь часов она не могла думать ни о чем, кроме предстоящего свидания. Первого в ее жизни настоящего свидания. До этого она ходила с мальчиками на танцы только в компании с другими парочками. Но сегодня все было по-другому. Да и Пэт был практически взрослым мужчиной.

Они могут полюбить друг друга. И потом, рядом с ним Талли, может быть, перестанет чувствовать себя такой одинокой.

Наконец она выбрала одежду на этот вечер: джинсы, сидящие на бедрах, розовый трикотажный топ с вырезом, в котором так соблазнительно виднелась впадинка между грудей, и любимые босоножки на пробковой платформе. Талли уделила целый час макияжу, пока не отметила с удовлетворением, что выглядит отлично. Ей так хотелось показать Пэту, какой хорошенькой она может быть!

Взяв пачку маминых сигарет, Талли вышла из спальни.

Сидевшая в гостиной Дороти оторвала мутный взгляд от своего журнала.

— Эй, уже десять. Куда это ты?

— Парень пригласил меня на вечеринку.

— Он здесь?

Хороший вопрос. Как будто Талли решилась бы пригласить кого-то в этот дом.

— Мы встречаемся на дороге.

— О, отлично! Не буди меня, когда придешь обратно.

— Не буду.

На улице было уже темно и холодно. Млечный Путь мерцал на безбрежном небе.

Талли подождала немного у почтового ящика, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть. Обнаженные руки покрылись мурашками.

Колечко для определения настроения на среднем пальце сменило цвет с зеленого на сиреневый. Талли никак не могла вспомнить, что это означает. Через улицу, на холме, светился окошками в темноте небольшой фермерский дом. Каждое окно было словно кусочек тающего сливочного масла. Наверное, там сейчас все дома, играют, собравшись вокруг большого стола, в какую-нибудь игру. Интересно, как бы они себя повели, если бы в один прекрасный день Талли зашла к ним в гости? Просто появилась на пороге и сказала: «Привет!»

Талли услышала шум подъезжающей машины Пэта, прежде чем увидела свет фар. Она тут же забыла о домике на холме и вышла на дорогу, махая рукой.

Зеленый «додж-чарджер» остановился рядом, машина словно вибрировала от оглушительной музыки внутри салона. Талли скользнула на пассажирское сиденье. Музыка играла так громко, что Талли понимала: Пэт не услышит ее, что бы она ни сказала.

Улыбнувшись девушке, Пэт надавил на газ, и они сорвались с места, подобно ракете, и понеслись по тихой улочке.

Когда они наконец свернули на гравиевую дорожку, Талли поняла, что вечеринка в самом разгаре. Десятки машин с включенными фарами были припаркованы кру́гом на поле. Пэт припарковался под деревьями у самого ограждения. Молодежь была везде — вокруг большого костра и рядом с бочонками пива, выставленными прямо на траве. Поляну освещали свечи, поставленные в прозрачные пластиковые стаканчики. Чуть дальше, у сарая, группа парней играла в футбол. Стоял конец мая, и погода была далеко не летней, так что на большинстве ребят были куртки и свитера. Талли пожалела, что не оделась потеплее.

Пэт, крепко держа ее за руку, провел Талли сквозь толпу к ближайшему бочонку и нацедил им обоим по полной кружке пива.

Взяв свою кружку в руки, Талли позволила Пэту отвести ее в укромное местечко прямо за стоянкой машин. Там Пэт расстелил на земле свою школьную куртку и жестом предложил Талли присесть.

— Когда я увидел тебя первый раз, глазам своим не поверил, — сказал юноша, опускаясь рядом. — Ты самая красивая девчонка, которая жила когда-либо в этом городе. Все парни хотят тебя.

— Но заполучил меня ты. — Талли улыбнулась своему спутнику, чувствуя, как тонет в его темных глазах.

Он сделал большой глоток пива, почти опустошив кружку, которую поставил рядом с собой, и поцеловал Талли.

Талли уже целовали другие парни. Обычно это были неуклюжие попытки во время медленных танцев. Но сегодня все было совсем по-другому. В поцелуе Пэта была настоящая магия. Талли счастливо вздохнула, прошептав его имя. Когда Пэт посмотрел на нее, отстранившись, глаза его сияли.

— Я так рад, что ты здесь.

— Я тоже, — откликнулась Талли.

Допив пиво, Пэт поднялся на ноги.

— Мне нужно еще горючее.

Когда они стояли в очереди к бочонку, Пэт вдруг нахмурился, посмотрев на девушку.

— Эй, да ты совсем не пьешь! Я-то думал, что ты завсегдатай на вечеринках.

— Так и есть. — Талли натянуто улыбнулась. Она никогда не пила всерьез. Но она перестанет нравиться Пэту, если станет вести себя как ботаник. А Талли так хотелось понравиться Пэту всерьез. — Пьем до дна, — с этими словами Талли опрокинула кружку и выпила залпом все, что там оставалось. Она быстро опьянела и глупо захихикала.

— Вот так-то лучше, — одобрительно кивнул Пэт, снова наполняя кружки.

Вторая кружка пошла уже легче, а допивая третью, Талли вообще перестала ощущать вкус. Когда Пэт достал бутылку крепленого вина, девушка выпила и его. Почти что час они сидели рядом на разложенной на земле куртке, крепко прижавшись друг к другу, потягивая алкоголь и разговаривая. Талли не знала людей, о которых рассказывал ей Пэт, но это не имело никакого значения. Имело

значение только то, как он смотрел на нее и как нежно держал ее руку в своей.

— Пойдем, — прошептал ей на ухо Пэт. — Пойдем потанцуем.

Встав на ноги, Талли почувствовала, что у нее кружится голова. Она едва удерживала равновесие, все время спотыкалась во время танца, а в конце концов и вовсе упала. Пэт со смехом помог ей подняться и увлек в романтическую темноту под деревьями. Хихикая, девушка шла за ним. Остановившись, Пэт обнял и поцеловал Талли. У нее перехватило дыхание.

Это было так приятно, кровь словно бурлила, тело охватил жар. Талли прижалась к Пэту, ластясь, словно кошка, и смакуя свои ощущения. Пэт вот-вот отстранится немного и скажет: «Я люблю тебя!», как Нил Райан в «Истории любви».

И может быть, Талли тоже назовет его мальчишкой, признаваясь в любви в ответ. Их любимой песней будет «Лестница в небеса». А потом они будут рассказывать своим друзьям, что познакомились, когда…

Язык Пэта вдруг проник в ее рот, Талли стало трудно дышать. Она попыталась остановить Пэта, но из горла не вырывалось ни звука. Пэт словно высасывал из нее воздух.

Руки Пэта были везде — шарили по спине, сжимали бедра, пытались справиться с застежкой лифчика. Послышался щелчок, и в следующую секунду Пэт уже трогал ее грудь.

— Нет, — прошептала Талли, пытаясь оттолкнуть его руки.

Это было совсем не то, чего ей хотелось. Ей хотелось любви, романтики, волшебства. Хотелось, чтобы кто-то заботился о ней. Но не… этого.

— Нет, Пэт, не надо!

— Ну же, не ломайся, Талли! Ты ведь тоже знаешь, что хочешь этого.

Пэт вдруг с силой толкнул ее, и Талли опрокинулась на спину, больно ударившись головой. На секунду у нее помутилось в глазах, а когда зрение вернулась, девушка увидела, что Пэт стоит на коленях между ее ног и одной рукой прижимает к земле обе ее руки.

— Мне нравится вот так. — Он коленом раздвинул ее ноги.

Задрав на Талли топ, он посмотрел на ее обнаженную грудь.

— О… да…

Сжав одну грудь в руке, он подергал за сосок, а другая рука тем временем скользнула под джинсы Талли и проникла под трусики.

— Не надо! Пожалуйста! — Талли отчаянно пыталась освободиться, но ее ерзанье, казалось, только распаляло Пэта.

Его пальцы двигались между бедер Талли, грубо проникая в нее.

— Ну, давай же, малышка, расслабься — и получишь удовольствие!

Талли почувствовала, как по щекам текут слезы.

— Не надо…

— О да! — Пэт улегся на нее сверху, впечатывая тело девушки в мокрую траву.

Теперь она плакала так сильно, что чувствовала вкус собственных слез, но Пэт словно не видел этого. Поцелуи его стали теперь совсем другими — слюнявыми, хлюпающими и противными. Талли было больно и от поцелуев, и от его ремня, врезавшегося в голый живот, когда он стаскивал брюки, и от его пениса, который…

Талли зажмурилась, и в этот момент ее пронзила боль.

И вдруг все неожиданно закончилось. Пэт скатился с ее тела, лег рядом и поцеловал Талли в щеку. Словно то, что он делал перед этим, означало, что они занимались любовью.

— Эй, да ты плачешь? — Пэт нежно откинул с ее глаз прядку волос. — Что случилось? Я думал, тебе этого хотелось.

Талли не знала, что сказать. Как и любая девочка ее возраста, она представляла себе, как однажды потеряет невинность, но она и подумать не могла, что при этом будет чувствовать себя так мерзко. Талли изумленно посмотрела на Пэта.

— Хотелось — этого?

Пэт раздраженно поморщился.

— Ну же, Талли, хватит! Пойдем потанцуем.

От того, как он сказал это — тихо и виновато, словно и вправду удивившись ее реакции, — Талли стало только хуже. Она сама сделала что-то неправильно. Это она раздразнила Пэта своим поведением, возбудила его. И случилось с ней то, что и случается обычно с девушками, которые играют в такие игры. Пэт еще несколько секунд смотрел в упор на Талли, затем поднялся и поддернул штаны.

— Ну, вот что, — сказал он. — Мне по-любому надо еще выпить. Пойдем.

Талли перевернулась на бок и сказала:

— Уходи!

Она чувствовала, что Пэт стоит рядом и разглядывает ее.

— Ты вела себя так, как будто этого хочешь, черт побери! Нельзя завести парня, а потом дать задний ход. Пора вырасти, маленькая девочка! Сама виновата!

Талли закрыла глаза и стиснула зубы, мечтая об одном — чтобы Пэт наконец ушел и оставил ее в покое.

Так она и лежала на траве, чувствуя себя совершенно разбитой. Все тело болело. Но, что хуже всего, она чувствовала себя полной дурой. Примерно через час Талли услышала, что вечеринка закончилась, потом до ее слуха стали доноситься звуки моторов отъезжающих машин и шорох покрышек о гравийную дорогу.

А она продолжала лежать, не в силах заставить себя пошевелиться.

Пэт прав: она во всем виновата сама. Она наивная и глупая, и все, чего ей хотелось, это чтобы ее любили.

— Вот дура! — прошипела Талли, садясь.

Медленно двигаясь, она оделась и попыталась встать. Талли тут же почувствовала тошноту, и секунду спустя ее вырвало прямо на любимые босоножки.

Когда все закончилась, она нашарила в траве свою сумочку и медленно, пошатываясь, побрела в сторону дороги.

В этот поздний час машин на шоссе не было, и Талли это обрадовало. Не придется никому объяснять, почему в голове у нее сосновые иголки, а на босоножках следы рвоты.

Всю дорогу до дома она перебирала все детали случившегося. Вспоминала, как Пэт улыбался ей, когда приглашал пойти с ним на вечеринку. Каким нежным был его первый поцелуй и как серьезно он разговаривал с ней, как будто она действительно что-то для него значила. Но затем в ее воспоминания врывался другой Пэт — с трясущимися руками, настойчивым языком и сильными пальцами, с жестким членом, который он так грубо вонзил в ее плоть.

И чем больше она проигрывала все это в памяти, тем более одинокой и несчастной себя чувствовала.

Если бы только у нее был кто-то, кому можно было довериться, с кем можно было поговорить! Может быть, это облегчило бы немного

ее боль. Но такого человека в жизни Талли Харт не было.

И это было еще одной ее тайной, как и мать со странностями, и никому не известный отец. Но вряд ли кто-нибудь посочувствовал бы ей. Скорее всего, она бы услышала: девочка из средней школы, отправившаяся на вечеринку к старшеклассникам, знает, на что идет.

Приближаясь к дому, Талли замедлила шаг. Горькая мысль о том, что она снова почувствует себя безнадежно одинокой в собственном доме — в месте, где люди обычно ощущают безопасность, рядом с матерью, которая должна любить и оберегать ее, но никогда не делала этого, пронзила Талли.

Соседская серая лошадка, почуяв Талли, подошла к забору и заржала.

Талли перешла через дорогу к забору на склоне холма. Она нарвала пучок травы и протянула лошади.

— Вот тебе сено, парень.

— Она любит морковку.

Талли резко повернула голову и только сейчас увидела сидящую на заборе соседскую девочку.

Несколько долгих секунд прошли в тишине, если не считать тихого ржания лошади.

— Уже поздно, — сказала девочка.

— Да, — согласилась с ней Талли.

— Мне нравится сидеть здесь по ночам — звезды такие яркие. Иногда, если долго смотреть на небо, можно заметить, как падают маленькие светящиеся точки. Они похожи на светлячков, может быть, поэтому наша улица так и называется. Ты, наверное, считаешь меня скучной занудой из-за того, что я говорю про это?

Девочка — Талли вспомнила, что ее зовут Кейт, — спрыгнула с забора. На ней была растянутая футболка с почти облупившейся аппликацией, изображавшей семью из сериала про одинокую мать с пятью детьми. Когда она двинулась в сторону Талли, под подошвами ее резиновых сапог захлюпала грязь.

— Ты неважно выглядишь, — из-за пластинок на зубах девочка сильно шепелявила. — И от тебя пахнет рвотой.

— Все в порядке, — поспешно ответила Талли, напрягшись, когда Кейт подошла ближе.

— С тобой правда все в порядке? Уверена?

И тут, к собственному ужасу, Талли разрыдалась.

Кейт стояла несколько секунд, удивленно глядя на нее из-под ужасных очков. А потом, не говоря ни слова, она обняла Талли.

Талли вздрогнула и съежилась — настолько неожиданным было прикосновение. Она хотела отстраниться, но продолжала стоять, боясь пошевелиться. Талли не помнила, когда в последний раз кто-то обнимал ее вот так, и неожиданно она прильнула к этой странной, почти незнакомой девочке, боясь ее отпустить, боясь, что без Кейт она просто уплывет куда-то, как корабль из сериала, и затеряется в океане.

— Я уверена: ей станет лучше, — проговорила Кейт, когда рыдания Талли стали стихать.

Талли отстранилась и удивленно посмотрела на соседку. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем идет речь. Кейт думала, что Талли плачет из-за болезни матери.

— Хочешь поговорить об этом? — Кейт сняла с зубов пластинку и положила ее на заросшую мхом макушку столбика, поддерживавшего забор.

Талли молча смотрела на соседку. В серебристом свете полной луны она увидела в больших глазах Кейт искреннее сочувствие, а Талли хотелось поговорить с кем-то, хотелось так сильно, что ее вдруг замутило. Но она не знала, как начать.

— Пойдем! — Кейт повела ее вверх по холму к фермерскому дому.

Кейт села на порожек и натянула на колени подол футболки.

— У моей тети Джорджии был рак, — сказала она. — Это было ужасно. У нее выпали все волосы, а сейчас с тетей все в порядке.

Талли присела рядом с соседкой на крыльцо и положила на землю свою сумочку. Исходивший от нее запах рвоты был очень сильным. Талли поспешно зажгла сигарету, чтобы хоть чуть-чуть заглушить его. И неожиданно для себя самой выпалила:

— Я была сегодня на вечеринке у реки.

— Для старшеклассников? — Эта новость явно впечатлила Кейт.

— Меня пригласил Пэт Ричмонд.

— Нападающий? Вау! А моя мама не разрешила бы мне даже встать в одну очередь со старшеклассником в магазине. Она такой бред несет иногда, просто ужас!

— Никакой это не бред.

— Мама считает, что восемнадцатилетние парни опасны. Называет их «пенисы с руками и ногами». Разве это не бред?

Талли окинула взглядом поле и набрала в легкие побольше воздуху. Ей самой не верилось, что она готова рассказать почти незнакомой девочке о том, что произошло с ней сегодня. Но правда жгла ее изнутри. И если не избавиться от этого огня, он прожжет ее сердце насквозь.

— Он изнасиловал меня, — отважилась признаться Талли.

Кейт резко повернулась к ней. Талли чувствовала в темноте, как буквально впиваются в ее лицо эти огромные зеленые глаза, но не повернулась в ее сторону и даже не пошевелилась. Ей было так стыдно, что она, казалось, не перенесла бы осуждающего взгляда Кейт. Она ждала, что Кейт скажет что-нибудь или обзовет ее идиоткой, но девочка молчала. Наконец терпению Талли пришел конец, и она повернула голову.

— С тобой все в порядке? — тихо спросила Кейт.

И от этих слов на Талли снова нахлынули воспоминания о пережитом ужасе. От слез защипало в глазах.

Кейт снова обняла ее за плечи. Талли впервые с тех пор, как была ребенком, позволила кому-то утешать ее.

Отстранившись наконец через несколько минут, она попыталась улыбнуться.

— Я затопила тебя слезами.

— Мы должны рассказать кому-то.

— Ни за что! Все скажут, что я сама во всем виновата. Это будет наш секрет, хорошо?

— Хорошо, — сказала Кейт, нахмурившись.

Талли вытерла глаза и затянулась сигаретой.

— Почему ты так добра ко мне?

— Ты выглядела такой одинокой, а я знаю, что это такое.

— Ты? Но у тебя же есть семья.

— Они любят меня, потому что должны, — тяжело вздохнула Кейт. — А ребята в школе обращаются со мной так, словно я заразная. У меня раньше были друзья, но… впрочем, ты, наверное, не понимаешь, о чем я говорю. Ты в школе такая популярная.

— Популярность — это когда куча людей считает, что знакомы с тобой.

— Я согласилась бы и на это.

Снова наступила тишина. Талли докурила сигарету и выкинула окурок. Они с Кейт были такими разными — сплошные контрасты, все равно как серебристый свет луны на этом черном поле, но ей было так легко говорить с соседкой! Талли поймала себя на том, что почти улыбается. А ведь это была самая ужасная ночь в ее жизни. Так что даже попытка улыбнуться многое значила.

Они просидели на крыльце еще целый час, то разговаривая, а то умолкая. Они не откровенничали, не делились своими секретами, а просто разговаривали.

Когда Кейт зевнула, Талли поднялась.

— Пойду, пожалуй, домой.

Девочки спустились по склону холма на улицу.

— Ну что ж, пока, — первой сказала Кейт.

— Пока, — отозвалась Талли.

Но еще несколько секунд она не двинулась с места. Талли хотелось обнять Кейт, может быть, даже прижать ее к себе покрепче и сказать, как она благодарна за поддержку. Но Талли не решалась, она хорошо знала, — спасибо матери, — каково это, быть униженной, и боялась, что Кейт может оттолкнуть ее.

Резко повернувшись, она торопливо зашагала к дому. Едва переступив порог, она бросилась в ванную и залезла под горячий душ. Под струями воды Талли заново переживала случившееся с ней этой ночью — все, чему она сама позволила случиться, потому что хотела выглядеть крутой, и горько плакала. Когда Талли вышла из ванной, ее всхлипывания превратились в болезненный ком в горле. И тогда она по крупицам собрала воспоминания об этой ночи и мысленно накрепко запечатала их в коробку. А коробку задвинула на самую дальнюю полку в чулане своей памяти, где-то рядом с воспоминаниями обо всех тех днях, когда ее снова и снова бросала Облачко, и приказала себе все забыть.

4

А Кейт, расставшись с Талли, долго лежала без сна. Наконец она откинула одеяло и вылезла из кровати.

Внизу она быстро нашла то, что ей было нужно, — статуэтку Девы Марии, церковную свечку в красном подсвечнике, плоскую упаковку спичек и четки своей бабушки. Поднявшись со всем этим к себе в комнату, Кейт соорудила на туалетном столике подобие алтаря и зажгла свечу.

— Отче наш, — молилась девочка, сложив на груди руки и склонив голову. — Пожалуйста, не обойди своим вниманием Талли Харт и помоги ей. Ведь она переживает трудные времена. Пожалуйста, исцели ее маму от рака. Я знаю, ты можешь помочь. Аминь!

Она прочла еще несколько молитв, обращаясь к Богородице, и вернулась в кровать, но всю ночь ворочалась и вздыхала, представляя себе завтрашнюю встречу с Талли, размышляя о том, как вести себя утром. Подойти к соседке, улыбнуться, спросить, как она? Или лучше сделать вид, будто ничего не было? У популярности свои правила — секретный код, написанный невидимыми чернилами, который умеют читать девочки вроде Талли Харт. И Кейт точно знала, что не должна сделать ошибку и опозориться. Ей было известно, что некоторые крутые девчонки «дружат по секрету» кое с кем из отверженных ботаников. Например, улыбаются и машут рукой, если встреча происходит не в школе или если дружат их родители. Может, и у них с Талли будет так же?

В конце концов Кейт оставила попытки заснуть и поднялась с кровати. Надев халат, она спустилась вниз. Сидевший над газетой в гостиной отец поднял глаза и улыбнулся, услышав ее шаги.

— Доброго тебе утра, Кейти Скарлетт! Подойди, обними старика отца.

Кейт забралась к отцу на колени и положила щеку на колючую ткань его теплой рубашки. Мистер Муларки заправил ей за ухо непослушную прядь волос. Отец выглядел усталым. Немудрено — ведь ему приходится работать в компании «Боинг» в две смены, чтобы семья могла позволить себе ежегодный отдых в кемпинге.

— Как дела в школе?

Каждое утро отец спрашивал одно и то же. Когда-то давно Кейт охотно отвечала ему. Могла сказать: «Вообще-то не очень, па» — и умолкнуть в ожидании вопросов и слов утешения. Но мистер Муларки ни разу не произнес таких слов. Он слышал то, что хотел услышать, а не то, что на самом деле говорила Кейт. Мама говорила, что отец стал таким от того, что работал по многу часов на своем заводе.

Кейт могла бы обидеться на отца за такую отстраненность, но, как ни странно, от этого она стала любить его еще больше. Ведь он никогда не кричал на нее, не призывал быть внимательнее, не говорил, что она сама ответственна за собственное счастье. Это были слова ее матери, отец же просто продолжал тихо любить ее, что бы ни случилось.

— Отлично! — ответила Кейт на ежеутренний вопрос.

— Да и как может быть иначе! — заявил мистер Муларки, целуя дочь в висок. — Ты ведь самая красивая девочка в городе, не так ли? И твоя мама назвала тебя в честь одной из самых великих героинь литературного произведения.

— Да уж! У меня со Скарлетт О’Хара много общего.

— Ты еще убедишься в этом, — улыбнулся отец. — У тебя впереди вся жизнь, юная мисс.

Кейт посмотрела на отца.

— Как ты думаешь, я стану хорошенькой, когда вырасту?

— Ах, Кейти, да ты уже сейчас красавица!

Кейт представила, что берет эти слова и кладет в карман, как успокаивающие нервы камешки, которые она брала с собой в школу, чтобы перебирать иногда, когда сомнения в собственной привлекательности станут особенно тяжелыми.

К тому моменту, когда Кейт оделась и собралась выходить, дом был пуст. Семейный автобус Муларки покинул станцию отправления.

Кейт так нервничала, что пришла на остановку раньше времени. Каждая минута казалась ей вечностью. Школьный автобус приехал вовремя и, дребезжа, остановился около Кейт, а Талли так и не появилась.

Огорченная Кейт заняла место в первом ряду.

На первых уроках Кейт все искала взглядом Талли, но она так и не появилась.

Во время ланча Кейт быстро прошла мимо толпы самых отвязных ребят, которые вечно лезли без очереди, и села за один из длинных столов в дальнем конце буфета. В противоположной части зала стоял шум, веселые крики и смех. Здесь же, как в глухом, безлюдном краю, царили грусть и тишина. Как и все другие, сидевшие за этим столом, Кейт старалась не поднимать головы.

Это был один из способов выживания, которые быстро усваивают отверженные ученики; средняя школа похожа на вьетнамские джунгли — лучше пригнуться пониже и вести себя как можно тише. Кейт сосредоточенно поглощала свой ланч, когда сзади ее окликнули:

— Эй!

Талли!

Даже в этот прохладный майский день на ней были очень короткая мини-юбка, белые ботинки для гоу-гоу, блестящие черные колготки и облегающий топик. А на шее сразу несколько ожерелий с символами пацифистов. В волосах сияли выкрашенные в рыжий цвет прядки, а на бедре болталась сумка-макраме.

— Ты рассказала кому-нибудь о нашей встрече? — тихо спросила Талли.

— Нет, конечно нет!

— Мы ведь теперь подруги, правда?

Кейт не могла бы сказать, что удивило ее больше: сам вопрос или надежда, светившаяся в глазах Талли Харт.

— Да, мы подруги, — ответила она.

— Отлично! — Талли вынула из сумочки пачку печенья с кремовой начинкой и уселась рядом с Кейт. — Тогда поговорим о косметике, потому что тебе нужна помощь. А я вовсе не стерва и разбираюсь в моде. Это дар. Можно мне выпить твое молоко? Отлично. Спасибо. А банан ты тоже не хочешь? Я могла бы прийти после школы к тебе домой…

Кейт стояла у аптеки и с тревогой вглядывалась в прохожих, пытаясь определить, нет ли среди них кого-то, кто был бы знаком с ее матерью.

— Ты уверена? — спросила она Талли.

— Абсолютно.

Ответ немного утешил Кейт. В тот самый день, когда девочки подружились, Кейт поняла про новую подругу одну вещь: Талли была человеком, который строит Планы.

И ее план на сегодня состоял в том, чтобы сделать Кейт красивой.

— Ты мне не доверяешь?

Это был отличный вопрос. В самую точку! Как только Талли задала его, Кейт проиграла раунд. Она должна доверять своей новой подруге.

— Конечно, доверяю! Дело в том, что мне не разрешают краситься.

— Верь мне! Я такой специалист в этом деле, что твоя мама ничего не заметит. Пошли!

Талли решительно вошла в аптеку. Там они выбрали тени и румяна «правильных» цветов для Кейт, а затем, к изумлению подруги, Талли сама заплатила за все. Когда Кейт попыталась возразить, Талли лишь повторила:

— Мы ведь подруги, правда? — и пихнула ее плечом.

Кейт, рассмеявшись, поддержала игру. Они дошли до окраины городка и продолжили путь к дому вдоль реки. Они все время болтали — об одежде, о музыке, о школе. Наконец они свернули с дороги и подошли к дому Талли.

— Моя бабушка с ума бы сошла, если бы увидела это место, — сказала Талли смущенно.

С одной стороны дома росли рододендроны размером с надутые горячим воздухом шары.

— Этот дом принадлежит бабушке.

— Она навещает вас?

— Нет. Проще подождать.

— Чего?

— Пока моя мать снова обо мне забудет.

Талли перешагнула через стопку газет на пороге, обошла три мусорных бака и стала открывать дверь.

Мать Талли была в гостиной — лежала на диване с полуприкрытыми глазами.

— З-здравствуйте, миссис Харт, — запинаясь, произнесла гостья. — Я — Кейт, ваша соседка.

Миссис Харт попыталась сесть, но, похоже, была слишком слаба, чтобы с этим справиться.

— Привет, Кейт-соседка.

Талли взяла подругу за руку и потащила через гостиную, громко хлопнув дверью, к себе в комнату. Она тут же кинулась к полке с пластинками и поставила «Прощай, дорога из желтого кирпича». Как только заиграла музыка, Талли кинула Кейт номер журнала «Тайгер Бит» и подвинула стул к трюмо.

— Готова?

Кейт снова стало не по себе. Она знала, что нарвется на неприятности, но как обзавестись подругами и выделиться из толпы, если никогда не идти на риск?

— Готова, — отважно ответила она.

— Хорошо! Садись. Прежде всего, займемся волосами. Тебе нужны несколько цветных прядей. Так красится Морин Маккормик.

Кейт взглянула в зеркало на отражение Талли.

— Откуда ты знаешь?

— Прочла в прошлом номере журнала для подростков.

— Наверное, Морин ходит к профессиональному парикмахеру. — Кейт открыла журнал и попыталась сосредоточиться на статье «Свидание Джека Уайлда с девушкой его мечты — это можешь быть ты!».

— Не дергайся. Я прочла инструкцию целых два раза.

— У меня есть шанс стать лысой?

— Вряд ли. А теперь тихо. Прочту, пожалуй, инструкцию в третий раз.

Талли разделила волосы Кейт на пряди и, выбрав несколько, принялась наносить на них спрей. Потребовался примерно час, прежде чем она осталась довольна результатом.

— Когда закончу, будешь похожа на Марсию Брейди.

— Каково это — быть крутой? — Кейт не хотела произносить свой вопрос вслух, но слова сами слетели с языка.

— Скоро узнаешь, — ответила Талли. — Но ты ведь останешься моей подругой, правда?

Кейт счастливо рассмеялась в ответ.

— Прикольно, — поделилась она своими ощущениями. — Только жжет немного.

— Правда? Значит, что-то не так. И некоторые волосы выпадают…

Кейт удержалась от того, чтобы сделать разочарованную гримасу. Если за дружбу с Талли надо заплатить волосами, что ж, она готова.

Талли взяла фен и направила горячую струю на волосы Кейт.

— У меня, слава богу, пришли месячные, — сказала Талли громко, стараясь перекричать жужжание фена. — Так что этот подонок по крайней мере меня не обрюхатил.

Кейт видела, что бравада ее подруги была напускной, это ясно читалось в глазах Талли.

— Я молилась за тебя, — серьезно произнесла Кейт.

— Правда? Вау! Спасибо тебе за это.

Кейт не знала, что на это ответить. Для нее помолиться было все равно что почистить зубы перед сном, чем-то, что она делала всегда.

Талли выключила фен и улыбнулась, но вид у нее был встревоженный. Может, ее беспокоил запах жженых волос?

— Ну, хорошо. А теперь иди в душ и смой все это.

Кейт сделала, как ей сказали. Когда она вышла из душа, Талли снова усадила ее в кресло.

— Волосы лезут? — деловито поинтересовалась она.

— Есть немного, — призналась Кейт.

— Если ты облысеешь, я тоже обрею себе голову. Обещаю.

Талли расчесала и высушила феном волосы подруги.

Кейт боялась взглянуть в зеркало. Она сидела, зажмурившись и позволив голосу Талли слиться с жужжанием фена.

— Открой глаза!

Кейт медленно подняла голову. На таком расстоянии очки ей не требовались, но она по привычке наклонилась к зеркалу поближе. У девочки в зеркале были прямые белокурые волосы с мелированными прядями, уложенные идеально. Они были мягкими и живыми, а не тонкими и обвисшими, как раньше. На фоне светлых волос ее зеленые глаза стали еще ярче, а розовая помада подчеркнула контур губ. Кейт стала почти хорошенькой.

— Вау! — воскликнула она, преисполненная благодарности, почти лишившей ее дара речи.

— Подожди, ты еще увидишь, на что способны тушь и румяна, — сказала Талли. — И тональник, которым мы замажем угри у тебя на

лбу.

— Я всегда буду твоей подругой. — Кейт казалось, что она прошептала это совсем тихо, но, увидев, что Талли довольно улыбается, она поняла, что ее услышали.

— Отлично! А теперь займемся макияжем. Видела мою бритву?

— А зачем нам бритва?

— Для твоих бровей, глупенькая! Давай же, закрой глаза.

На этот раз Талли не пришлось просить Кейт дважды.

— Хорошо, — покорно сказала она.

Кейт даже не попыталась прошмыгнуть незамеченной, когда вернулась домой. Отец сидел в гостиной в своем любимом кресле. При появлении дочери он поднял глаза и изумленно воскликнул: «Боже правый!», поспешно ставя на журнальный столик стакан с выпивкой.

— Марджи! — Его возглас был похож на крик о помощи.

Мама вышла из кухни, вытирая руки о передник. На ней была униформа времен ее детства: блузка из полиэстера в рыжую и оливковую полоску, коричневые вельветовые брюки и мятый передник с надписью: «Место женщины — на кухне… и в сенате». Увидев Кейт, она замерла на месте, затем медленно развязала, сняла передник и бросила его на стол.

Неожиданно наступившая тишина привлекла внимание Шона, который прибежал в кухню в сопровождении собаки.

— Кейти выглядит, как скунс, — сказал мальчик. — Вау…

— Иди мой руки и садись обедать, — резко оборвала его мать. — Сейчас же, — добавила она еще строже, видя, что сын и не думает слушаться.

Проворчав что-то в ответ, Шон направился к лестнице.

— Ты давала ей разрешение сделать это со своими волосами, Марджи? — прокричал из гостиной отец.

— Я разберусь с этим, Бад, — ответила миссис Муларки, оглядывая Кейт. — Это сделала с тобой девочка из дома напротив?

Кейт кивнула, стараясь изо всех сил сохранить внутри впечатления от собственного нового облика.

— И тебе нравится?

— Да.

— Что ж, тогда и мне нравится тоже. Я помню, что творилось, когда тетя Джорджия выкрасила мне волосы в рыжий цвет. Бабушка Пит была в ярости! — Марджи улыбнулась. — Но тебе следовало спросить разрешения. Ты еще очень молода, Кейтлин, независимо от того, что ты и твоя подружка думаете по этому поводу. А теперь расскажи, что с твоими бровями.

— Талли подбрила их, чтобы придать форму.

Миссис Муларки изо всех сил старалась сдержать улыбку.

— Это я вижу. Но на самом деле брови надо выщипывать. Мне надо было самой научить тебя, как это делать, но я думала, что ты еще слишком юна. — Мама обернулась, ища глазами сигареты. Взяв со стола пачку, она закурила. — Покажу тебе после обеда. Пожалуй, немного блеска для губ и туши для ресниц вполне подойдет для школы. Я научу тебя, как сделать, чтобы косметика выглядела на лице естественно.

Кейт подбежала к матери и обняла ее.

— Я люблю тебя, мамочка!

— Я тебя тоже. А теперь пойдем есть кукурузные лепешки. Знаешь, Кейти, я очень рада, что у тебя появилась подруга. Но давай договоримся — больше ты не будешь нарушать правила. Потому что именно из-за этого юные девушки попадают в беду.

Кейт тут же подумала о вечеринке старшеклассников, так печально завершившейся для Талли.

На следующей неделе Кейт почувствовала, как изменилось отношение к ней одноклассников. Всем нравился ее внешний вид, и ее перестали избегать на переменах. А быть подругой Талли Харт само по себе означало, что с тобой все в порядке.

Да и родители заметили перемену. Обычно за обедом Кейт сидела молча, а теперь просто не могла наговориться. Истории сыпались из нее одна за другой. Кто с кем встречается, кто победил в соревнованиях, кому сделали замечание за приход в школу в футболке с надписью: «Займемся любовью, а не войной», где Талли стрижет волосы (в Сиэтле, у парня по имени Джин Хуарес — разве не круто?) и какой фильм будут показывать в выходные в открытом кинотеатре для зрителей на автомобилях.

Кейти все еще рассказывала маме про Талли, когда они вместе вытирали посуду после ужина.

— Я так хочу, чтобы вы с ней познакомились. Талли такая классная! Все любят ее, даже торчки.

— Торчки?

— Ну, наркоманы или токсикоманы…

— О! — Мама забрала у Кейт стеклянную форму для рулета и вытерла ее сама. — Я расспрашивала про эту девочку, Кейти. Она пыталась купить сигареты у Альмы в аптеке.

— Может, Талли покупала их для своей мамы?

Миссис Муларки поставила форму на кухонный стол.

— Сделай мне одолжение, Кейти, — сказала она. — Будь благоразумна, когда находишься рядом с Талли Харт. Я не хочу, чтобы ты последовала за ней, когда с ней что-нибудь случится.

Кейт бросила губку в раковину с мыльным раствором.

— Не могу поверить, что это говоришь мне ты, мама! А как же все твои речи про то, что надо рисковать. Ты все время твердила мне, что надо завести друзей, а как только у меня появилась подруга, намекаешь мне, что она отвязная девчонка.

— Но я вовсе не называла Талли…

Кейт выбежала из кухни и бросилась к лестнице. Ей казалось, что мать вот-вот окликнет ее и прикажет вернуться, но ничего такого не происходило — ее драматическое бегство проходило при полной тишине.

Наверху она вбежала в свою комнату и для пущего эффекта хлопнула посильнее дверью.

Но мама так и не появилась, и часам к десяти Кейт почувствовала себя как-то неловко. Неужели она так сильно обидела маму? Встав с кровати, Кейт принялась мерить шагами тесную комнату. Раздался тихий стук в дверь.

Кейт быстро кинулась в кровать и постаралась изобразить на лице равнодушное, скучающее выражение.

— Да…

Дверь медленно открылась. На пороге стояла миссис Муларки в красном бархатном халате в пол, который они подарили ей на прошлое Рождество.

— Можно мне войти? — спросила она.

— Как будто я могу тебя остановить!

— Да, можешь, — спокойно произнесла мама. — Так ты разрешишь мне войти?

Кейт пожала плечами, но чуть подвинулась на кровати, освобождая место для матери.

— Ты знаешь, Кейти, жизнь, она…

Кейт не смогла подавить стон. Только не очередная нудная проповедь о том, какова жизнь!

Мама удивила ее, неожиданно рассмеявшись:

— Хорошо, больше никаких нотаций. Наверное, ты для них уже слишком взрослая. — Мама задержалась у алтаря на туалетном столике. — Ты не сооружала ничего подобного с тех пор, как тетя Джорджия проходила химию. Кто нуждается в наших молитвах теперь?

— У мамы Талли рак. А еще Талли ходила на… — Кейт замолчала, в ужасе от того, что чуть не выдала тайну. Она всегда рассказывала матери абсолютно все, но теперь у нее есть лучшая подруга, и надо научиться хранить чужие секреты.

Мама присела рядом на кровать, как делала это после каждой их ссоры.

— Рак. Какая чудовищная нагрузка для девочки!..

— Талли отлично справляется.

— Ты уверена?

— Талли отлично справляется со всем. — В голосе Кейт звучала гордость за подругу. — Она такая крутая.

— Как это?

— Ты не поймешь.

— Я слишком стара, да?

— Я такого не говорила.

Мама откинула прядь с ее лба. Жест был знаком, как само дыхание. Когда миссис Муларки делала вот так, Кейт всегда снова чувствовала себя пятилетней девочкой.

— Мне жаль, что ты решила, будто я осуждаю твою подругу.

— Да уж, тебе есть за что извиниться.

— А ты извинись за то, что мне нагрубила. Хорошо?

Кейт не смогла сдержать улыбку.

— Да, мамочка.

— И знаешь что… почему бы тебе не пригласить Талли в пятницу к нам на ужин?

— Ты тоже полюбишь ее, мам. Я точно знаю.

— А я так просто уверена в этом, — сказала миссис Муларки, целуя дочь на ночь. — Спокойной ночи, Кейти.

— Спокойной ночи, мам.

После ухода матери Кейт еще долго лежала, прислушиваясь к последним шорохам успокаивающегося на ночь дома. Она была слишком возбуждена, чтобы уснуть. Не могла дождаться момента, когда пригласит Талли на ужин. После ужина можно будет посмотреть «Я мечтаю о Джинни», или поиграть в «Операции», или попрактиковаться в нанесении косметики. Может, Талли даже захочет остаться у них на ночь. Они могли бы…

Тук!

…говорить о мальчиках и о поцелуях…

Тук!

Кейт села на постели. Похоже, это не птичка на крыше и не мышка за стеной.

Тук!

Да это же стук маленького камешка об оконное стекло!

Отбросив одеяло, Кейт вскочила с кровати, подбежала к окну и распахнула его настежь.

На заднем дворе стояла Талли, облокотясь на велосипед.

— Спускайся! — проговорила она, пожалуй, слишком громко, и взмахнула рукой, призывая поторопиться.

— Ты хочешь, чтобы я сбежала ночью из дома?

— Хм, да!

Кейт никогда не делала ничего подобного. Но теперь она уже не может больше вести себя как примерная школьница. Крутые ребята всегда нарушают правила и убегают из дома по ночам. Это известно всем. Все также знают, что дело может кончиться бедой. И именно об этом с ней говорила сегодня мама.

«Не забывай об осторожности рядом с Талли Харт».

Кейт было наплевать. Талли единственная что-то значила на сегодня в ее жизни.

— Сейчас спущусь.

Закрыв окно, Кейт огляделась в поисках одежды.

Слава богу, ее домашние джинсы лежали сложенные на стуле, а рядом и черный свитер. Кейт выскользнула из старой пижамы, быстро оделась и вышла в коридор. Когда она кралась мимо спальни родителей, сердце так отчаянно стучало, что даже немного закружилась голова. Лестница опасно поскрипывала при каждом шаге, но наконец Кейт ее преодолела.

У задней двери она остановилась на несколько секунд, и в голове тут же мелькнула мысль: «Это может плохо для меня кончиться».

Кейт решительно распахнула дверь.

Талли ждала подругу, стоя рядом с самым удивительным велосипедом, который Кейт когда-либо доводилось видеть. У него был причудливо изогнутый руль, фигурное сиденье на платформе, а еще множество проводов и проводков.

— Вау! — воскликнула Кейт. — Сколько же надо было копить деньги, чтобы получить такой велик!

— Десятискоростной, — гордо произнесла Талли. — Бабушка подарила мне его на прошлое Рождество. — Хочешь, дам покататься?

— Ни в коем случае, — прокравшись в гараж, Кейт вывела свой старый розовый велосипед с рулем в форме подковы, самым обычным сиденьем в переводных картинках с цветочками и с белой плетеной корзинкой. Дурацкий велосипед маленькой девочки.

Но Талли, казалось, даже не заметила этого. Они сели каждая на свой велик и поехали по мокрому и неровному склону холма к мощеной дороге. Потом свернули налево и погнали дальше. На Саммер-Хилл Талли сказала:

— Смотри и делай, как я.

Они понеслись с холма, как будто летели на крыльях. Волосы Кейт развевались за спиной, на глазах выступили слезы. Вокруг шелестели листьями под ночным ветерком темные деревья. В бархатно-черном небе сверкали звезды.

Талли откинулась назад и подняла руки, отпустив руль. Смеясь, она предложила Кейт сделать то же самое.

— Я не могу. Мы едем слишком быстро.

— В этом-то весь кайф.

— Это опасно.

— Ну, давай же. Отпусти руль, Кейти! Бог не любит трусишек. — Затем тихим голосом добавила: — Поверь мне.

Теперь у Кейт не было выбора. Доверие было обязательной частью дружбы. И Талли вряд ли захочет дружить с трусливой курицей.

— Давай же! — подбодрила себя Кейт, стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее.

Глубоко вздохнув, Кейт торопливо произнесла молитву и отпустила руки.

Она летела с холма, и ей казалось, что она парит в ночном небе. В воздухе пахло находившейся неподалеку скаковой конюшней — лошадями и сеном. Кейт слышала рядом смех Талли, но, прежде чем она сама успела хотя бы улыбнуться, что-то пошло не так. Переднее колесо попало на камень, потом велосипед словно встал на дыбы, его резко повело в сторону, и под рамой оказалось колесо велосипеда Талли. Кейт схватилась за руль, но было уже поздно. Она была уже в воздухе — на этот раз действительно летела. Тротуар стремительно приближался. Больно ударившись, Кейт перекатилась через полосу асфальта и оказалась в грязной канаве.

Талли, перескочив через полосу, врезалась в подругу.

Оба велосипеда валялись на земле.

Кейт постепенно приходила в себя, глядя в ночное небо. Все тело болело. А левая лодыжка, может, даже была сломана. Она распухала на глазах и прикасаться к ней было нестерпимо больно. А там, где Кейт ободрала об асфальт кожу, выступила кровь.

— Это было невероятно! — рассмеялась Талли.

— Шутишь? Мы могли разбиться насмерть.

— Вот именно!

Поморщившись от боли, Кейт попыталась встать.

— Надо выбираться из этой канавы. Может, проедет машина…

— Ну скажи, разве это не было клево? Как мы с тобой летели! Подожди, вот когда мы всем об этом расскажем…

Всем — это ребятам в школе. Да уж, это будет настоящая история. И Кейт — в роли одной из главных героинь. Все будут слушать, раскрыв рот, охать, ахать и говорить что-нибудь вроде: «Неужели вы убежали из дома ночью? И ехали на велосипедах с Саммер-Хилл без рук? Врете небось?»

И Кейт неожиданно для себя тоже рассмеялась.

Девочки помогли друг другу выбраться из канавы и расцепили велосипеды. К тому моменту, когда обе они оказались на асфальте, Кейт, казалось, уже не испытывала сильной боли. Она вдруг почувствовала себя другим человеком, другой девочкой. Более дерзкой, храброй, готовой попробовать всего в этой жизни. И что с того, если это приключение принесет беду? Что значит распухшая лодыжка или окровавленная коленка по сравнению с настоящим приключением? Кейт всегда строго следовала всем правилам и уже два года по выходным сидит дома. Пора положить этому конец!

Оставив велосипеды у обочины дороги, девочки кое-как спустились к реке. В лунном свете все вокруг выглядело красивым и таинственным — серебристые волны, неровная линия прибрежных скал.

Талли присела под поросшим мхом деревом на густую траву, ровную, точно зеленый ковер. Кейт осторожно опустилась рядом, так близко, что их колени почти что соприкасались. Они вместе смотрели на усыпанное звездами небо, слушали тихую песню реки, похожую на лепет маленького ребенка. В этот момент, когда кругом было так тихо и спокойно, казалось, что речной ветерок, прошелестев, унесся прочь, оставив их абсолютно одних в этом таинственном месте, которое еще недавно было всего лишь еще одним поворотом протекающей здесь речки, разливавшейся каждую осень.

— Интересно, кто придумал название нашей улицы? — задумчиво произнесла Талли. — Что-то не видно на ней никаких светлячков.

Кейт только пожала в ответ плечами.

— За старым мостом начинается Миссури-стрит. Может быть, кто-то из первооткрывателей этих земель скучал по дому? Или заблудился?

— А может, все дело в волшебстве. Наша улица вполне может оказаться волшебной. — Талли повернулась к Кейт. — А это означает, что мы были предназначены друг другу в подруги самой судьбой.

Кейт невольно поежилась, настолько впечатлили ее так значительно произнесенные слова Талли.

— Прежде чем ты поселилась здесь, я думала, что это просто улица, ведущая в никуда, — сказала она.

— А теперь это наша улица.

— А когда мы станем старше, она может увести нас в самые разные места.

— Какие — не имеет значения, — сказала Талли.

Кейт расслышала в словах подруги странную горечь и грусть, причина которой была ей непонятна. Она отвела глаза. Талли подняла голову, она смотрела на небо.

— Ты думаешь о своей маме? — спросила Кейт.

— Я стараюсь о ней не думать.

Последовала долгая пауза. Талли достала из кармана сигареты и закурила.

Кейт неодобрительно покосилась на подругу.

— Хочешь затянуться?

Кейт знала, что выбора у нее нет.

— Да, конечно.

— Если бы моя мать была нормальной, то есть не болела, я рассказала бы ей о том, что произошло со мной на вечеринке.

Кейт сделала маленькую затяжку, закашлялась и спросила:

— Ты часто думаешь об этом?

Талли прислонилась спиной к дереву и достала еще одну сигарету. После долгой паузы она ответила на вопрос Кейт:

— Я вижу это в ночных кошмарах.

Кейт не знала, что на это сказать.

— А как насчет твоего папы? — вдруг спросила она. — С ним ты можешь поговорить?

Талли не смотрела на подругу.

— Думаю, она даже не знает, кто мой папа. — Голос Талли вдруг предательски задрожал. — Или он узнал обо мне и сделал ноги.

— Как это жестоко!

— А жизнь вообще жестока, ты разве не знаешь? Кроме того, они мне не нужны. У меня есть ты, Кейти. И ты помогла мне в тот вечер все это пережить.

Кейт улыбнулась. Дым заполнил пространство между ними. От него щипало глаза, но ей было все равно. Главное, что она сидит здесь сейчас со своей лучшей подругой.

— Что ж, именно для этого и существуют друзья.

На следующий день Талли как раз дочитывала последнюю главу «Чужих», когда услышала вопль матери, кричащей через весь дом:

— Талли! Да открой же ты эту чертову дверь!

Девочка захлопнула книгу и поспешила в гостиную, где сидела, развалившись на диване, ее мать с кальяном для марихуаны и смотрела телевизор.

— Но ты ведь сидишь прямо у двери, — упрекнула ее Талли.

— И что с того? — пожала плечами Облачко.

— Спрячь хотя бы кальян.

Тяжело вздохнув, Облачко перегнулась через подлокотник и поставила кальян под прикроватный столик. Только слепой не заметил бы его там, но для Облачка и это было слишком большим усилием.

Талли откинула волосы со лба и открыла дверь.

За дверью стояла невысокая женщина с темными волосами и жаровней, прикрытой сверху фольгой. Ее веки были чуть подкрашены тенями под цвет карих глаз, а румяна были нанесены явно второпях, отчего создавалось впечатление, что острые скулы особенно резко выступают на ее лице.

— Ты, должно быть, Талли. — Голос женщины оказался тоньше, чем можно было ожидать. Это был голос девочки, полный энтузиазма и вполне соответствовавший искоркам, мерцавшим в ее глазах. — Я — мама Кейт. Прости, что пришла без звонка, но у вас занята линия.

Талли увидела, что телефон лежит на диване рядом с матерью, и трубка с него снята.

— Я принесла вам с мамой на ужин жаркое. Думаю, твоей маме сейчас не до готовки. У моей сестры два года назад обнаружили рак, так что я знаю, что это такое. — Миссис Муларки, улыбаясь, стояла в дверях. После нескольких секунд молчания улыбка ее погасла, и мама Кейт спросила: — Так мне можно зайти?

Все похолодело у Талли внутри. «Это будет ужасно», — пронеслось в ее голове.

— Я… да, конечно.

— Спасибо, — обойдя застывшую в дверях Талли, миссис Муларки решительно направилась внутрь.

Облачко лежала, распростершись на диване, а на животе у нее красовалась стопка марихуаны. Едва улыбнувшись, она попыталась сесть, но у нее ничего не получилось. Огорченная неудачей, Дороти

сначала яростно выругалась, а потом рассмеялась. Дом буквально пропах марихуаной насквозь.

Миссис Муларки резко остановилась. На лице ее застыло обескураженное выражение.

— Я — Марджи, ваша соседка, — сказала она.

— А я — Облачко, — сказала мама Талли, снова пытаясь принять сидячее положение. — Приятно познакомиться.

— Мне тоже.

Несколько мучительных секунд женщины смотрели друг на друга. У Талли не было никаких сомнений: зоркие глаза миссис Муларки отлично видели все — кальян под прикроватным столиком, плетеную сумку с марихуаной на полу, перевернутый пустой стакан, коробки из-под пиццы на столе.

— А еще я хотела сказать вам, — заговорила Марджи, — что я почти все время дома и могла бы возить вас к врачам или по делам. Я знаю, как чувствуют себя люди, проходящие химиотерапию.

Облачко озадаченно нахмурилась:

— А кому здесь нужна химиотерапия? У кого-то рак?

Миссис Муларки, резко обернувшись, взглянула на Талли, которой хотелось в этот момент сжаться в комок и сделаться невидимой или провалиться сквозь землю.

— Талли, покажи нашей замечательной соседке с угощением, где в нашем доме кухня.

Талли припустила в кухню почти бегом. Этот розовый ад, где кругом валялись упаковки от фастфуда, в раковине громоздилась грязная посуда и на всех поверхностях красовались переполненные пепельницы, был яркой демонстрацией ее жалкой жизни, которую Талли меньше всего хотелось показывать маме своей лучшей подруги.

Миссис Муларки прошла мимо нее, наклонилась над плитой, затем поставила на рабочую поверхность жаровню, затем движением бедра захлопнула дверь кухни и, обернувшись, посмотрела на Талли.

— Моя Кейти — хорошая девочка, — сказала она после паузы.

«Начинается», — с тоской подумала Талли.

— Да, мэм.

— И она молится, чтобы твоя мама излечилась от рака. И даже соорудила в своей комнате небольшой алтарь.

Талли смотрела в пол. Ей было так стыдно, что она была не в состоянии ответить. Как она объяснит, почему солгала? Ни одно оправдание не будет достаточно убедительным для миссис Муларки, которая любит своих детей. На Талли вдруг обрушилась жгучая ревность. Может быть, если бы у нее была мама, которая ее любит, ей не было бы так легко и так необходимо врать. А теперь она потеряла самое дорогое, что есть в ее жизни, — Кейти.

— Ты считаешь, что врать своим друзьям хорошо?

— Нет, мэм.

Талли так упорно смотрела в пол, что даже вздрогнула, почувствовав на подбородке пальцы Марджи, которая чуть приподняла ее голову.

— Ты будешь хорошей подругой для Кейти или такой, которая доведет ее до беды?

— Я никогда не причиню Кейти боль.

Талли хотелось сказать больше, куда больше. Может быть, даже опуститься на колени и пообещать быть хорошей девочкой, но слезы были слишком близко к глазам, и она не решалась даже пошевелиться. Талли смотрела в темные глаза миссис Муларки и видела в них то, чего никак не ожидала увидеть: понимание.

Между тем в гостиной Облачко, спотыкаясь, добрела до телевизора и переключила канал. Талли был виден экран, светящийся в неубранной комнате. На экране Джин Энерсен вела свою передачу.

— Ты все делаешь сама, не так ли? — тихо проговорила миссис Муларки, словно боясь, что Облачко подслушивает. — Оплачиваешь счета, ходишь в магазин, убираешься? А кто же платит за все?

Талли сглотнула подкативший к горлу ком. Никто еще не видел так ясно ее жизнь с первого взгляда.

— Моя бабушка присылает раз в неделю чек.

— Мой отец был непросыхающим алкоголиком, и об этом знал весь город. — миссис Муларки говорила печальным голосом, вполне соответствующим выражению ее глаз. — А еще он был подлым типом. По пятницам и субботам вечером моей сестре Джорджии приходилось отправляться в пивнушку и волочь его на себе домой. Всю дорогу из бара отец пытался ударить ее и обзывал последними словами. Она была как один из тех клоунов, что развлекают зрителей на родео. Тех, которые все время путаются между быком и ковбоем. К концу средней

школы я поняла, почему Джорджия связалась с беспутной компанией и стала слишком много пить.

— Ей не хотелось, чтобы люди смотрели на нее с жалостью.

Миссис Муларки кивнула.

— Она ненавидела эти взгляды. Я же сделала для себя вывод, что другие люди ничего не значат. Не важно, какова твоя мать и как она проживает свою жизнь. Тебе предстоит сделать собственный выбор. И тебе нечего стыдиться. Но ты должна научиться мечтать, Талли. Строить смелые планы. — Миссис Муларки посмотрела через плечо в гостиную. — Как, например, Джин Энерсен. Женщина, которая, вопреки всему, многого добилась в жизни и знает, как идти к поставленной цели.

— Но как я узнаю, где мое место в жизни?

— Держи глаза открытыми и иди правильным путем. Поступи в колледж, обрети надежных друзей. Доверяй им.

— Я доверяю Кейти.

— И ты скажешь ей правду?

— А что, если я просто пообещаю…

— Один из нас должен сказать ей, Талли. И лучше, если это будешь ты.

Талли тяжело вздохнула. Говорить правду было против всех ее инстинктов и привычек. Но она понимала, что на этот раз у нее просто нет иного выхода. Она хотела, чтобы миссис Муларки верила ей.

— Хорошо, — дрожащим голосом произнесла Талли.

— Вот и отлично! Ждем тебя завтра к ужину. В пять часов. Это твой шанс начать все с чистого листа.

На следующий день Талли переодевалась не меньше четырех раз, стараясь выбрать правильную одежду. Когда выбор наконец был сделан, она уже так безбожно опаздывала, что ей пришлось буквально бежать по холму вверх.

Мама Кейт открыла дверь. На ней были лиловые брюки-клеш и полосатый пуловер с расширенными книзу рукавами.

— Предупреждаю, — улыбаясь, сказала она, — внутри шумно и настоящий дурдом.

— Я люблю, когда шумно и дурдом, — сказала Талли.

— Тогда ты пришла в правильное место.

Миссис Муларки обняла ее за плечи и повела в гостиную с бежевыми обоями, зеленым, как мох, ковровым покрытием, красным диваном и черным креслом-качалкой. На стене — изображение Иисуса Христа и фото Элвиса Пресли. И то, и другое в тоненьких рамках. Зато на верхней панели консоли для телевизора красовались в изобилии семейные фото. Талли невольно вспомнила тумбу для телевизора у себя дома. На верхней панели всегда валялись пустые пачки из-под сигарет и стояли переполненные окурками пепельницы. Никаких семейных фотографий.

— Бад, — обратилась миссис Муларки к полному мужчине с темными волосами, сидящему в кресле-качалке. — Это — Талли Харт, наша соседка.

Мистер Муларки улыбнулся Талли и поставил бокал с выпивкой.

— Значит, это о тебе мы так много наслышаны? Рад видеть тебя в нашем доме, Талли!

— Я тоже очень рада, что меня пригласили.

Миссис Муларки похлопала ее по плечу.

— Ужин не раньше шести. Кейти наверху, у себя в комнате, поднимайся по лестнице. Я уверена: вам, девочки, есть о чем поговорить.

Талли поняла намек и кивнула, не в силах ничего сказать. Теперь, когда она оказалась здесь, в этом теплом семейном доме, где пахло домашней едой, и стояла рядом с самой идеальной мамой на свете, она не могла даже представить себе, как сможет жить, если вдруг потеряет все это, станет здесь нежеланной.

— Я больше никогда не обману Кейти, — пообещала она.

— Хорошо. А теперь иди, — одарив ее улыбкой, миссис Муларки ушла в гостиную.

Талли было видно, как мистер Муларки обнял жену и усадил ее к себе в кресло-качалку. Их головы склонились друг к другу.

Талли вдруг почувствовала невыносимую горечь и обиду. Все в ее жизни могло быть по-другому, родись она в такой семье. И она не спешила подниматься к Кейти.

— Вы смотрите новости? — спросила Талли, заглянув в гостиную.

Мистер Муларки поднял голову.

— Мы обычно не пропускаем вечерний выпуск.

Миссис Муларки улыбнулась:

— Джин Эмерсен изменяет этот мир. Она — одна из первых женщин, которым доверили вести вечерние новости.

— Я тоже хотела бы стать журналисткой, — неожиданно разоткровенничалась Талли.

— Это просто замечательно! — отозвалась миссис Муларки.

— Так ты уже здесь? — неожиданно услышала Талли голос Кейт. — Как это мило со стороны остальных — сообщить мне, что моя подруга уже пришла, — громко произнесла она, спускаясь по лестнице.

— А я как раз говорила твоим родителям, что хочу быть журналисткой, — сказала Талли.

Миссис Муларки широко улыбнулась, и в этой улыбке было и тепло, и одобрение — то, чего Талли так не хватало всю жизнь.

— Разве не замечательная у Талли мечта, Кейти?

Кейт кивнула и, взяв Талли за руку, потащила ее из гостиной наверх. Когда девочки очутились в маленькой комнатке Кейт в мансарде, хозяйка комнаты подошла к проигрывателю и стала рыться в пластинках. Наконец она определилась с выбором и поставила «Гобелен» в исполнении Кэрол Кинг. Талли в это время задумчиво смотрела в окно на лавандовые сумерки.

Тот прилив адреналина, который она испытала, объявив семейству Муларки о своих амбициозных планах, уже прошел, оставив после себя тихую грусть. Талли знала, что она должна сейчас сделать, но при мысли об этом ей становилось не по себе.

«Давай же, Талли, скажи ей правду! Если этого не сделаешь ты, ей расскажет миссис Муларки», — уговаривала она себя.

— У меня есть новые номера молодежных журналов, — сказала Кейти, растянувшись на ковре. — Хочешь полистаем? Можем пройти тест «Сможешь ли ты стать девушкой Тони Де Франко?».

— Конечно, хочу, — сказала Талли, вытягиваясь рядом.

— Жан-Мишель Винсент такой красавчик, — сказала Кейт, указывая на фотографию актера.

— Я слышала, он бросил свою девушку, — заметила Талли.

— Ненавижу таких. — Кейт перевернула страницу. — А ты и вправду хочешь быть журналисткой? Мне ты никогда об этом не говорила.

— Да, — твердо сказала Талли, хотя сегодня она впервые представила себя в этой роли. Может быть, она сумеет стать знаменитой, тогда все будут ею восхищаться. — И тебе тоже придется стать тележурналисткой. Потому что теперь мы все будем делать вместе.

— Мне?

— Мы будем одной командой. Как Вудворт и Бернштейн, только одеваться станем лучше. И мы красивее.

— Я не знаю…

Талли ткнула ее в бок.

— Да чего там не знать-то? Миссис Рамсдейл сказала при всем классе, что ты пишешь отличные сочинения.

Кейт рассмеялась:

— Это правда. Ну, ладно, я согласна — тоже буду тележурналисткой.

— А когда мы станем знаменитыми, я скажу Майку Уоллису, что у нас ничего бы не получилось без поддержки друг друга.

Они умолкли, продолжая перелистывать журналы. Талли дважды пыталась прервать молчание и заговорить о своей матери, но оба раза Кейт прерывала ее. Потом снизу послышался крик: «Ужин готов!», лишив Талли шанса очиститься от грехов.

И на всем протяжении лучшего в ее мире ужина Талли ощущала непосильный груз собственной лжи. К тому моменту, когда они все вместе убрали посуду со стола, все перемыли и вытерли, Талли была уже на грани. И даже мечты о том, как их с Кейт пригласят на телевидение, не помогали.

— Мам, — сказала Кейт, убирая последнюю тарелку, — я и Талли покатаемся на великах в парке, хорошо?

— Мы с Талли, — поправила дочь миссис Муларки, пролистывая телевизионную программу. — И будь дома не позже восьми.

— Ну, мама…

— Ровно в восемь, — поддержал жену мистер Муларки.

Кейт смущенно посмотрела на Талли.

— Видишь, они обращаются со мной как с маленьким ребенком.

— Ты даже не представляешь, Кейти, как тебе повезло. Ну, давай, пошли за великами.

Девочки гнали сломя голову по проселочной дороге, смеясь как ненормальные. На Саммер-Хилл Талли отпустила руль, и Кейт последовала ее примеру.

Добравшись до парка у реки, они поставили велосипеды под дерево, улеглись рядом на траве и стали смотреть в небо и слушать, как бурлит речная вода, разбиваясь о камни.

— Я должна кое-что тебе сказать, — наконец собралась с духом Талли.

— Что же?

— У моей матери нет никакого рака. Она — наркоманка.

— Твоя мама курит травку, я уже поняла.

— Да. И она все время под кайфом.

Кейт повернулась к подруге:

— Правда?

— Да.

— А зачем ты солгала мне?

Талли едва сдерживалась, чтобы не отвести глаза, так стыдно ей было.

— Так вышло.

— Но люди не врут просто так.

— Ты не знаешь, что это такое — стыдиться собственной матери.

— Ты смеешься? Ты бы видела, что надела моя мамуля на последний обед в…

— Нет, ты не знаешь, — твердо произнесла Талли. — Это совсем другое дело.

— Так расскажи мне.

Талли понимала, о чем просит ее Кейт. Она хотела, чтобы правда перевесила ложь. Но Талли не знала, сможет ли облечь в слова всю свою боль и доверить ее подруге. Всю жизнь она хранила свои тайны. И если, рассказав все Кейт, она потеряет ее, это будет просто невыносимо.

Но ведь если не рассказать, их дружба прекратится наверняка.

— Мне было два года, — наконец сказала она, — когда мама бросила меня в доме своих родителей. Она пошла за молоком, а вернулась, когда мне исполнилось четыре года. Когда мне было десять, она объявилась вновь, и я подумала, что это означает, что мать меня все-таки любит. В тот раз она забыла или потеряла меня в толпе. А

следующий раз мы увиделись, когда мне исполнилось четырнадцать. Бабушка разрешила нам жить в этом доме и присылает каждую неделю немного денег. И так будет продолжаться до тех пор, пока моя мать снова не снимется с места, а она обязательно это сделает.

— Я не понимаю.

— Конечно, не понимаешь. Моя мама не такая, как твоя. Сейчас самый долгий период, который я провела рядом с ней за всю мою жизнь. Рано или поздно ей надоест сидеть на одном месте, и она снова умотает куда-нибудь без меня.

— Но как может мать поступать так с собственной дочерью?

— Наверное, во мне что-то не так, — пожала плечами Талли.

— С тобой все в порядке. Это она — лузер. Но я так и не пойму, почему ты обманула меня.

Талли наконец нашла в себе силы посмотреть подруге прямо в глаза:

— Мне очень хотелось тебе понравиться.

— Так ты сделала это из-за меня? — Кейт рассмеялась.

Талли хотелось спросить ее, что такого смешного она в этом нашла, но Кейт вдруг оборвала смех и строго сказала:

— Больше никогда не ври мне, ладно?

— Можешь не сомневаться.

— И мы будем лучшими подругами навсегда, — серьезно произнесла Кейт. — Хорошо?

— То есть ты всегда будешь рядом, когда нужна мне?

— Всегда, — пообещала Кейт, — что бы ни случилось.

Талли чувствовала, как радость распускается в душе подобно экзотическому цветку. Она словно бы слышала в воздухе его медовый аромат. Впервые в жизни она почувствовала в себе уверенность и спокойствие.

— Навсегда, — повторила она следом за Кейти. — Что бы ни случилось.

Кейт запомнила то лето после окончания восьмого класса как лучшее в своей жизни. Каждый день она безотказно делала всю работу по дому, которая лежала на ней, сидела с братом до трех часов, пока не возвращалась мама, ездившая с утра по разным хозяйственным делам и по делам благотворительного фонда. После этого Кейт была

свободна. В выходные же она чаще всего могла распоряжаться своим временем с самого утра.

Они с Талли объездили на велосипедах всю равнину и провели немало времени, сплавляясь на автомобильных покрышках по реке Пилчук. А после обеда они обычно расстилали на траве полотенца, облачались в связанные крючком яркие бикини, смазывали кожу смесью масла для младенцев и йода и слушали музыку на молодежном канале в транзисторе, который всегда брали с собой. Они говорили обо всем на свете: о фильмах, о моде и музыке, о мальчишках и о войне, и о том, что происходит за пределами их маленького мира. О том, как здорово будет вместе стать журналистками и прославиться. О кино. Запретных тем у них не было.

В конце августа девочки собрались отправиться на ярмарку. В комнате Кейти они взяли косметику. Ведь Кейти придется переодеться и накраситься, только когда они выйдут из дома. По крайней мере, если она хочет выглядеть клево. Ее мама по-прежнему считала, что Кейт еще рано краситься и одеваться по-взрослому.

— Топик положила? — спросила подругу Талли.

— Положила, — отозвалась Кейт.

Радуясь, как замечательно они все придумали, девочки спустились в гостиную, где подремывал в своем кресле-качалке отец Кейти.

— Мы отправляемся на ярмарку, — громко произнесла Кейт, радуясь, что матери нет дома — Марджи наверняка заметила бы, что сумка слишком велика для поездки на ярмарку, и своим рентгеновским зрением, возможно, разглядела бы сквозь макраме и одежду, и туфли, и косметику в сумке.

— Будьте осторожны, девочки, — сказал мистер Муларки, не поднимая головы.

Он говорил это каждый раз с тех пор, как подруги стали наведываться в Сиэтл. В новостях только и было разговоров что об убийце по имени Тед. Имя его стало известно, когда одной из жертв нападения удалось уцелеть. Девушка сумела описать маньяка. Это случилось в национальном парке штата у озера Саммамиш. Школьницы по всему штату были напуганы так же, как и их родители. Каждый желтый «фольксваген-жук» провожали глазами, гадая, не прячется ли внутри этот Тед.

— Мы будем суперосторожны, — улыбнувшись, ответила Талли.

Ей было приятно, что родители Кейт волновались и за нее.

Кейт пересекла комнату, чтобы поцеловать отца на прощание. Бад обнял дочь, затем вручил ей десять долларов.

— Повеселитесь как следует.

— Спасибо, па.

Они с Талли пошли к калитке, помахивая своими сумками.

— Как думаешь, Кенни Марксон будет на ярмарке? — спросила Кейт.

— Ты слишком много думаешь о мальчиках.

Кейт шутливо толкнула подругу бедром.

— Это на тебе он помешался.

— Тоже мне поклонничек! Я же его выше.

Неожиданно Талли встала как вкопанная.

— Ты что, Талли? Я чуть не налетела на тебя! Иди!

— О нет! — в ужасе прошептала Талли.

— Что случилось?

И тут Кейт увидела припаркованный у дома подруги полицейский фургон.

Схватив ее за руку, Талли потащила Кейт к калитке, и они побежали через улицу к дому Талли. Входная дверь была распахнута настежь.

Полицейский ждал их в гостиной.

При виде девочек его широкое лицо расплылось в улыбке, отчего приобрело клоунское выражение.

— Здравствуйте, девочки, — сказал он. — Я — офицер Дэн Майерс.

— Что она сделала на этот раз? — едва переведя дыхание, спросила Талли.

— Около озера Квино был марш протеста против истребления пятнистых сов. Ситуация вышла из-под контроля. Твоя мать и еще несколько человек устроили сидячую забастовку. Полиции Вейерхойзера пришлось попотеть. Но хуже всего, что из-за непотушенной сигареты в лесу начался пожар. Только недавно удалось его потушить.

— Дайте угадаю: ее отправят в тюрьму?

— Ее адвокат добивается добровольной госпитализации для лечения от наркозависимости. Если ей повезет, пролежит какое-то время в больнице. Если же нет… — Полицейский не закончил фразу.

— Кто-нибудь уже позвонил моей бабушке?

Офицер кивнул.

— Она ждет тебя. Тебе помочь собраться?

Кейт никак не могла понять, что происходит. Она повернулась к подруге:

— Талли?

В карих глазах девочки застыла странная, пугающая пустота, и Кейт поняла, что случилось нечто ужасное, что бы это ни было.

— Мне придется вернуться к бабушке, — сказала Талли и, пройдя мимо Кейт, отправилась в свою спальню.

Кейт побежала за ней.

— Но ты не можешь уехать!

Талли вынула из шкафа чемодан и раскрыла его.

— У меня нет выбора.

— Я заставлю твою маму вернуться. Я скажу ей…

Талли подняла голову и посмотрела на Кейт.

— Ты ничего не сможешь сделать, — тихо сказала она.

Голос у нее был какой-то взрослый — бесцветный и усталый. До Кейт впервые дошел истинный смысл всех историй про мать Талли. Они смеялись над Облачком, подшучивали над ее наркоманией, странной манерой одеваться, над ее неправдоподобными историями. Но на самом деле ничего смешного в этом не было. И Талли знала, что рано или поздно произойдет то, что произошло.

— Пообещай мне, — сказала Талли дрогнувшим голосом, — что мы все равно навсегда останемся лучшими подругами.

— Навсегда, — только и смогла выдавить из себя Кейт.

Талли закончила собирать вещи и защелкнула замок на чемодане. По радио Мадонна пела «Американский пирог», и Кейт подумала, что вряд ли теперь сможет слушать эту песню, не вспоминая этот ужасный день.

Это был день, когда умерла музыка.

Кейт проводила Талли на крыльцо. Там девочки обнялись и никак не могли отпустить друг друга, пока офицер Майерс осторожно не потянул Талли за руку.

Кейт не могла даже помахать Талли на прощание. Она стояла, застыв, и наблюдала, как уходит прочь ее лучшая подруга. По щекам ее катились слезы.

5

Следующие три года они постоянно писали друг другу письма. Это стало больше чем привычкой — это стало образом жизни. Каждую субботу вечером Талли садилась за белый стол в своей розово-фиолетовой девичьей комнате и доверяла вырванному из блокнота листку свои мысли и мечты, свою тревогу и отчаяние. Иногда она писала о ничего не значащих вещах — о стрижке в стиле киноактрисы Фары Фосетт, которую она недавно сделала и которая очень ей идет, или о платье от Ганни Сакс, которое она надела на бал предпоследнего класса, но иногда заходила гораздо дальше и писала Кейти, как не может спать или как ей приснилось, что мама вернулась домой и сказала, что гордится Талли. Когда умер ее дедушка, Талли искала утешения именно у Кейт. Она не плакала о нем, пока не раздался телефонный звонок и голос лучшей подруги на другом конце провода не произнес:

— О, мне так жаль, Тал!

Впервые в жизни Талли не стала врать или приукрашивать действительность (ну, разве что совсем чуть-чуть), она просто была собой. И для Кейт этого было достаточно.

И вот наступило лето семьдесят седьмого года. Через несколько коротких месяцев им предстояло стать старшеклассницами, стать королевами — каждой в своей школе.

А сегодня был день, ради наступления которого Талли работала все эти годы. Наконец-то ей предстояло сделать первый шаг по той дороге, которую три года назад показала ей миссис Муларки.

Первый шаг на пути к тому, чтобы стать второй Джин Энерсен.

Эти слова стали ее мантрой, секретным кодом, вмещавшим всю ее огромную мечту и делавшим реальной нынешнюю Талли Харт.

Семена, посеянные когда-то на кухне дома в округе Снохомиш, дали мощные всходы и пустили корни глубоко в ее сердце. До этого Талли даже не подозревала, как нужна ей мечта, но именно эта мечта перевернула всю ее жизнь, превратила ее из девочки, брошенной своей матерью, в Талли Харт, решившую завоевать этот мир. Стоящая перед ней цель делала прошлое совершенно незначительным, теперь у нее

было к чему стремиться. И именно поэтому миссис Муларки гордилась ею — Талли знала это из писем Кейт. Она также знала, что Кейти по-прежнему разделяет мечту лучшей подруги. Они вместе будут воплощать свою мечту и станут журналистками, будут расследовать запутанные истории и писать о них. Они будут командой.

Талли стояла на тротуаре и смотрела во все глаза на возвышавшееся перед ней здание. Смотрела взглядом грабителя, решившегося посягнуть на форт Нокс.

Как ни странно, филиал Американской радиовещательной корпорации Эй-би-си, несмотря на всю его известность, находился в небольшом здании в районе Денни Регрейд. Никакой монументальности, никаких огромных окон, никакого шикарного вестибюля. Только стоящая углом при входе стойка, приятная девушка за ней и три желтых пластиковых офисных стула.

Талли еще раз глубоко вздохнула, расправила плечи и зашла внутрь. Она назвала девушке за стойкой свое имя и села на один из стульев. В ожидании приглашения она старалась сидеть спокойно и не ерзать.

Никогда не знаешь, кто может за тобой наблюдать.

— Мисс Харт? — произнесла наконец секретарь, подняв голову. — Он готов встретиться с вами.

Талли нацепила на лицо улыбку, как для кинокамеры, и поднялась со стула.

— Спасибо, — поблагодарила она девушку, направляясь вслед за ней через дверь к другой зоне ожидания.

Итак, ей предстояло встретиться с человеком, которому она писала каждую неделю уже почти что год.

— Здравствуйте, мистер Рорбах! — Талли пожала протянутую руку. — Я рада, что мы наконец-то встретились.

Мужчина выглядел усталым и оказался старше, чем Талли его себе представляла. На голове его росли редкие кустики рыжеватых седеющих волос. На мистере Рорбахе был бледно-голубой костюм с белой строчкой.

— Прошу в мой кабинет, мисс Харт, — пригласил он.

— Миз Харт, — поправила его Талли.

Всегда лучше сразу начать с правильной ноты. Не зря Глория Штайнем говорила, что никогда не получишь уважения, если не

потребуешь его.

— Простите? — растерянно заморгал мистер Рорбах.

— Я отзываюсь на миз Харт, если не возражаете. А я уверена, что вы не возражаете. Как может человек с ученой степенью по английской литературе, полученной в Джорджтауне, быть против изменений? Уверена, что вы из тех, кто находится на переднем крае развития самосознания. Я читаю это в ваших глазах. Кстати, мне нравятся ваши очки.

Мистер Рорбах изумленно смотрел на нее. Казалось, он даже не сразу вспомнил, где они находятся.

— Следуйте за мной, миз Харт, — наконец произнес он и повел Талли по коридору к последней двери слева, которую раскрыл перед девушкой.

Кабинет оказался небольшой угловой комнаткой с окном, выходящим на монорельсовую дорогу. Стены были совершенно голыми.

Талли присела на черный стул с высокой спинкой перед письменным столом хозяина кабинета.

Мистер Рорбах сел на свое место и принялся внимательно разглядывать Талли.

— Сто двенадцать писем, миз Харт. — Он похлопал ладонью по толстой крафтовой папке, лежавшей у него на столе.

Он сохранил все письма Талли, это что-нибудь да значило. Талли вынула из папки свое новое резюме и положила перед мистером Рорбахом.

— Как вы можете заметить, в школьной газете мои статьи всегда печатали на первых страницах. Я также приложила свою большую работу о последнем землетрясении в Гватемале, обновила материал о Карен Энн Квинлан и размышления о последних днях Фредди Принца. Все это определенно продемонстрирует вам, на что я способна.

— Вам семнадцать лет.

— Да.

— И через месяц начнется ваш последний школьный год.

Письма сработали. Этот человек знал о ней все.

— Именно так, — подтвердила Талли. — Мне, кстати, кажется, что эту историю можно подать в интересном ракурсе. Начало последнего года обучения, наблюдение за классом семьдесят восьмого

года. Может быть, мы сделаем цикл ежемесячных статей о том, что же на самом деле происходит за закрытыми дверями старшей школы. Я уверена, что ваши обозреватели…

— Миз Харт, — прервал ее мистер Рорбах. Он сцепил руки в замок под подбородком, и Талли показалось, что он едва сдерживает улыбку.

— Да, мистер Рорбах.

— Это филиал Эй-би-си, мы не берем на работу школьниц.

— Но у вас ведь есть стажеры.

— Из Вашингтонского университета и различных колледжей. Наши стажеры умеют работать в телестудии. Многие из них уже вели передачи на студенческих каналах. Мне очень жаль, но вы еще не готовы к такой работе.

— О…

Они молча смотрели друг на друга.

— Я давно работаю на этом месте, миз Харт, и мне никогда не приходилось видеть такой амбициозной особы, как вы. — Он снова похлопал ладонью по папке с письмами Талли. — Знаете, что я вам скажу, продолжайте писать мне письма. Я буду следить за вами.

— И когда я буду готова стать журналисткой, вы возьмете меня на работу?

Он рассмеялся:

— Просто присылайте мне статьи, получайте хорошие оценки и поступайте в колледж. А потом посмотрим.

Талли снова почувствовала прилив энергии.

— Я буду посылать вам что-то новое каждый месяц. И в один прекрасный день, мистер Рорбах, вы пригласите меня на работу. Вот посмотрите!

— Я не стану ставить против вас, миз Харт.

Они поговорили еще несколько минут. Затем мистер Рорбах проводил Талли из кабинета. По пути он остановился у витрины с наградами, где поблескивали золотом при неярком свете несколько «Эмми».

— Я тоже когда-нибудь получу «Эмми», — сказала Талли, касаясь пальцами прохладного стекла.

Она запретила себе принимать близко к сердцу предстоящую задержку на пути к своей мечте. Это ведь была не более чем задержка.

— Знаете ли, Таллула Харт, а я вам верю. А теперь возвращайтесь в старшую школу и насладитесь последним годом детства. Взрослая жизнь наступит очень скоро.

Мир за пределами здания выглядел как на открытке с видом Сиэтла. Синее небо, и ни облачка на нем. Именно такие виды побуждают тех, кто еще не живет в Сиэтле, продать свои дома в менее живописных местах и переехать сюда. Если бы только люди знали, как редки в этом городе такие вот дни. Лето в этих местах было подобно комете — так же ярко вспыхивало и так же быстро пролетало.

Прижимая к груди черную кожаную папку своего дедушки, Талли направилась к автобусной остановке. Прямо у нее над головой прогрохотал поезд монорельсовой дороги, и земля под ногами Талли дрогнула.

Всю обратную дорогу домой Талли повторяла себе, что перед ней открыты большие возможности, что она получит степень в колледже и найдет себе работу еще лучше.

Но как бы Талли ни старалась себя утешить, ощущение провала не отступало. Придя домой, она вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, у которой опустились руки.

Талли отперла входную дверь и, войдя внутрь, швырнула папку на стол в кухне.

Бабушка сидела на стареньком диване в гостиной, положив ноги в теплых чулках на оттоманку с обтрепанной обивкой, и держала на коленях незаконченный образец не менявшегося годами рукоделия. Она спала и тихонько похрапывала.

При виде бабушки Талли выдавила из себя улыбку.

— Привет, ба, — тихо произнесла она, входя в гостиную и наклоняясь, чтобы коснуться высохшей руки бабушки. Талли опустилась на диван рядом с ней.

Бабушка медленно просыпалась. За старомодными очками с толстыми стеклами глаза ее стали вдруг ясными.

— Ну, и как все прошло? — спросила она Талли.

— Ты только представь себе, заместитель директора по новостям сказал, что я слишком хороша для этой работы, что имеющаяся у них должность — тупик для человека с такой квалификацией, как у меня.

Бабушка сжала ее руку, останавливая словесный поток внучки.

— Они сказали, что ты слишком молода, да?

Слезы, которые Талли сдерживала весь день, жгли ей глаза. Смутившаяся Талли поспешила их смахнуть.

— Я знаю: мне предложат эту работу, как только я поступлю в колледж. Вот посмотришь! Ты еще будешь мной гордиться.

Бабушка бросила на внучку сочувственный взгляд.

— Я-то и так горжусь тобой, Талли. Но ведь тебе нужно не мое признание, а внимание Дороти.

Талли припала к худенькому плечу бабушки и позволила ей утешить себя. Через несколько минут она почувствовала, что боль разочарования притупилась. Так бывает при солнечном ожоге, когда боль утихает постепенно, делая кожу менее уязвимой для солнечных лучей.

— У меня есть ты, ба, а все остальное не имеет значения.

Бабушка вздохнула:

— А теперь почему бы тебе не позвонить своей подруге Кейти? Только болтайте недолго. Телефонная связь очень дорога.

Даже сама мысль о разговоре с Кейти уже подняла Талли настроение. Поскольку междугородние переговоры действительно стоили дорого, подруги редко общались по телефону.

— Спасибо, ба, сейчас позвоню.

На следующей неделе Талли получила работу в «Квин Энн Би» — местной еженедельной газете. Круг ее обязанностей соответствовал тому скудному жалованью, которое ей платили. Но для Талли это не имело значения. Главное, что она работала по специальности. Все лето она не вылезала из тесных офисных помещений, жадно впитывая каждую крупинку знаний. А все то время, когда она не приставала с вопросами к журналистам, не снимала копии с бумаг и не бегала за кофе, Талли проводила дома, играя с бабушкой в джин на спички. Каждый вечер в воскресенье, как по часам, она писала письмо Кейти, с которой делилась всеми событиями прошедшей недели.

Вот и сейчас Талли сидела за своим детским письменным столиком и перечитывала свое очередное письмо на восьми страницах. Закончив чтение, она приписала в конце: «Лучшие подруги навсегда. С любовью, Талли». И аккуратно сложила листки.

На столе лежала последняя открытка от Кейти, которая находилась сейчас с родителями и братом в традиционном походе семьи Муларки. Кейт называла эти походы «неделями в аду с насекомыми», Талли же завидовала этому настоящему семейному отдыху. Она очень жалела о том, что не отправилась в поход вместе с ними, ей потребовалась вся ее решимость, чтобы она смогла отклонить приглашение. Но для Талли слишком важна была ее летняя работа, да и здоровье бабушки оставляло желать лучшего, так что выбора у нее практически не было.

Талли смотрела на послание Кейт, которое успела выучить наизусть.

«Играем по вечерам в карты, жарим на костре пастилу, плаваем в леденющем озере…»

Талли усилием воли заставила себя отвернуться.

В этой жизни ничего не добьешься, если будешь сожалеть о том, чего не можешь иметь. Уж этой-то науке мать ее научила.

Талли положила свое письмо в конверт, надписала его и спустилась вниз, проверить, как там бабушка, которая уже легла спать.

Потом она в одиночестве посмотрела свои любимые воскресные программы — «Вся семья», «Алиса» и «Офицер полиции», после чего заперла дверь и легла спать. Последней ее мыслью, прежде чем Талли провалилась в сон, было: «Интересно, а что сейчас делают Муларки».

На следующее утро Талли проснулась, как обычно, в шесть часов и оделась на работу. Иногда, если она приходила в офис газеты рано, кто-нибудь из репортеров разрешал ей помочь в работе над историей дня.

Пробежав по коридору, Талли постучала в последнюю дверь. Ей совсем не хотелось будить бабушку, но таково было незыблемое правило этого дома: никогда не уходить, не попрощавшись.

— Ба?

Талли снова постучала и, медленно открыв дверь, сказала:

— Ба! Я ухожу на работу.

Занавески отбрасывали на пол холодные сиреневатые тени. Образцы рукоделия, украшавшие стены, казались в сумраке нелепыми коробками.

Бабушка лежала в кровати. Даже с порога Талли видны были очертания ее тела, седые, почти белые волосы, рюшки на ночной

рубашке и… совершенно неподвижная грудь.

— Ба?

Подойдя к кровати, Талли коснулась морщинистой щеки бабушки. Она была холодной, как лед. Дыхания слышно не было.

В эту минуту Талли показалось, что весь ее мир рассыпался на куски, развалился до основания. Ей потребовались все силы, чтобы остаться у бабушкиной кровати, вглядываясь в ее безжизненное лицо.

Слезы подступали к глазам медленно, и каждая словно была из крови, слишком густой, чтобы легко пролиться. Воспоминания нахлынули на Талли, сменяя друг друга, словно картинки в калейдоскопе. Вот бабушка заплетает ей косички на ее седьмой день рождения и говорит ей, что мама, может, появится, если помолиться как следует, а уже годы спустя признает, что Бог не всегда отвечает на молитвы маленьких девочек, как, впрочем, и на молитвы взрослых.

А вот еще на прошлой неделе они играют в карты и смеются, когда Талли подбирает сброшенные карты. «Талли, дорогая, тебе не обязательно хвататься за все карты каждый раз…» А каким нежным всегда было бабушкино пожелание спокойной ночи!

Талли понятия не имела, сколько времени простояла перед кроватью бабушки, но к моменту, когда она нашла в себе силы наклониться и поцеловать ее в пергаментную щеку, через ставни уже пробивался солнечный свет. Талли удивилась, заметив, что в комнате светло. Ей казалось, что без бабушки здесь должна царить темнота.

— Давай, Талли, — сказала она самой себе.

Ей предстояло сделать много дел. Бабушка говорила с ней об этом, она хотела, чтобы Талли была готова к ее уходу. Но Талли всегда знала, что заранее подготовиться к такому невозможно.

Она подошла к тумбочке у кровати бабушки, где под висящей на стене фотографией дедушки, рядом с кипой рецептов, стояла розовая деревянная коробочка.

Талли подняла крышку, чувствуя себя чуть ли не воровкой, но бабушка велела ей сделать именно это.

«Когда я почувствую, что скоро предстану перед Всевышним, — говорила она, — я кое-что оставлю тебе в шкатулке, которую когда-то подарил мне дедушка».

В шкатулке поверх недорогих украшений, которые Талли видела на бабушке всего несколько раз, лежал сложенный листок розовой

бумаги, на котором было написано ее имя.

Медленно развернув листок, Талли начала читать:

«Моя дорогая Талли!

Прости меня, мне очень жаль. Я знаю, как ты боишься остаться одна, боишься, что все тебя бросят, но у Бога для каждого из нас имеется свой план. Я осталась бы с тобой подольше, если бы могла. Мы с дедушкой всегда будем глядеть на тебя с небес. И если ты веришь в это, то никогда не будешь одинока.

Ты была самой большой радостью в моей жизни.

С любовью, бабушка».

«Была».

Бабушка ушла туда, откуда уже не вернется.

Талли стояла, наблюдая за текущей мимо нее вереницей пожилых людей. Некоторые узнавали ее и подходили выразить соболезнования.

— Мне так жаль, дорогая…

— Она сейчас в лучшем мире…

— Со своим любимым Уинстоном…

— Она не хотела бы, чтобы ты плакала…

Талли вытерпела, сколько смогла, потому что знала, что этого хотела бы бабушка, но к одиннадцати часам она уже готова была кричать. Неужели никто из соболезнующих не видит и не понимает, что она — одетая в черное семнадцатилетняя девочка, — осталась на целом свете совсем одна.

Если бы только Кейт и ее родители были здесь! Но она не знала, как можно связаться с ними в Канаде, а поскольку они вернутся только через два дня, придется ей справляться со всем одной. Если бы рядом были эти люди, которых ей так легко было представить своей семьей, наверное, она бы выдержала всю службу до конца.

Но у Талли уже не было сил держаться и слушать, как люди, прощаясь, говорят о бабушке, разрывая душу Талли. Она встала и вышла из церкви.

На улице, при ярком свете августовского солнца, она снова смогла дышать. К глазам подступали слезы, а в голове крутился нелепый вопрос: «Как ты могла оставить меня одну?»

Стоя около старомодных запыленных автомобилей, она изо всех сил старалась не расплакаться. А еще она старалась не вспоминать и не думать о том, что же будет с ней дальше.

За ее спиной хрустнула ветка, и Талли оглянулась. Ее взгляд скользнул по припаркованным машинам. А потом она увидела ее.

На границе церковной территории, где росли раскидистые клены, стояла в тени Облачко и курила длинную тонкую сигарету. На ней были потертые вельветовые брюки-клеш и несвежая свободная блузка. А копна спутанных каштановых волос лишь подчеркивала неестественную худобу.

Талли не смогла сдержать прилив неожиданной радости, от которого учащенно забилось ее сердце. Наконец-то она теперь не одна! Облачко, конечно, не всегда поступала с ней хорошо, но ведь вернулась же в трудную минуту. Талли побежала к Дороти, улыбаясь. Она готова была простить своей беспутной матери все — все годы ее отсутствия, все случаи, когда она бросала дочь. Главное, что она была рядом именно сейчас, когда Талли нуждалась в ней больше всего.

— Слава богу, ты здесь, — сказала она, переводя дыхание. — Ты так нужна мне сейчас!

Мать потянулась к Талли и рассмеялась, когда, качнувшись, чуть не упала.

— А ты красивая маленькая бабочка, Талли. Тебе нужен воздух, чтобы быть свободной.

Все похолодело у Талли внутри.

— О нет! Только не сегодня, — сказала она, умоляюще глядя на мать. — Пожалуйста…

— Всегда! — В голосе Облачка вдруг зазвенел металл, но взгляд оставался безучастным, словно остекленевшим.

— Но я ведь твоя плоть и кровь, мама, и ты так нужна мне сейчас. — Талли чувствовала, что говорит едва слышно, но ничего не могла поделать со своим голосом.

Облачко сделала шаг вперед и снова чуть не споткнулась. Она улыбнулась жалкой улыбкой, словно извиняясь, но Талли знала этому цену. Подобные эмоции ее матери вспыхивали и мгновенно гасли, как солнце над Сиэтлом.

— Посмотри на меня, Талли.

— Я смотрю.

— Нет, посмотри как следует. Ты же видишь, я ничем не могу тебе помочь.

— Но ты нужна мне.

— В этом-то и есть гребаная правда, — сказала Облачко, смачно затягиваясь и выдыхая через несколько секунд дым.

— Почему… — начала Талли.

«Почему ты не любишь меня?» — хотелось ей спросить, но она так и не смогла выразить свою боль словами. В этот момент закончилась поминальная служба, и из церкви вышли люди в траурных одеждах. Талли отвернулась, пытаясь скрыть слезы. Когда она снова повернулась к Дороти, той уже не было.

Женщина из службы социальной поддержки держалась сухо. Она говорила правильные вещи, но от Талли не укрылось, что женщина украдкой смотрит на часы.

— Я по-прежнему не понимаю, почему должна собирать вещи, — возражала ей Талли. — Мне почти восемнадцать лет. Дом бабушки не под залогом — я знаю это, потому что весь год оплачивала счета. Я достаточно взрослая и могу жить самостоятельно.

— Нас ждет юрист, — не обращая внимания на слова Талли, сказала женщина. — Ты ведь уже почти готова?

Талли положила в чемодан стопку писем от Кейт и закрыла крышку.

Слова «я готова» отказывались слетать с языка, поэтому она просто взяла чемодан и повесила на плечо сумку.

— Да, — выдавила наконец Талли.

— Хорошо, — отозвалась женщина, повернулась и направилась к лестнице.

Талли окинула долгим прощальным взглядом свою спальню, замечая словно бы впервые некоторые вещи, обычно ускользавшие от ее внимания — бледно-сиреневое покрывало на белой двуспальной кровати, пластиковые фигурки лошадок, покрытые пылью, на подоконнике, куклу миссис Бизли на туалетном столике, коробочку для украшений «мисс Америка» с изображением балерины на крышке.

Бабушка подготовила эту комнату для маленькой девочки, которую ей привезли много лет назад. Все здесь было подобрано с любовью и заботой. Но теперь эти замечательные вещи будут сложены

в ящики и помещены в темное хранилище, как и воспоминания, которые они вызывали в памяти. Интересно, подумала Талли, сколько лет пройдет, прежде чем она сможет вспоминать бабушку и не плакать.

Закрыв за собой дверь спальни, Талли последовала за женщиной по умолкнувшему дому. Они спустились по лестнице и подошли к видавшему виды желтому «форду-пинто», припаркованному перед крыльцом.

— Положи чемодан назад.

Талли сделала, как ей велели, а сама села на пассажирское сиденье.

Когда женщина из социальной службы завела мотор, машину наполнили звуки громкой музыки из стереоколонок. Женщина тут же извинилась и прикрутила звук.

Талли лишь пожала плечами и стала смотреть в окно.

— Я соболезную тебе по поводу смерти бабушки, если я не сказала этого раньше.

Талли смотрела на свое отражение в окне машины. Лицо ее было как на негативе, лишенное красок и словно призрачное. Также чувствовала себя Талли и в душе.

— Она была исключительной во всех отношениях женщиной.

Талли ничего на это не ответила. Она вряд ли могла бы заставить себя произнести хоть слово, даже если бы хотела. С момента встречи с матерью на похоронах она чувствовала себя словно высохшей изнутри. И совершенно пустой.

— Вот мы и на месте, — сказала женщина через несколько минут.

Они остановились у красивого здания в викторианском стиле в пригороде Баллард. Табличка на двери гласила: «Бейкер и Монтгомери, адвокаты».

Талли понадобилось несколько секунд, чтобы выбраться из машины.

— Тебе не надо брать с собой чемодан, — сочувственно улыбаясь, сказала женщина.

— Я бы все-таки хотела его взять. — Талли давно знала, что надо держать свои вещи при себе.

Женщина согласно кивнула и последовала впереди Талли по заросшей травой дорожке к двери. В эксцентричной, на посторонний взгляд, приемной Талли присела на краешек кресла рядом с пустой

конторкой. На стенах с веселенькими обоями висели во множестве картины с изображением детишек с большими грустными глазами. Ровно в четыре часа к ним спустился пухлый лысеющий мужчина в очках в роговой оправе.

— Здравствуй, Таллула, — сказал он. — Я — Элмер Бейкер, адвокат твоей бабушки миссис Харт.

Талли последовала за ним в небольшую комнату наверху, где стояли два мягких кресла и небольшой антикварный стол черного дерева. На нем громоздились желтые папки, какими обычно пользуются юристы. В углу комнаты жужжал вентилятор, но он лишь гнал в сторону двери горячий воздух.

Женщина из социальной службы присела у окна.

— Сюда, сюда, — суетился мистер Бейкер, подвигая Талли собственное кресло.

— Итак, Таллула…

— Талли, — поправила она.

— Да, да. Я помню, Айма говорила, что ты предпочитаешь имя Талли, — поставив локти на стол, адвокат наклонился к ней. Его глаза, похожие на черных жуков, блеснули за толстыми стеклами очков. — Как тебе известно, твоя мать отказалась стать твоим опекуном.

Талли едва хватило сил кивнуть, хотя всю ночь она репетировала прочувствованный монолог о том, что ей надо позволить жить одной. Но сейчас она чувствовала себя совсем маленькой и беззащитной.

— Мне очень жаль, — сочувственно произнес мистер Бейкер, но Талли только поморщилась в ответ, хотя говорил он вроде бы искренне. Она уже не могла слышать эти бесполезные, ничего не значащие слова.

— Да, — односложно ответила она, сжимая руки в кулаки.

— Присутствующая здесь миз Каллиган подобрала тебе отличную семью. Ты будешь одной из нескольких брошенных детей, которым дают приют эти добрые люди. Есть еще одна хорошая новость: ты сможешь продолжить учиться в той же школе. Думаю, ты рада это слышать.

— Я просто в восторге.

Мистер Бейкер поднял на секунду глаза, удивленный ее ответом.

— Ну, разумеется. Теперь что касается наследства. Бабушка оставила тебе все свое имущество — оба дома, машину, счета в банке

и акции. Еще она оставила распоряжение, чтобы ты продолжила ежемесячные выплаты ее дочери Дороти. Твоя бабушка считала, что это — самый надежный способ следить за ее перемещениями. Дороти проявила завидное постоянство, всегда объявляясь перед получением денег. — Адвокат прочистил горло. — Итак, если мы продадим оба дома, ты сможешь какое-то время не беспокоиться по поводу финансов. Мы позаботимся о том, чтобы…

— Но тогда у меня не будет дома…

— Мне очень жаль, но миссис Харт оставила конкретные указания по этому поводу в своем завещании. Она хотела, чтобы ты могла пойти учиться в любой колледж. — Бейкер внимательно посмотрел на Талли. — Ты ведь собираешься получить в один прекрасный день Пулитцеровскую премию. По крайней мере, так мне сказала твоя бабушка.

Талли почувствовала, что сейчас разрыдается прямо перед этими людьми. Она резко поднялась на ноги.

— Мне надо в дамскую комнату.

Мистер Бейкер нахмурил лоб.

— О! Конечно. Это внизу. Первая дверь слева от входа.

Талли взяла чемодан и поплелась к двери. В коридоре она привалилась к стене, стараясь изо всех сил не расплакаться.

Неужели она теперь будет жить в незнакомой приемной семье?!

Талли посмотрела на дату на своих наручных часах.

Муларки должны вернуться завтра.

6

Дорога домой из Британской Колумбии, казалось, заняла вечность. Кондиционер в фургоне был сломан, и из вентилятора тянуло горячим воздухом. Всем было жарко, все чувствовали себя усталыми и грязными. Но маме с папой все равно хотелось петь песни, и они подбивали детей петь вместе с ними.

Кейт едва выдержала эту поездку, так все было ужасно.

— Мам, скажи Шону, чтобы перестал валиться на меня.

Братец нарочито громко рыгнул в ответ и засмеялся. Собака отчаянно лаяла.

На переднем сиденье отец наклонился вперед и включил радио. Салон заполнил голос Джона Денвера, певшего «Слава богу, я — деревенский мальчишка».

— Вот и я пою то же самое, Марджи. Почему они не хотят петь с нами вместе? Ну что ж, ладно.

Кейт вернулась к своей книге. Машину трясло так сильно, что буквы плясали у нее перед глазами. Но это не останавливало Кейт — она читала «Властелина колец», наверное, в сотый раз.

— Кейти! Кейтлин!

Она подняла глаза.

— Что?

— Мы приехали, — сказал отец. — Положи уже эту чертову книгу и помоги нам разгрузить фургон.

— А можно, я сначала позвоню Талли?

— Нет. Сначала надо разобраться с вещами.

Кейт захлопнула книгу. Она семь дней ждала возможности поговорить по телефону с подругой. Но разгрузка машины казалась родителям делом неотложным и более важным.

— Хорошо. Только пусть Шон помогает.

Миссис Муларки тяжело вздохнула:

— Отвечай за себя, Кейтлин.

Пока они разгружали вещи, расставляли все по местам, отнесли грязное белье вниз, в прачечную, и запустили стиральную машину, стемнело. Кейт подошла к матери.

— Можно мне теперь позвонить Талли? — спросила она.

Мама не успела ей ответить. Из гостиной появился отец. Он посмотрел на часы.

— В половине одиннадцатого? Вряд ли бабушка Талли одобрит такой поздний звонок.

— Но…

— Спокойной ночи, Кейти, — твердо сказал отец, обнимая жену.

— Но это так несправедливо!

— А кто тебе сказал, что жизнь всегда бывает справедлива? — усмехнулась мама. — Ложись спать! Спокойной ночи, Кейти.

Талли почти четыре часа простояла у своего дома, наблюдая, как семейство Муларки разгружает свой фургон. Несколько раз она была близка к тому, чтобы пересечь улицу и взбежать по холму к дому Кейт, но понимала, что не готова увидеться с шумным семейством сейчас, когда они в полном составе заняты разгрузкой. Ей хотелось побыть вдвоем с Кейти в каком-нибудь тихом месте, где они могли бы поговорить.

Талли дождалась, пока в доме погаснут огни, и только тогда решилась перейти через улицу. Она подождала еще минут тридцать на лужайке под окном Кейт, чтобы быть уверенной, что весь дом погрузился в сон.

Где-то слева тихонько ржала, почуяв Талли, и била копытом о землю Горошинка. Старушке, наверное, тоже нужна была компания. Во время семейного путешествия Горошинку кормил их сосед. Но это ведь совсем не то, что чувствовать каждый день, что тебя любят.

— Я знаю, как это, милая, — прошептала Талли, опускаясь на траву и обнимая руками колени.

Наверное, лучше было сначала позвонить, а не подкрадываться к дому под покровом ночи. Но миссис Муларки могла бы ответить ей, что уже поздно и пусть Талли зайдет к ним завтра утром. А сегодня все они ужасно устали с дороги. Но Талли не могла больше ждать. Навалившееся на нее одиночество было таким отчаянным, что она не могла справиться с ним сама.

Наконец в одиннадцать она встала, стряхнула прилипшую к джинсам траву и кинула камешек в окно Кейти.

Ей пришлось кидать четыре раза, прежде чем в окне появилась голова подруги.

— Талли!

Кейт исчезла в комнате и захлопнула окно. Ей понадобилось меньше минуты, чтобы оказаться на заднем крыльце дома. На Кейт была ночная рубашка и очки в черной оправе со специальной резинкой. Кейт заключила подругу в объятия.

Почувствовав, как теплые руки Кейт обвивают ее плечи, Талли впервые за последние дни ощутила себя в безопасности.

— Я так по тебе скучала, — сказала Кейт, крепче прижимая подругу к себе.

Талли молчала, потому что боялась заплакать, если попытается сказать хоть слово. «Интересно, — подумала она, — представляет ли Кейт, как нужна Талли ее дружба».

— Я привезла наши велики, — сказала Талли, отступая назад, чтобы Кейт не заметила стоявшие в ее глазах слезы.

— Здорово!

Через несколько минут они уже ехали знакомой дорогой, а затем неслись с Саммер-Хилл, подняв руки и пытаясь поймать ветер. У подножия холма они спрятали в кустах велосипеды и спустились по извилистой тропинке к реке. Вокруг них шептались деревья, вздыхал ветер и тихо шуршали падающие листья — признак ранней осени.

Кейт присела на их старом месте, под деревом, привалившись спиной к поросшему мхом стволу и раскинув ноги в высокой траве.

Талли вдруг захотелось вернуться в детство, ведь именно здесь они провели большую часть чудесного лета, связавшего воедино их жизни и превратившего их в лучших подруг. Талли прилегла около Кейт и почувствовала плечо подруги рядом со своим. После тяжелых последних дней ей было очень важно чувствовать, что ее лучшая подруга наконец-то рядом с ней. Она поставила рядом транзисторный приемник и сделала чуть громче музыку.

— Неделя в аду с насекомыми была невыносимой, — пожаловалась Кейт. — Зато я один раз уговорила Шона съесть личинку. Это стоило мне карманных денег за неделю. — Кейт захихикала. — Видела бы ты его лицо, когда я начала смеяться. А тетя Джорджия пыталась поговорить со мной на тему планирования семьи. Представляешь? Она сказала, что мне следует…

— Ты хоть понимаешь, какая ты счастливая? — Слова эти вырвались у Талли совершенно неожиданно — как шоколадки из автомата.

— Разве тебе неинтересно узнать про наш отдых как можно больше? — удивленно спросила она. — Ты ведь в письмах обо всем меня расспрашивала.

— Конечно, интересно. Просто у меня была очень плохая неделя.

— Тебя уволили?

— Так вот какое у тебя представление о плохой неделе? Хотелось бы мне пожить хотя бы денек твоей безмятежной жизнью.

Кейт отстранилась и нахмурилась.

— Ты говоришь так, как будто злишься на меня.

— Только не на тебя, — вздохнула Талли. — Ты — моя лучшая подруга.

— Тогда на кого же?

— На Облачко, на бабушку, на Господа Бога. — Талли набрала в легкие побольше воздуха и выпалила: — Бабушка умерла, пока тебя не было.

— О, Талли!

И тут настал миг, которого Талли так ждала. Наконец-то с ней рядом был кто-то, кто действительно любил ее и искренне жалел. Слезы хлынули из глаз Талли, прежде чем она сама поняла, что плачет. Отчаянные рыдания сотрясали ее тело, так что Талли едва могла дышать. А Кейт обняла крепко подругу, не мешая ей выплакаться.

Когда слез больше не осталось, Талли улыбнулась дрожащими губами:

— Спасибо, что не сказала, что тебе очень жаль.

— Но на самом деле мне действительно очень жаль.

— Я знаю.

Талли прислонилась спиной к стволу дерева и стала смотреть в ночное небо. Ей хотелось сказать Кейт, как она напугана, и что, хотя она часто в этой жизни чувствовала себя одинокой, только сейчас она поняла, что такое остаться по-настоящему одной. Но она не могла произнести эти слова даже перед Кейт. Мысли и страхи были эфемерны до тех пор, пока на облечешь их в слова. Но как только они воплощаются в слова, они могут раздавить тебя.

Кейт помолчала немного и спросила встревоженно:

— И что же теперь будет?

Талли вытерла рукой глаза и достала из кармана сигареты. Закурив, Талли закашлялась — она не курила последние два года.

— Теперь мне придется жить под опекой, но это ненадолго. Как только мне исполнится восемнадцать, я смогу жить одна.

— Ты не должна жить у чужих людей, — решительно сказала Кейт. — Я найду твою мать и уговорю ее хоть раз в жизни поступить правильно.

Талли ничего не ответила. Она была благодарна своей подруге за ее слова, но они с Кейти жили в двух разных мирах. И в мире Талли уже не было надежды на то, что ее мать придет к ней на помощь. Талли могла рассчитывать только на себя.

И еще она должна научиться переступать через некоторые вещи. Лучший способ научиться не переживать — окружить себя людьми и шумом. Талли уже усвоила этот урок.

Ей вряд ли удастся надолго остаться в Снохомише. Органы опеки быстро водворят ее в новую семью с такими же, как она, брошенными детьми. Приемным родителям выплачивали пособие на взятых детей.

— Давай пойдем завтра на вечеринку. Ну, я писала тебе о ней в последнем письме.

— У Карен дома? Это по случаю окончания каникул?

— Точно.

Кейт озадаченно нахмурилась.

— Моих предков удар хватит, если они узнают, что я пошла на вечеринку с пивом.

— А ты им скажи, что ночуешь у меня, через улицу. Твоя мама наверняка поверит, что Облачко вернулась на денек.

— Но если меня поймают…

— Не поймают. — Талли видела, как волнуется ее подруга, и понимала, что должна сейчас же отказаться от своего плана.

Это было безрассудно, возможно, даже опасно. Но она уже не могла остановить несущийся поезд. Если не сделать сейчас что-нибудь вызывающе дерзкое, она погрузится с головой в пучину собственных страхов. Она будет думать о матери, которая так часто и так жестоко ее бросала, о чужих людях, с которыми ей скоро придется жить. И о бабушке, которой больше нет.

— Никто ничего не узнает. — Она повернулась к Кейт: — Ты мне веришь?

— Да, — кивнула Кейт.

— Отлично! Тогда мы идем на вечеринку.

— Дети! Завтрак готов!

Кейт первой уселась за стол.

Мама только что поставила на стол блюдо со свежеиспеченными оладьями, когда раздался стук в дверь.

Кейт вскочила с места.

— Я открою.

Подбежав к двери, она распахнула ее настежь и изобразила удивление, увидев стоящую на пороге Талли.

— Мама, ты только посмотри! Это Талли! Как же давно мы не виделись!

Миссис Муларки вышла из кухни.

— Привет, Талли! — воскликнула она. — Рада видеть тебя. Жаль, что ты не могла поехать с нами в этом году. Но мы понимаем, как важна для тебя работа.

Талли подалась вперед. Она пыталась что-то сказать, но изо рта не вылетало ни звука. Она просто стояла и смотрела на маму Кейти.

— Что такое? — озабоченно спросила миссис Муларки, подходя к Талли. — Что с тобой?

— Бабушка умерла, — наконец проговорила Талли.

— О, дорогая! — миссис Муларки заключила девочку в объятия и прижала к себе. Все еще обнимая Талли, она повела ее в гостиную. — Выключи сковородку, Кейти, — произнесла она, даже не оглянувшись на дочь.

Кейт выключила плиту и вернулась в гостиную. Она остановилась в арке и внимательно смотрела на мать и подругу. Казалось, обе даже не замечали ее присутствия.

— Похороны уже прошли? — спросила миссис Муларки, взяв Талли за руку.

Девочка кивнула.

— Было много народу. Все говорили, как им жаль бабушку. Я уже слышать не могу эти пустые слова.

— Люди просто не знают, что еще можно сказать в этом случае.

— Особенно страшно было слышать, что бабушка сейчас в лучшем мире. Как будто быть мертвой лучше, чем быть со мной.

— А твоя мама?

— Скажем так: она не зря называет себя Облачком. Появилась и тут же исчезла. — Талли бросила взгляд на Кейт и быстро добавила: — Но сейчас она вернулась. Мы какое-то время поживем еще здесь.

— Где же ей еще быть? — кивнула миссис Муларки. — Она ведь знает, как нужна тебе.

— Можно мне переночевать сегодня у Талли, мам? — спросила Кейт. Сердце ее билось так сильно, что она была почти уверена: мать слышит каждый удар. Она очень старалась, чтобы голос ее звучал безмятежно, но поскольку сама Кейт знала, что лжет, то почти не сомневалась, что и мать заметит это.

Но миссис Муларки даже не посмотрела на дочь.

— Конечно, — кивнула она. — Вам, девочки, надо побыть вместе. И запомни, Талли Харт, ты — новая Джессика Сэвич. Ты справишься с этим, я не сомневаюсь.

— Вы правда так думаете? — спросила Талли.

— Я знаю наверняка. У тебя редкий дар, Талли. И можешь не сомневаться: твоя бабушка будет приглядывать за тобой с небес.

Кейт испытала неожиданное желание вмешаться в разговор и спросить маму, верит ли она, что и ее дочь способна изменить мир. Она уже открыла было рот, но, прежде чем успела сформулировать свою мысль, услышала, как Талли говорит:

— Я постараюсь, чтобы вы могли гордиться мною, миссис Муларки. Я вам обещаю.

И Кейт так ничего и не сказала, потому что вдруг поняла, что она понятия не имеет, что ей надо сделать, чтобы мама гордилась ею. Ведь у нее-то не было никакого редкого дара.

Но ведь ее мама должна бы считать, что такой дар у нее есть, и говорить об этом всем. А вместо этого ее мама — как и все вокруг — попала в орбиту планеты по имени Талли.

— Мы обе собираемся стать журналистами, — все-таки сказала Кейт куда громче, чем следовало.

И Талли, и миссис Муларки одновременно вздрогнули от неожиданности, и Кейт почувствовала себя полной идиоткой.

— Пойдемте, — сказала она. — Надо поесть, пока все не остыло.

Побег на вечеринку был плохой идеей. Все могло обернуться даже хуже, чем у бедняжки Кэрри Уайт. Талли знала об этом, но уже не могла отступить.

С тех пор как похоронили бабушку, а Облачко в очередной раз бросила свою несчастную дочь, горе в душе Талли постепенно уступало место гневу. Он подкрадывался незаметно, вскипая в крови, подобно хищному зверю, и наполнял Талли эмоциями, которые ей трудно было сдерживать. Она знала, что поступает неосмотрительно, но ничего уже не могла изменить. Ведь если хоть на минуту замедлить бег, страх догонит ее. К тому же план уже был запущен. Сейчас Талли с Кейти в комнате Дороти собирались на вечеринку.

— О боже! — вдруг полным ужаса голосом произнесла Кейт. — Ты только прочти!

Талли подошла к безвкусно украшенной кровати с водяным матрасом, взяла из рук подруги книгу в бумажной обложке и запустила ее в другой конец комнаты.

— Поверить не могу, что ты купила такую книгу.

— Эй! — Кейт попыталась сесть, но матрас изменил форму, и по нему словно побежали волны. — Представляешь, он привязал девушку к изголовью кровати. Я только хотела выяснить…

— Мы идем на вечеринку, Кейт. Хватит романов! Кстати, имей в виду, привязывать женщину к кровати — это извращение.

— Да, — тихо произнесла Кейт, нахмурившись. — Я знаю, но…

— Никаких «но». Одевайся!

— Хорошо, хорошо! — Кейт принялась перебирать вещи, приготовленные для нее Талли — джинсы «Джордан» и облегающий топ бронзового цвета. — Моя мама умрет, если узнает, что я вышла в таком виде из дома.

Талли промолчала. Лучше бы ей не слышать этих слов! Миссис Муларки была последней, о ком ей хотелось бы сейчас вспомнить. Она постаралась сосредоточиться на собственном прикиде: джинсы, розовый трикотажный топ, синие босоножки на платформе с завязками. Тряхнув головой, она расчесала волосы, стараясь придать им дополнительный объем, затем обрызгала их таким количеством лака, что им вполне можно было поймать муху на лету. Оставшись довольной своим видом, она повернулась к Кейт:

— А ты…

Кейт, уже переодетая для вечеринки, лежала на кровати и снова читала.

— Ты выглядишь душераздирающе, — заявила Талли.

Кейт перевернулась на спину и улыбнулась:

— Я — романтик по натуре, Талли. Я не шучу.

Талли снова отобрала у Кейт книгу. Она не смогла бы объяснить почему, но все это начинало по-настоящему ее злить. Наверное, дело было в непрошибаемом идеализме подруги. Как можно было, зная жизнь Талли, верить в чудеса из сказок?

Не глядя, следует ли за ней подруга, Талли направилась в гараж, распахнула дверцу машины и скользнула на потрескавшееся кожаное сиденье «Королевы Виктории», принадлежавшей ее бабушке. Не обращая внимания на то, что загрубевшая кожа впивалась в ее тело, Талли захлопнула дверцу.

— Ты взяла ее машину? — распахнув дверцу со стороны пассажирского сиденья, Кейт заглянула внутрь.

— Формально это теперь моя машина.

Кейт скользнула на сиденье рядом с Талли, которая засунула в восьмидорожечный плеер кассету группы «Кисс» и врубила звук на всю катушку, потом дала задний ход и надавила на газ.

Они начали подпевать и горланили песни всю дорогу до дома Карен Абнер, где уже было припарковано несколько машин, причем некоторые из них водители спрятали за кустами. Как только чьи-то родители уезжали из города, известие об этом распространялось очень быстро, и вечеринки следовали одна за другой.

Внутри в доме было душно, угадывался сладковатый запах марихуаны. Музыка была такой громкой, что у Талли сразу заложило уши. Она взяла Кейти за руку и повела ее в подвал — в комнату для отдыха. В центре огромной комнаты с панелями из пластика под дерево на стенах и зеленым ковровым покрытием на полу красовался камин, вокруг которого располагались диван в форме полукруга и несколько кресел. Несколько ребят играли в настольный футбол и отчаянно вопили при каждом повороте ручки. Другие подростки самозабвенно танцевали, подпевая музыке. На диване сидели и напивались несколько парней, а у двери, под картиной с изображением испанского матадора, разливала пиво из бочки девочка.

— Талли!

Прежде чем Талли успела опомниться, ее окружили старые друзья и оттеснили от Кейт. Она подошла к бочке и взяла у какого-то парня пластиковый стаканчик с пенящимся пивом «Райнер». Талли посмотрела на юношу и попыталась отогнать нахлынувшие на нее омерзительные воспоминания о Пэте, прижимающем ее к земле.

Она огляделась вокруг, отыскивая глазами Кейт, но не увидела подругу в толпе.

И тут все принялись приветственно выкрикивать ее имя:

— Тал-ли! Тал-ли!

Здесь ей были рады, здесь никто не собирался ее обижать. Может, у нее и будут проблемы, когда до нее доберутся органы опеки, но это будет уж точно не сегодня. Талли залпом выпила пиво и протянула стаканчик, чтобы его наполнили вновь, а сама стала звать Кейти.

Кейт тут же появилась, словно пряталась где-то рядом в ожидании, когда ее позовут.

Талли протянула ей пиво:

— На!

Кейт покачала головой. Движение было едва заметным, но Талли увидела его, и ей стало стыдно, что она предложила подруге выпивку. А потом на нее снова вдруг нахлынула злость на Кейти за то, что та была такой наивной и правильной. Сама Талли никогда не была наивной, по крайней мере она так считала.

— Кей-ти! Кей-ти! — принялась скандировать Талли, и все кругом подхватили.

— Ну же, давай, Кейти, — тихонько произнесла Талли. — Мы же лучшие подруги.

Кейт испуганно посмотрела на ребят вокруг.

Талли снова почувствовала одновременно стыд и ревность. Она могла бы остановить все это прямо сейчас, защитить Кейти…

Кейт взяла стакан и залпом выпила его содержимое.

Больше половины вылилось ей на подбородок и на топ, отчего блестящая ткань облепила грудь Кейт, но та, казалось, этого даже не заметила.

И тут сменили музыку. По подвалу поплыла мелодия «Танцующей королевы» группы «АББА».

«Ты умеешь танцевать…»

— Я люблю эту песню, — сказала Кейт.

Талли схватила ее за руку и повела туда, где все танцевали. Там Талли позволила себе отдаться во власть музыки.

К тому моменту, когда мелодия сменилась на более медленную, она тяжело дышала, но зато искренне смеялась взахлеб.

Но еще больше изменилась Кейт. Было ли дело в стакане пива или в волшебной музыке, Талли не могла понять. Одно было несомненно: Кейт выглядела потрясающе с ее белокурыми волосами, переливавшимися в свете висящей над головами лампы, с раскрасневшимся от танца нежным лицом.

Когда Нил Стюарт подошел к ним и пригласил Кейт на танец, никто не удивился, кроме самой Кейт, которая повернулась к Талли и сообщила, стараясь перекричать музыку:

— Нил хочет потанцевать со мной. Напился, наверное.

И, помахав рукой, она удалилась в танце вместе с Нилом, оставив Талли в толпе.

Кейт прижалась щекой к футболке Нила. Это было очень приятно, а еще приятнее то, как молодой человек обнимал ее в танце, положив руки на ее бедра. Кейт чувствовала, как он движется в такт ее движениям, и от этого сердце начинало биться быстрее. Совершенно новое ощущение охватило девушку. Ощущение какого-то радостного предвкушения. Она ждала… чего?

— Кейт?

Он произнес ее имя словно смущенно, и это очень удивило Кейти. Неужели он испытывает то же, что и она?

Кейти медленно подняла голову.

Нил улыбался ей. Он не очень уверенно держался на ногах.

— Ты такая красивая, — прошептал Нил и вдруг поцеловал ее прямо на глазах у всех, Кейт едва не задохнулась и застыла в его объятиях. Это было так неожиданно, что она не знала, что ей теперь делать. Его язык проник в ее рот, и Кейт невольно приоткрыла губы.

— Вау! — тихо сказал Нил, когда наконец отстранился.

О чем это он? «Вау, да ты придурочная» или «вау, какой поцелуй»?

— Копы! — заорал кто-то за ее спиной.

Нил исчез в одно мгновение, а рядом возникла Талли и схватила Кейт за руку. Они попытались ускользнуть и побежали по склону холма к деревьям. Наконец они добрались до машины, Кейт была в панике, и в желудке у нее происходила настоящая революция.

— Меня сейчас стошнит, — дрожащим голосом прошептала она.

— И не вздумай! — Талли открыла дверцу и усадила подругу на пассажирское сиденье. — Нас не должны поймать ни в коем случае.

Талли обошла машину и открыла дверцу. Опустившись на водительское сиденье, она повернула ключ зажигания, поставила передачу на задний ход и надавила на газ. Их швырнуло назад, и машина врезалась во что-то. Кейт свалилась вперед, как тряпичная кукла, ударившись лбом о приборную панель, затем она снова откинулась на спинку сиденья и посмотрела вокруг невидящим взглядом.

Талли была рядом, она в эту минуту открывала окно со своей стороны.

За окном, в темноте, стоял офицер Дэн Майерс, тот самый, который увозил Талли из Снохомиша три года назад.

— Я так и знал, что от девчонок с улицы Светлячков будет один только геморрой.

— Мать твою! — сказала Талли.

— Отличная реплика, Таллула. А теперь, пожалуйста, выйди из машины. И ты, Кейт Муларки, тоже. Вечеринка закончена.

Первое, что произошло в полицейском участке, — подруг разделили.

— Кто-нибудь придет поговорить с тобой, — пообещал Майерс, препровождая Талли в маленькую комнату в конце коридора.

Яркая лампа освещала стол с обитой жестью крышкой и два стула. Цементный пол обступали темно-зеленые стены. В комнате стоял едва уловимый неприятный запах — смесь пота, мочи и пролитого кофе. Стену слева от входа полностью занимало зеркало.

Интересно, не сидит ли где-нибудь поблизости социальный работник, разочарованно качая головой и приговаривая: «Теперь это славное семейство не захочет взять к себе Талли Харт». Или адвокат, который вообще не знает, что сказать. Или мистер и миссис Муларки.

При этой мысли Талли тихонько охнула. Как она могла быть такой глупой? Ведь до сегодняшнего вечера семейство Муларки любило ее, а она взяла и наплевала на все это. Потому что была в депрессии, оттого что умерла бабушка и ее бросила мать? Но ведь она ничего другого и не ждала от матери, пора бы к этому привыкнуть.

— Я больше не совершу ничего плохого, — сказала Талли своему отражению в зеркале. — Если только мне дадут еще один шанс, я обязательно буду хорошей.

Талли ждала, что кто-нибудь придет за ней. Возможно, с наручниками. Но проходила минута за минутой в этой душной, мерзко пахнущей тишине, а дверь так и оставалась закрытой. Талли подвинула в угол черный пластиковый стул и села.

Ну вот, допрыгалась!

Закрыв глаза, она думала об одном и том же. Но где-то в подсознании все время крутилась другая мысль, вернее, это было воспоминание.

«Ты будешь хорошей подругой Кейт?»

И как только она могла забыть о своем обещании?

На этот раз Талли даже не стала смотреть в зеркало. Ведь за стеклом никого не было. Кому теперь интересно наблюдать за ней, никому не нужной семнадцатилетней девчонкой?

В этот момент дверная ручка повернулась.

Талли напряглась. Ногти непроизвольно впились в кожу.

Будь умницей, Талли! Соглашайся со всем, что они говорят. Приемная семья лучше, чем исправительное учреждение для подростков.

Дверь открылась, и в комнату вошла миссис Муларки. В своем бесформенном платье в цветочек и старых кедах она казалась растерянной и сонной, словно ее разбудили среди ночи, и она надела то, что смогла отыскать в темноте.

Впрочем, именно так все и было.

Миссис Муларки полезла в карман в поисках сигарет. Закурив, она так и осталась стоять, внимательно изучая Талли. Разочарование, исходившее от нее, было почти таким же видимым, как дымок ее сигареты.

Жгучее чувство стыда с головой захлестнуло Талли.

Перед ней стояла расстроенная женщина — одна из немногих, поверивших в нее. А она подвела миссис Муларки.

— Как там Кейт?

Миссис Муларки выдохнула струйку дыма.

— Бад повез ее домой. Думаю, она теперь долго не выйдет на улицу.

— О! — Талли нервно поежилась.

Все ее недостатки были сейчас на виду, в этом можно было не сомневаться. Ложь, скрытые тайны, слезы. И миссис Муларки отлично все это видела. И то, что она видела, ей не нравилось.

— Я знаю, что подвела вас.

— Да, ты меня подвела. — отодвинув от стола второй пластиковый стул, Марджи Муларки села напротив Талли. — Они хотят отправить тебя в исправительное учреждение для малолетних.

Талли опустила взгляд на сложенные на коленях руки, не в силах выдержать удрученного взгляда миссис Муларки.

— Ну да, ведь приемная семья меня теперь не возьмет.

— Как я понимаю, твоя мама отказалась от опеки над тобой?

— Не очень-то я этому удивилась, — произнесла Талли, слыша, словно со стороны, как дрогнул ее голос. Она понимала, что невольно выдала, как сильно задело ее и на этот раз пренебрежение матери, но ничего не могла с собой поделать. Ей не удастся это скрыть, по крайней мере от миссис Муларки. Только не от нее.

— Кейти думает, что они смогут найти тебе другую приемную семью.

— Кейти… Кейти живет не в том мире, в котором живу я.

Миссис Муларки откинулась на спинку стула, глубоко затянулась, выдохнула дым и тихо произнесла:

— Кейти очень хочет, чтобы ты жила с нами.

Даже просто услышать это было как удар в сердце. Талли понимала, что ей не скоро удастся такое забыть.

— Ну да…

Последовала долгая пауза, прежде чем миссис Муларки снова заговорила:

— Девочке, которая живет в нашем доме, придется выполнять домашние обязанности и следовать определенным правилам. Мистер Муларки и я не потерпим никаких безобразий.

Талли резко вскинула голову:

— О чем это вы?

Она не решалась облечь в слова неожиданно вспыхнувшую надежду.

— А уж о курении не может быть и речи.

Талли смотрела на миссис Муларки, чувствуя, как слезы начинают щипать глаза, но это было ничто по сравнению с тем, что происходило сейчас в ее душе. Она вдруг почувствовала себя так, словно вот-вот упадет в обморок.

— Так вы думаете, что я действительно могу с вами жить?

Миссис Муларки наклонилась к Талли и погладила по подбородку.

— Я знаю, какой тяжелой была твоя жизнь, Талли, и я не могу допустить, чтобы ты вернулась ко всему этому.

Падение вдруг превратилось в полет, и Талли неожиданно почувствовала, как ее сотрясают отчаянные рыдания, словно она хотела выплакать все разом — смерть бабушки, приемную семью, Облачко. На нее накатило вдруг такое чувство облегчения, какого она не знала никогда в своей жизни. Она вынула из кармана дрожащей рукой мятую полупустую пачку сигарет и протянула ее миссис Муларки.

— Добро пожаловать в нашу семью, Талли, — сказала миссис Муларки, заключая плачущую девочку в объятия.

Всю свою жизнь Талли будет помнить этот момент как начало чего-то нового, как тот самый миг, когда она стала совершенно другим человеком. Позже, уже находясь в этом шумном семействе людей, любящих друг друга, она словно обнаружила внутри себя другую личность. Она больше не скрытничала, не врала, не притворялась кем-то, кем не была на самом деле, и никогда больше не вела себя так, словно была никому не нужна на этом свете, потому что оказалась недостаточно хороша. Что бы ни происходило с ней в жизни, что бы она ни делала, с кем бы ни приходилось ей общаться, она всегда будет помнить этот момент и прозвучавшие в тесной комнатке слова: «Добро пожаловать в нашу семью, Талли!» Отныне и навсегда тот год, когда она училась в выпускном классе, была неразлучна с Кейт и стала частью ее семьи, останется самым счастливым годом ее жизни.

7

— Девочки! Хватит копаться! Если мы не выедем прямо сейчас, то попадем в пробку!

В комнате на чердаке со скрипучим полом Кейт сидела на краешке кровати, растерянно глядя на открытый чемодан, в котором лежали все самые дорогие ей вещи. На самом верху оказались фотография бабушки и дедушки в рамке, засунутая в середину связки старых писем от Талли, перевязанной ленточкой, и фотография Кейт с Талли на выпускном вечере.

Хотя Кейт несколько месяцев ждала этого дня — они с Талли долгими вечерами предавались мечтам, которые начинались со слов: «Вот когда мы уедем в колледж», — теперь, когда он настал, ей почему-то совсем не хотелось уезжать из дома.

За последний год в школе они с Талли стали единым целым. Даже имена их срослись в одно: «Талли-и-Кейт». Именно так все в школе и произносили. Когда Талли стала редактором школьной газеты, Кейт всегда была рядом и помогала ей править статьи. Она жила достижениями своей лучшей подруги, купалась в лучах ее славы, но все это происходило в мире, который она знала, где чувствовала себя в безопасности.

— А вдруг я что-то забыла?

Талли решительно подошла к Кейт, захлопнула чемодан и защелкнула на нем замки.

— Ты готова.

— Нет. Это ты готова. Ты-то всегда готова, — сказала Кейт, стараясь не показать, как ей на самом деле страшно. Она вдруг пронзительно ясно поняла, как сильно она будет скучать по своим родителям. И даже по младшему брату.

Талли серьезно смотрела на подругу.

— Мы ведь — одна команда, правда? Девчонки с улицы Светлячков.

— Мы ими были. Но…

— Никаких «но»! Мы вместе едем в колледж, мы будем в одном женском клубе, а потом нас примет на работу один и тот же телеканал.

И точка! Так и будет. Мы это сможем!

Кейт отлично понимала, чего ждали от нее и родители, и Талли. Она должна быть сильной и смелой. Если бы только она и вправду чувствовала себя такой. Но, поскольку она этого не чувствовала, она сделала то, что за последний год часто делала, находясь рядом с Талли. Победно улыбнулась, изображая решительность и смелость.

— Ты права. Пойдем.

Дорога от Снохомиша до окраины Сиэтла, которая всегда занимала тридцать пять минут — не больше и не меньше, — казалось, промелькнула как один миг. Кейт не произнесла ни слова. У нее вдруг словно пропал голос, хотя Талли и ее мать прощебетали всю дорогу о предстоящей неделе знакомств в женских клубах. Казалось, что мама отнеслась к их отъезду в колледж с куда большим энтузиазмом, чем Кейт.

В высоком здании Хаггет-холл они, миновав узкие, заполненные людьми коридоры, оказались наконец в тесной комнате, где им предстояло провести ближайшую неделю. А потом, когда всех распределят, они переберутся в комнату в своем корпусе.

— Ну, вот вы и на месте, — сказал мистер Муларки.

Кейт подошла к родителям и раскинула руки в фирменном объятии их семейства.

Талли отступила на шаг назад, вдруг почувствовав себя лишней.

— Эй, Талли, иди же сюда! — позвала Марджи, и девочка радостно кинулась к ней и позволила всем троим себя обнять.

Следующий час они разбирали вещи, болтали и фотографировались. Затем Бад сказал:

— Ну что ж, Марджи, нам пора. Мы ведь не хотим попасть в пробку.

Последовала последняя порция объятий.

Кейт прижалась к матери, едва сдерживая слезы.

— Все будет хорошо, — нежно произнесла миссис Муларки. — Главное — верить во все, что вы себе намечтали. Вы с Талли станете лучшими тележурналистами, каких когда-либо видел этот штат. Папа и я гордимся вами.

Кейт кивнула, глядя на мать сквозь горячие слезы, застилавшие глаза.

— Я люблю тебя, мама!

Все закончилось слишком быстро.

— Мы будем приезжать каждые выходные, — пообещала Талли. — Вернетесь домой из церкви — а мы тут как тут.

Родители ушли, и в комнате неожиданно стало пусто.

Талли растянулась на кровати.

— Интересно, какой будет эта неделя знакомств? Думаю, нас все студенческие клубы захотят зазвать к себе. Как может быть иначе?

— Это тебя они захотят, — тихо сказала Кейт, почему-то снова почувствовав себя несчастной девочкой в очках с толстыми стеклами и немодных джинсах, которую одноклассники когда-то называли Кути. И не важно, что с тех пор она перешла на контактные линзы, избавилась от брекетов и научилась накладывать косметику так, чтобы скрыть недостатки и подчеркнуть свои достоинства. Девочек из клуба этим наверняка не обманешь.

Талли приподнялась на кровати.

— Я не вступлю ни в какой клуб, если они не возьмут нас обеих.

— Но это будет несправедливо по отношению к тебе. — Кейт подошла к кровати и присела рядом с Талли.

— Помнишь улицу Светлячков? — шепотом произнесла Талли.

За все годы их дружбы эта фраза стала своеобразным паролем, ключом к их общим воспоминаниям. Это был их способ напомнить друг другу, что дружба, которая началась в их четырнадцать лет, когда Дэвид Кэссиди казался таким клеевым, а от любимой песни можно было заплакать, будет длиться вечно.

— Я не забыла.

— Но ты не все поняла.

— И что же я не поняла?

— Когда моя мать бросила меня, кто был со мной рядом? Когда умерла бабушка, кто протянул мне руку? — Талли повернулась к Кейт: — ты. Вот и ответ на все вопросы. Мы — команда, Кейти. Лучшие подруги навеки, что бы ни случилось. Ведь так? — Она легонько толкнула Кейт, заставив ее улыбнуться.

— Ты всегда получаешь то, что хочешь.

Талли рассмеялась:

— Ну конечно! Это одно из моих главных достоинств. А теперь давай подумаем, что мы наденем в первый день…

Университет Вашингтона оказался именно таким, каким представляла его Талли. И даже превзошел ее ожидания. Территория университета растянулась на несколько километров, а сам университет занимал многочисленные готические здания и был целым миром. Его размеры подавляли Кейт, но никак не Талли, которая уже прикидывала, как ей покорить этот мир. Если здесь ее ждет успех, то она добьется успеха и в любом другом месте. С того момента, когда они переехали в общежитие, Талли готовилась работать репортером на местных мероприятиях. Кроме занятий по основным дисциплинам, связанным со средствами массовой информации, Талли находила время, чтобы читать в день не меньше четырех газет и смотреть как можно больше новостных передач. Когда наступят большие перемены, она должна быть к ним готова.

В первые несколько недель Талли посвятила большую часть времени тому, чтобы оценить происходящее вокруг и уточнить, в чем должен состоять первый этап академического плана. Она встречалась со своим консультантом из Колледжа средств массовой информации так часто, что он иногда спешил свернуть в сторону, если видел Талли Харт в коридоре. Но ее это не волновало. Когда у нее появлялись вопросы, она хотела получать на них ответы.

Однако проблема снова была в ее возрасте. Она не могла посещать занятия по журналистике и телевещанию для последних курсов; и никакие самые энергичные уговоры не помогали изменить неповоротливую бюрократическую систему огромного университета. Ей надо было ждать своего часа.

Но умение ждать не принадлежало к сильным сторонам Талли Харт.

Наклонившись к Кейт, Талли прошептала:

— И кто только сделал обязательными научные дисциплины? Разве мне нужна геология, чтобы стать тележурналистом?

— Талли!

Талли нахмурилась и выпрямилась на стуле. Они были в Кейн-холле — одном из огромнейших лекториев в кампусе. Со своего места на галерке, зажатые между пятью сотнями других студентов, они едва видели профессора, который оказался не профессором, а всего лишь его ассистентом.

— Мы можем купить конспекты, пошли отсюда. Редакция газеты открывается в десять.

Кейт даже не взглянула на подругу, просто продолжала записывать лекцию.

Талли вздохнула и уселась обратно, с раздраженным видом скрестив на груди руки. И стала ждать, пока закончится занятие. Как только зазвенел звонок, она вскочила на ноги.

— Слава богу! Ну, пошли!

Кейт закончила делать записи и собрала бумаги, затем методично сложила их в папку для бумаг.

— Ты все еще пишешь лекции? Пошли, я хочу встретиться с редактором.

Кейт встала и закинула за плечо рюкзак.

— Мы не получим работу в этой газете, Талли.

— Твоя мама запретила тебе быть пессимисткой, помнишь?

Они спустились вниз и слились с шумной толпой студентов.

Солнце освещало вымощенный кирпичом двор, известный среди студентов как Красная площадь. Возле здания библиотеки под транспарантом «ОЧИСТИМ ХЭНФОРД!» собралась компания длинноволосых юнцов.

— Перестань жаловаться моей маме, когда тебе не удается настоять на своем, — сказала вдруг Кейт. — Мы не можем записаться на журналистику раньше предпоследнего курса.

Талли остановилась.

— Так ты что, не пойдешь со мной?

Кейт продолжала идти следом за Талли.

— Просто мы не получим эту работу.

— Но ты ведь идешь со мной, правда? Мы же команда!

— Поэтому и иду.

— Я так и знала, ты просто морочила мне голову.

Так они болтали, пересекая кампус по траве под вишнями. На газоне студенты в шортах и футболках перекидывались летающими тарелками и играли в сокс — подкидывали ногами мешочки, плотно набитые бобами.

У здания, где помещалась редакция газеты, девушки остановились.

— Говорить буду я, — сказала Талли.

— Почему-то меня это не удивляет.

Смеясь, они зашли в здание, представились какому-то лохматому юноше в приемной, и их препроводили к главному редактору.

Встреча длилась меньше десяти минут.

— Я говорила тебе, что мы еще слишком молоды, — сказала Кейт по дороге обратно в общежитие.

— Черт побери! Иногда я думаю, что ты и не хочешь становиться журналисткой.

— Ложь! Ты так не думаешь.

— Стерва!

— Ведьма!

Кейт обняла подругу за плечи.

— Пойдем, звезда тележурналистики, я отведу тебя домой.

Талли так расстроилась из-за неудачного визита в редакцию газеты, что остаток дня Кейт пришлось утешать подругу, чтобы к ней вернулось хорошее настроение.

— Ну же, Талли, — говорила она несколько часов спустя, когда они оказались в своей крошечной спальне в общежитии, — давай собираться. Ты же наверняка захочешь надеть все самое лучшее на маскарад.

— Плевала я на эту дурацкую вечеринку! Все равно парень из местного студенческого братства не мой идеал.

Кейт изо всех сил старалась не рассмеяться. Это было отличительной чертой Талли. Если уж все хорошо — то очень-очень хорошо, а если плохо — то хуже некуда. И проведенное в университете время только усугубило эту ее особенность. Самое забавное было в том, что в то время как этот огромный переполненный кампус сделал Талли еще более экстравагантной, на Кейт он, напротив, подействовал успокаивающе. С каждым днем здесь она чувствовала себя все сильнее, ощущала в себе все больше готовности стать взрослой и самостоятельной.

— Давай, примадонна, — продолжала она уговаривать подругу. — Я разрешу тебе сделать мне макияж.

Талли подняла глаза:

— Правда?

— Предложение ограничено по времени. Так что оторви уже свой зад от кровати.

Талли вскочила, схватила подругу за руку и потащила в душевую, где несколько девочек уже принимали душ, расчесывали и сушили феном волосы.

Они дождались своей очереди, вымылись и вернулись в спальню. Слава богу, еще двух соседок, деливших с ними комнату, на месте не было. В крохотном пространстве комнаты, заполненном шкафами, письменными столами и двухъярусными койками для старшекурсников, им и так едва хватало места, чтобы повернуться. Их кровати даже находились на спальной веранде ниже по коридору.

Талли потратила целый час, укладывая себе и Кейт волосы и подбирая косметику. Затем она достала куски ткани, которые девочки купили, чтобы сделать себе тоги — золотистую для Талли, серебристую для Кейт, — и соорудили пару волшебных нарядов, скрепив их ремешками и булавками со стразами.

Когда все было готово, Кейт внимательно изучила свое отражение в зеркале.

Блестящая серебристая ткань отлично сочеталась с ее белой кожей и золотистыми волосами и подчеркивала зелень глаз. После того как ее несколько лет в школе считали скучной занудой, Кейти до сих пор не уставала удивляться тому, что может выглядеть хорошенькой.

— Ты — чудо! — оценила она усилия подруги.

— А я как выгляжу? — Талли повертелась перед ней, давая возможность оценить свой наряд.

Золотистая тога подчеркивала ее пышную грудь и тонкую талию, а водопад темных вьющихся волос с медным отливом, рассыпавшихся по плечам, напоминал о Джейн Фонде в «Барбарелле». Тени на веках и яркая подводка для глаз придавали Талли экзотический вид.

— Ты выглядишь потрясающе! — восхищенно произнесла Кейт. — Парни будут падать к твоим ногам.

— Ты слишком много думаешь о любви, Кейти. Наверное, это все из-за романов, от которых тебя не оторвать. Это — наша вечеринка, и плевать нам на парней. Пусть не рассчитывают на секс.

— Ну, секс меня не привлекает, но встречаться с кем-нибудь было бы неплохо.

Талли взяла Кейт за руку и вывела ее в коридор, полный смеющихся, весело переговаривающихся девчонок, собирающихся на вечеринку, бегающих взад-вперед со щипцами для завивки, фенами и задрапированных простынями.

Внизу, в официальной гостиной, одна из студенток учила подруг великому искусству флирта.

Кейт и Талли вышли из здания и слились с людским потоком, текущим вниз по улице. Этим сентябрьским вечером на улицах было многолюдно. Но особенно много в толпе было студентов — юноши в повседневной одежде, девушки в незамысловатых карнавальных костюмах, а на особенно смелых был минимум одежды. Все двигались к месту проведения праздника — клубу «Фи-Дельта».

Клуб занимал большое современное здание из стекла, кирпича и алюминия на пересечении двух улиц. Внутри помещение было обшарпанным, мебель некрасивой и явно дешевой. Но из-за многолюдья все это не бросалось в глаза.

Люди были прижаты друг к другу, как сардины в банке, что, однако, не мешало им потягивать пиво, одновременно раскачиваясь в такт звучавшей музыке.

— Все вместе! — раздалось в колонках, и толпа стала подпевать и пританцовывать под быструю мелодию.

— А теперь чуть медленнее.

Танцующие сбавили темп и успокоились, а потом все снова подняли руки, громко подпевая новой песне.

И как всегда, стоило Талли появиться на вечеринке, ее словно бы «включали». И куда только девались депрессия, неуверенная улыбка, огорчение по поводу несостоявшейся работы. Кейт с изумлением наблюдала, как ее подруга мгновенно привлекает всеобщее внимание.

— Все вместе! — смеясь, воскликнула Талли вслед за диск-жокеем. И парни тут же сорвались с места, летя к Талли, словно мотыльки на огонь, но Талли, казалось, этого не замечала. Она устремилась на танцплощадку, увлекая Кейти за собой.

Никогда еще Кейт не получала от вечеринки такого удовольствия.

Протанцевав несколько быстрых танцев подряд, она почувствовала, что ей жарко.

— Сейчас вернусь! — прокричала Кейт Талли, которая кивнула ей в ответ.

Выйдя наружу, Кейт присела на низкий кирпичный бортик, огораживающий здание. Прохладный ночной ветерок обдувал ее разгоряченное лицо. Закрыв глаза, Кейти покачивалась в такт доносившейся из здания музыке.

— Эй, вечеринка вроде бы внутри!

Кейт повернулась на голос.

Его обладатель был высок и широк в плечах, с челкой пшеничного цвета, падавшей на невообразимо синие глаза.

— Можно присесть рядом? — спросил он.

— Конечно, — позволила Кейт.

— Я — Брандт Ганновер.

— Кейт Муларки.

— Это твоя первая вечеринка в универе?

— А что — так заметно?

Молодой человек улыбнулся, и мгновенно из просто красивого юноши превратился в потрясающего парня.

— Совсем чуть-чуть. Я помню свой первый курс. Чувствовал себя так, словно попал на Марс. Я из Мозес-Лейк, — сказал он, словно это название должно было все объяснить.

— Маленький городок?

— Меньше точки на карте.

— Забавно, наверное, жить в таком.

Разговор развивался легко и непринужденно. Брандт говорил о вещах, которые были интересны Кейт. Он вырос на ферме, вставал до рассвета доить коров, а в тринадцать уже ездил на тракторе своего отца. И ему было знакомо чувство, словно ты потерялся, но потом все же нашел свой путь в таком огромном месте, как университет Вашингтона.

Музыка вдруг зазвучала оглушительно громко. Группа «АББА» исполняла один из своих хитов.

В дверях здания показалась Талли.

— Кейт! — воскликнула она, смеясь. — Так вот ты где!

Брандт тут же встал.

Талли с интересом посмотрела на молодого человека.

— Кто это? — строго спросила она.

— Брандт Ганновер.

Кейт отлично знала, что произойдет дальше. Из-за того, что случилось с Талли в темном лесу у реки много лет назад, она не доверяла парням, не хотела иметь с ними ничего общего и была твердо намерена защитить Кейт от всякого, кто попытается разбить ей сердце. Но Кейт, напротив, совершенно не пугала нависшая над ней угроза. Она хотела ходить на свидания, проводить весело время и, возможно, даже влюбиться.

Но как она могла сказать об этом Талли, если подруга твердо решила оградить ее от подобной опасности.

Талли схватила Кейт за руку и заставила встать.

— Тебе не повезло, Брандт, — заявила она, заливаясь неестественным смехом. — Это — наша песня.

— Сегодня видела Брандта в банке. Он мне улыбнулся.

Талли едва поборола желание закатить глаза. За шесть месяцев, которые прошли с того маскарада в Фи-Дельте, Кейт все время находила повод помянуть Брандта Ганновера хотя бы раз в день. Можно было подумать, что они встречаются, — так часто Кейт о нем говорила.

— Дай угадаю. Ты сделала вид, что не заметила?

— Улыбнулась в ответ.

— Вау! Этот день войдет в историю.

— Я подумала, что могла бы пригласить его весной на бал. И тебе можно было бы кого-нибудь пригласить.

— Мне надо писать статью про аятоллу Хомейни. Знаешь, я думаю, если продолжать слать материалы в газету, рано или поздно они что-нибудь напечатают. Может быть, ты тоже…

Кейт резко повернулась к подруге:

— Ну, хватит! Я отрекаюсь от нашей дружбы. Тебе неинтересна наша социальная жизнь, но мне-то она интересна. И если ты не пойдешь…

— Поняла, поняла, — рассмеялась Талли.

Кейт тоже не могла не рассмеяться.

— Ну, ты и зараза, — сказала она, обнимая подругу за плечи.

И они вместе направились к кампусу.

У проходной Кейт сказала:

— Я на лекцию Мини, а ты куда?

— На драматургию и телевидение.

— Ах да! Твой первый журналистский курс. И как раз с тем парнем, которого ты преследуешь с тех пор, как мы здесь.

— С Чадом Уили.

— И сколько писем пришлось написать, чтобы туда прорваться?

— Около тысячи. И ты должна пойти со мной.

— Ты же знаешь, я пойду на предпоследнем курсе. Тебя проводить?

Именно за это Талли и любила свою подругу. Каким-то образом Кейти понимала, что, несмотря на показную смелость, Талли очень нервничала. Сегодня должно было начаться то, о чем она так давно мечтала.

— Нет, спасибо! — ответила она. — Разве может мое триумфальное появление происходить с подругой за ручку?

Талли смотрела вслед уходящей от нее Кейти, пробираясь в толпе снующих между зданиями студентов. Она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Или хотя бы казаться спокойной.

Уверенной походкой пройдя мимо фонтана Фрош-Понд, она направилась к зданию, в котором находился факультет драматургии и телевидения; но прежде всего направилась в туалет.

Там она стала крутиться перед зеркалами. Пышная копна вьющихся волос и макияж были безупречны. Облегающие джинсы, белая блуза с воротником-стойкой и с золотым ремнем создавали образ сексуальной и одновременно деловой девушки.

Прозвенел звонок, и Талли поспешила по коридору. Болтавшийся за ее спиной рюкзак задорно подпрыгивал. В лекционном зале она решительно спустилась вниз и уселась в первом ряду.

Перед аудиторией сидел на металлическом стуле преподаватель.

— Я — Чад Уили, — произнес он низким голосом, исполненным мужского обаяния. — Те из вас, кому знакомо мое имя, получают высший балл за первое занятие.

Смех прокатился по аудитории. Талли смеялась громче всех. Она не просто знала имя этого человека, она знала всю его биографию, знала, что, едва закончив колледж, он уже считался вундеркиндом в своей профессии. Чад быстро сделал карьеру, став успешным ведущим, когда ему не исполнилось и тридцати. Но потом вдруг все потерял. Пара задержаний пьяным за рулем, автомобильная авария,

повлекшая травмы обеих ног и покалечившая ребенка, и его звезда закатилась. Пару лет о Чаде никто не вспоминал, а затем он появился в университете Вашингтона в роли преподавателя.

Уили встал. Вид у него был неухоженный — длинные черные волосы, трехдневная щетина, — но живой ум, светившийся в глазах, никуда не делся. Печать некой избранности по-прежнему лежала на его облике. Неудивительно, что ему удалось справиться с неприятностями.

Вручив Талли учебный план, он собрался было двигаться дальше.

— Ваш репортаж о деле Карен Силквуд отмечен печатью вдохновения, — произнесла вдруг Талли, лучезарно улыбаясь.

Он остановился и посмотрел прямо на Талли. Под его взглядом — внимательным и напряженным — она почувствовала вдруг неловкость, но только на одну секунду. Словно зажегся и тут же погас лазерный луч. И Уили продолжил свой путь к следующему студенту.

Наверняка он подумал, что перед ним еще одна выскочка с первого ряда, мечтающая лестью заслужить поблажки.

В будущем надо быть осторожнее. Ничто сейчас не было так важно для Талли, как произвести благоприятное впечатление на Чада Уили. Она собиралась научиться у этого человека всему, чему он мог научить.

Часть вторая
Восьмидесятые

Любовь — поле боя, и мы стоим на нем, одно разбитое сердце рядом с другим.[2]

8

К концу второго курса Талли Харт не сомневалась: Чад Уили знает, кто она. Она прослушала два его курса — «Журналистика» и «Вещание I и II». Она жадно впитывала все, чему он учил. И делала все, о чем он просил, отдаваясь этому целиком. Если надо было — лезла на стену.

Но была одна проблема: Чад не желал ее замечать. Всю прошлую неделю они зачитывали новости с телесуфлера. Каждый раз, закончив, Талли тут же смотрела на преподавателя. Но он ни разу даже голову не поднял от своих бумаг. Вместо этого он выплевывал какое-нибудь критическое замечание, словно диктовал рецепт надоевшему соседу, затем кричал: «Следующий!»

День за днем, неделя за неделей, урок за уроком Талли ждала, когда он заметит ее бесспорное дарование. Когда он скажет: «Ты готова начать карьеру». Сейчас шла первая неделя мая, до конца учебного года оставалось шесть недель, а Талли все еще ждала.

Многое изменилось в ее жизни за последние два года. Она остригла волосы до плеч и избавилась от челки. Иконой стиля была для нее теперь не Фара Фосетт-Мейджорс, а Джессика Сэвич. Мода восьмидесятого года была словно специально создана для Талли: пышные волосы, яркая косметика, блестящие ткани и подплечники. Пастельные тона и стиль скромной студентки были не для нее. Когда она входила в помещение, ее сразу же все замечали.

Кроме Чада Уили.

Но скоро все должно было измениться, Талли была в этом уверена. На прошлой неделе она наконец набрала достаточно баллов, чтобы претендовать на летнюю стажировку на местной телестанции, располагавшейся на территории кампуса. Талли поднялась в шесть утра, чтобы ее имя первым появилось в списке претендентов. Когда ей дали отрывок, который надо было подготовить для прослушивания, Талли отправилась домой и стала неутомимо практиковаться. Она перепробовала десятки вариантов, пока наконец нащупала подходящий тембр и интонацию, соответствующие истории, которую надо было озвучить. И вчера она наверняка прошла прослушивание,

Талли не сомневалась в этом. И вот наконец настало время пойти узнать результаты.

— Как я выгляжу?

Кейт даже не подняла глаз от «Поющих в терновнике».

Талли вдруг почувствовала прилив раздражения. Последнее время раздражение посещало ее все чаще. Иногда, когда она смотрела на Кейт, ей казалось, что ее давление подпрыгивает до потолка. Талли едва сдерживалась, чтобы не накричать на подругу.

Вся проблема была в любви. Кейти провела весь первый курс в мечтах об этом Брандте Ганновере с дурацкой стрижкой. Когда он наконец позвал ее на свидание, все обернулось сплошным разочарованием, и их роман быстро закончился. Но Кейт, казалось, было все равно. Весь второй курс она встречалась с Тедом, который ее предположительно любил, затем с Эриком, который точно не любил. Кейти ходила на одни танцы студенческих обществ за другими, и хотя она умудрилась не влюбиться ни в одного из тех придурков, с которыми встречалась — и определенно не занималась ни с одним из них сексом, — говорила о них Кейт постоянно. Почти каждое предложение начиналось с мужского имени. Хуже того, Кейт никогда не упоминала о своих планах относительно обучения тележурналистике. Казалось, она отлично себя чувствует, посещая курсы по другим дисциплинам. А если кто-нибудь из знакомых студенток умудрялся обручиться со своим парнем, Кейт присоединялась к сокурсницам, охающим и ахающим над кольцом, которое демонстрировала счастливая невеста. Талли от всего этого порядком устала. Она продолжала писать новостные репортажи, которые студенческая газета отказывалась печатать, отираться вокруг местной телестанции, где никто не хотел уделить ей даже минуты времени, и среди всех этих неудач, когда ей так требовалось утешение лучшей подруги, Кейт постоянно пребывала в мечтах об очередном свидании.

— Ты на меня даже не смотришь, — посетовала Талли.

— А это и не обязательно, — отозвалась Кейт.

— Но ты ведь знаешь, как это важно для меня.

Наконец Кейт подняла глаза.

— Ты разучивала одну и ту же новость целую неделю. Даже когда я вставала среди ночи пописать, я слышала, как ты репетируешь.

Поверь: я знаю, как ты психуешь.

— Тогда почему ты не обращаешь внимания?

— Это вовсе не так. Я просто знаю, что на этот раз ты получишь работу ведущей.

Талли улыбнулась:

— Обязательно получу. Правда?

— Ну конечно. Ты чертовски хороша! Ты станешь первой студенткой младших курсов, которой удалось появиться в эфире.

— На сей раз профессору Уили придется это признать. — Талли схватила рюкзак и перекинула его через плечо. — Пойдешь со мной?

— Я не могу. Встречаюсь с Джошем. Мы вместе идем в учебную группу в «Суззалло».

— Сногсшибательный вариант свидания, просто высший пилотаж. Но каждому свое. — Талли взяла с туалетного столика солнцезащитные очки и вышла из комнаты.

В этот день в середине мая кампус купался в ярких солнечных лучах, хотя было еще прохладно. Все растения цвели, а трава была такой зеленой и густой, что казалась зелеными островками среди цементных дорожек. Талли уверенно шла через кампус к зданию телестудии. Она остановилась перед дверью, чтобы поправить выбившуюся прядь, затем решительно вошла в тихий холл. Слева от нее была доска для объявлений. «Требуется сосед по комнате — только курящий марихуану», — было первое, что бросилось ей в глаза. Она заметила, что все полосочки с телефонами были оборваны, в отличие от висевшего рядом объявления «Требуется сосед по комнате, предпочтение родившимся заново в христианстве», которое выглядело удручающе нетронутым.

Аудитория номер двести четырнадцать была закрыта. И свет из-под двери не пробивался. Но рядом, на другой доске был пришпилен белый листок бумаги.

ДОЛЖНОСТИ/ОТДЕЛЫ ЛЕТНЕЙ СТАЖИРОВКИ

Новости/ведущий Стив Ландис
Погода Джейн Тернер
Маркетинг и связи с общественностью Гретхен Лаубер
Спорт Дэн Блуто

Планирование дневных программ Айлин Хаттон
Исследование/проверка фактов Талли Харт

На Талли нахлынула волна разочарования и даже гнева. Распахнув дверь, она зашла в темную аудиторию, где никто не мог ее видеть, бормоча про себя:

— Чад Уили, ты — гнусный лузер, не способный отличить талант, даже если он встанет рядом и сожмет в кулаке твой крошечный член…

— Насколько я понимаю, речь идет обо мне?

Талли вздрогнула от звука его голоса.

Уили стоял в тени всего метрах в шести от нее. Его темные волосы падали на плечи в еще большем беспорядке, чем обычно. Он подошел ближе.

— Спросите меня, почему вас не назначили вести вечерние новости, и я вам отвечу.

— Мне наплевать почему.

— Действительно? — Еще несколько секунд он без улыбки смотрел прямо на Талли, затем повернулся и направился вдоль ряда к кафедре.

Талли оставалось либо обуздать свою гордость, либо рискнуть будущим. К тому моменту, когда она приняла решение и поспешила вслед за Уили, он уже зашел за кафедру.

— Ну, хорошо. — Это слово, словно споткнувшись обо что-то, все-таки вылетело из ее горла. — Почему?

Уили сделал шаг в ее сторону. Только сейчас Талли как следует разглядела мужественные черты его лица, глубокие складки, пролегшие к подбородку. Тусклый свет, падающий на лицо, подчеркивал каждую его черточку, каждое пятнышко на его коже.

— Всякий раз, когда вы входили в аудиторию, я замечал, как тщательно вы подобрали свою одежду и потратили немало времени на прическу и макияж.

Теперь он не просто смотрел на Талли, он наконец видел ее. И она тоже увидела его как будто впервые. За общей неухоженностью проглядывали те черты, которые когда-то делали этого человека весьма привлекательным. Но больше всего завораживали его глаза — влажные карие глаза, в которых читалась грусть, говорившая о пустоте внутри.

— Да. И что же?

— Ты знаешь, что красива, — сказал он.

Голос Чада Уили не дрогнул, и в нем не было ни грусти, ни отчаяния, которые читались в глазах. Голос был спокойным и отстраненным. В отличие от мальчишек, которых Талли встречала на танцах студенческих обществ, в кампусе или в местных кабачках за игрой в пул, он не был пьян и не жаждал к ней прикоснуться.

— Я еще и талантлива, — дерзко произнесла Талли.

— Может быть, когда-нибудь позже…

То, как он произнес это, привело Талли в бешенство. Она подыскивала какую-нибудь убийственную колкость, как вдруг Чад Уили стремительно преодолел разделявшее их расстояние. И времени ей хватило только на то, чтобы понять, что она ничего не понимает.

— Что вы… — успела произнести Талли, прежде чем он поцеловал ее.

От прикосновения его губ Талли почувствовала, как что-то невыносимо прекрасное и в то же время болезненное распускается у нее внутри. И по какой-то непонятной ей самой причине она вдруг заплакала.

Чад Уили, должно быть, почувствовал вкус ее слез, потому что он вдруг отстранился и спросил, нахмурившись:

— Ты девушка или женщина, Талли Харт?

Она отлично понимала, о чем ее спрашивают. Как сильно ни старалась Талли спрятать свою невинность и неискушенность, профессор Уили сумел все это почувствовать.

— Женщина, — ответила Талли. Голос ее невольно дрогнул.

Хватило одного его поцелуя, чтобы Талли поняла: что бы там ни следовало знать женщине о сексе, то жалкое изнасилование в лесу не дало ей никаких представлений о том, что это такое. Она не была девственницей, все обстояло гораздо хуже. Она была вместилищем болезненных воспоминаний, и все же теперь, рядом с этим человеком, ей впервые в жизни захотелось большего, чем просто поцелуй.

Точно так же она чувствовала себя в ту ночь рядом с Пэтом.

Хотя нет! Сейчас все было по-другому. Она давно уже не была той несчастной, одинокой девочкой, готовой пойти в любой самый темный лес, только бы почувствовать себя любимой.

— Хорошо, — пробормотал Чад и снова поцеловал ее.

На этот раз поцелуй был долгим, очень долгим и таким глубоким, что заставил все внутри ее запеть от нахлынувшего желания. К тому моменту, когда Чад прижал к себе ее бедра, зажигая огонь внизу живота, она успела позабыть обо всех своих страхах.

— Ты хочешь большего? — прошептал Чад.

— Да.

Он подхватил Талли на руки и отнес на хлипкий диван, прислоненный к скрывающейся в тени стене. Положив Талли на продавленные подушки, он принялся медленно и нежно раздевать ее. Талли слышала, словно откуда-то издалека, как щелкнула, расстегиваясь, застежка лифчика, почувствовала, как с нее снимают трусики. А между тем поцелуй все длился и длился, а огонь внутри разгорался все жарче.

Когда оба они оказались обнаженными, Чад Уили опустился на диван и сжал Талли в объятиях. Пружины протестующе заскрипели под их весом.

— Никто ведь не уделял тебе внимания по-настоящему, а, Талли?

Талли увидела в его глазах отражение собственного желания, и впервые за всю жизнь не почувствовала страха в мужских объятиях.

— Именно это ты и собираешься сделать? — прошептала она. — Уделить мне внимание?

Он убрал с лица девушки влажные волосы.

— Я кое-чему научу тебя, Талли Харт. Разве не этого ты хотела?

Талли потребовалось почти два часа, чтобы найти Кейт. Она начала поиски с комнаты для занятий в подвале общежития, затем посмотрела в телевизионной, в их комнате и даже на спальной террасе, хотя в этот солнечный майский день терраса, вполне понятно, была пуста. Талли поискала в библиотеке для старшекурсников и в любимом Кейт отделе для индивидуальной работы. Потом в читальне для выпускников, где несколько хиппового вида студентов зашикали на нее, стоило ей появиться на пороге. Талли уже готова была сдаться, когда вспомнила про «аппендикс».

Ну конечно!

Она побежала через весь кампус к небольшому двухэтажному домику с остроконечной крышей, который студенты называли «аппендиксом». Каждый год шестнадцати девочкам со старших курсов

везло, и им предлагали перебраться из главного здания сюда. Место было шикарным. Никаких кураторов и воспитателей. Обстановка — самая близкая к реальной жизни, на которую можно было вести еще до окончания университета.

Талли открыла входную дверь и выкрикнула имя Кейт. Кто-то ответил, что она на крыше.

Талли схватила из холодильника две банки с фруктовым напитком и побежала наверх. В дальней спальне было открыто окно. Она высунулась, чтобы посмотреть на крышу навеса для автомобилей.

Да, Кейт была там собственной персоной — лежала в белом вязаном бикини на пляжном полотенце и читала роман в мягкой обложке. Талли вылезла на выступ и пересекла крышу автостоянки, которую студенты называли «черный пляж».

— Эй! — произнесла она, протягивая подруге банку с напитком. — Дай угадаю: ты читаешь про любовь.

Кейт наклонила голову и, улыбаясь, прищурилась от солнца.

— «Обещание» Даниэлы Стил. Очень грустно.

— Хочешь послушать про настоящий роман?

— Как будто ты что-то об этом знаешь. С тех пор как мы здесь, ты ни разу не сходила на свидание.

— Не обязательно ходить на свидание, чтобы заняться сексом.

— Большинство людей ходят.

— Но я же не из большинства. И ты это знаешь.

— Хм, ну да, — сказала на это Кейт. — Но не думаешь же ты, что я поверю, будто кто-то смог склонить тебя к сексу.

Талли взяла одно из оставленных кем-то полотенец и легла рядом с подругой. Стараясь не рассмеяться, она смотрела прямо в небо.

— И даже целых три раза, если быть точной.

— Но ты ведь пошла посмотреть распределение должностей летней стажировки. — Кейт резко села. — Нет! Ты же не…

— Сейчас ты скажешь, что студенты не должны заниматься сексом с преподавателями. Но, я думаю, это больше похоже на консультацию, на инструктаж. Но ты не должна никому говорить.

— Так ты занималась сексом с Чадом Уили?

Талли мечтательно вздохнула:

— Это было просто потрясно, Кейти. Я серьезно.

— Вау! А что он делал? А ты что делала? Тебе было больно? Тебе было страшно?

— Да, было страшно, — призналась Талли. — И сначала я не могла думать ни о чем, кроме… ну, ты знаешь… кроме того вечера с Пэтом. Мне казалось, что меня сейчас стошнит. Или что надо попробовать убежать. Но потом он поцеловал меня.

— И?

— И я растаяла. Он снял с меня всю одежду, прежде чем я вообще успела что-то сообразить.

— Тебе было больно?

— Да, но не так, как в прошлый раз. — Талли удивило, как неожиданно легко вдруг стало говорить о том вечере, когда ее изнасиловали. Она впервые отнеслась к этому просто как к неприятному воспоминанию о том, что случилось с ней когда-то. Нежность Чада доказала ей, что от секса не обязательно должно быть больно, что все может быть просто чудесно. — А потом было хорошо, очень хорошо. Я теперь знаю, о чем все эти статьи в «Космо».

— Он сказал, что любит тебя?

Талли рассмеялась, но где-то в глубине души вдруг почувствовала, что ей не так уж смешно, как она пытается показать.

— Нет.

— Ну что ж, это хорошо.

— Почему? Я недостаточно хороша, чтобы в меня влюбиться? Это — для хороших католических девочек вроде тебя?

— Но он же твой преподаватель, Талли.

— Ах, ты об этом! Ну, не собираюсь волноваться из-за таких пустяков. — Она удивленно посмотрела на подругу. — А я-то думала, что ты сейчас выльешь на меня всю романтическую чушь из своих романов, скажешь, что это, наверное, было как в сказке.

— Я должна с ним познакомиться, — вдруг твердо заявила Кейт.

— Ну, с ним двойное свидание не назначишь.

— Тогда я буду третьим колесом. Эй, если мы пойдем куда-нибудь пообедать, его рейтинг поднимется.

— Ну ты и стерва! — рассмеялась Талли.

— Возможно, но все равно я хочу знать подробности. Меня интересует все. Можно, я буду записывать?

Сойдя с автобуса, Кейт постояла на месте, читая написанный на бумажке адрес. Записку с адресом она держала в руке.

По тротуару, натыкаясь на Кейт, торопились люди. Расправив плечи, Кейт двигалась вперед. Не было смысла волноваться по поводу предстоящей встречи, она и так нервничала целый месяц. Волновалась, нервничала и не переставала ворчать. Не так-то просто было уговорить Талли согласиться.

В конце концов Кейт использовала последний довод. Волшебные слова: «Ты что, мне не доверяешь?» После этого оставалось только назначить дату.

И вот теперь теплым летним вечером она направлялась к зданию, где находилось нужное ей заведение, чтобы спасти свою лучшую подругу от самой большой ошибки в ее жизни — от интимной связи с преподавателем.

И действительно, что хорошего могло из этого выйти?

Внутри «Последнего выхода в Бруклин» Кейт почувствовала себя словно в другом мире, которого никогда не видела раньше. Во-первых, ресторан был огромным — не меньше семидесяти пяти столиков с мраморными крышками вдоль стен и большие деревянные столы — посередине. Пианино и небольшая сцена казались центром заведения. Внимание Кейт привлек висящий на стене потрепанный постер со строчками из поэмы «Дезидерата»: «Иди спокойно среди шума и спешки и помни, что покой бывает в тишине».

Ни покоя, ни тишины кругом не было, как не было и свежего воздуха.

В зале до самого потолка висела серо-голубая дымка. Почти за всеми столиками курили посетители. То и дело щелкали зажигалки, люди при разговоре размахивали руками с зажатыми в пальцах сигаретами. Сначала Кейт показалось, что в зоне вообще нет незанятых столиков — за каждым сидели люди, игравшие в шахматы, гадавшие на картах таро, споривсшие о политике. Несколько человек толпились вокруг микрофона, пощипывая струны своих гитар.

Кейт прошла через зал в дальний угол. Через открытую дверь она увидела другой зал, заставленный столами для пикника, вокруг которых посетители громко разговаривали и курили.

Талли сидела за столиком у противоположной стены, словно бы в тени. Увидев Кейт, она встала и помахала рукой.

Кейт протиснулась мимо женщины, курившей сигарету с гвоздичным ароматом, и тут она увидела его. Чада Уили.

Он был совсем не таким, каким представлялся Кейт. Уили лениво развалился на стуле, вытянув вперед одну ногу. Даже сквозь дымный полумрак Кейт увидела, что он красив. И он вовсе не выглядел старым, может быть, немного усталым. Но скорее в том смысле, в каком искушенные мужчины устают от светской жизни. Он был больше похож на гангстера или рок-звезду. Улыбка появлялась на его лице постепенно, зажигая огнем его глаза, в которых Кейт вдруг прочла понимание, удивившее ее и даже заставившее на секунду остановиться.

Он отлично знал, зачем она здесь: лучшая подруга пришла спасти девушку, которая совершала ошибку, встречаясь не с тем мужчиной.

— Вы, должно быть, Чад, — сказала она.

— А вы, должно быть, Кейти.

Ей стало не по себе от того, что он употребил ее уменьшительное, домашнее имя. Этим Чад как бы подчеркивал свою близость с Талли.

— Садись, — распорядилась Талли. — А я пойду поищу официантку.

И она исчезла, прежде чем Кейт успела открыть рот.

Кейт посмотрела на Чада.

— Интересное место, — сказала она, чтобы поддержать разговор.

— Похоже на огромный пивной паб, только пива не наливают, — сказал Чад. — Одно из тех мест, где можно изменить себя.

— А я всегда думала, что изменения начинаются изнутри.

— Иногда. А иногда их навязывают.

При этих словах глаза его потемнели, отразив непонятные Кейт эмоции. Она вдруг вспомнила историю этого человека, разрушившего свою успешную карьеру.

— Вас ведь уволят из университета, если узнают о вас с Талли, не так ли?

Чад Уили опустил вытянутую ногу и сел прямо.

— Предпочитаешь общаться вот так? Хорошо! Я уважаю прямоту. Да. Я потеряю и это место.

— Вы из тех, кому важнее всего в жизни риск?

— Нет.

— И вы, конечно, уже спали со своими студентками.

Он рассмеялся:

— Вряд ли.

— Тогда почему?

Чад искоса взглянул на Талли, стоявшую у барной стойки и пытавшуюся сделать заказ.

— Вот уж от тебя не ожидал услышать такой вопрос. Талли ведь твоя лучшая подруга.

— Она особенная.

— Вот именно.

— Но как насчет ее карьеры? Она ведь будет разрушена, если узнают о связи Талли с вами. Все будут говорить, что она дошла до диплома через постель профессора.

— Очень мило с твоей стороны, Кейти. Ты должна за ней приглядывать. Она нуждается в этом. Она… такая хрупкая, наша Талли.

Кейт не знала, что расстроило ее больше: что Чад считает Талли хрупкой или что говорит о ней «наша Талли».

— Да она как паровой каток. Я не зря зову ее «тропический ураган Талли».

— Это все внешнее. Для окружающих.

Кейт откинулась на спинку стула. Удивлению ее не было предела.

— Так вы действительно неравнодушны к ней.

— Во мне скорее говорит жалость. И что же ты намерена ей сказать?

— О чем?

— Ты ведь пришла сюда в поисках нужных слов, чтобы убедить Талли больше не встречаться со мной, так? Ты можешь, конечно, сказать, что я слишком стар. И аргумент про преподавателя — всегда беспроигрышный вариант. И кстати, просто для сведения, еще я слишком много пью.

— И вы хотите, чтоб я все это сказала Талли?

Чад внимательно посмотрел на нее:

— Нет, я не хочу, чтобы ты все это говорила Талли.

За их спиной лохматый юноша в потрепанных штанах подошел к микрофону. Он представился Кени Гореликом и начал играть на саксофоне. Джазовая композиция оказалась такой невероятно романтичной, что на несколько секунд стихли все разговоры в

переполненном зале. Кейт почувствовала, что музыка словно уносит ее куда-то прочь отсюда. Однако постепенно музыка снова стала восприниматься как фон, и Кейт взглянула на Чада. Он внимательно изучал ее лицо. Кейт понимала, как важен для него этот разговор и как много значит для этого человека ее подруга Талли. И это вдруг все изменило. Кейт оставалось только поражаться тому, как быстро изменилось ее отношение к Чаду. Теперь, сидя напротив, она уже волновалась по иному поводу: ей пришло в голову, что Талли может разрушить жизнь Чада Уили, который, по мнению Кейт, был явно не готов перенести еще один удар судьбы. Прежде чем она успела ответить на заданный Чадом вопрос, появилась Талли, за ней следовала официантка с лиловыми волосами.

— Ну что? — спросила Талли, хмурясь. — Вы уже друзья?

Чад отозвался первым:

— Мы друзья.

— Отлично! — Талли уселась к нему на колени. — А теперь — кто хочет яблочного пирога?

Чад высадил девушек в двух кварталах от общежития, на улице с потемневшими от времени строениями, в которых жили студенты, не обращавшие внимания на то, что так ценили девушки из студенческих клубов.

— Приятно было познакомиться, — сказала Кейт, выходя из машины. Она остановилась на тротуаре, ожидая, пока Талли закончит прощаться с Чадом.

Наконец Талли вылезла из машины и помахала ему рукой. «Форд-мустанг» умчался прочь.

— Ну как он тебе? — требовательно спросила Талли, резко повернувшись к подруге. — Красавчик, правда?

— Правда, — кивнула Кейт.

— И клевый, аж жуть.

— Клевый. — Кейт направилась в сторону общежития, но Талли вдруг дернула ее за руку и развернула к себе.

— Он тебе понравился?

— Ну конечно, он мне понравился. У него отличное чувство юмора.

— Но?

Кейт закусила губу, выигрывая время. Ей не хотелось задевать чувства Талли или злить ее, но что она будет за подруга, если солжет? А правда была в том, что ей действительно понравился Чад и она верила теперь, что он искренне неравнодушен к Талли, но в то же время Кейт мучили тревожные предчувствия по поводу будущего их отношений, и знакомство с Чадом Уили только усилило ее опасения.

— Ну же, Кейти, ты пугаешь меня.

— Я ничего не хотела говорить, Талли, но ты меня вынуждаешь… Я не думаю, что тебе стоит появляться с ним на людях, — осмелившись, Кейт уже не могла остановиться. — Ему тридцать один год. Он разведен, у него четырехлетняя дочь, с которой он не видится. Если о ваших отношениях узнают, его уволят. Ну что это за отношения? Ты зря тратишь студенческие годы.

Талли сделала шаг назад.

— Ты хочешь сказать, если я не хожу на вечеринки с таитянскими танцами и не дую пиво, я зря трачу студенческие годы? Или что я не встречаюсь с парнями вроде тех ботанов, которых ты себе выбираешь? Да у них мозгов не больше, чем у булыжника.

— Возможно, мы по-разному смотрим на некоторые вещи…

— Ты думаешь, что я сплю с ним ради карьеры, ведь так? И для чего же, по-твоему, — чтобы получать оценки получше или чтобы добыть себе местечко на телестудии?

— А разве это не так? Хотя бы отчасти?

Кейт тут же поняла, что ей не следовало этого говорить.

— Прости, — сказала она, протягивая к подруге руку. — Я не то имела в виду.

Но Талли резко вырвала руку.

— Да нет, ты имела в виду именно это, Мисс Совершенство из лучшей в мире семьи с безупречными оценками. Я только не знаю, почему ты тусуешься со мной: я ведь шлюха, готовая на все ради карьеры.

— Подожди! — крикнула Кейт вслед подруге, но Талли со всех ног уже бежала прочь.

9

Талли бежала всю дорогу до автобусной остановки на Сорок четвертой улице.

— Вот дрянь! — шептала она, вытирая слезы.

Подошел автобус. Талли оплатила проезд и вошла внутрь, бормоча: «Дрянь, дрянь!»

Как могла Кейт сказать ей такое?

— Дрянь! — прошептала она снова, но на этот раз уже без прежней ярости, вдруг почувствовав себя одинокой и несчастной.

Автобус остановился меньше чем в квартале от дома Чада. Выскочив из автобуса, Талли кинулась к приземистому строению в деревенском стиле и постучала в дверь.

Дверь распахнулась в то же мгновение. Похоже, Чад ждал ее прихода. На нем были поношенные серые брюки и футболка с «Роллинг Стоунз».

— Привет, Талли!

— Пойдем в спальню, — прошептала она, а ее руки уже скользили под футболкой по груди Чада.

Целуя и лаская друг друга по пути, они добрались до спальни, располагавшейся в задней части дома. Талли крепко прижималась к Чаду, державшему ее в своих объятиях, целовала его так, что оба чуть не задохнулись. Она не смотрела на него, просто не могла поднять глаз. К тому моменту, когда они рухнули на кровать, оба были голыми и отчаянно хотели друг друга.

Талли забыла о себе и о своей обиде, растворяясь в ласках его рук и губ, а когда все было кончено, они лежали, сплетясь друг с другом, и Талли старалась не думать ни о чем, кроме того, какое наслаждение она испытывала рядом с этим мужчиной.

— Хочешь поговорить?

— Почему ты так думаешь?

— Ну же, давай, Талли.

Повернувшись на бок, Талли подперла ладонью щеку и внимательно посмотрела на Чада.

Он ласково погладил ее по лицу.

— Вы с Кейти поссорились из-за меня. А я знаю, как много значит для тебя ее мнение.

Эти слова удивили Талли, хотя и не должны были. За то время, что они были близки, Талли постепенно открывала Чаду себя. Это началось неожиданно. Разговоры, когда они занимались сексом или когда выпивали вместе, постепенно становились необходимыми для Талли. Она чувствовала себя в безопасности в его постели, чувствовала себя свободной от осуждения и упреков. Они были любовниками, не любившими друг друга, и от этого им проще было общаться. И вот сейчас Талли открылось, что Чад сложил воедино все ее откровения и составил из них целостную картину. И от этого она почувствовала себя не такой одинокой. Это испугало ее и утешило одновременно.

— Она думает, что все это неправильно.

— Она права, Талли. И мы оба это знаем.

— Мне все равно! Она моя лучшая подруга и должна поддерживать меня, несмотря ни на что, — при этих словах голос Талли дрогнул.

Да, несколько лет назад они дали друг другу именно такое обещание.

— Она права, Талли. Ты должна ее послушать.

Талли услышала в голосе Чада что-то такое… какую-то странную, печальную ноту и заглянула в его глаза. И в них она прочитала озадачившую и смутившую ее грусть.

— Как ты можешь говорить такое?

— Я влюбляюсь в тебя, Талли, а мне бы этого не хотелось. — Чад улыбнулся. — Не смотри на меня так испуганно, я знаю, что ты в это не веришь.

Он был прав — Талли не ожидала подобного признания.

— Может быть, когда-нибудь я поверю, — по крайней мере ей самой этого хотелось.

— Я надеюсь на это. — Он нежно поцеловал девушку в губы. — А теперь скажи, что ты собираешься делать с Кейт?

— Она не разговаривает со мной, мам. — Кейт привалилась к стене тесной комнатки, известной как «телефонная». Было воскресенье, и ей пришлось почти час ждать своей очереди.

— Я знаю. Я только что с ней говорила.

Ну конечно! Талли ухитрилась позвонить первой. Кейт сама не понимала, почему это так ее злит. Она услышала на другом конце провода характерный щелчок зажигалки — мама закурила сигарету.

— И что она тебе сказала?

— Что тебе не понравился ее парень.

— И это все? — Кейт понимала, что должна быть осторожна. Если мама узнает про возраст Чада, она на стенку полезет, и тогда Талли по-настоящему разозлится на Кейт за то, что та настроила против нее миссис Муларки.

— Разве есть что-то еще? — поинтересовалась мать.

— Нет. Просто он абсолютно ей не подходит.

— Твой богатый опыт общения с мужчинами тебе это подсказывает?

— Она не пошла на последний бал, потому что он не хотел. Она столько всего важного пропускает из-за него, вся студенческая жизнь проходит мимо нее.

— Неужели ты действительно надеялась на то, что Талли станет среднестатистической прилежной студенткой? Сомневаюсь, Кейти. Она — романтик, живет мечтами. Тебе было бы неплохо позаимствовать немного ее огня.

Кейт закатила глаза. Опять это незаметное — впрочем, не такое уж незаметное — давление, побуждающее ее быть похожей на Талли.

— Мы сейчас говорим не о моем будущем. Сосредоточься, мам.

— Я просто хотела тебе это сказать.

— Я тебя услышала. Так что же мне делать? Талли избегает меня, а ведь я просто старалась быть хорошей подругой.

— Иногда быть хорошей подругой означает промолчать.

— И я должна просто смотреть, как она совершает ошибку?

— Иногда — да. А потом ты должна быть рядом, чтобы собирать ее по кусочкам. Талли — яркая личность, но не забывай о ее прошлом и о том, как она ранима.

— И что же мне теперь делать?

— Только ты можешь ответить на этот вопрос. Времена, когда я была для тебя говорящим сверчком в каморке у Пиноккио, давно прошли.

— И никаких бесед, начинающихся со слов: «Жизнь такова»? Как раз сейчас, когда мне бы они, возможно, могли понадобиться?

На том конце провода снова послышался звук выдыхаемого дыма.

— Я знаю, что сегодня в час она будет в монтажной вашей телестудии.

— Ты уверена?

— Так она сказала.

— Спасибо, мам. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, доченька.

Повесив трубку, Кейт поспешила обратно в комнату, быстро оделась и совсем немного подкрасилась, воспользовавшись, главным образом, маскирующим карандашом, чтобы замазать прыщи, появившиеся на ее лице в большом количестве, после того как они с Талли поссорились.

Она быстро прошла по студенческому кампусу. Это было несложно, так как большая часть студентов готовилась сейчас к годовым экзаменам. У дверей студии Кейт остановилась, собралась, словно перед боем, и решительно вошла внутрь.

Она нашла Талли там, где и сказала мама, — скрючившейся перед монитором, на котором она просматривала необработанные материалы и интервью. При появлении Кейт она вскинула голову.

— Какая честь! — с издевкой произнесла Талли. — Неужели нас посетила сама Мисс Председатель высокоморального большинства?

— Прости меня, — сказала Кейт.

Лицо Талли при этом перекосилось, как если бы она долго задерживала дыхание, а теперь наконец смогла выдохнуть.

— Ты вела себя как последняя дрянь.

— Мне не следовало всего этого говорить. Я просто… мы же никогда ничего не утаивали друг от друга.

— И в этом была наша ошибка. — Талли попыталась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

— Я ни за что на свете не обидела бы тебя нарочно, ты — моя лучшая подруга. Прости меня!

— Поклянись, что такое никогда не повторится, что ни один мужчина никогда не встанет между нами.

— Я клянусь! — Кейт всей душой верила в то, что говорит.

Если бы ей понадобилось отрезать себе язык, чтобы такое больше не повторилось, она бы это сделала. Их дружба важнее любых романтических отношений. Парни приходят и уходят, а женская дружба остается. Они обе это знали.

— А теперь твоя очередь.

— Что ты имеешь в виду?

— Поклянись, что больше не будешь объявлять мне бойкот, не поговорив и не объяснившись. Последние три дня мне было очень плохо.

— Клянусь!

Талли и сама не понимала, как это случилось, но интрижка с преподавателем превратилась в самый что ни на есть настоящий роман. Без всякой иронии. Возможно, Кейт все-таки была права, и для Талли все начиналось отчасти из карьерных соображений, но теперь она об этом успела забыть. Все, что помнила Талли — это то что в объятиях этого мужчины она чувствовала себя счастливой, что было для нее абсолютно новым ощущением.

И конечно же, он был ее учителем. Когда они были вместе, Чад говорил ей о вещах, на самостоятельное постижение которых у Талли ушли бы годы.

И, что еще важнее, он показал ей, что такое заниматься любовью. Его постель стала для Талли портом, отправной точкой ее путешествия, а его руки — спасательным кругом. Когда Талли целовала Чада и позволяла ему касаться себя в самых интимных местах, она забывала о том, что не верила в любовь. Первый неудачный опыт в темном лесу в округе Снохомиш постепенно стирался из ее памяти, пока однажды Талли не обнаружила, что больше не носит его в себе. Это навсегда останется какой-то частичкой ее опыта, шрамом на душе, но, как и все шрамы, со временем он превратился из болезненного красного рубца в едва заметную тонкую линию, которую можно было и не заметить.

Однако, несмотря на то что Чад открывал для нее столько нового, со временем Талли этого стало мало. К последнему курсу Талли стала раздражать вяло протекавшая жизнь колледжа. Си-эн-эн в корне изменила лицо телевещания. В большом мире творились дела, имевшие огромное значение. Джон Леннон получил смертельную рану

на пороге собственной квартиры в Нью-Йорке и вскоре умер, парень по фамилии Хинкли стрелял в президента Рейгана в жалкой попытке произвести впечатление на Джоди Фостер. Сандра Дэй О'Коннор стала первой женщиной-судьей Верховного суда, а Диана Спенсер вышла замуж за принца Чарльза, и свадебная церемония была так похожа на волшебную сказку, что каждая американская девушка поверила в любовь со счастливым концом и верила целое лето. Кейт говорила об этой свадьбе так часто и с такими подробностями, будто сама была там в качестве гостьи.

Все эти новости были на первых страницах газет, но все они словно прошли мимо Талли — она была всего лишь студенткой, ее время освещать происходящие события еще не наступило. Конечно, она писала статьи в студенческую газету, а иногда ей даже удавалось прочитать пару своих строчек в эфире. Но все это было каким-то ненастоящим, словно разминкой перед игрой, в которую пока ей так и не разрешили играть.

Ей хотелось отправиться в плавание по настоящему морю национальных или хотя бы местных новостей. Ей надоели все эти танцы в женских клубах, вечеринки студенческого братства и эта старомодная нелепица — шествие со свечами. Почему все девушки вокруг так мечтают о помолвке, было выше ее понимания. Неужели они не знают, что происходит в мире? Неужели не видят, какие открываются возможности?

Талли взяла от университета Вашингтона все, что он мог ей дать, прошла каждый курс, связанный с вещанием и печатными средствами массовой информации, выжала все, что можно, из года стажировки на новостной радиостанции. Теперь пора было всерьез погружаться в мир телевизионных новостей, где властвовал закон джунглей. Талли хотелось ворваться в толпу журналистов и локтями проложить себе путь вперед.

— Ты не готова, — снова повторил Чад, тяжело вздыхая.

Он говорил это уже в третий раз за последние несколько минут.

— Ты не прав. — склонившись к висевшему над туалетным столиком в спальне Чада зеркалу, Талли энергично красила ресницы. В восьмидесятые не перебарщивали с косметикой и не укладывали волосы в идеальные прически. — Ты подготовил меня, ты заставил

меня сменить стрижку, я ношу только черные костюмы, и у меня туфли как у провинциальной домохозяйки. — Талли вложила стержень со щеточкой в футляр и спросила, продолжая изучать накладные ногти, которые ей сделали сегодня в салоне: — Чего еще мне не хватает?

Чад сел на кровати. Судя по его виду, этот разговор был ему неприятен.

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, — ответил он.

Талли порылась в косметичке, отыскивая помаду.

— Я устала от колледжа, — сказала она. — Мне пора выйти в большой мир.

— Ты не готова, Талли. Журналисту нужно правильное сочетание объективности и умения сопереживать. А ты слишком объективна, слишком холодна и рассудочна.

Это был один из надоевших ей аргументов Чада. Она прожила годы, стараясь поглубже запрятать свои эмоции. А теперь от нее требуют какого-то там сопереживания и объективности одновременно, требуют быть эмоциональной и в то же время профессиональной.

— Я ведь не говорю пока о серьезной работе. Речь идет о собеседовании, чтобы можно было получить работу на неполный день до выпуска.

Талли подошла к постели. В своей черной юбке и белой блузке она была воплощением консервативного шика. Она даже укоротила придававшие ее облику сексуальность вьющиеся волосы до плеч, собрав их на затылке. Присев на кровать, она убрала со лба непослушную прядь.

— Это ты не готов к тому, чтобы я вышла в большой мир.

Чад вздохнул и нежно провел пальцем по подбородку девушки.

— Это правда: я предпочитаю видеть тебя в своей постели, а не вне ее.

— Признай, что я готова к серьезной работе. — Она старалась, чтобы слова ее звучали по-взрослому, но предательская дрожь в голосе выдавала ее волнение. Она нуждалась в его одобрении, как нуждалась в солнце или в воздухе. Конечно, она могла бы обойтись и без этого, но тогда чувствовала бы себя не так уверенно, а сегодня уверенность в себе была нужна ей, как никогда.

— Ах, Талли, — сказал наконец Чад, — ты была к этому готова с рождения.

С улыбкой победительницы Талли поцеловала его крепко-крепко, поднялась и взяла свою папку для бумаг. В папке были ее резюме, распечатанные на плотной бумаге цвета слоновой кости, и несколько визитных карточек с надписью: «Таллула Харт, тележурналист», а также видеозапись новостей, сделанная в эфире местной студии.

— Удачи тебе! — сказал Чад.

— Надеюсь, сегодня удача будет на моей стороне!

У лотка с гамбургерами на Кидд-вэлли Талли села на автобус. Хотя она была уже старшекурсницей, ей не хотелось ехать в университет на своей машине. Парковка была дорогой да и место найти не просто. К тому же семейству Муларки нравилось ездить на развалюхе ее бабушки, им Талли ее и оставила.

Всю дорогу от университетского городка к центру города Талли перебирала в памяти все, что знала о человеке, с которым ей предстояло сейчас встретиться. В свои двадцать шесть он уж был известным тележурналистом, получившим престижную журналистскую награду за освещение событий в Центральной Африке. Что-то — и ни в одном из источников не говорилось, что именно — заставило его вернуться домой, где его карьера сделала неожиданный поворот. Теперь он был продюсером небольшого отделения одной из местных телевизионных станций. Талли бесконечно прокручивала в голове слова, которые намеревалась произнести.

«Приятно познакомиться с вами, мистер Райан».

«Да, у меня впечатляющий опыт для девушки моих лет».

«Я твердо решила стать первоклассным журналистом, и надеюсь… нет… ожидаю…»

Талли сошла с автобуса. Пока она стояла на автобусной остановке и изучала свои записи, начался дождь. Не такой сильный, чтобы надо было доставать зонтик или надевать капюшон, но достаточно сильный, чтобы испортить ее прическу и макияж. Нагнув голову, чтобы спасти тщательно подготовленное лицо, она поспешила к нужному ей дому.

Приземистое бетонное здание с окнами без штор стояло в центре квартала, рядом с парковкой. Внутри Талли увидела табличку с перечнем арендаторов и быстро нашла то, что ей надо — офис 201.

Она выпрямила спину, нацепила на лицо профессиональную улыбку и направилась к нужному офису.

Открыв дверь, она чуть не наткнулась на шедшего ей навстречу человека.

Остановившийся перед ней мужчина был великолепен: непослушные черные волосы, ярко-синие глаза, легкая небритость. Совсем не то, чего она ожидала.

— Вы — Талли Харт?

Она протянула руку.

— Да, это я. А вы — мистер Райан?

Мужчина пожал протянутую руку.

— Проходите.

Он провел ее через небольшую приемную, забитую бумагами, камерами, стопками газет. За двумя открытыми дверями виднелись пустые кабинеты. В углу стоял мужчина и курил. Огромного роста, за метр восемьдесят, с взлохмаченными светлыми волосами, в одежде, которая выглядела так, будто он в ней спал. На футболке красовался огромный лист марихуаны. При их появлении он поднял голову.

— Это — Таллула Харт, — представил ее мистер Райан.

Великан хмыкнул в ответ:

— Та, которая писала письма?

— Да, она. — Мистер Райан улыбнулся. — А это Матт. Наш оператор.

— Приятно познакомиться, мистер Матт.

Оба рассмеялись, и этот смех только усилил волнение Талли. Не слишком ли она молода для того, чем собиралась заняться?

Мистер Райан провел Талли в угловой кабинет и указал на стул перед деревянным столом.

— Садитесь, — сказал Райан, прикрывая дверь.

Сам он сел за стол и внимательно посмотрел на Талли.

Девушка выпрямилась, она очень старалась казаться старше.

— Итак, вы — та девушка, которая забросала мою почту пленками и резюме. Уверен, что вы с вашими амбициями навели справки о нашей компании. Мы — работающая в Сиэтле группа из Такомы. И программы стажировки у нас здесь нет.

— Вы указывали это в своих письмах.

— Я знаю. Ведь это я их писал. — Мистер Райан откинулся на спинку стула и заложил руки за голову.

— Вы прочитали мои статьи и просмотрели записи?

— Конечно, именно поэтому вы здесь. Когда я понял, что вы все равно не перестанете слать мне эти записи, я подумал, что надо бы просмотреть хоть одну.

— И?

— Когда-нибудь вы будете очень хороши. В вас что-то есть.

— Когда-нибудь?

— Но вы еще далеко не готовы.

— Именно поэтому мне нужна стажировка.

— Та самая, которой не существует.

— Я могу работать двадцать — тридцать часов в неделю. И мне все равно, смогу ли я предъявить это в колледже как стажировку. Я буду писать тексты, проверять факты, искать информацию. Я буду делать все. Вы не прогадаете, если возьмете меня.

— Все? — теперь Райан смотрел на нее еще внимательнее. — И вы готовы даже варить кофе, пылесосить и мыть туалет?

— А кто делает это сейчас?

— Мы с Маттом. И Кэрол, когда она не занята репортажем.

— Тогда я согласна.

— И будете делать все, что понадобится?

— Буду.

Мистер Райан откинулся на спинку стула, не сводя с Талли внимательных глаз.

— Вы, надеюсь, понимаете, что будете девочкой на побегушках, причем бесплатной.

— Понимаю. Я могу работать по понедельникам, средам и пятницам.

— Хорошо, Таллула Харт. Покажи мне, что ты умеешь делать.

— Покажу, — улыбнулась в ответ девушка. — И зовите меня просто Талли.

Райан проводил ее обратно к выходу.

— Эй, Матт, — сказал он. — Это Талли Харт — наш стажер.

— Круто, — ответил Матт, не отрывая глаз от камеры, с которой возился.

У дверей мистер Райан остановился и снова внимательно оглядел Талли.

— Надеюсь, что вы намерены воспринимать эту работу серьезно, мисс Харт. Или это эксперимент со сроком годности меньше, чем у

молока?

— Вы можете на меня рассчитывать, мистер Райан.

— Зови меня Джонни. Увидимся в пятницу. Скажем, в восемь утра.

— Я буду здесь.

Идя к остановке и потом в автобусе Талли прокручивала в памяти все подробности разговора.

Итак, ей удалось получить приглашение на стажировку. Когда-нибудь, когда Фил Донахью будет брать у нее интервью, она расскажет эту историю, чтобы продемонстрировать твердую решимость преуспеть в профессии, о которой она мечтала с юных лет.

> *«Да, Фил, это был дерзкий шаг, но ты же знаешь, каков мир телевидения. Здесь царствует закон джунглей: или съешь ты, или съедят тебя. А я была девушкой с амбициями».*

Но прежде всего она расскажет все Кейт. Ничто не радовало Талли по-настоящему до тех пор, пока она не расскажет об этом лучшей подруге.

Это было началом воплощения их общей мечты.

Вишневые деревья на Квад демонстрировали ход времени лучше, чем любой календарь. Розовые и цветущие весной, пышно-зеленые в тихие летние дни, великолепно разноцветные к началу занятий и голые сейчас, в этот ноябрьский день восемьдесят первого года.

Для Кейт время летело слишком быстро. Она была уже далеко не той скромной, тихой девушкой, какой приехала в университет. За проведенные здесь годы Кейт Муларки научилась быть заводилой на неделе знакомств, организовывать танцы человек на тридцать, могла залпом выпить стакан пива и заесть устрицами, украсить зал для вечеринки студенческого братства и комфортно чувствовала себя среди людей, которых совсем не знала. А еще она научилась писать новостные репортажи на острые темы и снимать то, о чем пишет, даже если находилась в движении, когда это происходило. Преподаватели по журналистским дисциплинам давали ей высокую оценку и постоянно повторяли, что у Кейт настоящий талант.

Проблема была, как всегда, в ее добром сердце. В отличие от Талли, которая умела набрасываться на человека с любыми вопросами, Кейт, например, было трудно врываться в личную жизнь людей, охваченных горем. В последнее время она все чаще придерживала собственные истории и редактировала статьи Талли.

Чего-то ей не хватало, чтобы стать продюсером новостных программ или успешной журналисткой высокого класса. Каждый день, сидя на занятиях по телевещанию и средствам связи, Кейт обманывала себя.

Она мечтала последнее время совсем о других вещах. Например, о том, чтобы пойти на юридический факультет и бороться с проявлениями несправедливости, о которых писала. Или о том, чтобы писать романы, помогающие людям видеть жизнь с ее лучшей, солнечной стороны. Или — и это были ее самые заветные мечты — о том, чтобы влюбиться. Но как она могла сказать об этом Талли?

Талли, которая много лет назад взяла ее за руку, когда никто не хотел этого сделать, Талли, которая плела, как паутину, мечты об их общем журналистском будущем. О том, как они будут вместе вести новостную программу на телевидении. Как она могла сказать своей лучшей подруге, что больше не разделяет ее мечты?

Вообще-то в этом не было ничего страшного. Они обе были еще глупыми девчонками, когда решили, что всю жизнь будут работать в тандеме. Но за прошедшие годы мир вокруг изменился. Война во Вьетнаме была проиграна, Никсон подал в отставку, проснулся вулкан Сент-Хелен, а кокаин заменил чипсы для нового поколения любителей вечеринок. Хоккейная команда США, совершив чудо, победила на Олимпийских играх, а актер фильмов категории Б стал президентом страны. Вряд ли мечты могли оставаться неизменными в такие времена.

Кейт надо было решиться хотя бы однажды противостоять Талли, сказать ей правду, сказать: «Это твои мечты, Талли. И я горжусь тобой, но мне больше не четырнадцать лет, и я не могу всегда следовать за тобой».

— Может быть, сегодня, — вслух произнесла Кейт, медленно бредя под тяжестью рюкзака с книгами через серый от покрывшего его тумана кампус.

Если бы только у нее была своя собственная мечта, что-то, чем можно было бы заменить мечту о двух звездах новостных телепрограмм, все время работающих вместе. Может быть, Талли поняла бы ее. Но ее робкое «я не знаю, чего хочу» вряд ли устоит под напором тропического урагана по имени Талли.

Кейт влилась в поток студентов и перешла через улицу, кивая и улыбаясь знакомым. В общежитии она сразу направилась в гостиную, где, тесно прижавшись друг к другу, на диванах, на стульях и на покрывавшем пол бледно-зеленом ковре сидели девушки.

Кейт бросила рюкзак на пол и нашла себе местечко между Шарлоттой и Мэри Кей.

— Уже началось?

Больше тридцати человек зашикали на нее, поскольку с экрана уже звучала музыкальная заставка сериала «Главная больница». Экран заполнило лицо Лауры, которая выглядела просто потрясающе со своим влажным взглядом в белой шапочке. По комнате пронесся вздох.

Затем появился Люк в сером костюме, улыбавшийся будущей невесте.

А в следующую секунду дверь общежития распахнулась настежь.

— Кейт! — закричала Талли, врываясь в комнату.

— Заткнись! — воскликнули одновременно несколько человек.

Талли склонилась к Кейт:

— Надо поговорить.

— Шшш! Смотри, Люк и Лаура решили пожениться. Ты получила работу? Поздравляю! Ты подробно расскажешь мне о своем собеседовании, когда серия закончится. А теперь сиди тихо.

— Но…

— Да тише ты!

Талли опустилась на колени, бормоча себе под нос:

— Как вы все можете сходить с ума по какому-то тощему белому парню с химической завивкой? Он к тому же насильник. Я думаю…

— Шшш…

Талли вздохнула и покорно сложила руки на груди.

Как только серия закончилась и в финале зазвучала музыка, она вскочила на ноги.

— Пойдем же, Кейти! Нам надо поговорить.

Взяв подругу за руку, она повела ее из переполненной комнаты по длинным коридорам вниз по лестнице к маленькой тайне женского общежития — курилке. Это была крошечная комнатка позади кухни с двумя небольшими диванчиками и журнальным столиком, заставленным забитыми окурками пепельницами. Наполнявший комнату голубоватый дым был таким плотным, что от него щипало глаза.

Это было место для разговоров и сплетен после вечеринок, девичьей болтовни, когда не спится ночью.

Кейт ненавидела эту комнату. Привычка курить, которая в тринадцать лет казалась такой крутой и дерзкой, теперь выглядела вульгарной и глупой.

— Ну давай рассказывай! Ты получила работу, да?

Талли улыбнулась:

— Получила. По понедельникам, средам и пятницам. Иногда по выходным. Мы на правильном пути, Кейти. Я вцеплюсь в эту стажировку когтями и к тому моменту, когда мы выпустимся, сумею уговорить их взять и тебя на работу. Мы будем одной командой, как и собирались.

Кейт сделала глубокий вдох. Давай же! Скажи ей!

— Тебе не надо думать обо мне, Талли. Сегодня твой день, начало твоей карьеры.

— Не говори глупости! Ты ведь по-прежнему хочешь, чтобы мы были командой, правда?

Сделав паузу, Талли внимательно посмотрела на подругу. Кейт собрала все свое мужество и открыла было рот, но Талли рассмеялась и заявила:

— Конечно, хочешь, я знаю. Просто дуришь мне голову. Очень смешно! Я поговорю с мистером Райаном — это мой новый босс, — как только он поймет, что не может больше без меня обходиться. А теперь мне надо бежать, Чад наверняка хочет услышать, как прошло собеседование.

Порывисто обняв подругу, Талли убежала.

Кейт стояла в комнатке, пропахшей сигаретным дымом, и растерянно смотрела на открытую дверь.

— Нет, — решительно произнесла она. — Я не хочу этого делать.

Но ее уже никто не мог услышать.

10

День благодарения в семье Муларки всегда был особенным. Из восточного Вашингтона приезжали тетя Джорджия и дядя Ральф, которые привозили с собой столько еды, что можно было накормить всю округу. Когда-то, в прежние годы, они привозили с собой своих четверых детей. Но теперь дети сами стали взрослыми, и часто на День благодарения им приходилось навещать и других родственников. В этом году Джорджия и Ральф приехали вдвоем и чувствовали себя неуютно. Джорджия, едва успев поздороваться, налила себе выпить.

Кейт расположилась на протертом подлокотнике дивана, служившего центром гостиной сколько она себя помнила. Талли сидела по-турецки у ног миссис Муларки. Это было ее обычным местом, когда девочки приезжали домой на праздники. Талли старалась всегда держаться поближе к той, кого считала идеальной матерью. Сейчас Марджи сидела в папином кресле-качалке, напротив Джорджии, расположившейся на диване.

Был час подружек. Это была семейная традиция, которую Джорджия придумала давным-давно, когда у них с Марджи еще не было детей, о которых надо было заботиться. Во всяком случае, так гласила семейная легенда. В каждый праздник, собираясь вместе, мужчины смотрели футбол, женщины уединялись на час в гостиной, пили коктейли и сплетничали.

Они все знали, что скоро им предстоит совершать подвиги на кухне, готовясь к праздничному застолью. Но эти шестьдесят минут принадлежали им.

В этом году Марджи впервые наполнила бокалы для вина Кейт и Талли. И Кейт почувствовала себя совсем взрослой. Она сидела на подлокотнике, медленно потягивая белое вино и слушая Элвиса, певшего про маленького мальчика из гетто.

Удивительно, как музыкальный альбом или даже одна-единственная песня могли напомнить сразу о многих событиях твоей жизни. Кейт не припоминала ни одного Рождества, Дня благодарения, Пасхи, ежегодного семейного похода без песен Элвиса. Никакие мероприятия семьи Муларки невозможно было представить без его

голоса. Марджи и Джорджия позаботились об этом. И смерть Элвиса не отменила эту традицию. Просто иногда, если было выпито слишком много, сестры, обнявшись, лили слезы, оплакивая его.

— А знаете, что я делала на той неделе? — сказала Талли, поднимаясь на колени, не в силах скрыть возбуждения.

Кейт, взглянув на Талли, подумала, что ее подруга похожа в эту минуту на молящуюся, ожидающую от миссис Муларки благословения.

— Вы ведь слышали о насильнике из Спокана. Ну так вот, — с драматическим пафосом произнесла Талли. — Они арестовали одного парня. А его мать наняла киллера, чтобы убить судью и прокурора. Представляете? А Джонни — это мой босс — разрешил мне написать первый вариант репортажа. Они даже использовали одно предложение из того, что я написала. Это было так здорово! А на следующей неделе Джонни возьмет меня с собой на интервью с одним парнем, который изобрел какой-то новый тип компьютера.

— Вот ты и вышла на свою дорогу, Талли, — сказала, улыбаясь, миссис Муларки.

— Не только я, миссис Муларки, — затараторила в ответ Талли. — Это будет хорошо и для Кейт. Я добьюсь для нее стажировки на студии, вот посмотрите. Я уже начала им намекать. В один прекрасный день вы увидите по телевизору нас обеих. Первых двух женщин-ведущих новостной программы.

— Ты только подумай, Марджи, — мечтательно произнесла Джорджия.

— Ведущих? — вскинулась Кейт. — Но я думала, что мы собираемся стать журналистками.

Талли улыбнулась:

— С нашими-то амбициями? Шутишь, что ли? Мы будем метить на самый верх, Кейти.

Кейт должна была что-то сказать прямо сейчас. Ситуация грозила окончательно выйти из-под контроля. И, если честно, сегодня был самый подходящий день расставить все точки над i. Отдых и выпитое вино всех расслабили.

— Я должна сказать тебе…

— Мы будем еще более знаменитыми, чем Джин Энерсен, — смеясь, продолжала Талли. — И гораздо богаче.

— Интересно, как это — быть богатым?.. — мечтательно произнесла миссис Муларки.

А тетя Джорджия потрепала Кейти по плечу:

— Вся семья гордится тобой, Кейти. Ты сделаешь нашу фамилию знаменитой.

Кейт вздохнула, она снова упустила свой шанс. Поднявшись, она подошла к окну. Поле за домом было покрыто словно светящимся в лунных лучах снегом. Снег лежал аккуратными шапочками на столбиках забора. Лунный свет окрашивал весь пейзаж в бело-голубые холодные тона, а небо было бархатно-черным. Перед глазами Кейт была настоящая рождественская открытка. Девочкой в своих мечтах она часто рисовала такие сказочные, волшебные картины. Запорошенная снегом, улица Светлячков сама становилась сказкой. Казалось, здесь не может случиться ничего плохого или несправедливого. Именно здесь и сейчас можно спокойно сказать своей семье, что ее планы на будущее изменились.

Последние месяцы выпускного курса были просто чудесными.

Хотя Талли проводила больше двадцати пяти часов в неделю на телестудии, где проходила стажировку, а у Кейт уходило примерно столько же времени на работу в «Старбаксе», дизайнерской кофейне, открывшейся недавно на Пайк-Плейс-Маркет, они старались проводить как можно больше времени вместе в выходные дни. Играли в пул, потягивали пиво в «Голдиз» или слушали музыку в «Блю Мун таверн». Талли проводила почти все ночи с Чадом, но Кейт давно перестала выговаривать ей на этот счет. Она сама получала слишком большое удовольствие от свиданий, чтобы укорять Талли по поводу ее выбора.

Единственной проблемой в жизни Кейт — зато большой — был предстоящий выпуск. В следующем месяце она должна была получить диплом с отличием по специальности «телевизионная журналистика», но Кейт так и не решилась кому-нибудь признаться, что не о такой работе она мечтала.

Однако сегодня она была твердо намерена это сделать. В переговорной на третьем этаже Кейт набрала номер домашнего телефона.

Мардж ответила после второго гудка.

— Алло?

— Привет, мам!

— Кейти? Какой сюрприз! Даже не помню, когда ты звонила вот так посреди недели. Хорошо, что ты нас застала — мы с отцом только что вернулись из магазина. Жаль, что ты не видишь платья, которое я купила на твой выпускной. Никому не верь, если тебе скажут, что в «Джей-Си Пенни» нет классных вещей.

— И какой же фасон ты выбрала? — Кейти медлила, собираясь с духом и слушая вполуха, как мать описывает платье. Она как раз говорила что-то про плечики, когда Кейт, собравшись с духом, перебила ее:

— Я отправила резюме в «Нордстром», мам. В отдел рекламы.

На другом конце провода воцарилась тишина. Затем послышался характерный щелчок зажигалки.

— Вы же собираетесь с Талли…

— Да-да, — Кейт прислонилась к стенке кабины, — стать командой крутых журналисток, известных и очень богатых.

— Так что там у вас происходит, Кейт?

Кейт пыталась подобрать нужные слова, но она сама толком не знала, чем хотела бы заниматься всю свою жизнь. Она верила, что для нее непременно найдется что-то особенное, что есть дорога, предназначенная ей одной, и в конце ее непременно ожидает счастье, но она не знала, где начинается эта дорога.

— Я ведь не такая, как Талли, — произнесла она наконец, признав правду, известную давным-давно ей одной. — Это Талли ест, спит и дышит, постоянно думая о новостях. Слава богу, у меня хватило ума получать отличные оценки, и мои преподаватели ценят меня за то, что я никогда не задерживаю сдачу домашнего задания, но журналистика — и телевизионная, и печатная — это настоящие джунгли. И меня съедят там заживо люди вроде Талли, готовые на все, чтобы добыть сенсацию. Думать, что я смогу со всем этим справиться, — значит закрывать глаза на истинное положение вещей.

— Истинное положение вещей? Истинное положение вещей — это когда мы с твоим отцом пытаемся сократить семейные расходы, потому что ему урезали часы на заводе. Истинное положение вещей — это когда умная женщина не может найти себе работу за зарплату больше минимальной, потому что у нее нет образования, и все, что она

делала в этой жизни, это растила детей. Поверь мне, Кейти, тебе ни к чему в твоем возрасте думать об истинном положении вещей, у тебя еще будет на это время. А в молодости надо мечтать, добиваться задуманного и метить как можно выше.

— Но я просто хочу чего-то другого.

— Чего же?

— Если бы я это знала!

— О, Кейти, я думаю, ты просто боишься использовать свой шанс. Не надо, детка, не бойся.

Прежде чем Кейт успела ответить, в дверь кабины постучали.

— Здесь занято! — крикнула она.

Но дверь распахнулась, за ней стояла Талли.

— Вот ты где! Я везде тебя ищу. С кем ты разговариваешь?

— С мамой.

Талли вырвала из рук подруги трубку и сказала:

— Привет, Марджи! Я похищаю вашу дочь, мы позвоним позже. Пока. — Она повесила трубку и повернулась к Кейт: — Пойдем со мной.

— И куда же?

— Увидишь. — Талли повела ее к стоянке, где их ждал новый синий «фольксваген-жук».

По пути Кейт безрезультатно спрашивала Талли, куда же они едут и что, собственно, происходит. Наконец они остановились у невысокого офисного здания.

— Вот здесь я работаю, — сказала Талли, выключая мотор. — Не могу поверить, что ты не бывала здесь раньше, но теперь ты здесь.

Кейт закатила глаза. Только сейчас она все поняла. Талли хотела похвастаться каким-нибудь новым достижением: отснятой пленкой, записанной историей, которая пошла в эфир, или чем-нибудь в этом роде. А Кейт, как всегда, безвольно подчинилась ее натиску.

— Послушай, Талли, — начала Кейт, когда девушки пришли по коридору к небольшому, заполненному всяким хламом помещению, представлявшему собой офис телекомпании из Такомы, работающей в Сиэтле, — мне надо сказать тебе одну вещь.

Талли открыла дверь.

— Конечно. Потом. Кстати, это Матт.

Она указала на огромного длинноволосого мужчину, курившего у открытого окна.

— Привет, — сказал он. Этим ограничилось его приветствие.

— Кэрол Мансур — она у нас репортер — сейчас на заседании городского совета, — продолжала Талли, направляясь к закрытой двери.

Про Кэрол Мансур Кейти знала все.

Талли остановилась у двери и постучала. Когда ей ответил мужской голос, Талли энергично толкнула дверь и потащила за собой по-прежнему ничего не понимающую Кейт.

— Джонни, это — моя подруга Кейти. Кейти, это мой босс Джонни Райан.

Сидевший за письменным столом мужчина поднял голову.

— Вы — Кейт Муларки, так?

Это был, несомненно, самый красивый мужчина из всех, кого приходилось видеть Кейт. Он был старше ее, но ненамного — лет на пять или шесть. Его длинные темные волосы были зачесаны назад и завивались на концах. Высокие скулы, аккуратный подбородок даже женщину сделали бы хорошенькой, но в его облике не было ничего женственного. Когда Райан улыбнулся ей, Кейт сделала глубокий вдох и почувствовала такое волнение, своего рода взрыв, которое не испытывала прежде.

Кейт стояла перед ним в старых джинсах, стоптанных кроссовках и красном пуловере. И с кудряшками, торчавшими в беспорядке, так как утром она не успела толком причесаться и по той же причине она не воспользовалась косметикой.

И сейчас готова была убить Талли!

— Что ж, оставляю вас вдвоем, — сказала та, выходя и прикрывая за собой дверь.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал Райан, указывая Кейт на стул напротив.

Девушка присела на самый краешек, нервно поеживаясь.

— Талли говорит, что вы — гений.

— Ну конечно, она же моя лучшая подруга.

— Вам повезло. Талли — особенная девушка.

— Да, сэр, это так.

Он рассмеялся таким искренним, заразительным смехом, что Кейт не могла не улыбнуться в ответ.

— Пожалуйста, не называйте меня «сэр». А то мне кажется, что позади стоит какой-то пожилой господин. — Он наклонился вперед. — Итак, Кейт, что вы думаете?

— О чем?

— О работе.

— О какой работе?

— Хммм… интересно, — озадаченно произнес Райан и внимательно посмотрел на Кейт.

— У нас открывается вакансия офисного служащего. Раньше на звонки отвечала Кэрол, она же вела документацию. Но она скоро родит, и оператор телестанции молит о помощи.

— Но Талли…

— Она хочет остаться стажером. Говорит, что благодаря своей бабушке не нуждается в деньгах. Между нами говоря, отвечать на звонки у нее в любом случае получается не очень.

Происходящее начинало медленно доходить до Кейт. Всего час назад она наконец призналась, что не хочет посвящать себя журналистике, а теперь ей предлагают работу, ради которой большинство студенток ее отделения пошли бы на убийство.

— А какая зарплата? — поинтересовалась Кейт.

— Минимальная, увы.

Кейт произвела в уме необходимые подсчеты. Вместе с чаевыми она зарабатывала в кофейне вдвое больше.

— Ну же, решайтесь, — улыбаясь, сказал Райан. — Неужели вы сможете мне отказать? Быть секретарем в ужасном офисе за мизерные деньги — разве не об этом мечтает каждая выпускница?

Кейт, не удержавшись, рассмеялась.

— Ну, если вы так ставите вопрос, то действительно: разве я могу отказаться?

— Это ведь стартовый пункт на пути к покорению вершин блистательного мира телевидения, правда?

Улыбка этого человека была словно каким-то сверхъестественным оружием, начисто лишавшим Кейти способности мыслить.

— А он такой и есть? — спросила она. — Действительно блистательный?

Райана удивил этот вопрос, и он посмотрел на Кейт уже серьезно. Не сходящая с его лица улыбка померкла, и выражение глаз стало вдруг жестким и холодным.

— Только не в этом офисе.

Кейт понимала, что потеряла способность мыслить здраво, увидев этого человека. Сила его притяжения была огромной. Ничего общего с тем, что она испытывала, встречаясь с университетскими парнями. И это была еще одна веская причина отказаться от его предложения.

Но тут за ее спиной открылась дверь, и в комнату ворвалась Талли.

— Ну как, ты уже сказала «да»?

Глупо было соглашаться на такую работу только потому, что ты потеряла голову от босса.

Но ей уже двадцать один год, и ей предлагают начать карьеру на телевидении.

Кейт не смотрела на Талли. Если бы она посмотрела, у нее бы снова возникло ощущение, что она задешево продает себя, следуя вслепую за подругой, и что все ее мотивы чудовищно неправильны.

Но как могла она сказать «нет»? Может быть, именно эта работа даст ей тот драйв, ту страсть, которая необходима Кейт. Чем больше она думала об этом, тем более вероятным это представлялось ей. В самом деле, ведь колледж — это не реальный мир. Может быть, именно поэтому она так и не сумела почувствовать интерес к новостной журналистике. А здесь все будет по-другому.

— Конечно, — произнесла она. — Я готова попробовать, мистер Райан.

— Просто Джонни — Его улыбка так волновала Кейт, что ей пришлось отвести глаза.

Кейт казалось, что он видит ее насквозь и даже слышит, как учащенно бьется ее сердце.

— Хорошо, Джонни!

— Вот и отлично! — воскликнула Талли.

А от Кейт не укрылось, как ее подруга сразу завладела вниманием шефа. Теперь Джонни смотрел только на Талли.

В этот момент Кейт и поняла, что совершила ошибку.

Кейт смотрела на себя в небольшое зеркало над туалетным столиком. Ее длинные волосы с легким мелированием были зачесаны назад и схвачены черной бархатной лентой. Нежно-голубые тени и два слоя зеленой туши на ресницах подчеркивали цвет глаз, а розовый блеск для губ и румяна добавляли ей яркости.

— Ты научишься любить новости, — сказала она самой себе. — Ты не просто следуешь за лучшей подругой.

— Поторопись, Кейт! — крикнула ей Талли. — Ты же не хочешь опоздать на работу в первый же день. Я буду на стоянке.

— Хорошо! А возможно, что ты все же просто следуешь за Талли, — продолжила разговор со своим отражением Кейт.

Схватив с кровати сумку, она выбежала из спальни, захлопнула дверь и кинулась вниз по лестнице.

Наступила последняя неделя перед выпуском, и темп жизни словно убыстрился. Коридоры были полны студентов, стремительно снующих туда-сюда, кто-то в спешке повторял материал к выпускным экзаменам, кто-то уже заранее начал прощаться и собирать вещи. Кейт преодолела весь этот хаос и вышла на стоянку, где в своем новеньком «фольксвагене» с включенным двигателем ее ждала Талли.

Кейт едва успела сесть рядом и захлопнуть дверцу, как они уже тронулись с места. Из небольших колонок лилась песня «Пурпурный дождь» в исполнении Принца.

— Как все здорово получилось, правда? Наконец-то мы будем работать вместе! — радостно воскликнула Талли.

Кейт кивнула.

— Думаю, это будет чудесно.

Она не могла не признать, что испытывает радостное возбуждение. В конце концов, она была — вернее, вот-вот будет выпускницей колледжа, и ей удалось для начала карьеры устроиться на отличную работу по специальности. И не важно, что эту работу добыла для нее Талли и что Кейт просто следует за лучшей подругой. Имеет значение только одно: она будет делать свою работу как можно лучше и, может быть, почувствует наконец вкус к тележурналистике.

— Расскажи мне о Райане, — попросила она Талли, сделав потише музыку.

— Джонни? Он настоящий профессионал. Был военным корреспондентом, побывал в Эль-Сальвадоре, в Ливии и еще черт

знает где. Говорят, ему не хватает экстрима, войны. Но он отлично реализует себя как продюсер. Ты можешь многому у него научиться.

— Тебе никогда не хотелось встречаться с ним вне работы?

Талли рассмеялась:

— Если я сплю со своим преподавателем, это еще не значит, что каждому моему боссу угрожает опасность.

Кейт почувствовала при этих словах облегчение. Даже, пожалуй, слишком сильное. Она хотела спросить, женат ли Джонни, да у нее было столько вопросов, что она могла бы задавать их целую неделю, но любая фраза выдала бы ее с головой.

— Вот мы и приехали. — Талли остановила машину возле офиса.

По дороге Талли все еще говорила о том, как славно, что они будут работать вместе, но едва Талли увидела Матта, как стала что-то живо обсуждать с ним.

Кейт стояла, прижимая к груди папку для бумаг, и не знала, что же ей делать. И в эту минуту появился Райан, выглядевший одновременно и невероятно красивым, и устрашающе злым.

— Матт! Кэрол! — загрохотал он, хотя все стояли рядом и отлично его слышали. — Эта новая компания «Майкрософт» что-то там объявляет. Я не знаю, что там такое. Майк шлет по факсу информацию. Они хотят, чтобы вы поехали в офис и посмотрели, не удастся ли поговорить с их боссом. Его зовут Билл Гейтс.

Талли тут же кинулась вперед.

— А можно мне тоже поехать?

— Кого это волнует? Наверняка история дерьмо. — Джонни направился в свой кабинет и захлопнул дверь.

Следующие несколько секунд в офисе все пришло в движение. Кэрол, Матт и Талли, взяв все, что может пригодиться, выбежали из офиса.

Кейт стояла посреди опустевшей комнаты, по-прежнему не представляя, что ей делать.

Вдруг рядом с ней зазвонил телефон.

— Отдел новостей. Это Кейтлин. Чем я могу быть вам полезна?

— Привет, дорогая, это мама с папой. Мы просто хотели пожелать тебе удачного первого рабочего дня. Мы гордимся тобой.

Кейт почти не удивилась этому звонку. Все-таки у нее удивительные родители!

— Спасибо, дорогие мои! — с чувством ответила растроганная Кейт.

В следующие несколько часов Кейт обнаружила, что ей есть чем заняться. Телефон звонил почти непрерывно, а ящик для почты на ее столе был заполнен так, словно к нему не приближались годами. И папки с документами были в беспорядке.

Кейт так погрузилась в работу, что, когда подняла голову, было уже около часа дня. Она почувствовала, что голодна.

Ведь ей наверняка положен перерыв на обед? Кейт встала из-за стола и прошла по преобразившемуся офису, который выглядел теперь намного приличнее. У двери кабинета Райана она остановилась, собираясь с мужеством, чтобы постучать, но прежде чем она успела это сделать, за дверью она услышала голос Джонни. Он громко спорил с кем-то по телефону.

Лучше его не перебивать, решила Кейт. Поставив телефонную станцию на автоответчик, она спустилась вниз в закусочную. Там она купила себе половинку сэндвича с сыром и ветчиной. Затем, повинуясь внезапному желанию, взяла суп-пюре из моллюсков и еще один целый сэндвич — с беконом, латуком и помидорами. Завершила заказ пара бутылок колы. С пакетом в руках она бегом поднялась наверх и включила телефоны.

Потом снова подошла к двери кабинета Джонни. По ту сторону двери было тихо.

Кейт робко постучала.

— Войдите.

Она открыла дверь.

Джонни сидел за столом, и вид у него был усталый. Длинные волосы падали в беспорядке на лоб, и он то и дело убирал их, проводя по ним ладонью.

Стол его был завален газетами, которых было так много, что под ними едва угадывался телефонный аппарат.

— Муларки… — со вздохом произнес он. — А я и забыл, что ты сегодня выходишь.

Кейт хотелось пошутить на эту тему, но голос не слушался ее. Она слишком остро ощущала присутствие Джонни, а мысль о том, что он не знал, что она здесь, почему-то странно волновала.

— Ну, входи же, что там у тебя?

— Ланч. Я подумала, что вы, должно быть, голодны.

— Ты купила мне ланч?

— Это неправильно? Прошу прощения. Я…

— Сядь. — Джонни указал на стул напротив. — Я оценил, правда. Я даже не помню, когда ел последний раз.

Подойдя к столу, Кейт принялась распаковывать ланч. И все время, пока она это делала, Кейт чувствовала, что синие глаза Джонни Райана внимательно ее изучают. Ей было настолько не по себе, что она чуть не разлила суп.

— Горячий суп! — Джонни понизил голос, который звучал теперь почти интимно. — Так ты — одна из этих?

Кейт села и внимательно посмотрела на Джонни.

— Из каких — этих?

— Из тех, кто привык заботиться. — Джонни взял ложку. — Дай угадаю: ты выросла в счастливой семье. Двое детишек и собака. Никаких разводов.

Кейт рассмеялась:

— Все верно, сэр. А вы?

— Никакой собаки. И счастья не так уж много.

— О! — Кейт никак не могла придумать, что бы еще сказать, и неожиданно выпалила: — А вы женаты?

— Нет. Никогда. А ты замужем?

Кейт улыбнулась:

— Нет.

— Это кстати. Наша работа требует, чтобы ей посвятили себя целиком.

Кейт вдруг почувствовала себя самозванкой. Она сидела напротив своего босса, изо всех сил стараясь придумать, что бы сказать, чтобы вызвать у него восхищение, а сама не могла даже решиться поднять на него глаза. Это было настоящим сумасшествием. В конце концов, он не был безумно красив. Но что-то в этом человеке затронуло Кейт так сильно, что она не могла даже мыслить логично в его присутствии. Наконец она спросила:

— Как думаешь, принесут они что-нибудь интересное из этого «Майкрософта»?

— Вчера Израиль напал на Ливан, — начал Джонни. — Они отбросили палестинцев обратно в Бейрут. Вот это настоящая история.

А мы сидим в этом дерьмовом офисе и ждем каких-то дебильных новостей из непонятной фирмы. — Он вздохнул. — Прошу прощения, сегодня у меня плохой день. А у тебя — первый день на работе. — Он улыбнулся, но выражение глаз оставалось сердитым. — И ты купила мне суп. Завтра буду хорошим — обещаю.

— Талли говорила, что ты был военным корреспондентом. Эта работа тебе нравилась?

Выражение лица Джонни изменилось. Кейт показалось, что в эту минуту он словно оказался не здесь, а был где-то далеко отсюда. Но откуда ей было знать?!

— Это была потрясающая работа.

— Тогда почему ты ее оставил?

— Ты слишком молода, чтобы понять.

— Я ненамного моложе тебя, постараюсь понять.

Джонни тяжело вздохнул:

— Просто иногда жизнь вышибает из тебя дерьмо, вот и все. Как в песне у «Стоунз» — ты не можешь всегда иметь то, что хочешь.

— Нет, не так. Там поется о том, что надо стараться получить то, что тебе необходимо.

Джонни вскинул глаза, и Кейт поняла, что хоть на несколько секунд ей все же удалось по-настоящему завладеть его вниманием.

— Ты нашла, чем тебе сегодня заняться?

— Папки были в беспорядке. И почта тоже. Еще я собрала и сложила все пленки, валявшиеся по углам.

Джонни рассмеялся, и это преобразило его лицо, сделало его таким красивым, что у Кейт перехватило дыхание.

— Я месяцами пытался заставить Талли это сделать.

— Я не хотела…

— Не беспокойся. Ты не подведешь свою подругу. Я знаю, чего ждать от Талли.

— И чего же?

— Страсти, — ответил Джонни, засовывая обертку от сэндвича в пустую упаковку из-под супа.

Кейт чуть не вздрогнула, когда Джонни произнес это. Она поняла, что попала в беду. Как бы часто она ни напоминала себе, что Джонни Райан — ее босс, ничего не помогало. Сейчас имело значение только то, как она чувствует себя в присутствии этого мужчины.

Падение с высоты. Трудно было описать это как-то иначе.

Остаток дня, отвечая на телефонные звонки и разбирая папки, Кейт проигрывала в голове последние минуты в кабинете Джонни и вспоминала, как просто и искренне он ответил на вопрос про Талли.

Страсть.

Но особенно Кейт запомнилась восхищенная улыбка Джонни, когда он сказал это.

11

Лето после выпуска запомнилось Талли как чудо. Они с Кейт нашли дешевую квартирку в отличном месте — над Пайк-Плейс-Маркет, привезли туда оставшуюся от бабушки Талли мебель и заполнили кухню цветочными горшками от «Ривьеры» и фарфором от «Спода». На стенах были развешаны любимые постеры, а на всех столиках стояли их собственные фотографии. Миссис Муларки однажды нагрянула к ним без предупреждения с большой сумкой продуктов и несколькими растениями в горшках, чтобы, по ее словам, придать их жилищу домашний вид.

Место, где поселились девушки, определило их стиль жизни. Неподалеку находились несколько баров. «Афинский» на Паблик-Маркет и старый задымленный «Виргиния-Инн» на углу стали их фаворитами. В шесть утра, сопровождаемые гудками грузовиков, доставлявших товар в магазины, они переходили через улицу, чтобы купить латте в «Старбаксе» и круассаны во французской кондитерской «Ла Панье».

Одинокие работающие выпускницы. Они быстро погрузились в повседневную рутину. Каждое утро, придя позавтракать, девушки просили поставить кованый железный столик на улице и читали газеты, которые успевали раздобыть. «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнал», «Сиэтл таймс» и «Пост интеллигенсер» стали для них чем-то вроде Библии. Покончив с газетами, девушки ехали в офис, где каждый день узнавали что-то новое о мире коммерческого телевидения, новостных программах, а после работы переодевались в блестящие туники с подкладными плечиками и шли в один из многих городских клубов.

Они могли слушать каждый день панк-рок, музыку «новой волны», рок-н-ролл или поп-музыку — все, чего душа пожелает.

И, поскольку Талли больше не надо было скрывать факт существования в ее жизни Чада, он стал часто водить куда-нибудь ее и Кейт, и тут уж они отрывались на всю катушку.

Все шло так, как они с Кейти мечтали много лет назад на темных берегах реки Пилчук, и Талли наслаждалась каждой минутой своей

взрослой жизни.

Девушки шли по коридору к своему офису, не переставая оживленно болтать.

Но как только Талли открыла дверь, она поняла: что-то случилось. Матт, стоя у окна, торопливо складывал в кофр камеру. Джонни у себя в кабинете орал на кого-то по телефону.

— Что происходит? — спросила Талли, бросая сумку на стол Кейт.

Матт поднял глаза:

— Там какой-то марш протеста. Это наша история.

— А Кэрол где?

— В больнице. Рожает.

Талли поняла, что настал ее час. Она прошла прямиком в кабинет Джонни, даже не озаботившись тем, чтобы постучать.

— Дай мне выйти в эфир. Знаю: ты считаешь, что я не готова, но это не так. Да и кто еще у нас есть?

Джонни повесил трубку и взглянул на девушку.

— Я уже сказал на станции, что ты сделаешь этот репортаж. Из-за этого и пришлось тут разоряться.

Обойдя вокруг стола, Джонни подошел к ней.

— Не подведи меня, Талли!

Талли понимала, как это непрофессионально, но ничего не могла с собой поделать. Она обняла Джонни.

— Ты — лучший на свете. Ты еще будешь мной гордиться. Вот увидишь.

Она была уже на полпути к двери, когда Джонни, прочистив горло, окликнул ее. Талли обернулась.

— А ты не хочешь прочитать предварительную информацию? Поедешь прямо так, вслепую?

Талли почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

— Упс! Сейчас прочту.

Джонни подал ей кипу скользкой факсовой бумаги.

— Это о домохозяйке из Йелма, которая видит призраков. Дж. З. Найт.

Талли нахмурилась.

— Что-то не так? — насторожился Джонни.

— Просто я знаю кого-то, кто живет там поблизости, только и всего.

— Ну, сегодня не время навещать друзей. Давай же, иди. Жду тебя обратно в два для монтажа.

После ухода Матта и Талли офис затих. Кейт второй раз за лето осталась наедине с Джонни Райаном. Взволнованная этим, глядя на открытую дверь, за которой сидел Джонни, Кейт отвечала на телефонные звонки слишком поспешно. Впрочем, это был привычный темп работы. Когда Талли была на месте, в офисе всегда царили шум и суета. Она жила на свете ради телевизионных новостей, и для нее не было в этом мире белых пятен. День за днем, на протяжении всего рабочего дня, она забрасывала бесконечными вопросами Джонни, Матта и Кэрол и даже часто требовала от них высказать коллективное мнение по какому-нибудь поводу.

Кейт даже не могла сказать, сколько раз она видела, как Матт закатывает глаза с раздраженным видом, когда Талли, наконец оставив его в покое, отвлекалась на что-нибудь. Кэрол была еще менее любезна. Последнее время главный репортер канала едва разговаривала с Талли. Но той, казалось, было все равно. Ее интересовали только новости: во-первых, в-последних и всегда.

Кейт же, напротив, люди, с которыми она работала в одном офисе, волновали гораздо больше новостных материалов. Она быстро подружилась с Кэрол, которая нередко звала ее с собой на ланч, чтобы поговорить о предстоящих родах, а также часто обращалась к Кейт с просьбой отредактировать ее текст или проверить факты. Матт тоже выбрал Кейт своим доверенным лицом. Он подолгу говорил с ней о своих семейных проблемах и о женщине, отказавшейся выйти за него замуж.

Единственным, с кем почти не общалась Кейт, был Джонни.

Рядом с ним она становилась нервной безмозглой мямлей. Ему достаточно было посмотреть на нее и улыбнуться, и у Кейт все начинало падать из рук. Она терялась, передавая ему сообщения, и спотыкалась о край ковра, заходя к нему в кабинет.

Вид у нее при этом был жалкий.

Сначала Кейт думала, что все дело в его внешности. Вид идеального мальчика-католика — темные волосы, темно-голубые

глаза. Когда он улыбался, на лице появлялись трогательные ямочки и у нее перехватывало дыхание.

Кейт надеялась, что ее увлечение не продлится долго, и когда она привыкнет видеть Джонни каждый день, ее уже не будет так волновать его внешняя красота, или, по крайней мере, у нее выработается иммунитет против его улыбки. Но надежда оказалась напрасной. Все, что говорил и делал Джонни Райан, заставляло ее сердце сладко сжиматься. Под его напускным цинизмом Кейт сумела разглядеть идеалиста, и больше того — раненую душу. Что-то сломало Джонни и выкинуло его сюда, на задворки большой журналистики, и его тайна занимала Кейт, не давала ей покоя.

Кейт прошла в дальний угол, где, ожидая своей очереди, были сложены стопками катушки пленки. Кейт как раз взяла несколько катушек, когда на пороге своего кабинета появился Джонни.

— Эй! — сказал он. — Ты занята?

Кейт выронила пленку. Идиотка!

— Нет, — сказала она. — В общем, не очень.

— Тогда давай устроим настоящий ланч. Сегодня спокойный день — без новостей, а я до смерти устал от сэндвичей.

— Ну… конечно. — Кейт напрасно пыталась сосредоточиться на том, что делала. Мысли ее блуждали неизвестно где, пока она включала автоответчик, надевала жакет, брала со стола сумку.

Джонни остановился рядом с ней и спросил:

— Готова?

— Пошли.

Они направились в конец квартала, пересекли улицу. Время от времени Джонни касался ее, и Кейт остро чувствовала каждое его прикосновение.

Когда они вошли в ресторан, Джонни провел ее к столику у окна, выходившего на залив Эллиотт. Официантка почти мгновенно возникла около столика, чтобы принять их заказ.

— Ты достаточно взрослая, чтобы пить, Муларки? — спросил, улыбнувшись, Джонни.

— Очень смешно, — отозвалась Кейт. — Но я не пью на работе, — серьезно добавила она.

Произнося эти слова, больше походившие на суровую отповедь, Кейт мысленно назвала себя идиоткой.

— Какая ответственная девушка, — сказал Джонни, когда официантка отошла, едва сдерживая улыбку.

— Женщина, — твердо произнесла Кейт, изо всех сил стараясь не покраснеть.

Джонни улыбнулся:

— Я лишь хотел сделать тебе комплимент.

— И выбрал для этого слово «ответственная»?

— А что бы ты предпочла?

— Сексуальная. Умная. Красивая. — Кейт нервно рассмеялась, понимая, что все это звучит как-то по-детски. — Тебе отлично известно, что хотела бы услышать каждая женщина.

Кейт улыбнулась. Сегодня у нее появился шанс произвести на Джонни впечатление. Привлечь к себе внимание этого человека, как он привлек ее внимание. И она не собиралась упускать этот шанс.

Джонни откинулся на спинку стула — Кейт надеялась, это не потому, что ему вдруг захотелось увеличить расстояние между ними. Кейт отчаянно жалела сейчас о том, что не переспала с кем-нибудь из парней, с которыми встречалась в колледже. Она была почти уверена, что Джонни видит печать девственности на ее лице.

— Ты проработала у нас… сколько? Уже месяца два?

— Почти три.

— Ну и как тебе?

— Прекрасно.

— Прекрасно? Странный ответ. Наше дело обычно или любят, или уж ненавидят. — Джонни облокотился о стол. — Ты почувствовала страсть к репортерской работе?

Снова это словечко. Джонни заговорил о том, что отличало ее от Талли, как солому от пшеницы.

— Думаю, да…

Джонни несколько секунд внимательно изучал ее лицо, потом понимающе улыбнулся. Кейти оставалось только гадать, как глубоко в ее душу проник взгляд этих голубых глаз.

— Вот у Талли эта страсть точно есть.

— Да.

Стараясь, чтобы вопрос прозвучал вполне обыденно, Джонни спросил словно невзначай:

— Она встречается с кем-нибудь?

Кейт посчитала личной победой, что не поморщилась и не нахмурилась, услышав этот вопрос. Теперь она по крайней мере знала, почему Джонни Райан пригласил ее на ланч.

Ей хотелось сказать: «Да. Талли уже много лет с одним мужчиной». Но Кейт не осмелилась.

— А ты сам-то как думаешь? — спросила она вместо этого.

— Я думаю, что Талли встречается со многими мужчинами.

Слава богу, в этот момент официантка принесла заказ, и Кейт притворилась, что увлеченно разглядывает еду на своей тарелке.

— А как насчет тебя? Ты тоже не похож на человека, страстно любящего свою работу.

Джонни резко вскинул глаза и в упор посмотрел на собеседницу:

— Почему ты так думаешь?

Кейт пожала плечами, продолжая жевать, но при этом не сводя глаз с Джонни.

— Что ж, может, ты и права, — уже спокойнее сказал он.

Кейт смутилась. И даже вилка застыла на полпути ко рту. Впервые они с Джонни не просто трепались, а заговорили о чем-то серьезном.

Он только что открыл ей нечто важное, Кейт была уверена в этом.

— Расскажи мне об Эль-Сальвадоре, — попросила она.

— А ты вообще представляешь, что там происходит? Настоящая бойня, кровавая баня. А в последнее время стало еще хуже. Эскадроны смерти убивают мирное население, священников и монашек.

Кейт, разумеется, ничего не знала обо всем этом, но все равно понимающе кивала, глядя, как на лице Джонни сменяют друг друга эмоции.

Она никогда еще не видела своего шефа таким живым, таким страстным. Но глаза его по-прежнему сохраняли непроницаемое выражение. В них было что-то, что невозможно было разгадать.

— Похоже, тебе все это нравилось, — сказала Кейт. — Почему же ты оттуда уехал?

— Я никогда и ни с кем это не обсуждаю. — Джонни допил пиво и встал. — Нам пора вернуться на работу.

Кейт растерянно посмотрела на их тарелки с едва тронутой едой.

Очевидно, она зашла слишком далеко.

— Я спросила о слишком личном, — пролепетала девушка. — Прошу прощения…

— Не стоит. Это старая история. Пойдем же.

Всю дорогу оба молчали. Поднявшись по лестнице, они оказались в своем тихом офисе, и тут Кейт не выдержала и коснулась руки Джонни.

— Мне действительно очень жаль. Я не хотела тебя расстраивать.

— Как я уже сказал, это старая история.

— Но не забытая, ведь так? — тихо спросила Кейт, прекрасно понимая, что снова выходит за рамки дозволенного.

— Тебе лучше вернуться к работе! — резко ответил Джонни, скрылся в кабинете и захлопнул за собой дверь.

Йелм сонно жил своей жизнью на живописной зеленой равнине между Олимпией и Такомой. Это был маленький городок, где мужчины испокон века носили фланелевые рубашки и выцветшие джинсы и приветствовали друг друга, встретившись на улице.

Все изменилось несколько лет назад, когда некий воин из Атлантиды, тридцати пяти тысяч лет от роду предположительно, появился на кухне самой обыкновенной домохозяйки.

Местные жители, исповедовавшие принцип «живи и давай жить другим», долго старательно смотрели в другую сторону, чтобы не замечать ни «ребят со странностями», которые стали приезжать в Йелм (многие из них на дорогих машинах и в одежде от известных дизайнеров — эдакие голливудские красавчики), ни таблички с надписью «ПРОДАНО», появлявшиеся на лучших земельных участках.

Когда пошли разговоры о том, что Дж. З. Найт хочет построить своего рода комплекс, который включал бы в себя школу, объединяющую всех ее последователей, оказалось, что терпение местных жителей истощилось. Согласно данным, поступившим от шефа бюро студии в Саут-Саунд, теперь люди пикетировали собственность Найт. «Толпа», выступившая против предполагаемого строительного проекта, оказалась кучкой из десяти человек, держащих щиты с надписями и вполне мирно переговаривающихся друг с другом. Все это больше походило на встречу любителей поговорить за чашкой кофе, но лишь до тех пор, пока не показался в конце улицы фургон телевизионной службы новостей. При виде его толпа тут же начала маршировать и скандировать.

— Волшебная сила СМИ, — отметил Матт, вылезая из фургона. Он повернулся к Талли:

— Сейчас будет то, чему тебя наверняка не учили в колледже. Надо внедриться в толпу. Ввинтиться в нее. Даже если похоже, что может начаться заварушка, ты все равно должна быть там. Продолжай задавать вопросы, просто разговаривать с людьми. Но как только я дам тебе знак, выметайся прочь из кадра.

Сердце Талли учащенно забилось, когда она поняла, что означают указания Мата.

Протестующие устремились к фургону. Все говорили одновременно, старались, чтобы услышали именно их, и толкались локтями.

Матт как следует толкнул Талли. Она сделала несколько шагов вперед и буквально налетела на широкоплечего, огромного детину с бородой как у Санта-Клауса, держащего плакат с надписью: «Просто скажите „нет“ Рамте».

— Я — Таллула Харт, канал Кей-си-пи-оу. С какой целью вы здесь собрались сегодня?

— Спроси его имя! — пророкотал Матт.

Черт! Талли поморщилась.

— Я — Бен Неттлмэн, — охотно представился детина. — Моя семья живет в Йелме уже лет восемьдесят, и нам не нравится смотреть, как его превращают в супермаркет для извращенцев нового времени.

— Хватит с них Калифорнии! — закричал кто-то в толпе.

— Расскажите мне о Йелме, каким вы его знаете, — предложила парню Талли.

— Это — тихое местечко, где каждый сам за собой следит. Мы начинаем день с молитвы, и нас обычно не волнует, что делают соседи, пока они не начинают строить разное дерьмо, привлекающее сюда психов целыми автобусами.

— Вы считаете их психами, потому что они…

— Психи и есть. Эта самая леди утверждает, что ей является мертвый парень, который говорит, что жил раньше в Атлантиде.

— Я тоже могу подделать индейский акцент. Но я не стану от этого Рамтой! — выкрикнул кто-то из толпы.

Следующие двадцать минут Талли занималась тем, что всегда умела делать лучше всего: разговаривала с людьми. Минут через

шесть-семь она обрела почву под ногами и вспомнила то, чему ее учили. Она слушала и задавала вопросы, которые могла бы задать этим людям в любой самый обычный день. Она понятия не имела, правильные ли это вопросы и всегда ли она стоит так, чтобы Матт мог снять ее в выгодном ракурсе, но после третьего интервью оператор перестал давать ей указания и предоставил действовать самой. Талли чувствовала себя великолепно. Люди раскрывались перед ней, делились с ней своими чувствами, поверяли свои страхи.

— Хорошо, Талли, — произнес за спиной девушки голос Матта. — Все. Мы сняли репортаж.

И толпа тут же рассыпалась.

— Я сделала это, — прошептала Талли, и ей тут же захотелось прыгать и кричать. — Какая удача!

— Ты все сделала хорошо, — похвалил Матт, одарив Талли улыбкой, которую она никогда не забудет.

В считаные секунды он собрал оборудование и забрался в фургон.

Талли была невероятно возбуждена.

И тут она увидела знак палаточного городка.

— Сверни здесь, — сама не понимая, что делает, попросила Талли.

— В чем дело? — удивился Матт.

— Моя мама… она путешествует. И остановилась в этом кемпинге. Дай мне пять минут поздороваться с ней по-быстрому.

— Я пока перекурю. Это даст тебе минут пятнадцать. Но потом нам придется поторопиться.

Фургончик остановился возле стойки администрации кемпинга.

Талли обратилась к дежурному за стойкой с вопросом о своей матери. Мужчина кивнул.

— Номер тридцать шесть. И скажите, что ей пора платить, когда ее увидите.

Шагая по дорожке в глубь леса, Талли несколько раз была готова повернуть обратно. Талли не видела свою мать и не говорила с ней с похорон бабушки, и хотя Талли стала в восемнадцать лет душеприказчиком бабушки и отвечала в том числе за выплату ежемесячного содержания матери, она ни разу не получила от нее ни строчки благодарности за переведенные деньги. Только приходили иногда открытки, сообщавшие, что Дороти переехала и деньги надо

слать по новому адресу. Последним был адрес палаточного городка в Йелме.

Талли увидела мать с сигаретой в зубах возле туалетных кабинок. На ней были грубый серый свитер с индейским орнаментом и брюки, похожие на пижамные. Дороти выглядела как заключенная, сбежавшая из женской тюрьмы. Годы не прошли даром для ее красоты, впалые щеки избороздила сеточка морщин.

— Привет, Облачко, — сказала Талли, подойдя поближе.

Ее мать затянулась и медленно выдохнула дым, глядя на Талли из-под полуприкрытых глаз с припухшими веками.

Талли увидела во всех удручающих подробностях, как ужасно выглядит ее мать, как состарили Дороти наркотики. Ей ведь не было еще сорока, а можно было дать пятьдесят. Глаза ее, как обычно, казались стеклянными, взгляд был несфокусированным — типичный взгляд наркомана.

— Я здесь по заданию группы новостей канала Кей-си-пи-оу.

Талли старалась, чтобы в ее голосе не звучала гордость. Она отлично знала, что от матери не стоит ожидать одобрения, и все же во взрослой Талли Харт по-прежнему жила маленькая и жалкая одинокая девочка, которая исписала двенадцать тетрадей, чтобы в один прекрасный день ее мама могла прочесть их и понять, что может гордиться своей дочерью.

— Это был мой первый репортаж для эфира. Я ведь говорила тебе, что когда-нибудь меня покажут по телевизору.

Тело матери едва заметно раскачивалось, словно в воздухе звучала музыка, слышная только ей одной.

— Телевидение — опиум для народа.

— Ну что ж, если кто и разбирается в наркотиках, так это ты.

— Кстати, об этом. У меня плоховато в этом месяце с деньгами. Есть у тебя наличка?

Талли полезла в сумочку, достала пятьдесят долларов, которые всегда держала в бумажнике на случай чего-то непредвиденного, и протянула их матери.

— Только не отдавай все одному дилеру.

Дороти протянула дрожащую руку и вцепилась в бумажку.

Талли пожалела, что пришла сюда. Она ведь знала, чего ожидать от своей матери: ничего. Так почему же она очередной раз забыла об

этом?

— Я пришлю денег на твой следующий реабилитационный курс, — сказала Талли. — В каждой семье есть свои традиции, верно?

С этими словами она повернулась и направилась обратно к фургону.

Матт уже ждал ее. Бросив сигарету, он втоптал ее каблуком в землю и спросил, улыбаясь:

— Мамочка гордится примерной дочкой?

— Шутишь? — ответила в тон Талли, лучезарно улыбаясь и вытирая глаза. — Она плакала, как младенец.

Когда Талли и Матт вернулись, все завертелось в сумасшедшем темпе. Все четверо засели в монтажной и превратили двадцать шесть минут записи в резкое и беспристрастное тридцатисекундное сообщение. Кейт старалась думать о работе, только о работе, но мысли о Джонни мешали ей сосредоточиться. Ланч с ним перевернул ее, сделал ее чувства более возвышенными. Кейт теперь знала, что увлечение вчерашней студентки своим шефом переросло после этого ланча во что-то иное.

Когда они закончили работу, Джонни позвонил менеджеру канала в Такому. Поговорив несколько минут, он повесил трубку и повернулся к Талли:

— Они вставят это сегодня в десятичасовой эфир, если ничего не случится.

Талли запрыгала и захлопала в ладоши:

— Мы сделали это!

Кейт почувствовала укол зависти. Как бы ей хотелось, чтобы Джонни хоть разочек взглянул на нее так же, как смотрит на Талли.

Если бы только она сама была такой, как ее подруга, — уверенной в себе, сексуальной, готовой завоевать все и всех, кого хотела. Тогда у нее был бы шанс, но мысль о пустом взгляде Джонни, когда он смотрит на нее, не замечая, заставляла Кейт держаться в тени. В тени Талли, если быть точной. Кейт была вечной певичкой из хора, который никогда не выйти в круг прожектора, освещающего солистку на сцене.

— Давайте отметим это дело! — воскликнула Талли. — Плачу за обед!

— На меня не рассчитывай, — сказал Матт. — Меня ждет Дарла.

— Я не могу в обед, но как насчет девяти вечера? — предложил Джонни.

— Мы сможем, — уверенно заявила Талли.

Кейт знала, что должна сказать «нет». Последнее, что ей хотелось делать, это сидеть за столом и наблюдать, как Джонни смотрит на Талли. Но разве у нее был выбор? Кейт выкинули на обочину, ей было предопределено следовать за Талли, куда бы та ни шла, даже если ей было при этом нестерпимо больно.

Собиралась Кейт тщательно. Белая маечка, черный винтажный жаккардовый жилет, джинсы в обтяжку, заправленные в тугие сапожки.

Волосы она зачесала на одну сторону и завязала в хвост. Кейт оставалась довольной своим видом до тех пор, пока не вышла в гостиную и не увидела Талли, надевшую зеленое платье из джерси с подплечниками и широкий ремень цвета металлик, которая стояла, покачиваясь в такт игравшей музыке.

— Талли, ты готова?

Талли перестала танцевать, выключила проигрыватель, взяла подругу под руку.

— Пошли. И так уже опаздываем.

На улице их уже ждал Джонни, привалившись к своему черному «эль-камино». В потертых джинсах и футболке с логотипом рок-группы «Аэросмит» выглядел он потрясающе сексуально, хотя и не на гламурный манер.

— Куда пойдем? — спросила Талли, беря Джонни под руку.

— У меня есть план, — сказал Джонни.

— Люблю мужчин с планами, — заявила Талли. — А ты, Кейт?

Слово «люблю» в сочетании с намеком на Джонни больно резануло Кейт. Она старалась не смотреть на него, когда ответила:

— Да, я тоже.

Втроем они направились пешком по мощеной улице в сторону рынка.

У искрящегося неоновыми огнями секс-шопа на углу они свернули направо.

Кейт нахмурилась. По Пайк-стрит проходила невидимая линия, что-то вроде экватора.

К югу район становился ужасным. Туристы старались не забредать сюда, если только им не нужны были наркотики или уличные проститутки. Магазины и другие заведения по обе стороны улицы выглядели весьма сомнительно.

Они прошли мимо двух книжных магазинов для взрослых, порнокинотеатра, где шел сиквел «Дебби едет в Даллас» в очередь с «Трахом в субботу вечером».

— Как здорово! — воскликнула Талли. — Мы с Кейт никогда сюда не забредали.

Джонни остановился возле обшарпанной деревянной двери, очевидно покрашенной когда-то в красный цвет.

— Готовы? — спросил он с улыбкой.

Талли кивнула.

Джонни открыл дверь, и наружу вырвалась оглушительно громкая музыка.

На табурете у входа сидел огромный негр.

— Удостоверение личности, — потребовал он и включил фонарик, чтобы изучить их водительские права. — Проходите.

Талли и Кейт предъявили свои водительские права, затем направились внутрь и прошли по узкому темному коридору, увешанному флайерами, постерами и наклейками.

Коридор привел их в длинную прямоугольную комнату, набитую людьми. Все они были одеты в черную кожу с металлическими заклепками. Кейт никогда еще не видела в одном месте столько странных личностей. Здесь были десятки людей с пятнадцатисантиметровыми ирокезами, пропитанными лаком до состояния лезвия и окрашенными во все цвета радуги. Джонни провел своих спутниц через танцплощадку, мимо нескольких деревянных столов к бару, где девушка с волосами цвета фуксии, подстриженными так, что они торчали в кажущемся беспорядке во все стороны, и пирсингом в щеке, приняла у них заказ. В дальнем углу бара висел на стене огромный телевизор, включенный в данный момент на канале Эм-ти-ви. Никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Когда барменша вернулась, Джонни дал ей солидные чаевые и одарил лучезарной улыбкой, затем повел Талли и Кейт за столик в углу, прямо под телевизором.

Талли тут же подняла бокал с коктейлем и произнесла:

— За нас. Сегодня мы наконец-то встряхнули их всех.

Они чокнулись и выпили. Потом еще. И еще. К третьему разу Талли была уже пьяна, и, как только начиналась подходящая музыка, она вскакивала на ноги и, не нуждаясь в партнере, танцевала одна прямо тут же, у столика.

Кейт хотела бы вести себя так же непринужденно, но двух порций выпивки было явно недостаточно, чтобы настолько изменить ее. Она сидела за столиком и наблюдала, как Джонни смотрит на Талли.

На Кейт он вообще не смотрел, пока Талли не отправилась в туалет.

— Она никогда не замедляет темп, да? — спросил Джонни.

Кейт постаралась придумать ответ, который увел бы разговор в сторону от ее лучшей подруги и, может быть, даже продемонстрировал страстную сторону ее собственной натуры. Но кого она пыталась обмануть? Не была она страстной натурой. Талли была подобна шелку яркой экзотической расцветки, она же, Кейт, была похожа на бежевую хлопчатобумажную ткань.

— Да, — пробормотала она в конце концов.

Талли примчалась из туалета, чуть не врезавшись в стойку бара.

— Эй, уже десять. Можем мы переключить канал на телевизоре? Никто его все равно не смотрит.

— Как скажете, — второй бармен, похожий на персонаж фантастического фильма, забравшись на стремянку, переключил канал.

Талли подошла к телевизору с видом неофита, приближающегося к самому Папе Римскому.

И в этот момент на экране вдруг возникло ее лицо.

«Таллула Харт из Йелма, Вашингтон. Этот тихий городок стал сегодня местом проведения марша протеста. Сторонники Джей Зед Найт и древнего духа, прожившего тридцать пять тысяч лет, которого она называет Рамта, столкнулись с местными жителями, возражающими против строительства комплекса…»

Когда репортаж закончился, Талли повернулась к Кейт и, волнуясь, спросила:

— Ну как?

— Просто потрясающе! — искренне ответила Кейт. — Превосходно!

Талли крепко обняла подругу, затем схватила ее за руку:

— Пойдем! Я хочу танцевать! И ты тоже, Джонни. Мы можем танцевать втроем.

На площадке были мужчины, танцевавшие вместе, и женщины, двигавшиеся в такт «Секс Пистолз». Девушка рядом с Кейт в черной мини-юбке из кожзаменителя, солдатских ботинках и чулках в сетку вообще танцевала одна.

Талли начала танец первой, затем к ней присоединился Джонни, затем Кейт. Сначала она чувствовала себя неловко — как пятое колесо в телеге, — но к концу песни настроение ее улучшилось. Алкоголь расслабил тело, Кейт вошла во вкус, а когда музыка сменилась на более медленную, она, уже нимало не смущаясь, обнялась с Талли и Джонни. Они двигались в такт музыке с естественной грацией, в которой была заразительная сексуальность. Кейт смотрела на Джонни, который смотрел на Талли, и мечтала о том, чтобы он хоть раз взглянул и на нее.

— Я никогда не забуду этот вечер, — объявила Талли.

Джонни, нагнувшись, поцеловал Талли. Кейт была достаточно пьяна, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать происшедшее. А потом пришла боль.

Талли попыталась уклониться от поцелуя.

— Плохой Джонни! — капризно произнесла она, шутливо оттолкнув Райана.

Тогда Райан повернулся к Кейт, обнял ее и крепко прижал к себе.

— А что не так с плохими парнями? — не выпуская Кейт из своих объятий, спросил он с усмешкой.

Прежде чем Талли успела ему ответить, кто-то окликнул ее по имени, и девушка обернулась.

Чад пробирался к ним через толпу танцующих. Со своими длинными волосами, в футболке с Брюсом Спрингстином, он выглядел как бывалый рокер среди ребят «новой волны».

Талли радостно кинулась к нему, и они поцеловались так, словно были в этом зале одни. Кейт услышала, как ее подруга, смеясь, сказала:

— Отведи меня в койку, старичок!

И они оба направились к выходу, не оглянувшись и не помахав рукой на прощание. А Кейт по-прежнему оставалась в объятиях Джонни. Тот ошалело смотрел им вслед, словно ожидал, что Талли

вот-вот вернется, крикнет что-нибудь про первое апреля и опять будет танцевать с ними.

— Она не вернется, — тихо произнесла Кейт.

Джонни вздрогнул, как от удара. Отпустив Кейт, он вернулся за столик и заказал еще две порции выпивки, после чего надолго замолчал. Кейт смотрела на Райана, мысленно умоляя его: «Взгляни же на меня!»

— Это был Чад Уили, — то ли спрашивая, то ли утверждая, проговорил Джонни.

Кейт кивнула.

— Неудивительно… — Джонни отрешенно смотрел в ту сторону, куда ушли Талли и Чад.

— Они уже давно вместе.

Кейт на секунду подумала о том, не сделать ли первый шаг, не протянуть ли ему руку. Может быть, ей удастся отвлечь его от мыслей о Талли и обратить внимание на себя. Ей уже было безразлично, что она для него всего лишь незаметная серая мышка, подружка великолепной и яркой Талли. И пусть в крови бушует алкоголь. Любовь ведь может возникнуть из чего угодно, разве не так?

— Ты думал, что вы с Талли могли бы…

Джонни не дал ей закончить фразу.

— Пошли, Муларки, я провожу тебя домой.

Всю дорогу до их с Талли квартиры Кейт уговаривала себя, что все, что ни делается, делается к лучшему.

— Спокойной ночи, Джонни, — сказала она перед дверью.

— Спокойной ночи. — Он направился к лифту, но вдруг остановился и обернулся: — Муларки?

— Да? — встрепенулась Кейт.

— Ты отлично выглядишь, я уже говорил тебе? И ты — одна из самых способных молодых женщин, пишущих сегодня. Поверь, я знаю, что говорю.

— Спасибо, Джонни, — смущенно пролепетала Кейт.

Позже, лежа в кровати, она вспоминала его слова и то, как он смотрел на нее, когда произносил их. Что ж, Джонни Райан по-своему отметил ее сегодня. Может быть, все было не так безнадежно, как ей казалось.

12

С того момента, как Талли впервые вышла в эфир, все изменилось. Они стали великолепной четверкой — Кейт и Талли, Матт и Джонни. Два года они постоянно были вместе — в офисе, когда работали над репортажами, когда колесили, как цыгане, по всей стране. Вторая новость, которую освещала Талли, была про снежную сову, свившую гнездо на уличном фонаре на Капитолийском холме. Они освещали предвыборную кампанию губернатора Бута Гарднера, и хотя Талли была лишь одной из десятков репортеров, работавших с кандидатом, казалось, что Гарднер чаще и охотнее отвечает именно на ее вопросы. К тому моменту, когда первые миллионеры из «Майкрософт» стали гонять по городу на своих новых «феррари», слушая эксцентричную музыку в огромных наушниках, стало понятно, что Талли не задержится надолго на маленьком местном канале.

Они знали об этом все, но Джонни, наверное, ощущал это особенно остро. И хотя они никогда не заговаривали о будущем, все чувствовали его приближение, и каким-то странным образом это давало им ощущение радости и значительности от проведенного вместе времени. В те редкие вечера, когда они не были заняты работой, Джонни, Талли и Кейт встречались в «Голдиз», чтобы поиграть в пул и выпить пива. К концу проведенных вместе двух лет они знали друг о друге все. По крайней мере все, чем каждый из них готов был поделиться.

Кроме разных вещей, имевших значение в этой жизни, Кейт часто с иронией думала о том, как это три человека, постоянно ищущие крупицы истины в царящих вокруг хаосе и суете и даже сделавшие это своей работой, могут быть такими упрямо слепыми, когда речь идет об их собственных жизнях.

Талли понятия не имела, что Джонни хочет ее. Сам Джонни и не догадывался, как сильно хочет его Кейт.

Так что их странный треугольник продолжал нерушимо существовать. Талли часто спрашивала Кейт, почему та ни с кем не встречается. Кейт очень хотелось открыться лучшей подруге, рассказать Талли всю правду. Но всякий раз, когда она готова была

приступить к исповеди, что-то останавливало ее. Как она могла рассказать правду о Джонни после всех тех глупостей, которые наговорила когда-то Талли по поводу Чада? Влюбиться в босса. Это, пожалуй, еще похуже, чем в преподавателя.

К тому же что знала Талли о безответной любви? Подруга наверняка начнет уговаривать Кейт объясниться с Джонни. И что скажет ей на это Кейт? «Я не могу — он влюблен в тебя?» И где-то в глубине ее души жил страх, в котором она не решалась признаться себе, но он мучил ее во сне, в ночных кошмарах. Кейт не верила в это при свете дня, но по ночам, одна, она волновалась, что, если Талли узнает о ее любви, то сама обратит на Джонни более пристальное внимание и оценит его обаяние. Отличительной чертой ее подруги было не только то, что Талли всегда хотела получить то, что она не могла иметь. Талли хотела всего, и рано или поздно она получала все, что хотела. Кейт не могла рисковать. Она готова была смириться с тем, что Джонни не с ней, но мысль о том, чтобы потерять его, уступив Талли, была для нее невыносимой.

Поэтому Кейт ходила с опущенной головой, старалась занять себя работой и прятала подальше мечты о взаимной любви. Она только улыбалась, когда мать, отец или Талли начинали поддразнивать ее за необщительность, говорила, что стандарты у нее просто повыше, чем у некоторых знакомых, — ответ, неизменно вызывавший добродушный смех.

Кейт старалась не оставаться без крайней необходимости наедине с Джонни, чтобы не мучить себя. Она уже больше не мямлила и не роняла предметы в его присутствии, но всегда знала, что Джонни — личность довольно чувствительная, и опасалась, что он может догадаться о том, что она так тщательно пыталась скрыть.

И все шло хорошо, пока однажды в ноябре тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года Джонни вдруг не вызвал Кейт к себе в кабинет.

В тот день они были в офисе вдвоем; Талли и Матт отправились на полуостров Олимпик поискать в местных лесах снежного человека.

Кейт поправила свой ангорский свитер, приготовила вежливую улыбку и вошла в кабинет. Джонни сидел возле окна.

— Что такое, Джонни?

Он выглядел ужасно — казался каким-то изможденным и осунувшимся.

— Помнишь, я рассказывал тебе об Эль-Сальвадоре?

— Конечно.

— У меня остались там друзья. Один из них — отец Рамон — исчез. Его сестра думает, что его схватили и пытают. А может, даже уже убили. Она хочет, чтобы я приехал, — вдруг я смогу помочь напасть на его след.

— Но ведь это очень опасно.

— Опасность — мое второе имя. — Джонни улыбнулся, но улыбка его была словно рябь на воде.

— С такими вещами не шутят, тебя же могут убить. Или и ты можешь исчезнуть, как тот журналист в Чили во время мятежа. Его ведь так и не нашли.

— Да знаю я, — сказал Джонни. — Я ведь был там, помнишь? И мне известно, как это, когда тебе завязывают глаза и расстреливают. — Джонни повернул голову. Взгляд его был каким-то блуждающим и мутным. «Интересно, о чем он вспоминает сейчас?» — подумала Кейт.

— Я не могу повернуться спиной к людям, которые защитили меня, когда я был там. Вот ты бы могла отказать Талли, если бы она умоляла тебя о помощи?

— Я бы помогла ей, и ты отлично это знаешь. Но я надеюсь не увидеть ее в зоне военного конфликта, если, конечно, не считать ежегодной распродажи в «Нордстроме».

— Я так и знал, что ты — моя девушка. Так ты последишь тут за делами, пока меня не будет?

— Я?

— Как я однажды заметил, ты — очень ответственная девушка.

Кейт ничего не могла с собой поделать — она подошла к Джонни и посмотрела на него снизу вверх. Он уезжает, и его могут там ранить или даже хуже.

— Женщина, — произнесла она.

Джонни смотрел на нее без улыбки. Их разделяло лишь несколько сантиметров. Ничего не стоило просто протянуть руку и прикоснуться.

— Женщина, — эхом повторил Джонни и оставил ее стоять у окна, окруженную призраками слов, которые она так и не осмелилась произнести.

Когда Джонни все-таки уехал, Кейт поняла, каким изменчивым может быть время. Оказалось, оно может тянуться так медленно, что минуты начинают казаться часами. Теперь она жила в постоянном напряжении, всякий раз, когда звонил телефон, Кейт вздрагивала. В первые после отъезда Джонни дни у нее чудовищно болела голова.

За это время Кейт усвоила еще один урок: жизнь продолжается. Начальство из Такомы продолжало названивать, был назначен специальный продюсер, который следил теперь за заданиями, выполняемыми их группой. Хотя, по правде говоря, работал он так, что Кейт пришлось взять часть продюсерских обязанностей на себя. Матт и Талли доверяли ей, и она знала, как все организовать при их весьма скудном бюджете. Ее сердечные страдания двух последних лет начали окупаться неожиданным образом. Она так пристально наблюдала за Джонни, что теперь сама отлично справлялась с его обязанностями. Конечно, она была своего рода скромной портнихой, а он — кутюрье, но она, безусловно, успела стать профессиональной портнихой. К середине первой недели новый назначенный продюсер сдался, сказал, что у него есть дела поважнее, чем ездить целыми днями с сумасшедшими, и вернулся в Такому.

В пятницу Кейт впервые сама выступила в роли продюсера. Репортаж был не особенно выигрышным — о сегодняшней жизни бывшей звезды детского телевидения Брейкмане Билле, — но он был ее, и он вышел в эфир.

Она испытала прилив адреналина, увидев на экране дело своих рук. И вовсе не переживала о том, что зрители ничего о ней не узнают, а запомнят лишь лицо и имя Талли. Она позвонила родителям, и те приехали, чтобы посмотреть репортаж вместе с Кейт и Талли. После просмотра они подняли тост «за мечту» и признали, что девушки стали теперь гораздо ближе к ее осуществлению.

— Я всегда думала, что мы с Кейти будем вместе выходить в эфир, станем двумя ведущими, но теперь я вижу, что ошибалась, — сказала Талли. — Кейт станет в один прекрасный день продюсером моего шоу. А когда Барбара Уолтерс будет брать у меня интервью, я скажу, что ничего не смогла бы добиться без Кейти.

Кейт чокалась и пила. Когда это требовалось, улыбалась изо всех сил и старалась не обращать внимания на болтовню Талли. Она

гордилась собой, гордилась по-настоящему. Ей нравилось то, что она делала, нравилось отмечать сегодня с родителями и подругой свой первый успех. Это чувство было особенно острым, когда мама отвела ее в сторону и сказала:

— Я горжусь тобой, Кейти! Теперь ты твердо встала на свой путь. Ты ведь рада, что не сдалась в минуту слабости?

Но весь вечер Кейт невольно отмечала ход минутной стрелки на часах и мысленно сетовала на то, как медленно тянется время.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала ей на следующий день Талли, вываливая на стол перед Кейт гору пленок.

Стук футляров о стол неприятно резанул слух Кейт. Она поняла, что снова смотрит на часы.

— Ну да, просто от твоего пения скулы сводит, — поддразнила она подругу.

Талли рассмеялась:

— В жизни каждого есть что-то, чего он не умеет делать. — Она оперлась ладонями о стол и наклонилась к Кейт: — Мы с Чадом идем сегодня в «Бэкстейдж». Играет Кадиллак-младший. Хочешь с нами?

— Не сегодня.

Талли внимательно посмотрела на подругу:

— Да что с тобой случилось? Ты уже больше недели ходишь как в воду опущенная. Я знаю, что ты плохо спишь, слышу, как ты по нескольку раз встаешь посреди ночи. И ты никуда не желаешь ходить. Нельзя же так, Кейти!

Кейт непроизвольно взглянула на дверь кабинета Джонни, потом снова подняла глаза на подругу. Все сжималось у нее внутри. Если бы она только могла сказать Талли правду! Признаться, что, сама того не желая, влюбилась в Джонни и теперь ужасно беспокоится за него. Она сняла бы с души чудовищный груз. За последние десять лет это было единственное, что Кейт скрыла от Талли, и скрывать это было для нее почти физически невыносимо.

Но ее чувства к Джонни были такими хрупкими, что Кейт понимала: тропический ураган по имени Талли прольется на них с неистовой силой и все погубит.

— Я просто устаю, — сказала она. — У продюсера тяжелая работа. Вот и все.

— Но тебе ведь нравится?

— Конечно! Работа потрясающая. А теперь иди, встречайся с Чадом. Я здесь все закрою.

После ухода Талли Кейт задержалась в пустом офисе. Странная вещь — ей нравилось здесь находиться. Так она чувствовала себя ближе к Джонни.

— Ты — идиотка, — громко произнесла она вслух.

Честно говоря, в последнее время Кейт произносила эти слова не меньше двух раз в день. Она вела себя будто покинутая любовница, но ведь их отношения с Джонни существовали только в ее воображении. И она не должна забывать об этом.

Кейт отправилась домой одна. Автобус высадил ее на углу Пайк и Пайн. Здесь, пробираясь в разношерстной толпе туристов и хиппи, она купила еду к ужину. В квартире Кейт свернулась калачиком на диване, съела свой ужин прямо из картонных коробочек и начала смотреть по телевизору вечерние новости. Потом она сделала кое-какие наброски для будущих репортажей, поговорила по телефону с матерью и переключила телевизор на канал Эн-би-си, чтобы посмотреть «Династию» и «Сент-Элсвер».

Где-то в середине медицинской драмы раздался звонок в дверь.

Недоумевая, Кейт подошла к двери:

— Кто там?

— Джонни Райан.

Кейт почувствовала такой болезненный толчок в сердце, что едва удержалась на ногах. И тут же ее захлестнули самые противоречивые чувства: облегчение, радость, страх.

Она посмотрела на себя в зеркало, висевшее в прихожей, и недовольно поморщилась. Она выглядела как девушка из журнала мод на фотографии с надписью «до» — свисающие сосульками волосы, ноль косметики, невыщипанные брови.

Джонни снова постучал в дверь. Кейт открыла.

Он стоял на пороге, тяжело привалившись к косяку, в грязных джинсах и несвежей футболке с надписью «РОЖДЕННЫЙ В США». Волосы отросли и разлохматились. Джонни загорел, но лицо его осунулось. Кейт почувствовала запах алкоголя.

— Привет! — сказал Джонни, оторвавшись от косяка и протягивая Кейт руку. В этот момент он потерял равновесие и чуть было не упал.

Кейт подставила Джонни плечо, ввела в квартиру, захлопнула дверь и подвела его к дивану, на который он практически рухнул.

— Я сидел в «Афинянине», — сказал он. — Пытался успокоиться и набраться смелости прийти сюда. — Он обвел квартиру мутным взглядом. — А где Талли?

— Ее нет, — сказала Кейт, чувствуя, как болезненно сжимается сердце.

— О!

Кейт присела рядом.

— Как все было в Эль-Сальвадоре?

Когда Джонни поднял на нее глаза, в них читалась такая опустошенность, что Кейт невольно обняла его и прижала к себе.

— Рамон был мертв, — сказал Джонни после долгой паузы. — Еще до того как я приехал, он был мертв. Но мне надо было его найти… — Он вынул из заднего кармана фляжку и сделал большой глоток. — Хочешь немного?

Кейти глотнула из фляжки, крепкий напиток обжег ей горло.

— То, что там происходит, невозможно выдержать — сердце разрывается. В эфире нет и сотой доли того, что на самом деле. Никого ничего не волнует.

— Ты мог бы отправиться туда по заданию телестудии, — сказала Кейт.

— Хотелось бы мне, чтобы это было так, но — увы! — Голос его дрогнул, а затем стал злым и резким. — Впрочем, это старые новости. — Он сделал еще глоток из фляжки.

— Может быть, тебе стоит притормозить? — Кейт попыталась забрать у Джонни фляжку, но он вдруг схватил ее за запястье и усадил к себе на колени. Свободной рукой он коснулся лица Кейт, погладил ее по щеке, как будто был слепым и пытался определить на ощупь, как выглядит девушка.

— А ты красивая, — прошептал он.

— Просто ты пьян.

— Но ты все равно красивая.

Одна рука Джонни двинулась вверх по ее руке, другая скользнула по шее, пока Кейт не оказалась в его объятиях. Кейт понимала, что сейчас он поцелует ее, чувствовала это каждой клеточкой своего тела и одновременно осознавала, что ей следует его остановить.

Но Джонни крепче прижал ее к себе, и от благих намерений Кейт не осталось и следа. Она отдалась во власть его рук и позволила коснуться себя губами.

Последовавший за этим поцелуй был не похож ни на что, что испытывала Кейт в своей жизни. Сначала он был нежным и приятным, потом стал ищущим, требовательным.

Кейт полностью отдалась во власть Джонни, именно так, как и мечтала.

Его язык властно проникал в ее рот, зажигая девушку, порождая в ней новое, сладкое и болезненное, желание. Она жадно, отчаянно хотела продолжения, не задумываясь о том, что делает. Кейт скользнула руками под футболку Джонни, чувствуя его теплую кожу, стремясь стать ближе, еще ближе.

Ее руки, двигаясь словно сами по себе, коснулись его ключиц, пытаясь задрать футболку еще выше, как вдруг Кейт почувствовала, что Джонни замер неподвижно.

Она была в таком смятении чувств, что ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Тяжело дыша и вздрагивая всем телом от овладевшего ею острого желания, Кейт отстранилась, чтобы взглянуть на Джонни.

Джонни лежал на диване, устремив взгляд в пространство. Потом он медленно приподнял дрожащую руку, словно не контролируя в полной мере свои движения, и коснулся губ Кейт, затем провел по ним пальцем.

— Талли, — пробормотал он. — Я так и знал, что ты прекрасна на вкус.

И с этими словами, нанеся Кейт удар в самое сердце, он откинул назад голову и провалился в сон.

Кейт не знала, как долго она продолжала сидеть у него в ногах, глядя на лицо спящего Джонни. Ей снова казалось, что время тянется чудовищно долго. Ей казалось, что она истекает кровью. Но на самом деле Кейт теряла не кровь, а нечто большее, нечто, чему не могло помочь никакое переливание. Она теряла свою мечту. Прекрасный цветок любви, живший в ее фантазиях, который она взрастила сама и за которым так тщательно ухаживала, сегодня погиб безвозвратно.

Кейт поднялась, уложила Джонни поудобнее на диване, сняла с него ботинки и прикрыла одеялом.

Она ушла в комнату, закрыв за собой дверь, и долго еще лежала в постели, стараясь не проигрывать происшедшее вновь и вновь. Но это было невозможно. Она снова ощущала вкус его губ, проникновение в рот его языка, и снова слышала, как он шепчет: «Талли!»

Кейт заснула далеко за полночь, и утро наступило для нее очень быстро. В шесть часов она выключила зазвонивший будильник, почистила зубы, причесалась, надела халат и поспешила в гостиную.

Джонни уже встал. Он сидел за кухонным столом и пил кофе. При появлении Кейт он поставил чашку и встал.

— Привет! — сказал Джонни, проводя пятерней по волосам.

— Привет!

Они молча смотрели друг на друга. Кейт затянула покрепче пояс на махровом халате.

Джонни перевел взгляд на дверь в комнату Талли.

— Ее здесь нет, — сказала Кейт. — Она у Чада.

— Так это ты уложила меня на диван и накрыла одеялом?

— Да.

Джонни подошел к Кейт.

— Я был свински пьян вчера, прости. Мне не следовало сюда приходить.

Кейт не знала, что на это сказать.

— Муларки, — сказал, поколебавшись, Джонни. — Я ведь был не в себе…

— Да, это правда.

— Что-то произошло? Я имею в виду, мне неприятно было бы думать…

— Ты хочешь спросить, было ли что-то между нами? Но разве такое возможно? — перебила его Кейт, прежде чем он успел произнести вслух, как сильно он жалеет о случившемся. — Не волнуйся! Ничего не было.

Джонни улыбнулся ей с таким облегчением, что Кейт чуть не расплакалась.

— Тогда увидимся сегодня на работе, да? И спасибо, что позаботилась обо мне.

— Ну что ты! — Кейт сложила на груди руки. — А для чего же еще существуют друзья?

13

В конце восемьдесят пятого в карьере Талли произошел настоящий прорыв. Когда ей дали задание сделать прямой репортаж из Бейкон-Хилл, она была поражена наплывом эмоций, повергнувших ее в дрожь и едва не лишивших голоса, но когда все закончилось, она почувствовала себя воистину непобедимой.

Она была не просто хороша. Она была сногсшибательна!

Талли сидела на пассажирском сиденье специального фургона для прямых репортажей, изготовленного с учетом технических требований прямого эфира, и буквально лучилась энтузиазмом. Закрывая глаза, она заново переживала все происшедшее: как она буквально ворвалась в толпу и стала задавать вопросы, безукоризненную концовку, заснятую на фоне хорошо освещенного банка, с желто-красными огнями мигалок полицейских машин, отбрасывавшими блики в начинающее темнеть небо. Потом им потребовалась целая вечность, чтобы погрузить оборудование и выехать обратно, но Талли словно не замечала всего этого — чем дольше продлится эта ночь, тем лучше. Она даже не сняла с себя оборудование — наушники, аккумулятор, беспроводной микрофон, рацию. Сегодня они казались ей знаками высшего отличия.

— Притормози-ка у «Севен-Илевен», — сказал Джонни с заднего сиденья. — Хочу пить. Матт, сделай там несколько прикидочных кадров. Талли, сегодня твоя очередь идти за выпивкой.

— Отлично.

Матт свернул на парковку перед мини-маркетом.

Когда они припарковались, Талли взяла общие деньги, вышла из машины и направилась к ярко освещенному магазину.

— Только не бери мне этой чертовой новой колы, — раздался в наушниках голос Джонни Райана.

Сняв с пояса рацию, Талли включила ее на передачу и сказала:

— Ты говоришь мне это каждый раз. Я ведь не идиотка.

Внутри магазина она поискала глазами холодильник с напитками и, найдя, направилась к нему вдоль аптечного отдела.

— Тут есть «геритол», — поддразнила она Джонни. — Тебе не надо?

— Тоже мне острячка, — послышался в наушниках его голос.

Смеясь, Талли потянулась к ручке холодильника и тут заметила, как на стекло надвинулась тень. Обернувшись, Талли увидела мужчину в серой горнолыжной шапочке-маске, направившего дуло пистолета на кассира.

— О, мой боже!

— Ты говоришь обо мне? — спросил шутливо Джонни. — Что ж, самое время.

Талли нащупала рычаг громкости на рации и поставила ее на минимум, прежде чем грабитель успел что-то услышать. Она повесила рацию на пояс и прикрыла ее свитером, спрятав одновременно аккумулятор.

И в этот самый момент мужчина в маске резко обернулся и оказался с Талли лицом к лицу.

— А ну, ты! На пол! — Грабитель направил оружие в потолок и для пущей убедительности нажал на курок.

— Талли! Что там, черт побери, происходит? — раздался в наушниках голос Джонни.

Талли в этот момент возилась с проводком от наушников, стараясь спрятать его под свитером. Затем она сделала погромче звук передатчика рации, надеясь, что Джонни сумеет расслышать хоть что-то.

— Кто-то пытается ограбить магазин, — прошептала она так громко, как только могла, нажимая на кнопку исходящей связи.

И услышала в наушниках:

— Черт побери! Матт, позвони девять один один и начинай снимать. Талли, сохраняй спокойствие и ложись, черт возьми, на пол. Мы можем выйти с этим в прямой эфир. Включи микрофон. Я свяжусь со станцией. Они сейчас в эфире. Стэн, ты меня слышишь?

Через несколько секунд Джонни сказал:

— О’кей, Талли. Идет трансляция на Майка. Он в эфире с десятичасовыми новостями. Твоя аудиозапись пойдет напрямую. Ты не будешь его слышать, но он слышит тебя.

Талли включила микрофон и прошептала:

— Я не знаю, Джонни, как…

— Аккуратней с микрофоном, Талли, — с тревогой проговорил Джонни. — Ты в прямом эфире. Давай.

Человек в маске, вероятно, что-то услышал, потому что он снова повернулся к Талли и наставил на нее пистолет.

— Я ведь велел тебе лечь на пол, черт побери!

Ей хватило времени произнести:

— Хватит с меня этого дерьма.

И грабитель нажал на курок.

Послышался оглушительный треск. Талли истошно завопила еще до того, как пуля ударила ее в плечо и сбила с ног. Она упала на стеллажи за своей спиной, обрушив банки и коробки, падающие на пол рядом с ней, и больно ударилась головой о линолеум.

Несколько секунд Талли лежала, пытаясь сосредоточиться, глядя прямо на флуоресцентную лампу у себя над головой.

— Талли?

В ее ухе по-прежнему звучал голос Джонни. Она медленно-медленно перекатилась на бок. Плечо отозвалось жуткой болью, но Талли стиснула зубы и продолжала двигаться. Стараясь не отрываться от пола, она доползла до конца ряда, разодрала упаковку прокладок «Котекс» и прижала одну из них к ране, от прикосновения к которой ей стало так больно, что она чуть не потеряла сознание.

— Талли, что случилось? Поговори со мной. С тобой все в порядке?

— Я здесь, — сказала Талли. — Я просто наложила… повязку на свою рану. Думаю, со мной порядок.

— Слава богу! Ты хотела бы выключить микрофон?

— Ни в коем случае.

— Хорошо. Ты в прямом эфире, помнишь? Продолжай говорить. Зрители не слышат меня. Но тебя они слышат. Это твой звездный час, девочка. И я тут и готов тебе помочь. Ты можешь описать место происшествия?

Талли согнулась. Превозмогая боль, она медленно поползла вперед, ожидая момента, когда можно будет поднять голову.

— Несколько минут назад в мини-маркет на Бейкон-Хилл вошел вооруженный мужчина и потребовал у кассира деньги. Он выстрелил один раз в воздух, чтобы дать понять, что не шутит. А второй раз он выстрелил в меня.

Талли говорила громким шепотом.

Она услышала звуки, похожие на плач. Заглянув за угол ряда, Талли увидела маленького мальчика, прижавшегося к освещенной витрине со сладостями.

— Привет, — сказала Талли, протягивая ему руку. Мальчик судорожно схватил ее и сжал так крепко, что Талли уже не могла ее отнять. — Ты кто?

— Я — Гейб. Мы пришли сюда с дедушкой. Ты видела, как этот дядька стрельнул из пистолета?

— Да. А сейчас я поищу твоего дедушку, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Как твоя фамилия, Гейб, и сколько тебе лет?

— Линклейтер. В июле мне исполнится семь.

— Хорошо, Гейб Линклейтер. А теперь оставайся здесь, ляг на пол и лежи тихо. И не надо больше плакать, хорошо? Ты ведь уже большой мальчик.

— Я постараюсь.

Прижав подбородок к груди, Талли тихо заговорила в микрофон. Она не была уверена, что ее слышно в эфире, но все равно продолжала говорить:

— Я обнаружила семилетнего Гейба Линклейтера в отделе с конфетами. Он пришел сюда с дедушкой, которого я сейчас пытаюсь разыскать. Я слышу, как вооруженный мужчина у кассы угрожает кассиру. Скажите полиции, что грабитель один.

Талли свернула за угол и увидела пожилого мужчину, сидящего на полу со скрещенными ногами. В руках мужчина держал пакет с собачьим кормом.

— Вы дедушка Гейба? — прошептала Талли.

— С ним все в порядке?

— Немного напуган, но цел. Он в отделе сладостей. Что вы видели?

— Грабитель подъехал на синей машине. Я видел его в окно. — Старик взглянул на плечо Талли. — Может быть, вам лучше…

— Я постараюсь подобраться ближе.

Талли снова прижала прокладку к ране, поморщилась от боли и подождала, пока пройдет подступившая дурнота. На этот раз на руке ее осталась кровь. Не обращая внимания, Талли снова заговорила с невидимым ведущим прямого эфира:

— Судя по всему, Майк, грабитель приехал на синей машине, которая, видимо, припаркована у одной из витрин. Я рада сообщить, что с дедушкой Гейба тоже все в порядке. Он жив и невредим. А теперь я попытаюсь вернуться к кассе. Я слышу, как вооруженный мужчина кричит, что денег должно быть гораздо больше. А кассир отвечает ему, что не может открыть сейф. Я вижу отсветы мигалок за пределами магазина. Видимо, подъехала полиция. Они светят прожекторами внутрь магазина и предлагают грабителю выйти с поднятыми руками. — Талли отползла к рекламному стенду, на котором Мэри-Лу Реттон поглощала хлопья «Уитиз».

— Передайте полиции, Майк, что грабитель снял маску. Он — блондин с татуировкой змеи вокруг шеи. Он сильно возбужден. Выкрикивает ругательства и размахивает пистолетом. Я думаю…

Раздался еще один выстрел. Послышался звон стекла. В следующую секунду в торговый зал ворвалась группа спецназа.

— Талли! — услышала она голос Джонни.

— Со мной все в порядке. — Талли медленно встала, почувствовав прилив боли и тошноты одновременно. Через разбитое окно она видела фургон для прямых репортажей. Матт стоял рядом с камерой и снимал все происходящее, но Джонни видно не было.

— Спецназ Сиэтла только что, разбив окно, ворвался внутрь. Они уложили грабителя на пол. Сейчас посмотрю, удастся ли мне подобраться достаточно близко, чтобы задать им несколько вопросов.

Медленно обойдя стенд, Талли двинулась вперед. Теперь она была у стеллажей с сухими завтраками, и на какую-то долю секунды в голове ее промелькнуло воспоминание о субботних завтраках у Муларки. Марджи всегда покупала для Талли что-нибудь вкусненькое, но выдавалось это только по выходным.

Это была последняя мысль в ее голове, прежде чем Талли потеряла сознание.

Дорога до больницы показалась Кейт бесконечной. Все время она, сидя на заднем сиденье дурно пахнущего такси, молилась, чтобы с Талли все обошлось. Наконец, после одиннадцати, они остановились у дверей больницы. Расплатившись с таксистом, Кейт кинулась в ярко освещенный вестибюль.

Джонни и Матт были уже здесь, они сидели в неудобных пластиковых креслах, и вид у обоих был ужасный. При появлении Кейт Джонни встал.

Девушка подбежала к нему.

— Я смотрела новости, что там произошло?

— Этот мерзавец ранил Талли в плечо, но она продолжала вести репортаж. Ты бы только видела ее, Муларки. Она такая бесстрашная.

Кейт слышала в голосе Джонни восхищение, оно же светилось в его глазах. В любое другое время Кейт задела бы его восторженность, но сейчас она разозлилась.

— И ты влюбился в нее именно поэтому, не так ли? Потому что в ней есть решимость и отвага, которых нет в тебе? Ты послал ее навстречу опасности, ее подстрелили. А теперь ты гордишься ее бесстрашием? — Кейт словно выплевывала каждое слово. — К черту такой героизм! Я тебя спрашиваю не о новостях. Мой вопрос был о жизни Талли. Неужели ты даже не поинтересовался, как она?

Джонни был обескуражен ее яростной вспышкой.

— Талли в операционной. Она…

— Кейти!

Она повернулась на голос Чада и увидела, как он бежит через вестибюль. Кейт кинулась ему навстречу, и они обнялись.

— Как она? — прошептал Чад, его голос дрожал так же, как ее собственный.

Кейт отстранилась.

— Талли в операционной. Это все, что я пока знаю. Но с ней все будет в порядке. Пули не в силах остановить ураган.

— Талли ведь не такая непробиваемая, какой пытается казаться. И мы с тобой оба знаем это.

Кейт кивнула, сглотнув подступивший к горлу ком. Они так и стояли в повисшей неловкой тишине, связанные нитями общей тревоги. Теперь Кейт ясно видела, что Чад по-настоящему любит Талли и сейчас всерьез напуган.

— Я, пожалуй, пойду позвоню своим родителям. Они тоже захотят быть здесь.

Кейт хотелось, чтобы Чад что-то сказал в ответ, но он просто остался стоять на месте с остекленевшими глазами и сжатыми в кулаки руками, словно боец, который готов применить свое оружие. С

усталой улыбкой Кейт пошла искать телефон. Проходя мимо Джонни, она, не удержавшись, произнесла:

— Вот так помогают друг другу в трудный момент по-настоящему близкие люди.

Найдя таксофоны, Кейт достала монетку и стала набирать номер родителей. Ответил отец. Слава богу, что не мама, а то Кейт окончательно потеряла бы самообладание. Отцу же она пересказала невеселые новости и повесила трубку.

Обернувшись, Кейт увидела Джонни, стоявшего за таксофоном.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Еще бы! Тебе есть о чем пожалеть.

— Одно из требований нашей профессии, Кейти, — уметь разложить по полочкам свои чувства и эмоции. Репортаж прежде всего, а опасность — часть работы.

— Да, такие, как вы с Талли, действительно кроме репортажа ни о чем не думаете.

Оставив Джонни, Кейт отошла в сторону и присела на диван. Склонив голову, она принялась молиться за Талли.

И вдруг Кейт почувствовала, что кто-то подошел и встал рядом. Она подняла голову.

Джонни стоял неподвижно, но Кейт почувствовала, как сильно он напряжен.

— А ты куда тверже, чем кажешься, Муларки, — произнес он.

— Бывает иногда.

Кейт хотелось сказать, что любовь придает ей силы, особенно в такие моменты, но она боялась даже просто произнести это слово, глядя на Джонни Райана.

Он тихо опустился на диван рядом с Кейт.

— И когда это ты успела так хорошо меня узнать?

— У нас маленький офис.

— Дело не в этом. Никто на свете не знает меня так, как ты. — Джонни со вздохом откинулся на спинку дивана. — Я ведь действительно подверг Талли опасности.

— Она не согласилась бы, чтобы было по-другому, — заметила Кейт. — И мы оба это знаем.

— Я знаю. Но…

Джонни замолчал. Кейт внимательно посмотрела ему в лицо.

— Ты любишь ее?

Джонни ничего не ответил. Просто сидел рядом, откинувшись на спинку дивана и закрыв глаза.

Это было невыносимо! Теперь, когда она наконец осмелилась задать ему прямой вопрос, Кейт намерена была получить на него ответ.

— Джонни?

Он протянул руку, обнял Кейт за плечи и прижал ее к себе. И ей сразу стало хорошо и спокойно. Быть с ним рядом было так же естественно, как дышать, хотя Кейт отлично знала, как опасно это ощущение.

Так, ничего не говоря друг другу, они просидели в ожидании несколько долгих часов.

Талли медленно приходила в себя и пыталась сообразить, где находится, разглядывая окружающие предметы. Белый потолок со звуконепроницаемой отделкой, прямоугольные флуоресцентные лампы, стальные поручни кровати и столик рядом с ней.

И тут к ней вернулась память. Бейкон-Хилл, минимаркет! Талли вспомнила нацеленный на нее пистолет. И жгучую боль.

— Ты ведь всегда была готова на все, чтобы привлечь внимание? — в дверях стояла Кейт в тренировочных брюках от университетской спортивной формы и футболке. Кейт подошла к кровати подруги, глаза ее были полны слез. Кейт нетерпеливо смахнула их рукой. — Черт побери! Поклялась ведь, что не буду плакать.

— Как хорошо, что ты здесь! — Талли нажимала на какую-то кнопку на пульте управления кроватью, пока изголовье не поднялось, и она не оказалась в сидячем положении.

— Разумеется, я здесь! Все здесь: Чад, Матт, мама, папа, Джонни. Они с моим отцом уже несколько часов играют в карты и говорят о новостях. А мама сделала не меньше двух лоскутных шалей. Мы все так волновались!

— Я хорошо провела репортаж?

Кейт рассмеялась в ответ, хотя слезы продолжали катиться по ее щекам.

— Я так и знала, что это будет твой первый вопрос. Джонни говорит, что Джессика Сэвич может теперь поцеловать тебя в зад.

— Интересно, «Шестьдесят минут» не захотят взять у меня интервью?

Кейт преодолела разделявшее их расстояние.

— Никогда больше не пугай нас так, хорошо?

— Я постараюсь.

Прежде чем Кейт успела что-нибудь сказать, дверь распахнулась. На пороге стоял Чад с двумя стаканчиками кофе в руках.

— Она очнулась, — тихо произнес он, ставя пластиковые стаканчики на тумбочку.

— Только что открыла глаза, — ответила Кей. — И конечно, ее больше интересуют шансы получить «Эмми», чем собственное выздоровление.

Кейт посмотрела внимательно на подругу.

— Я оставлю вас ненадолго одних.

— Но ты ведь не уйдешь? — жалобно проговорила Талли.

— Я вернусь позже. Когда уйдут все остальные, — пообещала Кейт.

— Ладно, — кивнула Талли. — Потому что ты очень нужна мне.

Как только за Кейт закрылась дверь, Чад подошел к кровати Талли.

— Я уже думал, что потерял тебя.

— Со мной порядок, — нетерпеливо произнесла Талли. — Ты видел эфир? Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что с тобой далеко не все в порядке, Талли, — сказал Чад. — Похоже, у тебя больше проблем, чем у любого из моих знакомых, Талли Харт. Но я люблю тебя. Я думал всю ночь о том, во что превратилась бы моя жизнь без тебя, и нарисованная моим воображением картина совсем мне не понравилась.

— Но почему ты решил, что потеряешь меня? Я — вот она.

— Выходи за меня замуж, Талли.

Талли чуть не рассмеялась, посчитав его слова шуткой. Но тут она увидела в глазах Чада неподдельный страх, он действительно боялся ее потерять.

— Ты это серьезно? — пробормотала она, нахмурившись.

— Мне предложили работу в Вандербилде, штат Теннесси. Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Ты любишь меня, Талли, даже если сама этого не понимаешь. И я нужен тебе.

— Ну конечно, ты мне нужен. А Теннесси входит в первые сорок пунктов телерейтинга?

Лицо Чада вдруг стало серьезным, улыбка поблекла.

— Я люблю тебя, — снова произнес он, решив не заканчивать объяснение поцелуем — слишком важными были его слова.

Дверь за спиной Чада открылась, и появилась миссис Муларки.

— Медсестра сказала, что у посетителей еще только пять минут. А потом нас всех выставят отсюда.

Чад понимающе кивнул, наклонился и поцеловал Талли.

Это был какой-то особенный, одухотворенный поцелуй, который каким-то странным образом соединял их вместе и одновременно давал понять, какими далекими друг другу они могут быть.

— Я любил тебя, — прошептал он.

Любил? Он сказал «любил»? В прошедшем времени?

— Чад…

Но Чад уже отошел от кровати.

— Она ваша, Марджи.

— Извините, что помешала, — смутилась миссис Муларки.

— Не беспокойтесь об этом, думаю, мое время действительно истекло. Спокойной ночи, Талли.

Чад вышел из палаты, дверь громко захлопнулась за ним.

— Привет, маленькая девочка, — произнесла миссис Муларки.

И в эту минуту Талли, к собственному удивлению, залилась слезами.

Миссис Муларки тихонько гладила девушку по голове, давая возможность выплакаться.

— Я так испугалась! — рыдала Талли.

— Шшш… конечно, ты испугалась, — говорила Марджи, вытирая ее слезы бумажным платком. — Конечно, было очень страшно. Но теперь мы все здесь, с тобой.

Талли постепенно успокаивалась. Наконец она вытерла глаза и попыталась улыбнуться.

— Теперь я готова выслушать вашу нотацию.

Миссис Муларки посмотрела на нее своим знаменитым укоризненным взглядом. Взглядом с большой буквы.

— Это твой преподаватель, Таллула?

— Бывший преподаватель. Поэтому я ничего вам и не рассказывала. Вы бы точно не одобрили.

— Но ты любишь его?

— Откуда мне знать?

— Если бы любила, знала бы.

Талли внимательно посмотрела на миссис Марджи. Она вдруг почувствовала себя старше этой милой женщины. У нее явно было больше жизненного опыта. Все Муларки думали о любви как о чем-то надежном и неизменном, о чем-то, что можно распознать с первого взгляда. Возможно, Талли была чересчур молода, но она знала, что эти люди ошибаются. Любовь может быть хрупкой, как тонкое стекло. Но Талли не стала говорить это вслух. Вместо этого она ответила:

— Что ж, может быть.

За одну ночь Талли Харт стала знаменитой. Известный журналист Эммет Уотсон вместо очередной статьи о распространении калифорнийского разврата и падении нравов в штате Вашингтон написал целую колонку о мужестве молодой журналистки Таллулы Харт и ее верности своей профессии. Местная радиостанция весь день передавала рок-н-ролл, посвящая каждую композицию «девушке с новостной станции, которая даже под пулями не расставалась с микрофоном». А местное комедийное шоу «почти вживую» включило в очередную серию эпизод, в котором высмеивался незадачливый грабитель, а Талли предстала в образе Чудо-женщины.

Ее больничная палата была полна цветов и воздушных шаров, и на многих из них были подписи людей, которые обычно сами готовили прямые репортажи. К среде Талли уже приходилось раздавать букеты и корзины с цветами другим пациентам. Ухаживавшим за Талли медсестрам пришлось выполнять в дополнение к своим прямым обязанностям функции телохранителей и вышибал.

— Ты — несравненный секретарь, — сказала Талли подруге, когда Кейт передала ей розовые карточки с именами тех, кто звонил Талли в офис, пока она находилась в больнице. Имена на некоторых были весьма известными, но Талли было очень трудно сосредоточиться. — А я так и не знаю, что мне делать.

Рука ее болела, а повязка делала невозможными даже самые простые манипуляции. И, что хуже всего, Талли не переставала думать

о неожиданном предложении Чада Уили.

— Подумать только: Теннесси! С таким же успехом я могла бы уехать в Небраску.

— Ну да.

— Как мне удастся достичь вершины в таком месте? Или, может быть, это как раз такое место, где можно быстро добраться до вершины и быть замеченной крупными каналами?

Кейт сидела напротив Талли на ее кровати, вытянув ноги.

— Послушай, мы обсуждаем все это почти час, — сказала она. — Может, я не лучший специалист в таких вопросах, но мне казалось, что где-то в процессе этого обсуждения могло хотя бы промелькнуть слово «любовь».

— Твоя мама сказала, что если бы я любила его, то поняла бы это. — Талли посмотрела на свою руку, попытавшись представить на ней колечко с бриллиантом.

— Ты как-то сказала, что расстреляешь меня, если хотя бы задумаюсь о замужестве раньше тридцати, — улыбнувшись, сказала Кейт. — Это твое условие будет теперь изменено?

— Очень смешно.

В этот момент в палате зазвонил телефон. Талли быстро сняла трубку в надежде, что это звонит Чад.

— Алло!

— Таллула Харт?

Она вздохнула, скрывая разочарование.

— Да, это я.

— Говорит Фред Рорбах. Возможно, вы меня помните.

— Да, конечно, я вас помню. Я посылала вам резюме и заметки, когда училась в старших классах средней школы, а потом — видеозаписи из колледжа. Как поживаете?

— Все хорошо, спасибо. Я теперь работаю на другой студии, веду вечерние новости. Собственно, поэтому я и звоню. Наверное, мы не первая станция, которая обратилась к вам с подобным предложением. Но мы уверены, что наше предложение окажется самым интересным для вас.

— Правда? — теперь все внимание Талли было приковано к разговору.

Кейт встала с кровати и подошла к подруге, спрашивая шепотом, что происходит.

Талли отмахнулась от нее.

— Так изложите же ваши условия.

— Мы готовы сделать все, что потребуется, чтобы вы стали частью новостной команды нашего канала. Когда вы сможете приехать ко мне, чтобы это обсудить?

— Меня должны сегодня выписать. Как насчет завтра в десять утра?

— Что ж, встретимся завтра в это время.

Талли повесила трубку и воскликнула:

— Это был канал Кей-эл-ю. Они хотят нанять меня!

— О господи! — Кейт запрыгала от радости. — Ты станешь настоящей звездой! Я всегда это знала, жду не дождусь… — Она вдруг запнулась, и улыбка ее погасла.

— Чего ты ждешь?

— А как же Чад?

Талли почувствовала, как болезненно сжалось сердце. Ей хотелось бы сделать вид, что она все мучительно взвешивает, прежде чем принять решение. Но она знала правду, и Кейт знала ее не хуже.

— Ты станешь звездой первой величины, — сказала Кейт. — Чад поймет.

14

Кейт, сидевшая за рулем машины Талли, старалась целиком сосредоточиться на дороге, но это было непросто. С того самого момента, как она забрала подругу после собеседования, Талли продолжала говорить, воскрешая в памяти Кейти детские мечты.

— Мы на правильном пути, Кейти. Как только меня сделают ведущей, я заставлю их взять тебя репортером.

Кейт понимала, что пора нажать на тормоза, то есть положить конец этой идее об их совместном будущем. Она устала следовать за Талли, и, кроме того, ей не хотелось бросать свою работу. На этот раз у нее была очень веская причина хотеть остаться на прежнем месте — Джонни.

Кейти чувствовала себя жалкой, но ничего не могла с собой поделать. Джонни не любил ее. Но она продолжала надеться, что с уходом Талли у нее хотя бы появится шанс.

Это, возможно, было просто нелепо, но мысли ее крутились вокруг Джонни, а вовсе не вокруг телевидения. И она никому не могла в этом признаться. Двадцатипятилетняя женщина с университетским образованием, по всеобщему мнению, должна мечтать о повышении зарплаты, о карьерном росте, о своем месте на социальной лестнице и о том, чтобы стремиться занять верхнюю ступеньку этой лестницы. Замужества следовало избегать лет до тридцати — для мужа и детей всегда найдется время. Нельзя жертвовать собой ради них.

А что, если хочешь иметь мужа и детей больше, чем стать успешной, но одинокой? Об этом предпочитали не говорить. Талли, например, только посмеялась бы над Кейт и сказала бы, что она отстала от времени, застряв в пятидесятых годах. И даже ее мать сказала бы, что Кейт не права, и обязательно добавила: в будущем ты об этом пожалеешь. Она повторила бы слова, красующиеся на каждой странице журналов для женщин, о том, что быть просто матерью означает впустую растрачивать свои способности. Ее мама сама не замечает, какой печальной выглядит, говоря обо всем этом, словно вся ее жизнь прожита зря.

— Эй, ты пропустила поворот!

— О, прости! — Кейт свернула на следующем повороте и подъехала к дому Чада с другой стороны. — Я подожду тебя в машине. У меня с собой недочитанный «Талисман».

Талли не открывала дверь, медлила.

— Он, надеюсь, поймет, почему я не могу выйти за него замуж. Он ведь знает, как работа важна для меня.

— Разумеется, он знает, — согласилась Кейт.

— Пожелай мне удачи.

— Я всегда желаю тебе удачи.

Талли вышла из машины и направилась к входной двери.

Кейт достала книжку в мягкой обложке и погрузилась в чтение. Когда она оторвалась от книги, то увидела, что идет дождь.

Талли следовало бы выйти и сказать Кейти, чтобы ехала домой, потому что она остается на ночь у Чада. Кейт отложила книгу и вышла из машины. По бетонной дорожке она подошла к дому и постучала. Потом толкнула незапертую дверь и вошла.

Талли сидела на полу перед камином в пустой гостиной и плакала. Она молча протянула подруге листок бумаги, закапанный слезами.

— Прочти.

Кейт присела на корточки и поднесла к глазам листок, исписанный четким крупным почерком.

«Дорогая Талли!

Мне все известно о твоей новой работе, это я порекомендовал тебя им. Я горжусь тобой, малышка, я уверен, что ты с этим справишься.

Когда я согласился на работу в Вандербилде, я знал, что это означает для нас. Я надеялся, но в душе я знал.

Ты многого хочешь от этого мира, Талли. А я… я хочу только тебя.

Выходит, что мы не очень подходим друг другу.

Но запомни главное: я всегда буду тебя любить.

Устрой настоящий переполох в этом мире!»

Подписано было просто «Ч».

— Я думала, он меня любит, — сказала Талли, когда Кейт вернула ей письмо.

— Судя по написанному, так оно и есть.

— Тогда почему он меня бросил?

Кейт встревоженно посмотрела на подругу, услышав в словах Талли отзвуки всех тех страданий, которые той пришлось пережить, когда ее бросала мать.

— А ты говорила ему когда-нибудь, что любишь?

— Я не могла.

— Тогда, может быть, ты его все-таки не любишь?

— А может быть, все-таки люблю? — со вздохом произнесла Талли. — Просто в это так чертовски трудно поверить.

Все-таки они были разными. Кейт безоговорочно верила в любовь всем своим сердцем, но, к сожалению, влюбилась в мужчину, который не подозревал о ее чувствах.

— Ну да, главное — карьера. А для брака и семьи время всегда найдется.

— Ну да, когда я сделаю карьеру. Надеюсь, кто-нибудь и тогда меня полюбит.

— Тебя будет любить весь мир.

Но позже, уже после того как Талли произнесла: «ну и черт с ним!» и рассмеялась, пожалуй, слишком нервно, Кейт все прокручивала в памяти слова Талли про любовь.

Если и вправду в один прекрасный день Талли полюбит весь мир, вдруг ей и этого окажется мало?

Талли успела забыть, какой долгой и одинокой может быть ночь. Чад так долго был ее защитой, ее безопасной гаванью. Рядом с ним она стала мирно спать всю ночь, спокойно дыша и видя во сне только радужные картины будущего. А поскольку он любил ее, Талли спокойно спала и в своей постели в те ночи, которые они проводили не вместе, успокоенная мыслью, что может в любой момент отправиться к нему.

Откинув одеяло, Талли встала с кровати и бросила взгляд на стоявший на тумбочке будильник. Было всего два часа ночи.

Ночь была именно такой, как она ее определила, — долгой и одинокой.

В кухне Талли поставила на огонь чайник и стала ждать, когда закипит вода.

Может быть, она совершила ошибку, может быть, та пустота, которую она сейчас ощущает, и есть любовь? При той жизни, которая у нее была, нет ничего удивительного, что на негативные эмоции она реагировала быстрее, чем на позитивные. Но если даже она и любит Чада, что это меняет? Как ей следует поступить? Поехать за ним в Теннесси, осесть в университетском городке и стать миссис Уили? Но как она тогда сумеет стать новой Джин Энерсен или Джессикой Сэвич?

Она достала из кухонного шкафчика большую чашку с логотипом телестудии и налила себе чаю, затем отправилась в гостиную и уселась на диван, поджав под себя ноги и пытаясь согреть руки о теплый фарфор. Талли закрыла глаза и попыталась ни о чем не думать.

— Не спится?

Подняв глаза, Талли увидела Кейт, стоявшую на пороге своей спальни во фланелевой ночнушке, которую она носила уже не один год. Талли обычно дразнила подругу, говоря, что та выглядит как член телевизионной семейки Уолтонов, но сегодня ей было даже приятно видеть на подруге эту хорошо знакомую рубашку. Просто удивительно, как может какая-то заурядная вещь напомнить многое: проведенные вместе годы, вечеринки с ночевкой, эксперименты с макияжем, завтраки с просмотром мультиков по субботам.

— Извини, если я тебя разбудила.

— Ты топала, как слон. Там осталась еще вода?

— Чайник на плите.

Кейт сходила в кухню и вернулась с чашкой чая и коробкой воздушной кукурузы в сахарной глазури. Бросив коробку подруге, она присела, внимательно глядя на Талли, бессильно привалившуюся к спинке дивана.

— Ты в порядке?

— Чертовски болит плечо.

— Когда ты последний раз пила обезболивающее?

— Ты права, я пропустила время.

Кейт поставила чашку, сходила в ванную и вернулась с таблеткой перкодана и стаканом воды.

Талли выпила таблетку.

— А теперь, — сказала Кейт, снова садясь на место, — не хочешь ли поговорить о том, что у тебя не так?

— Нет.

— Решайся, Талли. Я знаю, ты думаешь о Чаде и сомневаешься, правильно ли поступила.

— В этом главная проблема давней дружбы — подруги, с которыми дружишь вечно, слишком много знают.

— Может быть.

— Но что мы с тобой вообще знаем о любви?

На лице Кейт появилось то самое сострадательное выражение, которое так ненавидела Талли, — слишком оно было близко к жалости.

— Я знаю о любви, — сказала тихо Кейт. — Может быть, не о том, как влюбить в себя кого-то или как быть любимой, но я знаю, что такое любить человека и как от этого может быть больно. Я думаю, если бы ты действительно любила Чада, ты бы не сомневалась и сейчас была бы уже в Теннесси. Во всяком случае, если бы я кого-то любила, я бы знала об этом.

— Для тебя есть только черное и белое. Как тебе удается всегда знать, чего ты хочешь?

— Ты тоже всегда знаешь, чего хочешь, Талли. И всегда знала.

— Итак, мне не удалось влюбиться. Это моя плата за успех — всегда быть одинокой?

— Почему же? Ты можешь влюбиться, тебе просто надо разрешить себе это.

Слова эти должны были утешить Талли, вселить в нее надежду, но именно сейчас она была не в состоянии испытывать оптимизм. А от слов Кейт она почему-то почувствовала себя еще более одинокой.

— Чего-то во мне не хватает, — удрученно произнесла она. — Наверное, мой отец первым это увидел. Он, должно быть, только посмотрел на меня и тут же сбежал. Мою любящую мамочку и обсуждать не стоит. Меня легко бросить. Почему так?

Кейт придвинулась к Талли. Так они часто сидели когда-то давно, в детстве на берегу реки Пилчук.

— С тобой все в порядке, Талли, — сказала она. — Совсем даже наоборот — тебя много, ты по-настоящему особенная, и если Чад не увидел этого или не смог подождать, пока ты будешь готова связать с

ним свою жизнь, — значит, он не твой мужчина. Может быть, это нормально, когда встречаешься с мужчиной старше тебя. Он уже идет на посадку, в то время как ты только пошла на взлет.

— Да, в самом деле, я молода. Об этом я как-то забыла. Он должен был понять это и подождать меня. То есть я хочу сказать, если он действительно любил меня. Но как он мог меня бросить? Ты могла бы бросить того, кого любишь?

— Зависит от обстоятельств.

— От каких еще обстоятельств?

— Ну, если бы у меня была надежда, что он когда-нибудь полюбит меня в ответ…

— И сколько бы ты стала ждать?

— Долго.

От этих слов Талли вдруг стало легче впервые с тех пор, как она прочитала письмо от Чада.

— Знаешь, Кейт, я все-таки любила его. Наверное, это он не любил меня, по крайней мере достаточно.

Кейт нахмурилась:

— Но я ведь не это сказала.

— Почти то же самое. Мы слишком молоды, чтобы позволить связать себя любовью по рукам и ногам. И как я могла забыть об этом? — Талли обняла Кейт. — И что бы я без тебя делала?

Но позже, когда Талли, так и не заснув в эту ночь, лежала в постели, наблюдая за рассветом, ее собственные слова вернулись к ней, вновь причиняя боль. Ее легко бросить.

15

С того момента как Талли перешла на новую работу, Кейт наблюдала за жизнью подруги как бы с расстояния. Месяц за месяцем они жили каждая своей жизнью, и связывала их только общая квартира, которая к концу следующего лета перестала быть местом, где проходит их жизнь, и стала чем-то вроде перевалочного пункта. Талли работала семь дней в неделю по двенадцать часов. Но даже когда физически она находилась не на работе, она гонялась за темами для новых репортажей и разузнавала о героях прежних лет, стараясь изо всех сил сделать все, что угодно, чтобы лишний раз оказаться перед камерой.

Без Талли жизнь Кейт словно утратила контур, стала похожа на старый вытянутый свитер — никакая нежная стирка и правильная сушка не сделают его прежним. Мама постоянно повторяла ей, что пора перестать считать звезды в небе и начать с кем-нибудь встречаться и радоваться жизни, но как она могла это сделать, если ее совершенно не интересовали парни, которым нравилась она?

Талли подобными комплексами не страдала. Хотя она по-прежнему сокрушалась о Чаде, когда они с Кейт выпивали по ночам, это не мешало ей встречаться с парнями и даже приводить их домой. Кейт еще ни разу не видела, чтобы один и тот же молодой человек выходил из спальни ее подруги дважды. Если верить Талли, все шло по плану. Она не желала влюбляться. По крайней мере, так она говорила. Возвращаясь мыслями к прошлому, Талли сама начала верить в то, что отчаянно любила Чада, так сильно, что ни один мужчина все равно не может с ним сравниться. Но, как видно, не настолько сильно, чтобы позвонить ему или поехать в Теннесси. О чем ей и напоминала Кейт.

Честно говоря, Кейт уже устала от нетрезвых излияний подруги по поводу всепоглощающей любви, которую та якобы испытывала к Чаду Уили.

Кейт знала, что такое любовь. Знала, как она может перевернуть всю твою жизнь, иссушить твое сердце. Неразделенная любовь была тяжелым, болезненным испытанием. Целыми днями, неделя за

неделей, Кейт двигалась, словно планета-спутник, вдоль орбиты Джонни, наблюдала за ним, хотела его, жаждала его любви в своем одиноком безмолвии.

После той долгой ночи в приемном покое больницы Кейт было решила, что у нее появилась надежда. Она чувствовала, что между ними словно раскрылась дверь, им легко было говорить друг с другом даже об очень важных вещах. Но тропинки, проложенные друг к другу ночью, стали невидимыми при свете дня. Кейт никогда не забыть выражения лица Джонни, когда им сообщили, что с Талли все будет в порядке. На нем было написано больше, чем просто облегчение.

И тогда он отстранился от нее.

А сейчас наступило ее время отстраниться от него. Пора было оставить мечты маленькой девочки в песочнице вместе с другими детскими игрушками и двигаться дальше. Джонни не любил ее, и ее надежды на то, что однажды все может измениться, — всего лишь бесплодные мечты.

Сегодня в офисе, стоя на пороге кабинета Джонни и ожидая, когда он соизволит ее заметить, Кейт приняла решение. Как только закончился ее рабочий день, она отправилась к киоску на Паблик-Маркет и скупила все местные газеты. Пока Талли шаталась по барам с очередным кавалером или работала допоздна, Кейт намеревалась в корне изменить свою жизнь.

И за кухонным столом за недоеденным обедом из картонных контейнеров, она открыла «Сиэтл таймс» и принялась читать объявления. И тут же нашла несколько интересных объявлений. Кейт потянулась за ручкой, чтобы обвести одно из них, и в этот момент дверь за ее спиной распахнулась.

На пороге стояла Талли, одетая в блузку, открывавшую одно плечо, и джинсы, заправленные в короткие сапожки, на бедрах — широкий ремень с крупной металлической пряжкой.

Волосы Талли были зачесаны наверх и собраны яркой заколкой «банан» над левым ухом. На шее висело несколько красочных распятий.

И разумеется, с ней был какой-то мужчина, и Талли буквально висела на нем.

— Привет, Кейти, — сказала она голосом, в котором явно угадывались три коктейля «Маргарита». — Ты только посмотри, кого я

встретила.

Мужчина шагнул из темноты в комнату.

Джонни.

— Привет, Муларки, — сказал он, улыбаясь. — Талли хочет, чтобы ты пошла с нами потанцевать.

Кейт с преувеличенным вниманием сложила газету.

— Нет, спасибо.

— Пойдем же, Кейти! Вспомним старые времена, — сказала Талли. — Будем как три мушкетера.

— Не думаю.

Талли отпустила руку Джонни и, спотыкаясь, подошла к подруге.

— Пожалуйста, — попросила она. — У меня сегодня был плохой день. Ты нужна мне.

— Прекрати… — начала было Кейт.

Но Талли и не думала ее слушать.

— Мы пойдем в «Келлз».

— Ну давай же, Муларки, — подхватил Джонни, делая шаг в их сторону. — Будет весело.

И улыбался он так, что было просто невозможно сказать «нет», хотя Кейт отлично знала, что это была очень плохая идея — идти с ними.

— Хорошо, — сказала она. — Пойду оденусь.

Кейт ушла к себе в комнату, надела атласное синее платье с подплечниками и туго затянулась ремнем. Когда она вышла из комнаты, Джонни прижимал Талли к стене. Руки Джонни накрыли поднятые руки Талли, и он страстно целовал Талли.

— Я готова, — едва выговорила Кейт.

Талли вывернулась из-под Джонни и улыбнулась подруге.

— Отлично! — сказала она. — Будем танцевать рок-н-ролл.

Втроем, взяв друг друга под руки, они вышли из квартиры и пошли по пустой мощеной улице. В ирландском пабе «Келлз» они нашли небольшой столик поближе к танцплощадке.

Как только Джонни отправился за выпивкой, Кейт спросила подругу:

— И как это вы встретились?

Талли рассмеялась.

— Что я могу сказать? Мы встретились случайно после работы, когда я уже успела выпить пару коктейлей. Потом слово за слово, одно повлекло за собой другое. — Она вдруг внимательно посмотрела на Кейт. — Ты не возражаешь, если я с ним пересплю?

Вот оно! Талли даже не представляла, *какой* вопрос она задала. Кейт не сомневалась, что если она решится открыть подруге душу и скажет правду, то этот ужасный вечер быстро закончится. Талли сумеет отшить Джонни быстрее, чем проносится торнадо, и не станет объяснять ему, почему вдруг изменилось ее настроение.

Но что хорошего из этого выйдет? Кейт давно знала, как Джонни относится к Талли. Он был влюблен в ее подругу страстно и отчаянно, и, даже если он потеряет надежду на близость с Талли, он не воспылает любовью к Кейт. Так, может быть, настало время для решительных мер? Любовь Кейт перенесла многое, но если Джонни переспит с Талли, это положит ей конец.

Кейт заморгала часто-часто, молясь про себя, чтобы из глаз не потекли слезы.

— Подумай, Талли, ты ведь разумный человек.

— Ты уверена? Ты хочешь…

— Нет. Но Джонни неравнодушен к тебе, ты ведь знаешь это, правда? И ты можешь разбить ему сердце.

Талли только рассмеялась в ответ:

— Ох уж эти католические девушки! Для них нет ничего важнее заботы о ближнем.

Прежде чем Кейт успела что-то ответить, к столику вернулся Джонни с двумя «Маргаритами» и бутылкой пива. Поставив все это на стол, он взял Талли за руку и потянул ее на танцплощадку. Как только они влились в толпу, он обнял девушку и приник к ее губам.

Кейт протянула руку к бокалу. Она не представляла, что значит этот поцелуй для Талли, но отлично представляла, что он значит для Джонни. Мысли об этом словно пропитывали ее мозг ядом.

Следующие два часа Кейт сидела рядом с Джонни и Талли, напиваясь все сильнее и делая вид, что ей очень весело. А в это время что-то внутри умирало медленно и мучительно.

В какой-то момент этого ужасного вечера Талли отправилась в туалет и оставила Кейт и Джонни вдвоем. Кейт все пыталась придумать, что бы такое ему сказать, но у нее не хватало смелости

даже посмотреть ему в глаза. Со своей копной вьющихся волос и пылавшим на щеках лихорадочным румянцем Джонни был так неотразимо сексуален, что у Кейт больно заныло в груди.

— Твоя подруга — это что-то особенное, — прервал молчание Джонни.

Оркестр у него за спиной начал исполнять собственную композицию.

— Я уже начал думать, что это никогда не случится между нами, — сказал Джонни, потягивая пиво и поглядывая на дверь в дамскую комнату, словно мог заставить Талли появиться на пороге одной только силой желания.

— Тебе следует быть осторожнее, — сказала Кейт слишком тихо, чтобы ее можно было услышать.

Она понимала, что ее слова могут приоткрыть завесу тайны над тем, что творилось в ее сердце, но ничего не могла с собой поделать. Может, Джонни и носит на работе маску циника, но в ту ночь в больнице Кейт увидела другого Джонни. Похоже, этот человек был неисправимым идеалистом. А как известно, самый ранимый человек — тот, кто искренне верит. Уж Кейт-то отлично знала это по собственному опыту.

Джонни наклонился к ней и переспросил:

— О чем это ты, Муларки?

Девушка покачала головой. Она ни за что не смогла бы повторить сказанное, тем более что Талли уже приближалась к их столику.

Ночью, лежа в постели и прислушиваясь к крикам и стонам, доносящимся из комнаты Талли, Кейт наконец дала волю слезам.

В следующие несколько месяцев после их вечеринки втроем в пабе «Келлз» настроение Джонни сильно изменилось, и это заметила не только Кейт. В город пришла осень, сделав его мрачным, и настроение в офисе было примерно такое же. Матт стал неразговорчив и словно не замечал никого вокруг, только протирал и перекладывал все время свое оборудование и записывал в блокнот данные о негативах. Кэрол, которую уговорили выйти на работу после ухода Талли, сидела в своем кабинете за закрытой дверью и ни с кем не разговаривала, даже спасибо не говорила, когда ей приносили кофе.

И никто ничего не говорил по поводу внешнего вида Джонни, хотя в последнее время казалось, что он с трудом встает утром с постели, чтобы отправиться на работу. Волосы у него отросли и вились в полном беспорядке. Он не брился по нескольку дней, и его борода росла темными клоками, щеки запали. Похоже было, что его совсем не волновало, во что и как он одет.

Первые несколько раз, когда Джонни приходил на работу в таком виде, все кудахтали вокруг него, точно наседки, выражая беспокойство. Джонни тихо, но твердо закрыл за собой дверь кабинета, заявив, что с ним все в порядке. Матт пытался что-то у него выяснить, начав с предложения дать покурить марихуаны и закончив заявлением, что он всегда под рукой, если Джонни захочется выговориться.

Кэрол тоже попыталась по-своему преодолеть оборонительный ров, которым окружил себя Джонни. Но и у нее ничего не получилось.

Единственным человеком, который не пытался ничего выяснять у Джонни, была Кейт. Да ей и незачем было это делать, — она отлично знала, в чем проблема. Талли.

Как раз сегодня утром за завтраком ее подруга сказала:

— Джонни продолжает названивать. Как ты думаешь, стоит мне с ним встречаться?

К счастью, вопрос оказался риторическим. Талли ответила на него сама:

— Мне вообще не нужны никакие постоянные отношения. Это было бы подобно смертельной инъекции. Я думала, Джонни это понимает.

Кейт склонилась над своим столом, делая вид, что записывает данные об их новой страховке. Джонни работал в своем кабинете за плотно закрытой дверью.

Впервые за много дней Кейт с Джонни были в офисе одни. Кэрол и Матт уехали на задание.

Кейт медленно встала и подошла к закрытой двери. Заходить к Джонни ей было незачем. Да и Джонни вряд ли бы вышел, даже если б здесь обвалился потолок. Но он страдал, и Кейт не могла этого вынести. Простояв так несколько минут, она решилась постучать.

— Заходи.

Кейт открыла дверь.

Джонни сидел, согнувшись за столом, и строчил что-то в своем блокноте. Волосы падали ему на лицо. Нетерпеливо отбросив со лба прядь, он поднял голову и взглянул на Кейт.

— Да, Муларки?

Кейт подошла к стоявшему в углу кабинета холодильнику и достала оттуда две бутылки пива «Генри Вайнхард». Открыв их, она протянула одну Джонни и присела на краешек его заваленного бумагами стола.

— Ты выглядишь как человек, идущий ко дну, — без предисловий выложила она.

— Что, так заметно?

— Заметно.

Джонни посмотрел на дверь:

— Мы одни?

— Матт и Кэрол уехали десять минут назад.

Джонни сделал большой глоток пива и откинулся на спинку стула.

— Она не отвечает на мои звонки.

— Я знаю.

— Я ничего не могу понять. Та ночь — наша с ней ночь — я думал…

— Ты хочешь знать правду?

— Я знаю правду.

Они долго сидели в полном молчании, потягивая пиво.

— Это чертовски ужасно — хотеть кого-то, кого ты не можешь иметь.

И Кейт поняла, услышав эти слова, что у нее никогда не было шансов с Джонни Райаном.

— Да, я знаю, — кивнула она и внимательно посмотрела на Джонни. Пора было — причем давно пора — оставить мечты об этом человеке и двигаться дальше.

— Прости меня, Джонни, — сказала она наконец, поднимаясь.

— За что ты просишь прощения?

Хотела бы она, чтобы у нее хватило духу ответить на этот вопрос, рассказать ему о своих чувствах, но не обо всем стоит говорить.

Сидя на неудобном стуле в незнакомом офисе, Кейт смотрела из окна на голое дерево и серое небо. А она даже не заметила, как

последние желтые листья слетели с деревьев.

— Что ж, миз Муларки, у вас весьма внушительное резюме для девушки вашего возраста. Могу я поинтересоваться, почему вы решили сменить сферу деятельности и заняться рекламой?

Кейт старалась сохранить спокойствие. Она тщательно продумала свой наряд для этого визита: костюм из мягкой черной шерсти с белой блузкой, яркий шарф на шее. Ей казалось, что ее черный костюм потенциальный работодатель расценит как знак профессионализма.

— За те годы, что я занималась теленовостями, я кое-что узнала и о себе, и о мире, в котором живу. В новостях все надо делать быстро, все время двигаться с огромной скоростью, хватая на ходу факты. И я часто ловлю себя на том, что мне интереснее то, то будет после репортажа, а не сам репортаж. Я верю в перспективное мышление и долгосрочное планирование, хочу уделять внимание деталям, а не только ловить суть. Я хорошо пишу, мне хотелось бы развить именно эту свою способность, а невозможно вот так, урывками, сделать это при моей работе.

— Вы серьезно размышляли над этим своим решением?

— О да.

Женщина, сидевшая за столом напротив Кейт, внимательно изучала ее через стекла модных очков в отделанной стразами оправе. Казалось, она смотрит на Кейт с одобрением.

— Хорошо, миз Муларки. Обсужу все это со своими партнерами, и с вами свяжутся. И мне хотелось бы знать, когда вы сможете приступить к работе?

— Мне надо предупредить мое начальство об увольнении за две недели, потом — я в вашем распоряжении.

— Отлично! — Женщина встала. — Вам нужен пропуск для выезда с парковки?

— Нет, благодарю вас. — Кейт пожала женщине руку и вышла из офиса.

Перед Кейт под низким небом угольных оттенков лежала Пайонир-сквер. Прилегавшие к ней узкие улочки были забиты машинами, а вот пешеходов было совсем немного. Даже бездомные бродяги, которые обычно обитали на лавочках в сквере и стреляли у прохожих сигареты и мелочь, в этот пасмурный, холодный день предпочитали укрыться в другом месте.

Кейт быстро зашагала по Первой авеню, застегивая на ходу свое пальтишко, которое носила еще в колледже. Она успела на автобус и вышла на остановке перед своим офисом без трех минут четыре.

Приемная их офиса была пуста. Кейт повесила пальто, бросила сумку и папку для бумаг на свой стол и направилась в кабинет Джонни.

— Я вернулась.

Джонни разговаривал по телефону, но знаком показал Кейт, чтобы она не уходила.

— Ну и чем же, по-твоему, — говорил Джонни в телефонную трубку, — я могу помочь тебе в этом деле?

Несколько секунд он, нахмурившись, слушал ответ.

— Хорошо. Но и ты будешь мне должен.

Повесив трубку, он улыбнулся Кейт, но это была уже не прежняя улыбка Джонни, та, от которой Кейт теряла голову. Прежней улыбки Кейт не видела у него с тех пор, как он провел ночь с Талли.

— Ты сегодня в костюме, — сказал Джонни. — Не думай, что я не заметил. В наших краях это может означать только две вещи. И поскольку мне известно, что ты не ведешь новости по телевизору…

— «Могелгард и партнеры».

— Рекламное агентство? И на какую же должность ты претендуешь?

— Администратор по работе с клиентами.

— Что ж, у тебя это отлично получится.

— Спасибо, но мне еще не предложили эту работу.

— Обязательно предложат.

Кейт ждала, что Джонни скажет еще что-нибудь, но он просто смотрел на нее так, словно что-то его беспокоило. Вероятно, глядя на Кейти, он вспоминал о ночи, проведенной с Талли.

— Пожалуй, мне лучше вернуться к работе.

— Подожди. Я работаю над репортажем для Майка Херта, мне бы не помешала помощь.

— Ну конечно.

Несколько часов они сидели рядом, склонившись над столом, голова к голове. И переделывали несколько раз проблемный сценарий. Когда они закончили работу, на улице было уже темно.

— С меня обед, — сказал Джонни, убирая бумаги. — Уже почти восемь.

— Ничего ты мне не должен, — возразила Кейт. — Я просто делала свою работу.

— И как я буду без тебя обходиться? — вздохнул Джонни.

Несколько месяцев назад, когда в душе Кейт еще жила надежда, от таких слов ее бросило бы в жар. Может быть, даже еще неделю назад.

— Я постараюсь подыскать замену.

— Ты думаешь, тебя легко будет заменить?

Кейт не знала, что на это ответить.

— А теперь я…

— Я должен тебе обед, не вздумай отказываться. Бери пальто, и пошли.

— Хорошо.

Они спустились вниз и сели в машину Джонни. Через несколько минут машина подъехала к плавучему строению на озере Юнион.

— Где это мы? — поинтересовалась Кейт.

— У меня дома. Не волнуйся, я не собираюсь сам готовить тебе обед. Просто решил переодеться. Ты-то разодетая.

Кейт изо всех сил пыталась справиться с эмоциями, снова пробудившиеся в ее сердце. Она ни за что не допустит, чтобы все началось вновь. Слишком долго она изводила себя мечтами о счастливом конце, который, как оказалось, был невозможен. Кейт прошла вслед за Джонни по мосткам на корабль, который оказался неожиданно вместительным.

Джонни тут же подошел к камину, где уже были сложены дрова, поджег, наклонившись, газеты, пробуждая к жизни яркое пламя. Затем он обернулся к Кейт и спросил:

— Хочешь выпить?

— Ром с колой найдется?

— Конечно. — Джонни сходил на кухню, приготовил и принес два коктейля. — Посиди пока тут, я сейчас вернусь.

Несколько секунд Кейт стояла, не зная, что делать. Она оглядела гостиную, поражаясь тому, как мало здесь было фотографий. На тумбочке рядом с телевизором стояла в рамке фотография пары средних лет в ярких одеждах. Мужчина и женщина стояли, прильнув

друг к другу, на фоне растительности, наводившей на мысль о джунглях, окруженные детишками.

— Мои родители, — раздался за ее спиной голос Джонни. — Майра и Уильям.

Кейт резко обернулась, чувствуя себя так, словно ее застали за подглядыванием.

— Где они живут? — спросила девушка, отходя к дивану и присев на него. Ей было необходимо сохранять дистанцию.

— Они были миссионерами. Их убили в Уганде эскадроны смерти Амина.

— А где был в это время ты?

— Когда мне исполнилось шестнадцать, меня отправили в школу в Нью-Йорк. Больше я их не видел.

— Значит, они тоже были идеалистами?

— Что значит «тоже»?

Кейт не собиралась объяснять Джонни, что́ она открыла для себя в нем.

— Не важно, — сказала она. — Тебе повезло: тебя вырастили люди, которые во что-то верили.

Джонни посмотрел на нее, нахмурившись.

— Поэтому ты и стал военным корреспондентом? Чтобы воевать по-своему?

Джонни вздохнул и покачал головой. Он подошел к дивану и сел рядом с Кейт. И взглянул на нее так, словно видел впервые и хотел рассмотреть получше. От этого взгляда сердце Кейт забилось сильнее.

— Откуда ты знаешь?

— Ты о чем?

— Откуда ты знаешь меня?

Кейт улыбнулась, надеясь, что улыбка скроет ее растерянность и смущение.

— Мы много времени проработали вместе.

Последовала долгая пауза, прежде чем Джонни спросил:

— Так почему же на самом деле ты уходишь, Муларки?

— Помнишь, ты говорил о том, что ужасно хотеть чего-то, чего не можешь иметь? Мне никогда не стать ни суперрепортером, ни первоклассным продюсером. Я не из тех, кто живет и дышит новостями. Мне надоело делать то, в чем я недостаточно хороша.

— Я сказал, что ужасно хотеть кого-то, кого не можешь иметь.

— Ну… это одно и то же.

— Разве? — Джонни поставил бокал на журнальный столик.

Кейт устроилась поудобнее на диване, подобрала под себя ноги и повернулась к Джонни:

— Представь, мне тоже известно, что значит хотеть кого-то.

Джонни посмотрел на нее скептически. Наверное, вспомнил, как Талли подкалывала подругу, смеялась над тем, что Кейт ни с кем не встречается.

— И кого же ты возжелала?

Кейт понимала, что должна солгать или уклониться от ответа, но сейчас, когда Джонни был так близко, Кейт вдруг захлестнуло волной желания, поглотившего ее целиком. Господи, помоги, но дверь, кажется, открылась снова. И хотя Кейт допускала, что, может быть, это всего лишь иллюзия, самообман, она чувствовала, что должна пройти и через это.

— Тебя, — тихо произнесла она.

Джонни чуть отстранился. По лицу его было видно, что подобное не приходило ему в голову.

— Но ты никогда…

— А как я могла, зная о твоих чувствах к Талли…

Она ждала, что Джонни скажет что-то, но он молчал. Это могло означать все, что угодно. Он не сказал «нет», не посмеялся над ней. Может быть, это что-то значило?

Кейт потратила годы на то, чтобы скрывать свою страсть к этому человеку, но сейчас, когда он был так близко, девушка была не в состоянии себя контролировать. Это был ее последний шанс.

— Поцелуй меня, Джонни. Покажи мне, что не надо было тебя хотеть.

— Я не хотел бы причинить тебе боль. Ты — чудесная девушка, а я не ищу…

— А что, если мне причиняет боль, что ты не хочешь меня поцеловать?

— Кейти…

Неужели? Она перестала быть «Муларки»!

— Так кто же кого боится, Джонни? Поцелуй меня.

Прежде чем его губы коснулись ее губ, Кейт расслышала, как Джонни произнес:

— Это плохая идея.

Это был не первый поцелуй в жизни Кейт. И не в первый раз ее целовал мужчина, который ей нравился. И все же из глаз ее почему-то хлынули слезы. Увидев, что Кейт плачет, Джонни попытался отстраниться, но Кейт его не отпустила. Она и сама не смогла бы сказать, как она очутилась на полу перед камином совершенно обнаженная, ведь еще минуту назад они обнимались, сидя на диване.

Джонни, все еще одетый, стоял перед ней на коленях. Его лицо было серьезным и будто растянутым.

— Ты уверена? — спросил он.

— Тебе надо было задать мне этот вопрос до того, как я оказалась без одежды.

Улыбнувшись, Кейт начала расстегивать рубашку Джонни.

Он издал странный звук, в котором прозвучало отчасти отчаяние, отчасти готовность сдаться, позволил ей раздеть себя и заключил Кейт в объятия.

Поцелуи его теперь были нетерпеливыми и страстными. Кейт чувствовала, как отзывается ее тело, никогда и ни с кем не испытывала она ничего подобного. Она перестала быть собой, превратившись в клубок нетерпения, желания и предвкушения чего-то неизвестного и прекрасного. Прикосновения Джонни были пыткой, и они же были ее спасением.

Новые ощущения захлестнули ее целиком, она словно вместила в себя всю боль долгого безнадежного ожидания, наконец вознагражденного наслаждением. Даже дыхание не принадлежало ей, Кейт хрипела, задыхалась, умоляла Джонни остановиться, тут же умоляла не останавливаться, продолжать и одновременно прекратить.

Тело ее напряженно выгнулось, устремляясь навстречу чему-то неведомому, но страстно желанному.

А потом Джонни оказался внутри нее, принеся боль. Она чуть не задохнулась от боли, но не издала ни звука, а прижалась к нему, впилась поцелуем в его губы и двигалась в унисон с ним, пока боль не отступила, растворившись полностью, а осталось только ощущение свершившегося чуда и жажда чего-то большего.

«Я люблю тебя!» — думала Кейт, обнимая Джонни и поднимаясь навстречу ему, следуя за его движениями. Она так и не произнесла эти слова вслух, но они были разлиты в ней, они вели ее, они управляли ее разумом, чувствами и телом.

— Кейти! — выкрикнул Джонни, проникая в нее еще глубже.

И тело ее вдруг взорвалось, как звезда в глубинах космоса, рассыпалось на мириады частиц, которые удалялись друг от друга. Время на секунду остановилось, затем отсчет его начался вновь.

— Вау! — произнесла Кейти, опускаясь на ковер. Сегодня она наконец получила впервые в жизни то, о чем вокруг было столько шума.

Джонни вытянулся рядом, и было так чудесно чувствовать его влажное от пота тело. Продолжая обнимать Кейт одной рукой, Джонни посмотрел на нее. Дыхание его, как и дыхание самой Кейт, было прерывистым.

— Ты была девушкой. — Голос его звучал пугающе отстраненно.

— Да, — только и смогла произнести Кейт.

Она повернулась на бок и положила на бедро Джонни обнаженную ногу.

— Это всегда так?

Когда Джонни наконец повернулся к ней, Кейт увидела в его глазах выражение, которое удивило ее. В них читался испуг.

— Нет, Кейти, — сказал он после долгой паузы. — Не всегда.

Кейт проснулась в объятиях Джонни. Они лежали, накрывшись простыней. Кейт смотрела на обшитый деревом потолок, ощущая непривычную для нее тяжесть мужской руки, лежащей на ее обнаженной груди.

Бледные лучи восходящего солнца проникали через окно, блуждая смутными бликами по деревянному полу. Бесконечное биение волн о борт судна, служившего жилищем Джонни, было созвучно медленному и спокойному биению ее сердца.

Кейт не знала, что ей теперь делать, как она должна себя вести. Все, что произошло, начиная с их первого поцелуя, было для нее неожиданным и бесценным даром. Этой ночью они занимались любовью трижды, лишь на короткое время погружаясь в сон. Просыпаясь, они целовались. Они приготовили омлет и съели его

перед камином, они говорили о своих семьях, о родных, о работе, о своих мечтах. Джонни даже пытался рассмешить Кейт на удивление тупыми шутками. Единственным, о чем они избегали говорить, был завтрашний день. И вот он наступил. Он был здесь с ними рядом на смятых простынях, в тусклом утреннем свете, в самом воздухе.

Кейт была щедро вознаграждена за то, что не поторопилась расстаться с невинностью, хотя ждать своего мужчину и было в то время немодно. Все, что случилось с Кейт прошлой ночью, потрясло до основания ее мир. Именно так, как об этом пишут поэты.

Но что, если Джонни не считает, что она — его девушка? Он ведь не сказал, что любит ее. Конечно же он ее не любит. Как женщина может знать о чувствах мужчины, охваченного страстью, если он ни разу не произнес слов любви? И чего он ждет от нее теперь?

Что она оденется, тихо выскользнет за дверь и сделает вид, что между ними никогда ничего не было? Или что спустится вниз, приготовит завтрак и помолится Богу, чтобы происшедшее накануне было началом, а не концом их отношений.

Когда Кейти услышала, как зашевелился рядом Джонни, все тело ее напряглось.

— Доброе утро, — произнес он.

Кейт не умела ни изображать скромность, ни казаться равнодушной. Она искренне любила этого человека и не могла притворяться. Но она посчитала хорошим знаком то, что Джонни не спешил встать с кровати и не стал торопить Кейт.

— Расскажи мне о себе то, чего я о тебе не знаю, — проговорила Кейт.

Джонни погладил ее по руке.

— Хм… Ну, я был служкой в церкви.

Совсем не трудно было представить его в этой роли — юного худого парнишку с зачесанными назад волосами, смоченными водой, чтобы не падали на лоб, беззаботно шагающего вдоль рядов церковных скамей. Представив этот образ, Кейт захихикала.

— Моя мама была бы в восторге, услышав о тебе такое.

— А теперь ты расскажи мне что-нибудь о себе.

— Я помешана на научной фантастике. «Звездные войны», «Звездный путь», «Дюна» — я просто обожаю все это.

— А я бы скорее подумал, что ты обожаешь читать романы про любовь.

— Ну, и это тоже. А теперь расскажи мне что-нибудь важное. Например, почему ты оставил профессию репортера.

— Тебе всегда хочется копнуть поглубже, да? — Джонни вздохнул. — Впрочем, думаю, ты и сама уже догадалась. Эль-Сальвадор. Я отправился туда, представляя себя кем-то вроде белого рыцаря, которому предстоит пролить свет истины на происходящее. Но когда я увидел, что именно там происходит…

Кейт ничего не сказала, только поцеловала Джонни в плечо.

— Мои родители многое от меня скрывали. Я думал, что знаю все, но это оказалось не так, к такому невозможно подготовиться. Смерть, кровь, разорванные тела. Мертвые дети на улице и мальчишки с автоматами. Меня взяли в плен… — Голос Джонни дрогнул, но после паузы он продолжил: — Я не знаю, почему меня оставили в живых, но они это сделали. Мне повезло. И я… я сбежал домой.

— Но ты не сделал ничего такого, чего должен стыдиться.

— Я бежал, как трус. И я проиграл. Ну вот, теперь ты знаешь, почему я в Сиэтле.

— И ты думаешь, что мои чувства к тебе могут от этого измениться?

Последовала долгая пауза, прежде чем Джонни произнес:

— Нам не стоит торопиться, Кейти.

— Я знаю. — Кейт прижалась к нему. Она хотела запомнить каждую черточку его лица, нового, утреннего лица мужчины, с которым она провела ночь. Она заметила проступившую на подбородке щетину и подумала: «Ну вот, уже произошли перемены».

— Я не хочу сделать тебе больно, — сказал Джонни.

Ей захотелось просто сказать: «Тогда не делай», но сейчас было не время играть словами. Сейчас многое значила честность.

— Я пойду на риск и готова вытерпеть боль, если и ты пойдешь на этот риск, — спокойно ответила она.

Тень улыбки скользнула по губам Джонни, но на лице его читалась озабоченность.

— Так я и знал, что ты окажешься опасной.

Кейт ничего не понимала.

— Я? Ты, должно быть, шутишь, никто никогда не считал меня опасной.

— А я считаю.

— Почему?

Джонни ничего не ответил. Он повернул голову и потянулся к ней губами. Кейт закрыла глаза в ожидании поцелуя, но, прежде чем их губы сомкнулись, Джонни произнес:

— Потому что ты — из тех девчонок, в кого можно влюбиться по уши.

В голосе его при этом не было радости. Казалось, признание этого факта огорчило Джонни.

Кейт возвращалась домой. Всего несколько минут назад она парила в облаках, вспоминая ночь, проведенную в объятиях Джонни, но сейчас настало время вернуться на землю и сказать себе, что она просто переспала с мужчиной, с которым до этого спала ее лучшая подруга.

Что скажет Талли?

Кейт открыла дверь их квартиры и вошла. Этим серым дождливым утром в квартире было удивительно тихо. Кейт бросила сумку, прошла на кухню и приготовила чай.

— Где, черт побери, ты была?

Кейт поморщилась и обернулась.

Талли стояла перед ней с мокрыми волосами. И на ней не было ничего, кроме накинутого на плечо банного полотенца.

— Я уже хотела звонить в полицию. Где… О, да на тебе вчерашний костюм. — по лицу Талли медленно расплылась понимающая улыбка. — И с кем это ты провела ночь? О господи, да ты краснеешь! — Талли рассмеялась. — А я уже начала думать, что ты умрешь девственницей.

Талли схватила подругу за руку и потащила к дивану.

— Рассказывай!

Кейт смотрела на свою лучшую подругу, жалея, что не пришла домой позже — после ухода Талли на работу. Ей нужно было собраться с мыслями, решить, что делать дальше. А Талли могла разрушить все одним словом, одним взглядом. «Он мой», — могла бы сказать Талли. И что тогда делать Кейт?

— Говори! — снова потребовала Талли, легонько толкая подругу в бок.

Кейт набрала в легкие побольше воздуха.

— Я влюбилась.

— О боже! Влюбилась? После одной ночи?

Теперь или никогда! И хотя «никогда» звучало гораздо привлекательнее, не стоило откладывать неизбежное.

— Нет, — сказала она. — Я люблю этого человека уже несколько лет.

— Кто же это?

— Джонни.

— Наш Джонни?

Кейт постаралась не реагировать на слово «наш».

— Да, прошлой ночью…

— Но он же спал со мной совсем недавно! И потом продолжал названивать. Ты нужна ему, чтобы забыться, он не может любить тебя.

Кейт постаралась не придавать значения этим словам, но у нее ничего не получилось.

— Я так и знала, что ты переведешь все на себя.

— Но… он твой босс, черт побери!

— Я уволилась. Через две недели я начинаю работать в рекламном агентстве.

— Вот это здорово! Жертвуешь карьерой из-за парня.

— Мы обе знаем, что я недостаточно хороша, чтобы сделать карьеру на телевидении. Это была твоя мечта, Талли. И так было всегда.

Талли готова была с ней поспорить, но Кейт знала, что никакой ее аргумент уже ничего не сможет изменить.

— Я люблю его, Талли, — сказала она наконец. — Я люблю Джонни уже несколько лет.

— Но почему ты мне ничего не сказала?

— Я боялась.

— Чего?

Кейт не отвечала.

Талли молча смотрела на подругу, и в ее темных выразительных глазах Кейт читала все: досаду, беспокойство, ревность.

— Вся эта история пахнет бедой.

— Я тоже не верила в чувства Чада тогда, в самом начале ваших отношений. Но я отодвинула свои сомнения в сторону, потому что так было нужно тебе.

— Кстати, о любовных драмах с плохим концом…

— Ты не можешь просто порадоваться за меня?

Талли продолжала в упор смотреть на Кейт, и хотя в конце концов она улыбнулась, эта улыбка не могла обмануть Кейт.

— Я постараюсь, — сказала Талли.

«Ты нужна ему, чтобы забыться, — эти слова Талли продолжали крутиться в голове Кейт. — Он же спал со мной совсем недавно. Он не может любить тебя».

Как только Талли ушла, Кейт позвонила на работу, сказалась больной и забралась под одеяло. Минут через двадцать стук в дверь поднял ее с кровати.

— Черт побери, Талли! И когда ты научишься не забывать ключи, — пробормотала Кейт, накидывая на себя халат и засовывая ноги в шлепанцы с заячьими ушками.

Кейт открыла дверь.

На пороге стоял Джонни.

— Ты не выглядишь больной.

— Врун! Я выгляжу ужасно.

Джонни протянул руки, развязал пояс ее халата, который скользнул на пол бесформенным розовым комком.

— Фланелевая ночнушка, — усмехнулся Джонни. — Как сексуально!

Он закрыл за собой дверь.

Кейт постаралась выбросить из головы разговор с Талли.

«…чтобы забыться».

«…не может тебя любить».

Но слова подруги так и лезли в голову, наскакивая друг на друга и перекликаясь со словами Джонни: «Я не хотел причинить тебе боль».

Теперь Кейт в полной мере оценила опасность того, на что вчера по наивности согласилась. Джонни может разбить ей сердце, и у нее нет возможности защититься.

— Я думал, ты будешь рада меня видеть, — сказал Джонни.

— Я рассказала о нас с тобой Талли.

— О! И что — возникли проблемы?

— Она считает, что я нужна тебе для того, чтобы ты мог забыться.

— Вот как?

Кейт сглотнула вдруг вставший в горле ком.

— Ты любишь ее?

— Так вот ты о чем!

Джонни вдруг подхватил Кейт на руки с такой легкостью, словно она была невесомой, и отнес в спальню. Как только они оказались в постели, он стал снимать с нее рубашку, осыпая поцелуями ее тело.

— Это не имеет значения, — прошептал он, касаясь губами ее обнаженной груди. — Ведь она не любила меня.

Кейт закрыла глаза и позволила этому человеку снова потрясти ее. Но потом, когда все закончилось и она лежала, свернувшись клубочком под боком у Джонни, к ней вернулась неуверенность. Может, она была и не самой опытной женщиной на свете, но и не самой наивной, и в одном она была уверена: любит ли Джонни Талли, имело очень большое значение.

16

Их отношения оказались именно такими, о которых Кейт мечтала всю жизнь. К тому моменту, когда пришла весна, снова окрасив серый город в яркие, радостные цвета, они с Джонни были уже настоящей парой. Они проводили вместе все выходные и как можно больше ночей в будние дни. В марте Кейт поехала с Джонни домой — знакомить его с родителями, и те пришли от него в полный восторг. Красивый ирландский мальчик католического вероисповедания с отличной карьерой и хорошим чувством юмора, который любит играть в настольные игры и в карты. Папа называл его «славный малый», а мама объявила, что он безупречен.

— Такого стоило ждать, — шепотом сказала она дочери.

Джонни, со своей стороны, так хорошо вписался в клан Муларки, словно родился и вырос в этой семье. Он никогда не признавался в этом вслух, но Кейт была уверена, что Джонни понравилось снова почувствовать себя частью семьи после стольких лет одиночества. Они никогда не говорили о будущем, но наслаждались каждой минутой настоящего.

Но вскоре все должно было измениться.

Кейт лежала в постели и смотрела в потолок. Рядом ровно дышал во сне Джонни. Было четыре часа утра, а Кейт вставала уже дважды. Больше не стоило откладывать неизбежное.

Она осторожно откинула одеяло, стараясь не потревожить Джонни, и выбралась из кровати. Прошла босиком по толстому ковру и, закрыв за собой дверь, направилась в ванную, прихватив по дороге сумку.

Открыв сумку, Кейт порылась в царившем там беспорядке и достала оттуда купленный вчера пакетик. Она вскрыла упаковку и тщательно выполнила все инструкции.

Меньше чем через два часа она уже знала ответ. Розовый цвет означал беременность.

Кейт смотрела на тест невидящим взглядом. Ее первая мысль была о том, что для женщины, мечтавшей о материнстве, она, пожалуй, чувствует неуместное желание заплакать.

Джонни вряд ли будет счастлив услышать эту новость. Он явно не готов еще стать отцом. Он даже до сих пор не сказал, что любит ее.

Кейт любила его так сильно и была так счастлива с ним последние несколько месяцев. И все же она не могла избавиться от ощущения, что счастье это было хрупким, а отношения еще не успели стать надежными. И ребенок вполне может их разрушить.

Кейт спрятала упаковку и сам тест обратно в сумку — такие необычные вещи среди самых обычных, сопровождавших ее повседневную жизнь, — и долго стояла под горячим душем.

Когда она уже закончила одеваться и была готова отправляться на работу, прозвонил будильник. Кейт подошла к кровати, присела рядом с Джонни и стала гладить его по руке, пока он просыпался.

Он улыбнулся и сонно пробормотал:

— Привет!

Кейт хотелось просто сказать ему: «Я беременна», но вместо этого она сказала:

— Мне сегодня надо на работу пораньше. Важный клиент.

Джонни обнял ее за шею и притянул к себе для поцелуя. Кейт ответила ему и попыталась отстраниться.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

Джонни поцеловал ее вновь.

— И это делает меня самым счастливым парнем на свете.

Кейт попрощалась с ним так, словно это было самое обычное утро, одно из многих, когда они проснулись в одной постели, и отправилась на работу. Оказавшись в офисе, она захлопнула за собой дверь и молча стояла несколько минут, стараясь не расплакаться.

— Я беременна, — сказала она стенам, оклеенным рекламными объявлениями.

Если бы она могла так же сказать это Джонни. А ведь ей, должно быть, легко сказать ему об этом — разве любовь не облегчает такую задачу?

Видит Бог, она любит его, она не может представить своей жизни без Джонни. Она полюбила даже повседневную рутину совместного существования, их завтраки вдвоем на кухне в плавучем доме Джонни, стоя бок о бок у стола напротив раковины. Нравилось, как они сидели иногда ночью в постели, прижавшись друг к другу, и смотрели в окно на воду. А когда Джонни целовал ее — был ли это нежный поцелуй на

ночь или другой, страстный, суливший начало наслаждений, сердце Кейт всегда начинало биться быстрее. Они все время говорили обо всех и обо всем, и до сегодняшнего дня Кейт была уверена, что не существует таких слов, которые она не могла бы сказать Джонни.

Большую часть дня Кейт двигалась словно на автопилоте, но часов около пяти сила воли оставила ее окончательно. Схватив телефонную трубку, она набрала знакомый номер и стала нетерпеливо ждать.

— Алло! — послышался на другом конце провода голос Талли.

— Это я. У меня кризис.

— Я буду в восемь, — без малейших колебаний заявила Талли.

Впервые за целый день Кейт улыбнулась. Просто побыть рядом с Талли — уже должно помочь. Всегда помогало. Через пятнадцать минут она расставила по местам папки на своем столе, разложила по порядку бумаги, взяла сумку и покинула офис.

Светило солнце, казавшееся белым диском на вылинявшем голубом небе. Несколько неутомимых туристов прогуливались по Пайонир-сквер. Через дорогу видно было бездомных, которые лежали на посыпанной галькой земле, на кованых скамейках, скрючившись под грязными тонкими одеялами или в старых спальных мешках. Деревья вокруг были в цвету.

Кейт застегивала пальто, когда подъехала Талли на своем новеньком синем «корвете» с откидным верхом.

Увидев новую машину подруги, Кейт покачала головой и улыбнулась. Машина была вызывающе заметной, Талли прекрасно ей соответствовала. Ее шерстяные брюки и шелковая блузка были того же оттенка синего, что и машина.

Кейт села на пассажирское сиденье.

— Куда хочешь поехать? — спросила Талли.

— Удиви меня, — ответила Кейт.

— Сейчас сделаем.

Они довольно быстро миновали забитый машинами центр, стрелой промчались по Вест-Сиэтл-бридж и подъехали к ресторану на Алки-Бич. Этим пасмурным весенним днем ресторан был пуст, и их тут же усадили за столик с видом на залив.

— Слава богу, ты позвонила, — сказала Талли. — Живу эту неделю словно в аду. Меня так и норовят отправить в каждый

захудалый городишко, какие только есть в этом штате. На прошлой неделе послали к парню из Чени, который изобрел грузовик, работающий на дровах. Я не шучу. У него там печка размером с авианосец, которая съедает почти два кубометра дров в неделю. А грузовик мне едва удалось разглядеть за клубами черного дыма, которые он изрыгал. При этом парень хотел, чтобы я сделала репортаж о том, что он создал транспорт будущего. А завтра мне ехать в Линден брать интервью у какой-то девицы из протестантской общины, которая завоевала на ярмарке тридцать две синие ленточки. Всю жизнь мечтала. А на прошлой неделе…

— Я беременна.

Талли раскрыла рот.

— Ты меня разыгрываешь?

— У меня вид человека, которому весело?

— Черт побери! — Талли откинулась на спинку стула, вид у нее был потрясенный. — Я думала, ты пьешь таблетки.

— Я и пила. И не пропустила ни одного раза.

— Беременна. Вау! А что сказал Джонни?

— Я еще не говорила ему.

— Что будешь делать? — Вопрос прозвучал резко и повис в воздухе. Обе они понимали, что́ осталось невысказанным вслух.

— Я не знаю. — Кейт подняла глаза и встретилась взглядом с подругой. — Но я точно знаю, чего я делать не буду.

Талли долго смотрела на Кейт, ничего не говоря. В ее потрясающе выразительных темных глазах стремительно сменялись эмоции — недоверие, страх, грусть, беспокойство и нежность.

— Ты будешь потрясающей мамой, Кейти.

Кейт почувствовала, как по щекам катятся слезы. Именно этого она и хотела. И здесь, сейчас, Кейт решилась наконец признаться в этом себе самой. Вот для чего существуют лучшие подруги: чтобы держать у тебя перед глазами зеркало, в котором можно разглядеть твое собственное сердце.

— Он ни разу не сказал, что любит меня, Талли, — пожаловалась она.

— Ну, ты же знаешь Джонни.

Кейт вдруг почувствовала укол обиды на Талли. Она не сомневалась, что и Талли думает об этом: они обе очень хорошо знали

Джона Райана.

— Вы с Джонни во многом похожи, — сказала Кейт. — Как, думаешь, он среагирует, когда узнает?

— Он почувствует себя в ловушке.

Так же считала и Кейт.

— И что же мне делать?

— Ты спрашиваешь меня? Женщину, у которой даже золотые рыбки не живут дольше недели?

Талли рассмеялась, но в ее смехе можно было уловить и нотки горечи.

— Ты пойдешь домой и скажешь мужчине, которого любишь, что ему предстоит стать отцом.

— Вот так все просто — пойди и скажи?..

Талли нагнулась через стол и взяла подругу за руку.

— Доверься ему, Кейти.

— Спасибо. — Кейт понимала, что, наверное, это лучший совет, который она могла получить.

— А теперь поговорим о главном — об именах. Тебе не обязательно называть дочь в честь меня. Таллула — то еще имечко! Неудивительно, что оно пришло в голову таким торчкам, как мои родители. Но мое второе имя — Роуз. Это звучит уже не так плохо…

В течение вечера они больше не говорили о ребенке, а болтали о всяких пустяках. К тому моменту, когда они покинули ресторан и вернулись в город, тревога отпустила Кейт. Не то чтобы она ушла совсем, но с составленным планом действий Кейт было спокойнее.

Талли остановила машину у плавучего дома Джонни. Кейт распрощалась с подругой, крепко обняв ее на прощание.

Джонни дома не было. Кейт переоделась в спортивные брюки и футболку и стала дожидаться его в гостиной.

Она сидела, сложив в замок руки, и прислушивалась к звукам, к которым уже успела привыкнуть — к шороху волн за бортом, крикам чаек, к стрекоту моторов проплывавших мимо лодок. Кейт никогда еще не чувствовала себя такой уязвимой, она была преисполнена одновременно тихой радости и тревоги. Всю свою жизнь Кейт представляла себе любовь как что-то постоянное, как чувство, которое не подвержено износу, которому не страшны удары и трение. Но она

вдруг поняла, как опасно жить в таком убеждении. Оно успокаивает, умиротворяет, но не имеет ничего общего с реальностью.

Щелкнул замок, и дверь открылась. Джонни вошел и улыбнулся, увидев Кейт.

— Привет! А я звонил тебе, прежде чем уехать из офиса. Где ты была?

— Мы встретились с Талли.

— Хорошо провели время? — Джонни заключил Кейт в объятия и поцеловал.

И она, как всегда, почувствовала, что тает. Обвив руками шею Джонни, Кейт почувствовала, что не в силах его отпустить.

Она прижималась к нему с такой неистовой силой, что Джонни заволновался.

— Кейти, что-то не так? — встревоженно спросил он, делая шаг назад и заглядывая ей в лицо.

Сидя в одиночестве в гостиной, Кейт успела придумать еще за час до прихода Джонни несколько способов, как сообщить ему важную новость. Но теперь, стоя перед ним, Кейт понимала, что все ее варианты были несостоятельными. Ее новость не была подарком, который надо непременно поместить в праздничную упаковку, да и сама Кейт была не из тех, кто умеет долго молчать.

— Я беременна, — произнесла она самым твердым голосом, на какой только была сейчас способна.

Ей показалось, что Джонни уже целую вечность смотрит на нее ничего не понимающими глазами.

— Ты серьезно? Как это произошло?

— Самым обычным способом.

Джонни издал тяжелый, долгий вздох и повалился на диван.

— Ребенок…

— Я не хотела, чтобы так произошло, — принялась оправдываться Кейт. — Мне вовсе не нужно, чтобы ты чувствовал себя загнанным в ловушку.

Улыбка, которой улыбнулся ей Джонни, была улыбкой незнакомца, а не той, которую так любила Кейт. Не той, которая искрилась в его глазах и всегда вызывала ответную улыбку Кейт.

— Ты ведь знаешь, как мне хочется собрать вещи и сорваться с места, когда я буду наконец готов? Сделать какой-нибудь потрясающий

репортаж, который помог бы мне реабилитироваться. Это так давно крутится в моей голове, с тех пор, как я опозорился в Эль-Сальвадоре.

Кейт кивнула, проглатывая вставший в горле ком. У нее щипало глаза, но она мужественно пыталась удержать слезы.

— Я знаю.

Протянув руку, Джонни погладил ее пока еще плоский живот.

— Но теперь я ведь уже не могу уехать, правда?

— Из-за ребенка?

— Потому что я люблю тебя, — просто сказал Джонни.

— Я тоже люблю тебя. Но я не хочу…

Джонни соскользнул с дивана, встал на одно колено, и у Кейт перехватило дыхание.

— Кейтлин Скарлетт Муларки, ты выйдешь за меня замуж?

Ей хотелось сказать «да», хотелось закричать о своем согласии, но она не осмеливалась. Страх все еще слишком сильно владел ею. И вместо «да» Кейт спросила:

— Ты уверен, Джонни?

И вот тут Кейт наконец увидела его улыбку.

— Я уверен, — сказал он.

Кейт послушала, как всегда, совета Талли и выбрала для свадьбы стиль сдержанной элегантности. Ее платье было из шелка цвета слоновой кости с расшитым бусинками лифом и неглубоким вырезом. Ее светлые волосы, с умело выкрашенными прядками трех оттенков, были подняты вверх и заколоты в стиле Грейс Келли. Фата, когда Кейт примерила ее, окутала ее голову и опускалась на плечи, подобно легкому облаку. Впервые в жизни Кейт Муларки чувствовала себя красивой, как кинозвезда. Мама вполне разделяла ее мнение. Бросив всего один взгляд на дочь в свадебном платье, она тут же принялась рыдать, потом поцеловала ее в щеку и отправилась в церковь, дав наконец возможность Кейт и Талли побыть вдвоем.

И теперь, стоя перед большим зеркалом, откуда смотрела на нее незнакомая красавица, Кейт бросила взгляд на подругу. Талли в последние несколько дней, наполненные суетой и обсуждениями нарядов, причесок, макияжа, была какой-то непривычно тихой. Одетая в розовое платье подружки невесты, она чувствовала себя немного не в своей тарелке и не находила себе места.

— Ты выглядишь так, словно собираешься на похороны, а не на свадьбу, — упрекнула подругу Кейт.

Талли постаралась изобразить улыбку, но они слишком давно дружили, чтобы Кейт не распознала фальшь.

— Ты уверена, что правильно делаешь, выходя за Джонни? Я хочу сказать: ты по-настоящему уверена? У тебя нет…

— Я уверена.

Но Талли, похоже, проигнорировала ответ Кейт. Вид у нее по-прежнему был невеселый.

— Что ж, — кивнула она. — Имей в виду, это ведь навсегда.

— А знаешь, что еще навсегда?

— Грязные пеленки?

Кейт взяла Талли за руку, поразившись, какой холодной оказалась ее кожа. Как ей убедить Талли, что, хотя они стоят на развилке и дальше дороги их пойдут в разные стороны, она вовсе не бросает ее?

— Мы, — сказала Кейт просто, — мы будем дружить всегда, несмотря на работу, детей и мужей. — Она улыбнулась. — Я очень надеюсь, что увижу не одного твоего мужа.

— Ничего себе! — Талли рассмеялась, легонько толкая Кейт плечом. — Так ты думаешь, что я не смогу надолго удержаться замужем?!

— Я думаю, что ты всегда будешь делать то, что хочешь, Талли, ты такая яркая, заметная. А я, я просто хочу быть с Джонни. Я так его люблю, что иногда эта любовь причиняет мне боль.

— Как ты можешь говорить, что тебе больше ничего от жизни не надо? У тебя отлично складывается карьера, в один прекрасный день, я в этом уверена, ты встанешь сама во главе этого агентства. И беременность не собьет тебя с курса, в наши дни женщина может иметь все.

Кейт улыбнулась:

— Такая женщина, как ты, Талли. Я так горжусь тобой, что этого не передать словами. Иногда я говорю о тебе даже незнакомым людям, вот, мол, этот репортаж ведет моя подруга. Но мне хочется, чтобы и ты гордилась мною независимо от того, что я делаю. Или чего не делаю.

— Я всегда буду рядом, когда понадоблюсь. Ты ведь это знаешь.

— Я знаю.

Они смотрели друг на друга в упор — две стоящие перед зеркалом красивые девушки, обе одетые как принцессы, и снова чувствовали себя четырнадцатилетними школьницами, мечтающими о будущем.

Наконец Талли улыбнулась, на этот раз по-настоящему искренне.

— А когда ты скажешь маме, что ждешь ребенка?

— Только после того, как выйду замуж. Я исповедуюсь перед Господом, но маме скажу, только когда уже стану миссис Райан.

И на какие-то несколько минут время остановилось. Они снова были «Талли-и-Кейт» — подружки, делящиеся друг с другом всеми секретами.

Открылась дверь.

— Пора! — объявил мистер Муларки. — В церкви уже яблоку негде упасть. Талли, иди ты первая.

Талли обняла Кейт и вышла из гардеробной.

Кейт смотрела на своего отца. Он был во взятом напрокат фраке, торжественный и взволнованный, и ее охватила горячая волна любви к нему. Они слышали, как в церкви зазвучала музыка.

— Ты очень красивая, доченька! — восхищенно проговорил мистер Муларки.

Голос его слегка дрожал и был словно незнакомым.

Кейт подошла к отцу. Она смотрела на родное лицо и вспоминала, как он читал ей, своей маленькой дочке, книжки, как подсовывал тайком деньги в карман, когда она стала постарше, как всегда пел в церкви, не попадая в ноты и смущаясь.

Отец коснулся ее подбородка и заглянул Кейт в лицо. В глазах его были слезы.

— Ты навсегда останешься моей дорогой малышкой, Кейти Скарлетт. Не забывай об этом.

— Не забуду, — пообещала Кейт.

Музыка в зале сменилась на гимн «Вот грядет невеста». Отец взял Кейти за руку и повел по проходу вдоль рядов к алтарю — один неуверенный шаг за другим.

Джонни уже ждал ее, и, как только он взял ее за руку, Кейт почувствовала радостное волнение, преисполненная сознанием того, что он — ее мужчина. И что бы ни случилось с ней в этой жизни, она

знала, что выходит замуж по большой и настоящей любви, и это делает ее одной из самых счастливых женщин на свете.

Начиная с этого момента весь день и вечер прошли для нее как в тумане, как в светлой дымке ее мечты. Они с Джонни принимали поздравления, обнимали и благодарили друзей и родственников.

Мир, казалось, открылся им навстречу и для них не было ничего невозможного. Кейт решительно была не способна оставаться спокойной, она могла либо плакать, либо смеяться.

Когда зазвучала песня Мадонны «Без ума от тебя», Джонни протянул Кейт руку.

— Здравствуйте, миссис Райан.

«Только коснись меня, и ты поймешь, что все это наяву…»

Кейти оказалась в кольце его рук, наслаждаясь близостью, нежностью Джонни. Наслаждаясь каждым мгновением своего счастья.

Люди расступились, освобождая место для танца молодоженов. Кейт чувствовала, как за ними наблюдают, видела вокруг улыбки, слышала, как все говорят о том, какая они чудесная пара и как хороша невеста.

Это был счастливейший момент Золушки на балу, как раз такой, о котором Кейт мечтала всю свою жизнь.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Ты — лучшая, — прошептал Джонни, целуя ее.

Когда танец закончился, раздались аплодисменты. Гости поднимали бокалы с шампанским и коктейлями, бутылки с пивом и громко кричали:

— За Райанов!

И только в самом конце этой волшебной ночи улыбка исчезла с лица Кейт.

Кейт стояла у бара, потягивая сидр и разговаривая с тетей Джорджией, когда это произошло.

Позже, во все последовавшие за этим вечером годы, и особенно во времена невзгод, Кейт всегда удивлялась, как случилось, что она подняла глаза именно в тот момент, когда Джонни стоял в сторонке, сам по себе, не замечая танцующих, болтающих и веселящихся людей, потягивал пиво.

Ее муж неотрывно смотрел на Талли.

17

— Я не знаю, кто пишет эти инструкции, но понять то, что в них написано, совершенно невозможно.

Кейт улыбнулась и продолжила осторожно спускаться по лестнице. Талли помогала подруге оборудовать детскую в нижней спальне дома на воде. Кейт казалось, что еще немного — и Талли швырнет отвертку в свежевыкрашенную стену.

— Дай мне посмотреть, — попросила она, входя в комнату.

Талли, сидевшая на полу в окружении каких-то реек, дощечек, болтиков и шайбочек, протянула Кейт инструкцию:

— Да пожалуйста!

Кейт внимательно изучила сложные многословные указания.

— Начать надо с той самой большой доски. Она вставляется в эти пазы, видишь? А потом ее надо привинтить сюда…

Следующие два часа подруги, то сидя, то стоя, то нагнувшись друг над другом, то разойдясь в разные концы, собирали детскую кроватку весьма сложной конструкции.

Когда все было закончено и кроватка заняла наконец свое место у выкрашенной в солнечно-желтый цвет стены с изображением Винни-Пуха, они отступили назад и замерли в восхищении.

— И что бы я без тебя делала, Талли?

Талли обняла подругу.

— Слава богу, тебе никогда не придется это узнать. Пошли, я сделаю нам по «Маргарите».

— Мне нельзя пить, ты же знаешь.

Талли улыбнулась:

— Прими мои искренние сожаления, дорогая, но у меня-то внутри никто не сидит. И, думаю, еще долго-долго не появится. Поэтому мне не только можно «Маргариту» после сборки детской кроватки, что, кстати, должна заметить, на самом деле обязанность Джонни, так как работа требует мужской руки, — я заслужила «Маргариту». А ты, взрослая женщина с животиком, можешь выпить что-нибудь подходящее для маленьких девочек. Такова ирония судьбы. Забавно, правда?

Рука об руку они поднялись наверх и приготовили себе напитки. И все время — и в кухне, и на лестнице, и в гостиной, где они в конце концов уселись перед камином, — они неутомимо разговаривали обо всем на свете. В основном, конечно, о всяких пустяках — о штрафе за парковку в неположенном месте, которую получила Талли, о новой девушке брата Кейт Шона, о курсе в местном колледже, который решила посещать мама Кейт.

— Расскажи, как это — быть замужем, — попросила вдруг Талли, когда Кейт встала, чтобы подбросить полено в огонь.

— Ну, прошло всего три месяца, и вряд ли меня можно считать опытной супругой, но пока все здорово.

Кейт вернулась на свое место на диване, положила ноги на журнальный столик, а руку — на свой слегка округлившийся животик.

— Ты скажешь, что я сумасшедшая, но мне нравится эта жизнь, нравится вместе завтракать по утрам, нравится, что первый человек, которого я вижу, проснувшись утром, это Джонни, и что он целует меня перед сном и говорит «спокойной ночи». — Кейт улыбнулась Талли. — Но я скучаю по тем временам, когда делила квартиру с тобой. Джонни постоянно убирает куда-нибудь мои вещи, а потом забывает, куда положил. А как тебе живется в нашей квартире без меня?

— Одиноко, — сказала Талли, пожимая плечами и улыбаясь, словно давая понять, что это ее не тревожит, — снова приходится к этому привыкать.

— Но ты всегда можешь приехать к нам.

— Что я и делаю, — рассмеявшись, Талли приготовила себе вторую «Маргариту». — Кстати, а как у вас все устроится после рождения моего крестника? Тебе дадут хотя бы несколько недель отпуска?

Это была тема, обсуждение которой Кейт старалась избегать. Она знала, чего хочет, с того момента, как вышла замуж за Джонни, но у нее не хватило мужества сказать об этом Талли. Сейчас она решилась признаться:

— Я увольняюсь.

— Что? Почему? Они закрепили за тобой лучших клиентов, вы оба прилично зарабатываете. Сейчас, черт побери, восемьдесят

седьмой год! Тебе незачем бросать работу, став матерью, ты можешь нанять няню.

— Я не хочу, чтобы моего ребенка растил кто-то другой. По крайней мере, первое время до детского сада, вернее, в дошкольную группу.

При этих словах Талли так возбудилась, что вскочила на ноги.

— Детский сад? Это куда отдают ребенка в восемь лет?

— Вообще-то в дошкольную группу отдают в пять. — Кейт улыбнулась.

— Но…

— Никаких «но». Я хочу быть хорошей матерью. И ты, Талли, как никто другой, должна понимать, как много это значит для ребенка.

Талли молчала, ей было нечего возразить. На сердце Талли остались шрамы от ран, нанесенных ее матерью.

— Но ведь женщина может иметь семью и делать карьеру, — упрямо сказала Талли. — Сейчас не пятидесятые годы.

— Моя мама ходила в каждый поход, в который отправлялась я. Она помогала украшать класс на каждый праздник, пока я сама не взмолилась, чтобы она перестала приходить. Я ни разу не села в школьный автобус до старшей школы. И до сих пор помню, как я умоляла маму не приезжать за мной после уроков. Я хочу, чтобы все это было и у моего ребенка. А к работе я всегда смогу вернуться потом.

— И это все, что тебе нужно в жизни — возить ребенка в школу, ходить с ним в походы, украшать класс?

— Если этого будет недостаточно, я найду что-то еще. Не надо меня хоронить, я же не астронавт, который отправляется в космос, и неизвестно, вернется ли назад. — Кейт улыбнулась. — Лучше расскажи мне о своей работе. Учти, теперь я буду многое узнавать от тебя, так что ты просто обязана делать интересные репортажи.

Талли тут же принялась с энтузиазмом рассказывать про свое недавнее задание.

Кейт откинулась на спинку дивана и приготовилась слушать, но скоро она погрузилась в собственные мысли и не сразу поняла, что Талли зовет ее.

— Прости, — улыбнулась подруге Кейт. — Так что ты говорила?

— Ты что, заснула? Я рассказывала тебе о парне, который позвал меня на свидание, а ты выключилась, словно лампа.

— Вовсе нет, — поспешила оправдаться Кейт. Но на самом деле она действительно чувствовала сонливость, и у нее слегка кружилась голова. — Думаю, мне надо выпить чашку чаю.

Она встала, но тут же сильно покачнулась и схватилась за спинку дивана, чтобы не упасть.

— Вау, это было… — не закончив фразу, Кейт посмотрела на подругу и нахмурилась. — Талли?

Та вскочила на ноги так быстро, что опрокинула свою недопитую «Маргариту». Она обняла Кейт за плечи, помогая ей удержаться на ногах.

— Я здесь, Кейти, я с тобой.

Что-то с Кейт было не так. Головокружение и тошнота накатили на нее с такой силой, что она снова покачнулась.

— Держись, дорогая, — сказала Талли, продвигаясь с Кейт в сторону двери. — Нам надо добраться до телефона.

До телефона? Кейт растерянно покачала головой, все плыло у нее перед глазами.

— Я не понимаю, что происходит, — пробормотала она. — Вы устроили для меня вечеринку-сюрприз? Сегодня мой день рождения?

Она оглянулась, и взгляд ее упал на диван, где она только что сидела.

По обивке и на полу около дивана расплылись кровавые пятна.

— Нет, нет, — прошептала Кейт, хватаясь за живот.

Она хотела сказать что-то еще, хотела молить Бога о помощи, но пока она пыталась подобрать слова, весь мир вдруг закачался перед глазами. И Кейти потеряла сознание.

Талли уговорила врачей разрешить ей остаться в машине «скорой помощи». Она сидела около Кейт, постоянно повторяя:

— Я здесь. Я с тобой.

Кейт была в сознании, но она плохо соображала. Кожа ее была бледной, как старая застиранная простыня, и даже ее зеленые глаза, обычно такие яркие, казались мутными и словно бы стеклянными. По вискам стекали на подушку слезы.

Машина подъехала к больнице. Талли оттеснили в сторону, а Кейт погрузили на каталку и повезли внутрь ярко освещенного здания. Талли стояла у открытых дверей больницы, глядя, как увозят ее лучшую подругу. Неожиданно она ощутила в полной мере всю серьезность происходящего.

Ведь женщины, у которых бывает выкидыш, могут истечь кровью и умереть.

— Пожалуйста, Господи! — прошептала Талли. Впервые в жизни жалея о том, что не умеет молиться по-настоящему. — Не дай мне потерять ее!

Она знала, что эта молитва была неправильной, не такой, какую хотела бы услышать Кейт.

— И позаботься, Господи, о ее ребенке.

Это было все равно как швырять бриллианты в воду — молиться Богу, который ни разу в жизни ее не услышал.

— Кейти ходит в церковь каждое воскресенье, — на всякий случай напомнила Богу Талли.

В маленькой палате с зелеными стенами и окнами на стоянку спала Кейт. Рядом, на пластиковом стуле, сидела миссис Муларки. Она читала и, как всегда при чтении, шевелила губами.

Талли подошла к Марджи и тронула ее за плечо:

— Я принесла вам кофе.

Рука ее задержалась на плече миссис Муларки. Прошло почти два часа с тех пор, как Кейти потеряла ребенка. Джонни позвонили сразу же, но он был на задании в Спокейне, в другом конце штата.

— Думаю, Кейт повезло, что это случилось на раннем сроке, — сказала Талли.

— Четыре месяца — не такой уж ранний срок, Талли, — ответила миссис Муларки. — Так считают те, кто не бывал в подобных ситуациях. Так говорил мне Бад. Дважды. — Она подняла глаза. — Но меня это не особенно утешало. Это было как потерять кого-то, кого любишь. Ты ведь знаешь, как это?

— Спасибо. — Талли крепко сжала плечо миссис Муларки. — Теперь я знаю, чего не следует говорить. Знать бы еще, что могло бы ей помочь.

В этот момент Кейт открыла глаза и увидела их.

Миссис Муларки поднялась со стула и, подойдя к кровати, встала рядом с Талли.

— Привет, — прошептала Кейт. — А Джонни скоро…

Произнеся имя мужа, она вдруг умолкла и начала дрожать.

— Тут кто-то произнес мое имя?

Талли резко обернулась.

Он стоял в дверях палаты с букетом цветов в левой руке. Вид у него был встревоженный — небритый, бледный, длинные волосы спутались, а в глазах страх и усталость. Джинсы Джонни порваны, рубашка цвета хаки измята.

— Я нанял частный самолет. Со счета теперь спишут большую часть денег.

Он положил цветы на стул и подошел к жене.

— Привет, малышка, — прошептал Джонни. — Прости, что добирался так долго.

— Это был мальчик, — сказала Кейт и разрыдалась, прижавшись к мужу.

Талли услышала, как Джонни заплакал вместе с Кейт.

— Он любит ее, — тихо сказала Талли, обняв миссис Муларки.

Воспоминание о ночи, проведенной с Джонни, каким-то образом ослепило Талли, поймало, как насекомое, в паутину времени. Она считала, что Кейт стала для Джонни просто заменой, мисс Утешение, потому что ему не удалось завести роман с ней.

Но то, что она увидела сегодня, не имело ничего общего с заменой и утешением.

Миссис Муларки повела ее к двери.

— Конечно, он любит ее. Пойдем, оставим их вдвоем.

Они взяли свои стаканчики с кофе и вышли в коридор, где сидел в низком кресле мистер Муларки. Он поднял голову, глаза у него были красными.

— Как она?

— С ней сейчас Джонни. — Марджи коснулась плеча мужа.

Впервые за годы Талли вдруг почувствовала себя в этой семье посторонней.

— Я должна быть с Кейти!

— Не беспокойся, Талли, — твердо сказала миссис Муларки. — Ты всегда будешь ей нужна.

— Но теперь все изменилось.

— Конечно, изменилось, потому что Кейти вышла замуж, и у вас теперь разные дороги. Но вы всегда останетесь лучшими подругами.

Разные дороги?!

Вот что это было. Талли должна была это понять, но не смогла.

Следующие несколько дней после возвращения Кейт из больницы они не оставляли ее одну. В четверг с ней была Талли. Она сказалась больной на работе и провела с подругой целый день. Они играли в карты, смотрели телевизор и разговаривали. Но бóльшую часть времени Талли слушала, часто невпопад отвечая Кейти. В ее подруге была теперь какая-то пронзительная печаль, да и темные круги под глазами неузнаваемо изменили ее облик. Талли чувствовала, что между ними возникла невидимая стена. Ее слова, ее искренность словно утратили свою силу.

Около восьми вечера Кейт сказала:

— Ты можешь решить, что я сумасшедшая. Но я хочу остаться одна, да и Джонни вернется через час. Ты можешь ехать домой, займись диким безудержным сексом с этим своим парнем, Тедом, кажется? А я отправляюсь спать.

— Тоддом. Но сегодня я не в настроении, и потом… Впрочем, это не имеет значения.

Улыбаясь, она помогла Кейт подняться по лестнице и уложила ее в кровать.

— Ты даже не представляешь, как мне хочется подобрать слова, от которых тебе стало бы легче.

— Тебе это удалось. Спасибо. — Кейт закрыла глаза.

Талли постояла еще минуту. Чувствуя себя совершенно обессиленной, она со вздохом спустилась вниз и отправилась на кухню мыть посуду. Она почти закончила, когда входная дверь бесшумно открылась, затем тихонько захлопнулась.

Талли оглянулась. У двери стоял Джонни с букетом роз в руках. Волосы его были коротко подстрижены, и он выглядел в своих вареных джинсах и белых кроссовках «Адидас» с выпущенными наружу языками очень молодо. Но за те годы, что Талли знала Джонни, она никогда не видела его таким потерянным.

— Привет, — сказал он, кладя цветы на журнальный столик.

— Выглядишь ты как человек, которому не мешало бы выпить.

— Разве что по четыре капли? — Джонни попытался улыбнуться. — Кейти спит?

— Да. — Талли взяла с барной стойки бутылку виски и налила немного в стакан для Джонни, потом налила бокал вина себе.

— Пойдем посидим на палубе, — предложил Джонни. — Я не хочу будить Кейти.

Талли накинула пальто и последовала за Джонни наружу. Они сидели на палубе бок о бок, свесив, словно дети, ноги над черной водой озера Юнион.

Все кругом дышало спокойствием и безмятежностью. На небе появилась луна, ее свет скользнул по воде, по домам, отразился в окнах. Отдаленный шум машин на мосту почти заглушал плеск воды, бьющейся о доски.

— Как твои дела? — спросила Талли.

— Волнуюсь все время за Кейти.

— Это я знаю, — сказала Талли. — Но я спросила про тебя.

— Бывало и лучше. — Он отхлебнул из стакана.

Талли подошла к нему вплотную.

— Тебе повезло, — сказала она. — Кейти любит тебя, а если Муларки полюбит, то это на всю жизнь.

И в ту минуту, когда Талли произнесла эти слова, она снова испытала это странное состояние одиночества, которое неумолимо движется в ее сторону. Впервые Талли задумалась над тем, какой была бы сейчас ее жизнь, если бы она поступила, как Кейти, и выбрала любовь. Может быть, тогда и она бы знала, что такое иметь дом, быть вместе с кем-то единым целым? Талли печально смотрела на воду.

— Что случилось, Талли?

— Думаю, я завидую Кейт и тебе.

— Но ты ведь не хочешь такой жизни.

— А какой жизни я хочу?

Джонни обнял Талли за плечи.

— Ты всегда знала, чего ты хочешь. Ты хочешь работать на телевидении, ты хочешь, чтобы тебя заметили.

— И это делает меня поверхностной?

Джонни рассмеялся:

— Твой вопрос не по адресу. Вот что я тебе скажу: с завтрашнего дня я начну делать звонки. Рано или поздно мы найдем тебе работу на центральном канале.

— Ты сможешь это сделать?

— Конечно. Но тебе надо набраться терпения, а для этого потребуется время.

Талли обернулась и, обняв Джонни, прошептала:

— Спасибо тебе.

Этот человек так хорошо знал ее. И каким-то шестым чувством понял то, что сама она осознала только в этот момент: ей пора двигаться вперед.

Кейт ворочалась с боку на бок и никак не могла заснуть. Она думала о том, что в ее сердце всегда жило беспокойство. Как только что-то шло не так, Кейт вспоминала, что не ее Джонни выбрал первой, и как бы часто Кейт ни повторяла себе, что вовсе не была никому заменой, где-то в уголке ее сознания все же застряла эта мысль.

Это подтачивало ее, как вода, поднимающаяся в озере, это размывало все вокруг, заставляя огромные пласты земли откалываться от берега.

Кейт показалось, что она слышит голос Джонни. Он был дома!

Слава богу!

Кейт осторожно поднялась с кровати и отправилась вниз.

Свет не горел. Огонь в камине тоже почти погас, от сгоревших поленьев остались только тлеющие угольки. Сначала Кейт решила, что ошиблась и Джонни еще не приходил домой. Потом она заметила тени на палубе. Два человека сидели рядом, касаясь друг друга плечами. Лунный свет очерчивал их силуэты, делал их словно бы серебряными на фоне черной воды. Кейт тихо пересекла дом, открыла дверь и вышла наружу. Легкий ветерок трепал ее волосы и ночную рубашку.

Талли наклонилась к Джонни, прошептала что-то ему на ухо. Ответ его заглушил шум бьющейся о палубу воды. Кажется, он рассмеялся.

— Так у вас тут вечеринка без меня? — Кейт слышала, как дрогнул ее голос. Она поспешила глубоко вздохнуть, чтобы скрыть смятение. Умом она понимала, что у Джонни не было намерения

целовать Талли, но в душе она вовсе не была в этом уверена. Коварная, разрушительная мысль была мимолетной, но отравила сознание.

Джонни вскочил и бросился к Кейт, заключил ее в объятия и поцеловал. Когда он оторвался от Кейт, она оглянулась. Талли на палубе не было.

Впервые Кейт пожалела о том, что так сильно любит Джонни. Она была словно голый младенец, беззащитный перед стихией, хрупкой и преисполненной страха. Когда-нибудь ее любовь к Джонни может разрушить ее жизнь. В этом Кейт не сомневалась.

Месяц проходил за месяцем, миновал Новый год. Талли набралась терпения и верила в лучшее. Но к концу мая надежда почти оставила ее. Похоже, восемьдесят восьмой не станет для нее удачным годом. В этот теплый весенний день она работала ведущей на замене. По окончании эфира Талли вернулась к себе в кабинет.

Она как раз усаживалась за стол, когда услышала голос секретаря:

— Вторая линия, Талли.

Взяв трубку, она нажала на нужную кнопку, которая немедленно загорелась.

— Таллула Харт.

— Здравствуйте, миз Харт. Говорит Дик Эмерсон. Я вице-президент по программам Эн-би-си, Нью-Йорк. Если не ошибаюсь, вы хотели работать на крупном канале?

Талли глубоко вздохнула и задержала воздух.

— Да.

— У нас открывается вакансия репортера по общим вопросам в утреннем шоу.

— Вот как?

— На будущей неделе я провожу собеседование с пятьюдесятью претендентами. Конкуренция очень жесткая, миз Харт.

— Так же, как и я, мистер Эмерсон.

— Рад слышать, что вы полны амбиций. — Она услышала в трубке шелест пролистываемых страниц. — Моя секретарь вышлет вам билет, забронирует жилье и сообщит о времени собеседования. Вам подходит такой вариант?

— Вполне. Спасибо, сэр. Я вас не разочарую.

— Хорошо бы. Я не люблю зря терять время. — говоривший сделал паузу. — И передайте от меня привет Джонни Райану.

Талли закончила разговор и тут же набрала номер Кейт и Джонни.

Трубку взяла Кейт.

— Алло!

— Я люблю твоего мужа.

Последовала напряженная пауза.

— Вот так новость!

— Он устроил мне собеседование на Эн-би-си.

— На следующей неделе, да?

— Так ты знала?

Кейт рассмеялась:

— Ну конечно, я знала. Он давно носится с этой идеей. Разослал кучу твоих записей.

— Несмотря на все ваши заботы, вы помните обо мне? — с чувством проговорила Талли.

— Ты и я против целого мира, Талли. Есть вещи, которые не меняются.

— На этот раз я действительно покажу этому миру, — рассмеялась Талли. — Эта работа для меня.

Нью-Йорк оказался именно таким, каким Талли представляла его в своих мечтах. В первую неделю в городе, сжимая в руке новые визитки с логотипом компании, она бродила по оживленным улицам, как Алиса по Стране чудес, с постоянно задранной головой. Ее поражали многочисленные небоскребы, никогда не закрывающиеся рестораны, конные экипажи, выстроившиеся вдоль парка, и толпы одетых в черное людей, спешащих по оживленным улицам.

Две недели она изучала город, выбирала район, где снять квартиру, училась ориентироваться в метро. Казалось бы, она должна была чувствовать себя одинокой. В конце концов, что за радость наслаждаться таким потрясающим городом, как Нью-Йорк, в полном одиночестве? Но Талли была в таком восторге от своей новой работы, что одиночество ее не смущало. Кроме того, трудно быть по-настоящему одиноким в городе, который никогда не спит. На улицах всегда были люди, даже в самые темные часы.

И у нее была работа. С того самого момента, когда Талли впервые вошла в здание Эн-би-си, она почувствовала, что попалась на крючок. Она просыпалась в полтретьего ночи, чтобы успеть в студию к четырем. Хотя у нее не было необходимости появляться там так рано, Талли нравилось крутиться в студии и всем помогать. И еще она изучала каждое движение и манеры Джейн Поли.

Талли взяли на работу репортером по общим вопросам. Это означало, что ей придется собирать по кусочкам материал для чужих историй. В какой-то момент ей могло повезти, и она могла бы подготовить самостоятельно историю, к которой серьезные корреспонденты не прикоснутся даже деревянным шестом, например, про самую большую тыкву в штате Индиана или что-нибудь в этом роде. Но Талли не могла ждать. Она надеялась, что, выполнив свои прямые обязанности, сможет найти материал для какой-нибудь интересной истории. А уж когда она прорвется, то сумеет закрепить успех. Глядя на таких людей, как Джейн Поли и Брайан Гамбел, Талли отлично представляла себе, чего именно хочет добиться. Они были для нее как боги, и Талли тратила каждую свободную минуту на то, чтобы смотреть, как они делают свою работу. Дома она анализировала их репортажи, записывая каждый на видеомагнитофон и проигрывая вновь и вновь.

К осени восемьдесят девятого Талли вполне освоилась и стала чувствовать себя не начинающим репортером, а скорее репортером, подающим надежды и твердо намеренным добиться успеха. Она уже получила первое самостоятельное задание: слетать в Арканзас сфотографировать хряка, завоевавшего какой-то приз. История так и не попала в эфир, но Талли хорошо сделала свою работу и многому научилась в этой поездке.

Она бы научилась еще большему в студии — Талли была в этом уверена, — если бы утреннее шоу не делалось в такой сумятице. В студии шла настоящая война. И все об этом знали. На прошлой неделе сделали новое рекламное фото — Дебора Норвилль, ведущая самого раннего утреннего выпуска, сидит на диванчике рядом с Джейн и Брайаном. Это фото повергло в шок всех на канале. Да и, пожалуй, в стране. Поползли слухи, что скоро Норвилль вытеснит Поли.

Талли работала не поднимая головы, и не придавала значения сплетням. Никакие слухи не помешают ей использовать свой шанс

добиться успеха. Она сосредоточится на работе, и, если будет трудиться усерднее остальных, то, возможно, ее выпустят вместо кого-нибудь в эфир самой ранней утренней программы — «Новости Эн-би-си на рассвете». А уж оттуда, Талли была в этом уверена, удастся рано или поздно прорваться в новости программы «Сегодня» — и тогда уже весь мир будет у ее ног.

Работа по восемнадцать часов в день не оставляла Талли времени на личную жизнь. Но у нее по-прежнему была Кейт, несмотря на то что теперь их разделяли сотни километров. Они разговаривали по телефону дважды в неделю, а каждое воскресенье Талли звонила миссис Муларки. Талли рассказывала им обеим истории о работе, о том, кого из знаменитостей видела, о жизни на Манхэттене. Они описывали в подробностях перепланировку дома, которую затеяли Джонни и Кейт, поход, который Муларки планировали на весну. И — самая лучшая новость — Кейт снова была беременна, и на этот раз все проходило нормально.

Дни летели, как карты, выпавшие из колоды, так быстро, что Талли едва успевала заметить смену времени года. Но она шла по правильному пути, и мысль об этом помогала ей неутомимо двигаться вперед.

Стоял морозный декабрьский день, похожий на множество таких же до него. Талли, отработав четырнадцать часов, устало брела домой.

По дороге ее привлекла праздничная суета Рокфеллеровского центра. Несмотря на серый мрачный день, центр был полон людей. Они ходили по магазинам, фотографировались у огромной рождественской елки, скользили на коньках по залитому катку.

Талли собралась двинуться дальше, как вдруг ее взгляд упал на вывеску знаменитого ресторана «Рейнбоу Рум», и Талли подумала: что за черт! Она живет в Нью-Йорке уже больше года, и, хотя завела множество знакомых, ни разу не ходила на свидание.

Может, все дело было в том, что город сиял новогодним убранством, или в том, что босс расхохотался, когда Талли попросила отпустить ее на праздники, — она не могла сказать наверняка. Она знала одно: наступил вечер пятницы, осталось всего несколько дней до Рождества, и ей не хочется возвращаться в пустую квартиру.

Зал с видом на город в «Рейнбоу Рум» превзошел все ее ожидания. Она словно стояла на капитанском мостике огромного

авианосца из будущего, паря над разноцветным великолепием вечернего Манхэттена.

К счастью, свободные места еще были — и у барной стойки, и за столиками. Она выбрала столик у окна, села и заказала «Маргариту».

Она еще не заказала второй коктейль, когда бар начал наполняться людьми. Мужчины и женщины с Уолл-стрит и из Мидтауна садились группками рядом с разодетыми туристами, занимали свободные столы и стулья, облепили в три ряда стойку бара.

— Не возражаете, если я присяду?

Талли подняла глаза.

Ей улыбался симпатичный элегантный блондин в дорогом костюме.

— Я утомился, прокладывая себе локтями путь к выпивке среди местных яппи.

Он говорил с английским акцентом. Талли такие парни нравились.

— Обидно, что вам так долго приходится быть трезвым. — Талли вытолкнула стул из-под стола, ровно настолько, чтобы незнакомец мог сесть.

— Слава богу! — Мужчина подозвал жестом официанта, заказал виски со льдом для себя и «Маргариту» для Талли, затем опустился на стул.

— Это место напоминает мне мясной ряд на рынке. Кстати, меня зовут Грант.

Талли понравилась его улыбка, и она улыбнулась в ответ:

— А меня — Талли.

— Никаких фамилий. Замечательно! Это означает, что нам не придется обмениваться придуманными версиями собственных биографий и мы можем просто хорошо провести время.

Официант принес выпивку и отошел.

— Ваше здоровье! — сказал молодой человек, чокаясь своим стаканом с бокалом Талли. — Вид здесь еще лучше, чем мне рассказывали. — Он наклонился к Талли. — А вы очень красивы, но это вы, я думаю, и сами знаете.

Талли часто слышала эти слова. Обычно она пропускала их мимо ушей, и они отскакивали, как капли дождя от железной крыши, но сегодня, в этом зале, в свете приближающегося праздника, комплимент оказался вдруг именно тем, что ей было так нужно.

— Как давно вы в городе?

— Неделю или около того. Я работаю в одной из компаний Ричарда Брэнсона.

— Наверстываете упущенное?

— Не совсем. Мы ищем в штатах места, где можно было бы открыть мегамаркеты «Верджин».[3]

— Страшно подумать, что вы собираетесь там продавать.

— Это вы напрасно. Впрочем, для непросвещенных: это сеть музыкальных магазинов.

Талли пила свой коктейль и, улыбаясь, смотрела на Гранта поверх бокала с «Маргаритой». Кейт все время говорила ей, что надо чаще выходить в свет, знакомиться с людьми. И сейчас Талли подумала, что это был очень правильный совет.

— Твой отель рядом?

Часть третья
Девяностые

Я — настоящая женщина, и все это заложено во мне.[4]

18

— Просто выруби меня. Я серьезно. Если они не дадут мне таблетку, просто возьми бейсбольную биту и тресни как следует. Все это дыхание — дерь… ааааа! — Боль пронизывала все существо Кейт, разрывала ее изнутри.

А Джонни стоял рядом и повторял:

— Давай же! Вдох-выдох, вдох-выдох! Дыши! Вдох-выдох. Вспомни наши занятия, сосредоточься. Представь себе… Помнишь ту позу…

Кейт приподнялась, схватила Джонни за отвороты халата и притянула к себе.

— Помоги мне, Господи, но если, Джонни, ты снова заговоришь о правильном дыхании, я тебе врежу как следует. Я хочу таблетку.

Боль вернулась с новой силой, Кейт вскрикнула. Первые шесть часов она держалась молодцом. Сосредоточилась на схватках, правильно дышала и целовала своего мужа, когда он наклонялся к ней, благодарила Джонни, когда он прикладывал прохладную влажную марлю к ее горячему лбу. Но в следующие шесть часов присущий Кейти оптимизм оставил ее. Безжалостная, неумолимая боль была словно дикий зверь, рвущий ее тело на куски.

На семнадцатом часу родов Кейт была совершенно обессиленной и обозленной.

Даже медсестра проносилась по палате, как Спиди-гонщик, стараясь не задерживаться.

— Давай же, малышка, дыши, — уговаривал ее Джонни. — Для таблеток уже слишком поздно. Ты ведь слышала, что сказал доктор, теперь уже недолго.

Кейт заметила, что, даже стараясь изо всех сил ее утешить, Джонни не подходил слишком близко. Он был похож на преисполненного ужасом солдата на минном поле, только что видевшего, как подорвался его лучший друг. Он боялся даже пошевелиться.

— Где мама?

— Пошла вниз позвонить Талли.

Кейт постаралась сконцентрироваться на дыхании, но это не помогло. Боль поднималась снова, постепенно нарастая. Мокрыми от пота руками она вцепилась в специальные поручни на кровати.

— Принеси… мне… лед…

Последнее слово она уже прокричала. Джонни кинулся к двери.

В эту минуту дверь в ее отдельную палату распахнулась.

— Как я слышу, кто-то тут совсем слетел с катушек.

Кейт попыталась улыбнуться, но началась новая серия схваток.

— Я … больше… не хочу…

— Передумала? Чертовски вовремя.

Талли подошла к Кейт.

Боль нахлынула снова.

— Кричи, — сказала Талли, поглаживая Кейт по лбу.

— Я… должна… правильно… дышать во время схваток.

— К чертовой матери! Кричи!

И Кейт закричала. И ей стало немного легче. Когда боль на время утихла, Кейт рассмеялась:

— Я смотрю, ты противница теории Ламаза.

— Думаю, я вообще не из тех, кто предпочитает естественные роды. — Талли посмотрела на раздутый живот и бледное, потное лицо подруги. — И уж конечно, это — лучший рекламный ролик контрацепции, который я когда-либо видела. С этого дня буду использовать три презерватива одновременно. — Талли улыбалась. Но в глазах ее светилось беспокойство. — С тобой все в порядке? Может, позвать доктора?

Кейт устало покачала головой.

— Просто говори со мной. Отвлекай меня.

— Я встретила в прошлом месяце одного парня.

— Как его зовут?

— Так и знала, что это будет твой первый вопрос. Грант. И прежде чем ты обрушишь на меня серию идиотских вопросов в стиле «Космо» на тему «Насколько хорошо вы знаете своего парня», позволь сразу сказать тебе, что я не знаю о нем ничего, кроме того, что он целуется, как бог, и трахается, как дьявол.

Наступила следующая серия схваток. Кейт выгнулась и закричала. Она слышала голос Талли словно издалека, чувствовала, как подруга

гладит ее по лбу, но боль так скрутила ее, что она могла только всхлипывать, захлебываясь воздухом.

— Черт! — выдохнула она, когда схватка закончилась. — В следующий раз, когда Джонни подойдет ко мне, тресну его как следует.

— Но ведь это ты хотела ребенка.

— Заведу-ка я себе новую лучшую подругу. Кого-нибудь, у кого память покороче.

— У меня очень короткая память. Я ведь говорила тебе, что встретила кое-кого. Он отлично мне подходит.

— Почему?

— Он живет в Лондоне. Мы видимся только по выходным. Занимаемся феерическим сексом, должна заметить.

— Ты поэтому не отвечала, когда позвонила мама?

— Да. Все было в самом разгаре. Но как только мы закончили, я начала собирать чемодан.

— Я рада, что у тебя есть… о черт! Приоритеты.

Во время новой серии схваток дверь палаты открылась. Сначала вошла акушерка, за ней — мама Кейт и Джонни. Талли отступила на шаг назад, давая остальным подойти к роженице. Акушерка проверила у Кейт шейку матки и позвала врача. Он ворвался в палату с такой улыбкой, словно встретил в супермаркете давнюю знакомую, и стал надевать перчатки. Затем он встал в ногах Кейт и приступил к делу.

— Тужьтесь, — приказал он строгим голосом, и Кейт тут же захотелось вцепиться в него.

Она кричала и тужилась, тужилась и кричала. Пока все не кончилось так же быстро, как и началось.

— Чудесная маленькая девочка, — объявил доктор. — Папаша, хотите перерезать пуповину?

Кейт попыталась приподняться. Но она была слишком слаба. Через несколько секунд рядом оказался Джонни, который продемонстрировал ей завернутый в розовое сверток. Кейт взяла на руки свою новорожденную дочь и посмотрела на ее крохотное личико, напоминавшее по форме сердечко. У девочки на головке были влажные черные колечки. У нее был самый аккуратный и чудесный ротик из всех, которые приходилось видеть Кейти. Волна обожания, поднявшаяся в груди Кейт, была слишком огромна, чтобы ее описать.

— Привет, Мара Роуз, — прошептала она, коснувшись кулачка дочки величиной с виноградину. — Добро пожаловать домой, малышка.

Посмотрев на Джонни, Кейт увидела, что он плачет. Наклонившись к жене, он нежно поцеловал ее.

— Я люблю тебя, Кейти.

Еще никогда в жизни все вокруг не казалось Кейт таким чудесным и правильным. Кейт знала: что бы ни случилось, что бы ни готовила для нее жизнь в дальнейшем, она всегда будет помнить этот единственный в своем роде момент прикосновения к небесам.

Талли выпросила на работе еще два дня, чтобы помочь Кейт освоиться дома. Когда она решила остаться с Кейт, то почувствовала, что поступает абсолютно правильно.

Но теперь, всего через пару часов после того, как Кейт с малышкой выписали из больницы, Талли открылась правда: толку от нее было не больше, чем от неработающего микрофона в эфире. А вот миссис Муларки хлопотала как заведенная — она успевала все.

Она кормила Кейти, ловко меняла памперсы малышке размером с носовой платок, показывала Кейт, как правильно кормить грудью. Оказалось, что это довольно сложно, и напрасно Талли думала, что материнский инстинкт сам подскажет правильные действия.

А какую помощь могла предложить сама Талли? Иногда ей удавалось рассмешить Кейт, хотя по большей части Кейт любовалась на свое новорожденное чудо.

Сейчас Кейти лежала в постели, держа на руках малышку.

— Ну разве она не красавица?

Талли поглядела на крошечный розовый сверток.

— Конечно, красавица.

Кейт погладила дочурку по розовой щечке и улыбнулась.

— Тебе пора ехать, Талли. Приезжай, когда я приду в себя.

Талли постаралась не показать облегчения, которое испытала при этих словах.

— Они действительно не справляются без меня там, на студии. Должно быть, там уже все кувырком.

Кейт понимающе улыбнулась:

— Знаешь, без тебя я бы тоже не справилась.

— Правда?

— Да. А теперь поцелуй свою крестницу и возвращайся в Нью-Йорк.

— Я вернусь к ее крестинам. — Талли, наклонившись, поцеловала бархатную щечку малышки, а затем — лоб Кейти. К тому моменту, когда она, попрощавшись, направилась к двери, Кейт, казалось, уже начисто забыла о ней.

Внизу Талли увидела Джонни, сидящего в кресле у камина. Он был похож на уличного бродягу — встрепанный, в расстегнутой на груди рубашке, носки — от разных пар. Джонни пил пиво прямо из бутылки в одиннадцать часов.

— Ты выглядишь чудовищно, — заявила Талли, садясь рядом.

— Она просыпалась прошлой ночью каждый час. Я спал лучше даже в Эль-Сальвадоре. — Он сделал большой глоток пива. — Но она красавица, правда?

— Она чудесная.

— Кейти хочет, чтобы мы переехали в пригород. Она вдруг поняла, что этот дом окружен водой, и теперь хочет, чтобы мы жили в какой-нибудь дыре, где устраивают распродажи и водят детей по часам играть в песочницу. — Джонни скорчил гримасу. — Ты можешь представить меня в Бельвью или Киркланде со всеми этими яппи?

Как ни странно, но Талли вполне могла себе это представить.

— Что насчет работы?

— Собираюсь вернуться на прежнее место. Продюсером политической и международной сеток.

— Не похоже на тебя.

Джонни удивился. Он смотрел на Талли, но она поняла, что невольно напомнила ему об их прошлой близости.

— Мне тридцать пять лет, Тал, у меня жена и ребенок. И теперь меня делают счастливым совсем другие вещи.

От Талли не укрылось, что он сказал «собираюсь вернуться».

— Но ведь ты любишь экстремальную журналистику, Джонни. Поля сражений, взрывы, пальба. И мы оба знаем, что ты не сможешь оставить все это навсегда.

— Тебе только кажется, что ты знаешь меня, Талли. Мы вроде никогда не поверяли друг другу свои секреты.

Талли неожиданно припомнила со странной силой и остротой то, что давно должна была забыть.

— Ты пытался, — сказала она.

— Я пытался, — подтвердил Джонни.

— Кейти хочет, чтобы ты был счастлив. Ты мог бы показать, на что способен, в Си-эн-эн.

— В Атланте? — Джонни рассмеялся. — Когда-нибудь ты поймешь.

— Когда-нибудь — это когда я выйду замуж и рожу детей?

— Когда ты полюбишь кого-нибудь. Это изменит всю твою жизнь.

— Как изменило твою? Когда-нибудь я рожу ребенка и захочу снова писать в женские журналы — ты это имеешь в виду?

— Сначала ты должна полюбить. Не так ли?

Взгляд Джонни, как показалось Талли, пронзил ее насквозь. Да, она была не единственной, кто помнил об их прошлом.

Талли встала.

— Мне пора возвращаться на Манхэттен. Ты ведь знаешь: мир новостей никогда не спит.

Джонни поставил бутылку с пивом на стол, тоже поднялся и сделал шаг в ее сторону.

— Сделай это и за меня, Талли, — попросил он. — Расскажи людям новости про этот мир.

В голосе его звучало столько грусти! Но Талли не могла понять, что именно она слышит — сожаления Джонни о собственной неудавшейся карьере или о неудавшихся отношениях с Талли.

Она улыбнулась и сказала:

— Я так и сделаю.

Недели через две после возвращения Талли из Сиэтла на Нью-Йорк обрушилась снежная буря, парализовавшая бурную жизнь города по крайней мере на несколько часов. Движение транспорта было остановлено, девственно-белый снег лежал на мостовых и тротуарах, а Центральный парк напоминал сказочную страну.

Талли все равно надо было явиться на работу к четырем утра. В своей холодной квартирке в доме без лифта с гремящим радиатором и окнами со стеклами, на которых образовывалась наледь, она надела колготки, черные плотные легинсы, теплые зимние ботинки и два

свитера, а поверх всего этого — темно-синюю куртку и синие перчатки — и отправилась сражаться со стихией, склоняясь под порывами ветра. Снег слепил глаза, лип к щекам, но Талли это не могло помешать, главное — успеть на работу.

В вестибюле Талли отряхнула снег с ботинок, перевела дыхание и стала подниматься наверх. Она сразу поняла, что многих сотрудников не было на месте, собралась только основная команда.

Усевшись за стол, Талли принялась работать над репортажем по полученному накануне заданию. Надо было осветить проблему вымирания сов на Северо-Западе. Желая придать истории местный колорит, она решила прочитать все, что сможет найти по теме, — отчеты подкомитета сената, данные экологов, экономическую статистику по вырубке лесов, данные о сроках воспроизводства леса.

— А ты усердно работаешь.

Талли вздрогнула. Чтение так захватило ее, что она не услышала, как в комнату кто-то вошел.

И не просто кто-то.

Эдна Губер, одетая в свой знаменитый брючный костюм из черного габардина, стояла перед столом Талли, чуть выставив вперед одну ногу, и курила сигарету. Внимательные серые глаза пытливо смотрели из-под иссиня-черной косой челки. Эдна была знаменитостью в мире теленовостей, одной из тех, кто зубами прогрыз себе дорогу на самый верх в те времена, когда женщин вообще не пускали на телестудии через парадную дверь, если они не были квалифицированными секретаршами. По слухам, в картотеке нужных людей Эдны — все называли ее просто по имени — были домашние телефоны всех важных и знаменитых личностей — от Фиделя Кастро до Клинта Иствуда. Не существовало такого интервью, которое Эдна не могла бы взять, и такого кабинета, куда она не могла бы зайти, чтоб получить то, что ей нужно.

— Тебе кошка откусила язык? — поинтересовалась она у онемевшей от смущения Талли, выпуская изо рта струйку дыма.

Девушка тут же вскочила на ноги.

— Простите, Эдна. Миз Губер. Мэм.

— Ненавижу, когда меня называют «мэм». Я сразу чувствую себя такой старой. Я кажусь тебе старой?

— Нет, м…

— Хорошо. А как ты сюда попала? Сегодня ведь не ходят автобусы и такси не поймать.

— Я пришла пешком.

— Имя?

— Талли Харт. Таллула.

Глаза Эдны сузились. Она внимательно оглядела Талли с ног до головы.

— Иди за мной.

Развернувшись в сапогах на высоких каблуках на сто восемьдесят градусов, она направилась по коридору к своему кабинету.

Сердце Талли учащенно забилось. Ее никогда не приглашали в этот кабинет, и она ни разу даже не видела сидевшего за столом человека — Маури Штейна, «великого шамана» утренних программ.

Кабинет был огромен, угловые окна от пола до потолка составляли две его стены. Падающий снег делал бело-серые очертания города за окном почти нереальными. Талли на секунду показалось, что она стоит внутри этой снежной сказки.

— Вот эта подойдет, — сказала Эдна, кивком головы указав на Талли.

Маури поднял глаза, мельком взглянул на Талли и кивнул:

— Хорошо.

Эдна вышла из кабинета.

Талли осталась стоять, смущенная. За спиной послышался голос Эдны:

— Что с тобой? Ты в коме?

Талли вышла вслед за ней в коридор.

— У тебя есть ручка и бумага?

— Да.

— Мне не нужны твои ответы. Просто делай, что я говорю, причем быстро.

Талли достала из кармана ручку и взяла с ближайшего стола стопку бумаги.

— Я готова.

— Прежде всего, мне нужен подробный отчет о предстоящих выборах в Никарагуа. Ты знаешь, что там происходит?

— Разумеется, — солгала Талли.

— Я хочу знать все о сандинистах, политике Буша в отношении Никарагуа, блокаде, людях, которые там живут. Я хочу знать, сколько лет было Виолетте Шаморро, когда она потеряла невинность. И даю тебе на все это двенадцать дней.

— Да… — Талли вовремя остановилась и на этот раз не выпалила «мэм».

Эдна остановилась у стола Талли.

— Паспорт есть?

— Да. Мне велено было его сделать, когда взяли на работу.

— Разумеется. Мы вылетаем шестнадцатого. Прежде чем мы отправимся, нам…

— Мы?

— А почему, по-твоему, я вообще с тобой разговариваю? У тебя проблемы?

— Никаких проблем. Спасибо вам. Я действительно…

— Нам надо будет сделать прививки. Добудь здесь доктора, который позаботится о нас и об экипаже. Потом можешь назначать предварительные встречи для интервью. Все поняла? — Эдна посмотрела на часы. — Сейчас час. Доложишь мне обо всем утром в пятницу. Часов, скажем, в пять утра.

— Приступаю к работе. И спасибо вам, Эдна.

— Не благодари меня, Харт. Просто сделай свою работу. И сделай ее лучше, чем сделал бы любой другой.

— Уже делаю.

Талли подошла к своему столу и сняла телефонную трубку. Прежде чем она начала набирать номер, Эдны уже не было.

— Алло, — сонным голосом ответила Кейт.

Талли посмотрела на часы. Девять утра. Значит, в Сиэтле шесть.

— Упс! Я опять забыла про разницу во времени. Извини.

— Твоя крестница не спит. У нее несносный характер. Можно, я перезвоню тебе часа через три?

— Вообще-то я хотела поговорить с Джонни.

— С Джонни?..

В наступившей тишине Талли услышала, как заплакал ребенок.

— Эдна Губер берет меня с собой в Никарагуа. Я хочу задать ему несколько вопросов.

— Подожди секундочку.

Должно быть, Кейт положила трубку рядом с аппаратом. Послышался такой звук, будто кто-то разворачивает вощеную бумагу, какое-то невнятное перешептывание, после этого в трубке раздался голос Джонни:

— Привет, Талли! Тебе сказочно повезло. Эдна — легенда мира новостей.

— Это — мой шанс, Джонни. И я не хочу все испортить. И я подумала, что надо начать пользоваться твоими мозгами.

— Я толком не спал целый месяц, так что не знаю, насколько они сейчас хороши. Но я сделаю, что смогу. Ты знаешь, там ведь сейчас опасно, настоящая пороховая бочка, люди умирают.

— Звучит так, как будто ты обо мне беспокоишься.

— Действительно беспокоюсь. А теперь давай поговорим об истории вопроса. В шестидесятом или шестьдесят первом году был основан Сандинистский фронт национального освобождения Никарагуа…

Талли старалась записывать как можно быстрее.

Следующие две недели Талли работала как заведенная. Восемнадцать, а то и двадцать часов в день она читала, писала, звонила по телефону, организовывала встречи. В те редкие часы, когда она не работала или не пыталась уснуть, Талли отправлялась в магазины, в которых никогда не бывала раньше, — магазины туристического снаряжения, товаров для военных и другие подобные места. Она закупала перочинные ножи, шляпы для сафари и туристические ботинки. Все, что, как ей казалось, могло им понадобиться. Если они будут в джунглях и Эдне потребуется чертова мухобойка, Талли тут же ее предоставит.

К моменту, когда пришло время уезжать, Талли вдруг охватила паника. В аэропорту Эдна, одетая в льняные брюки со стрелкой и белую хлопчатобумажную блузку, критически взглянула на костюм Талли цвета хаки с множеством карманов и рассмеялась.

Все время полета, казавшегося бесконечным — они летели через Даллас и Мехико, а оттуда на небольшом самолетике в Манагуа, — Эдна засыпала Талли вопросами.

Самолет приземлился в каком-то странном месте, напомнившем Талли задний двор какого-нибудь сельского дома.

Мужчины — вернее, совсем мальчишки — в камуфляже стояли по периметру летного поля с винтовками в руках. Из джунглей выходили дети, чтобы поиграть под ветром, поднимаемым пропеллерами. Талли подумала, что надо будет запомнить эти образы. Но с момента, когда она вышла из самолета, до момента, когда через пять дней снова поднялась на борт, чтобы лететь домой, у нее было чертовски мало времени, чтобы думать об образности.

Эдна была из тех, кто не сидит на месте.

Они шли по джунглям, где скрывались партизаны, прислушиваясь к воплям мартышек-плакальщиц, отбиваясь от москитов и переправляясь через реки, кишащие аллигаторами. Иногда им завязывали глаза, иногда они могли видеть, куда идут. Глубоко в джунглях, когда Эдна записывала свое интервью с Эль-Йефе — генералом, командующим войсками, Талли удалось побеседовать с солдатами.

Эта поездка открыла девушке глаза на мир, которого она никогда не видела раньше. Более того, помогла понять себя. Страх, адреналин, история — все это возбуждало ее, как ничто другое.

Позже, когда задание было выполнено, они вернулись в отель в Мехико и сидели на балконе комнаты Эдны, попивая текилу, Талли сказала:

— Не могу найти слов, чтоб выразить, как я вам благодарна, Эдна.

Сделав очередной глоток, Эдна откинулась на спинку кресла. Ночь была тихой. Впервые за все эти дни они не слышали выстрелов.

— Ты хорошо поработала, детка.

Талли буквально распирало от гордости.

— Спасибо. За несколько недель с вами я узнала больше, чем за четыре года в колледже.

— Тогда, может быть, ты захочешь отправиться со мной на следующее задание?

— Когда угодно и куда угодно.

— Я буду брать интервью у Нельсона Манделы.

— Можете на меня рассчитывать.

Эдна повернулась к Талли. Оранжевый свет фонаря у балкона падал на лицо Эдны, и ее морщины и мешки под глазами стали особенно заметны. При таком освещении она выглядела лет на десять

старше, чем обычно. И еще она была страшно уставшей и слегка нетрезвой.

— У тебя есть парень?

— С моим-то графиком работы? — Талли, рассмеявшись, налила себе еще текилы. — Вряд ли это возможно.

— Да, — скептическим тоном произнесла Эдна. — История моей жизни.

— Вы жалеете об этом? — Если бы они не выпивали, Талли никогда не решилась бы задать такой личный вопрос, но текила на какое-то время стерла дистанцию между ними. У Талли появилась возможность представить себе, что они были коллегами, а не корифеем журналистики и новичком в этой профессии. — О том, что посвятили этому свою жизнь?

— За это пришлось заплатить, можешь не сомневаться. Для женщин моего поколения невозможно было иметь такую работу и быть замужем. Можно было выйти замуж — я это проделала трижды, — но невозможно было оставаться замужем. И надо забыть о детях. Если где-то случается что-то сенсационное, я должна быть там — и точка. И даже если бы это был день свадьбы моего ребенка, мне пришлось бы уехать. Так что пришлось жить самой по себе. — Она посмотрела на Талли. — И это мне стало чертовски нравиться, я наслаждаюсь каждой секундой жизни. И если даже придется умирать одной в богадельне, какая разница? Каждую секунду своей жизни я была там, где хотела, и делала дело, которое имеет значение.

Талли чувствовала себя так, словно ее посвящали в религию, приверженцем которой она была всю свою жизнь.

— Аминь, — сказала она, поднимая стакан. — Итак, что ты знаешь о Южной Африке?

19

Первые двенадцать месяцев материнства были словно бурный поток воды, то и дело грозивший унести Кейт за собой в пучину.

Оставалось только удивляться, до какой степени она оказалась не готова к этому состоянию, о котором мечтала всю свою жизнь. Кейт было стыдно, и она никому не рассказывала, какой подавленной чувствует себя порой. Если ее спрашивали, она лучезарно улыбалась и говорила, что материнство — лучшее, что случилось с ней в жизни.

И это, в общем-то, было правдой.

Но не всегда.

Правда заключалась в том, что ее потрясающей дочурки с бледной кожей, темными кудрявыми волосами и карими глазами, было слишком много. Мара болела с того момента, когда ее принесли домой. Ушные инфекции следовали друг за другом, как вагоны поезда — едва проходила одна, начиналась следующая. Колики заставляли малышку безутешно плакать часами. Кейт потеряла счет ночам, когда она сидела ночью в гостиной, качая вопящую Мару с покрасневшим личиком, и тихонько плакала сама.

Через три дня Маре должен был исполниться год, а она все еще ни разу не проспала всю ночь до утра. Четыре часа подряд — таков был ее рекорд. То есть уже двенадцать месяцев Кейти не спала ночами. Джонни всегда предлагал помочь ей. И в самом начале он даже заходил так далеко, что сбрасывал с себя одеяло, но Кейт всегда останавливала его. И дело было не в том, что ей нравилось изображать страдалицу, хотя иногда она действительно чувствовала себя мученицей.

Просто у Джонни была работа. Кейт оставила карьеру, чтобы стать матерью. Поэтому вставать по ночам — это ее работа. Сначала она делала это с большой охотой. Потом по крайней мере с улыбкой. Но в последние месяцы, когда первый визг Мары раздавался уже в одиннадцать, Кейт не раз ловила себя на том, что молится Богу, чтобы послал ей сил.

Были у Кейт и другие проблемы. Прежде всего, она лишилась своей прежней красоты. Кейт была уверена, что это тоже стало

следствием бессонных ночей.

Никакая декоративная косметика и увлажняющие кремы уже не помогали. Кожа Кейт, всегда бледная, была теперь как у белого клоуна в цирке. Она потеряла почти весь набранный при беременности вес, но у нее все же остались лишние четыре с половиной кило, и при ее росте сто шестьдесят сантиметров это означало, что она поправилась на два размера. Вот уже почти год Кейт не носила ничего, кроме тренировочных костюмов.

Ей необходимо было начать делать зарядку, приводить себя в порядок. На прошлой неделе она нашла диск Джейн Фонды, гимнастический купальник и гетры. Теперь оставалось только нажать на кнопку и начать тренировку.

— И этот день настанет сегодня, — вслух сказала Кейти, относя дочурку обратно в кроватку и укутывая ее бело-розовым мягким одеяльцем, подаренным Талли. Оно было таким потрясающе нежным, что Мара всегда выбирала именно его, когда ее укладывали спать, какие бы другие игрушки или одеяльца ни предлагала ей Кейт. Подарок Талли стал самым любимым. — Постарайся проспать до семи. Мамочке очень нужно это время.

Зевнув, Кейт вернулась в кровать и уютно свернулась калачиком под боком у мужа.

Джонни поцеловал ее в губы, помедлил от нее отрываться, словно хотел бы еще чего-то, но затем сонно пробормотал:

— Ты такая красивая.

Кейти открыла глаза и уставилась на него удивленным взглядом.

— Чувство вины — единственная причина говорить, что я красивая, в этот безрадостный час.

— Смеешься? С твоими перепадами настроения у меня последнее время все равно что три жены. Последнее, что мне нужно сейчас, это другая женщина.

— Но заняться сексом было бы неплохо.

— Сексом — да, неплохо. Забавно, что ты подняла этот вопрос.

— Забавно? Ха-ха, забавно. Забавно не помнить, когда мы последний раз занимались сексом?

— Забавно, потому что как раз в эти выходные тебе повезет.

— Хм, как это?

— Я уже обо всем договорился с твоей мамой. Она заберет Мару после дня рождения, а мы с тобой проведем романтическую ночь в Сиэтле.

— А что, если мне нечего надеть — на меня не налезет ни одна приличная вещь.

— Поверь, твоя нагота для меня не проблема. Можем никуда не ходить, закажем еду в номер. Хотя только ты считаешь, что поправилась. Примерь что-нибудь, думаю, ты будешь приятно удивлена.

— Неудивительно, что я так тебя люблю.

— Я — божество. В этом нет никаких сомнений.

Кейт, улыбнувшись, обняла и нежно поцеловала мужа.

Они только успели задремать, когда раздался телефонный звонок.

Кейт медленно села в постели и посмотрела на часы. Пять сорок семь.

При втором звонке она взяла трубку и сказала:

— Привет, Талли!

— Привет, Кейт, — раздался на другом конце провода голос подруги. — А как ты узнала, что это я?

— Догадалась. — Кейт потерла переносицу, чувствуя приближение головной боли. Рядом с ней Джонни пробормотал что-то про людей, которые никогда не смотрят на часы.

— Сегодня тот самый день, помнишь? Мой репортаж о резервистах, которых Буш призвал в действующую армию. Мой первый по-настоящему важный репортаж без дураков.

— О! Да.

— Голос у тебя не очень довольный, Кейти.

— Сейчас пять тридцать утра.

— А я думала, ты захочешь посмотреть передачу. Извини, что побеспокоила. Пока.

— Талли, подожди…

Но было уже поздно — из трубки послышались гудки.

Кейт тихо выругалась сквозь зубы и положила трубку на аппарат. В последнее время она все делает не так. У них с Талли теперь так мало общего, что и поговорить-то особо не о чем. Талли не хочет слушать бесконечные «мамочкины» истории, а Кейт с трудом терпит

излияния на тему моя-жизнь-и-карьера-превосходны. Открытки и звонки из далеких экзотических мест даже стали ее раздражать.

— Талли покажут сегодня в программе «На рассвете», помнишь? — сказала Кейт мужу. — Она хотела нам напомнить.

Джонни отбросил одеяло, встал и включил телевизор. Сидя рядом, они сначала посмотрели репортаж о нарастании враждебности Ирака и ответе президента.

Затем на экране возникло лицо Талли. Она стояла перед каким-то обшарпанным бетонным зданием и говорила с симпатичным парнишкой с коротко стриженными рыжими волосами и веснушками. Парень выглядел так, словно еще вчера носил пластинку для зубов и школьную форму.

Талли тут же приковывала к себе внимание. Она выглядела подтянутой, профессиональной и очень красивой. Ей удалось укротить свои густые вьющиеся волосы, собрав их в аккуратный пучок. Косметики было ровно столько, чтобы подчеркнуть выразительность глаз.

— Вау! — прошептала Кейт.

И когда ее подруга успела так измениться? Перед ней была не Талли Харт, похожая на ураган, — дитя кокаиновых восьмидесятых. Теперь на экране была репортер Таллула Харт, красивая и профессиональная, как Диана Сойер.

— Да уж, — произнес Джонни. — Выглядит она потрясающе.

Они досмотрели репортаж до конца, затем Джонни поцеловал жену в щеку и отправился в ванную. Через несколько секунд послышался звук льющейся воды.

— Выглядит потрясающе, — пробормотала Кейт, протягивая руку к телефону.

Она набрала номер Талли. Ей ответила секретарь и сказала, что она может оставить сообщение.

Значит, Талли все-таки разозлилась.

— Скажите ей, что звонила Кейт Райан и просила передать, что репортаж был превосходен.

Талли, вероятно, стояла рядом с телефоном в своей дорогой дизайнерской юбке и блузке или рылась в стеганой модной сумке с логотипом известного бренда, глядя на огонек, мигающий на телефонном аппарате.

Кейт выбралась из постели и отправилась в ванную. Заснуть у нее уже не получится. Мара могла проснуться в любую минуту. В душевой кабине ее муж напевал вольную версию одной из старых песен «Роллинг Стоунз».

Она не хотела этого делать. Но невольно уперлась взглядом в зеркало. Пар застилал ее отражение, но не скрывал его вовсе.

Всклокоченные, слишком длинные волосы. Отросшие русые корни показывали, что она давно не делала мелирование. Мешки под глазами. А грудь такая, что ее хватило бы на двух женщин.

Неудивительно, что она старалась держаться подальше от отражающих поверхностей. Тяжело вздохнув, Кейт открыла тюбик с зубной пастой и стала чистить зубы. Она не успела выйти из ванной, как подала голос Мара. Выключив воду, Кейт открыла дверь. Разумеется, ее дочь уже орала.

Утро Кейти началось.

Наступил великий день. Теперь Кейт не понимала, с чего это она вдруг затеяла для своей маленькой дочери такой грандиозный праздник в честь дня рождения. Утром, после очередной бессонной ночи, она принялась за приготовления. Украсила розовый торт в стиле Барби, упаковала в красивую бумагу еще несколько подарков. В приступе очевидного безумия она пригласила на праздник всех детишек из класса «Мама и я», куда ходила с Марой, и двух своих подруг по студенческому общежитию, у которых были дети того же возраста. И разумеется, своих родителей. И даже Джонни отпросился сегодня с работы, чтобы принять участие в этом безумии. Когда все гости прибыли вовремя, с подарками в руках, у Кейт началась ужасная головная боль. Да еще Мара выбрала момент, чтобы снова начать плакать.

И все же торжество продолжалось. Женщины сидели в гостиной, а дети ползали по полу, производя больше шума, чем войска генерала Шермана, входящие в Атланту.

— Я видела вчера Талли в самой ранней утренней программе, — сказала Мэри Кейт. — Я все равно не спала из-за Дэнни.

— Я тоже видела, — сказала Шарлотта, протягивая руку к чашке кофе. — Она выглядела шикарно, правда?

— Это потому, что она спит по ночам, — заметила Вики. — И от нее не пахнет детской рвотой.

Кейт хотела поддержать беседу, но не могла. Головная боль становилась невыносимой, и ее все время преследовало чувство, что что-то не так. Боль была такой сильной, что, когда Джонни покинул вечеринку где-то около часа, она умоляла его остаться.

— Ты какая-то очень тихая сегодня, — заметила ее мать, когда ушли последние гости.

— Мара опять не спала ночью.

— Она никогда не спит ночью, а все почему? Потому что…

— Знаю, знаю. Я должна дать ей пророраться. — Кейт выбросила в мусорное ведро грязные одноразовые тарелки. — Но я не могу.

— Я оставляла тебя орать. Потребовалось три дня, и больше ты никогда не просыпалась в неурочное время.

— Ну так я же была идеальным ребенком. А моя дочь, видимо, не такая умная.

— Нет, это я была идеальной матерью. А вот моя дочь не такая умная.

Мама обняла Кейт за плечи и подвела ее к дивану.

Они сели рядышком, и Кейт припала к плечу матери, а Марджи принялась гладить ее по волосам. Ее нежные, размеренные движения словно вернули Кейт лет на десять назад.

— Помнишь, как я хотела стать астронавтом, а ты сказала, что моему поколению очень повезло, что можно все совмещать в этой жизни. Иметь троих детишек, мужа и все равно отправиться на Луну. Какие же все это были глупости, — она вздохнула. — И как это чертовски тяжело — быть хорошей матерью.

— Любое дело трудно делать хорошо.

— Аминь, — сказала Кейт.

Правда была в том, что она любила свою дочь, иногда до боли, но ответственность подавляла ее, а темп жизни казался невыносимым.

— Я знаю, как ты устаешь. Потерпи — станет легче. Я обещаю.

Не успела мама произнести эти слова, как в комнате появился отец Кейт. Большую часть вечеринки он просидел в семейной гостиной, где смотрел по телевизору какие-то спортивные программы.

— Нам, думаю, пора двигаться, Марджи, — сказал он. — Не хотелось бы попасть в пробку. Собери Мару, Кейт.

Кейт охватила вдруг паника. Готова ли она расстаться с дочуркой на целую ночь?

— Я не знаю, мам…

Марджи нежно прикоснулась к ее руке.

— Мы с твоим папой вырастили двух детей, Кейти. И мы способны побыть ночь с нашей внучкой. А ты сходи куда-нибудь со своим мужем. Расслабьтесь, повеселитесь. Мара будет с нами в полной безопасности.

Кейт знала, что ее мама права, что надо поступить именно так. Но почему тогда у нее так болезненно сжималось сердце?

— У тебя впереди еще вся жизнь, чтобы бояться, — сказал папа. — Таков удел родителей. И ты должна с этим смириться, малышка.

Кейт попыталась улыбнуться:

— Так вот что вы чувствовали все эти годы?

— Мы чувствуем то же и сейчас, — сказал отец, а мама взяла Кейт за руку. — Иди собирай вещи Мары. Джонни заедет за тобой через пару часов.

Кейт упаковала вещи дочери, проследив за тем, чтобы мама не забыла взять ее розовое одеяльце, соски и любимого Винни-Пуха. Потом она собрала смеси, бутылочки и маленькие баночки с детским пюре, написала подробные инструкции, как кормить малышку и как укладывать спать, которым позавидовал бы любой авиадиспетчер.

Держа Мару на руках и последний раз целуя в розовую щечку, Кейт едва сдерживала слезы.

Это было смешно, удивительно и абсолютно неизбежно. Материнство не только выпило из Кейт все соки и лишило ее уверенности в себе, но и наполнило ее существо такой любовью, что без своей малышки Кейт чувствовала себя только половиной человека.

Еще долго, после того как скрылась из виду машина ее родителей, Кейт стояла, приложив руку козырьком ко лбу, на пороге своего нового дома на побережье острова Бейнбридж.

Затем, зайдя внутрь, она какое-то время не знала, что делать дальше, потому что уже успела забыть, как это — быть одной. Она попыталась снова дозвониться до Талли, но ей опять предложили оставить сообщение.

В конце концов Кейт отправилась в гардеробную и стала перебирать вещи, в которых ходила беременная, прикидывать, в чем она будет выглядеть сексуальной, а что ей вообще не подойдет. Кейт как раз закончила собираться, когда услышала, как внизу открылась дверь — это пришел Джонни.

Кейт спустилась вниз.

— И куда мы отправимся, мистер Райан?

— А вот увидишь.

Джонни взял Кейт за руку, и они вышли из дома. В машине играло радио, очень громко, как в прежние времена. «Эй, девочка, дома ли твой папа?» — пел Брюс Спрингстин.

Кейт рассмеялась, вновь почувствовав себя молодой.

Они доехали до пристани, от которой отходил паром. Было пять часов холодного январского дня, и небо над заливом было сиренево-розовое, как на картинах Моне. В отдалении сиял огнями Сиэтл.

— Ты наконец скажешь мне, куда мы едем? — нетерпеливо спросила у мужа Кейт.

— Нет. Но я скажу тебе, что мы будем делать.

Кейт рассмеялась:

— Я знаю, что мы будем делать.

Когда паром причалил к берегу, они сели в свою машину. Съехав с парома, Джонни, лавировал в плотном потоке движения и наконец остановился у гостиницы «Инн эт зэ Маркет». Швейцар в ливрее открыл перед ними дверь и взял их чемоданы.

Джонни взял Кейт за руку и подошел к стойке портье.

— Мы уже зарегистрировались. Номер четыреста шестнадцать, — сказал он портье.

Они прошли по мощенному кирпичом дворику в уютное фойе в европейском стиле, поднялись на четвертый этаж и прошли в свой номер — угловой люкс с потрясающим видом на залив. Остров Бейнбридж казался бордовым, вода была стального цвета, а маячившие в отдалении горы, казалось, были подсвечены розовым светом. На столике у окна стояла в ведерке со льдом запотевшая бутылка шампанского, а рядом с ней — вазочка с клубникой.

Кейт улыбнулась:

— Я вижу, кому-то до смерти не терпится оказаться со мной в постели.

— Ты видишь мужчину, который любит свою жену. — Джонни обнял Кейт и впился в ее губы поцелуем.

Когда постучали в дверь, они отпрянули друг от друга, как смущенные подростки, смеясь над охватившим их приступом страсти.

Кейт едва дождалась, когда уйдет портье, и, как только за ним закрылась дверь, стала торопливо расстегивать блузку.

— Я не представляю, что надо надеть вечером.

Когда Джонни посмотрел на нее, он больше не улыбался, на его лице читалась страсть, впрочем, и Кейт обуревало не менее сильное желание. Она расстегнула свои брюки, и они упали на пол. Впервые за последнее время ее не беспокоило, что она набрала вес. Она доверилась Джонни — взгляд мужа служил ей зеркалом.

Кейт расстегнула лифчик, он бесшумно выскользнул из ее рук.

— Нечестно начинать без меня, — пробормотал Джонни, расстегивая рубашку и отбрасывая ее в сторону. За рубашкой последовали брюки.

Они упали на постель и с такой жадностью набросились друг на друга, словно не занимались любовью долгие месяцы, а не пару недель. Кейт отдалась во власть собственных ощущений. Когда Джонни наконец вошел в нее со всей страстью человека, пережившего долгое воздержание, Кейт вскрикнула от радости, и все ее существо раскрылось ему навстречу, чтобы слиться в единое целое с этим мужчиной, которого она любила больше собственной жизни. К моменту, когда наступил оргазм, Кейт была совершено обессилена.

Джонни прижал ее к себе. Обнаженные, потные, тяжело дышащие, они лежали, сплетясь телами и запутавшись в дорогих гостиничных простынях.

— Ты ведь знаешь, как сильно я люблю тебя, правда? — тихо произнес Джонни.

Он произносил эти слова так часто, что Кейт уже привыкла их слышать. Но на этот раз она вдруг почувствовала необычное беспокойство.

— В чем дело, Джонни?

— Ты о чем? — Он освободился из ее объятий, встал, подошел к столику и налил в бокалы шампанское. — Хочешь клубники?

— Посмотри на меня, Джон!

Медленно, очень медленно Джонни повернулся, стараясь не встречаться с женой глазами.

— Ты пугаешь меня.

Джонни подошел к окну и выглянул наружу. Профиль его на фоне окна выглядел резким и каким-то неожиданно чужим. Влажные, спутанные волосы падали на лицо. Кейт не видела, но ей казалось, что он улыбается.

— Не делай этого сейчас, Кейт, — попросил он. — У нас впереди вся ночь, а завтра будет целый день, чтобы поговорить. А сейчас давай…

— Скажи мне!

Джонни поставил бокал на подоконник и повернулся к жене.

Он наконец посмотрел Кейти в глаза, и во взгляде его читалась такая печаль, что у нее перехватило дыхание. Он подошел к кровати, встал на колени и взял Кейт за руку.

— Ты ведь знаешь, что происходит сейчас на Ближнем Востоке.

Слова его прозвучали так неожиданно, что Кейт в недоумении молча смотрела на него, ничего не понимая.

— И что?

— Там скоро будет война, Кейти. Ты ведь знаешь, да весь мир это знает.

Война!

Эти пять букв складывались в огромное черное облако, вдруг возникшее на горизонте.

— Я должен ехать. — То, как он сказал это — твердым, тихим голосом, — было хуже крика.

— Ты ведь говорил, что утратил самообладание.

— Ирония судьбы — ты припоминаешь мне теперь мои же слова. Я устал чувствовать себя неудачником, Кейти. Мне нужно доказать самому себе, что на этот раз я справлюсь.

— И ты просишь моего благословения? — безжизненным голосом произнесла Кейт.

— Оно мне необходимо.

— Но ты ведь поедешь туда, что бы я ни сказала. Так к чему все это представление?

Джонни взял в ладони лицо Кейт. Она попыталась отстраниться, но Джонни не позволил.

— Я нужен там, у меня есть опыт.

— Мне ты тоже нужен. И Маре. Но это не имеет значения, не так ли?

— Это имеет значение.

Кейт почувствовала, как слезы начинают застилать ей глаза. Она плохо видела Джонни.

— Если ты скажешь «нет», я не поеду.

— Хорошо — нет. Ты не можешь ехать. Я не отпускаю тебя. Я люблю тебя, Джонни. Ты можешь там умереть.

Джонни опустил руки, сел на корточки и внимательно посмотрел на Кейт.

— Это твой окончательный ответ?

Слезы полились потоком по ее щекам. Кейт принялась вытирать их с сердитым видом. Ей хотелось сказать: «Да, черт бы тебя побрал! Это мой окончательный ответ».

Но как она могла отказать Джонни в том, что было для него так важно! Дело было не только в том, что он хотел этого. Где-то в глубине души Кейт прятались уродливые остатки страха, периодически всплывавшие на поверхность и напоминавшие ей, что сначала Джонни любил Талли. И поэтому Кейт боялась отказывать ему в чем-нибудь.

— Пообещай мне, что ты не умрешь, Джонни, — всхлипнув, проговорила она.

Он забрался в постель и сжал ее в объятиях. Кейт прижалась к нему так крепко, как только могла, но и это не принесло ей ощущения безопасности. Ей казалось, что Джонни растворяется в ее объятиях и постепенно исчезает.

— Обещаю, что не умру.

Все это были пустые слова, и от того, с какой горячностью произнес их Джонни, было только хуже.

И она не могла не вспомнить сегодняшнее утро, когда проснулась с ощущением, что именно в этот день что-то случится.

— Я не шучу, Джонни. Если ты умрешь там, я возненавижу тебя навеки. Клянусь Богом!

— Ты всегда будешь любить меня. И ты это знаешь.

И сами слова, и то, с каким победным видом он их произнес, снова вызвали у Кейт желание расплакаться. И только позже, после романтического ужина в номере, после того как они всю ночь

занимались любовью и нежились в объятиях друг друга, Кейт задумалась о том, что она сказала Джонни, об отчаянном ужасе своей угрозы — дуэльной перчатке, брошенной Богу.

Талли оторвалась от Гранта и легла рядом с ним, все еще тяжело дыша.

— Вау! — сказала она, закрывая глаза. — Это было потрясающе!

— Да, потрясающе.

— Я рада, что ты оказался в Нью-Йорке в этот уик-энд. Это то, что мне было нужно.

— И тебе, и мне, любовь моя.

Талли нравилось вслушиваться в его акцент, ощущать его обнаженное тело. Ей хотелось, чтобы эти моменты длились вечно, потому что Талли знала: стоит ей выбраться из кровати, тяжелые мысли снова одолеют ее. Она боролась с ними с того дня, когда позвонила Кейти. Ничто не могло так подорвать ее уверенность в себе и заставить чувствовать себя не в своей тарелке, как злость на лучшую подругу.

Грант сел на постели.

Талли коснулась его спины, подумала о том, не стоит ли попросить его остаться и на ночь, отложить свою встречу, но их отношения не предполагали такой просьбы. Они были друзьями, которые встречались, чтобы заняться сексом, вдоволь посмеяться несколько часов, а затем пойти каждый своей дорогой.

Рядом с Грантом зазвонил телефон. Он протянул руку к трубке.

— Не отвечай, я ни с кем не хочу разговаривать.

— Но я дал твой телефон у себя в офисе.

Он все-таки поднял трубку.

— Алло! Грант, — произнес он. — А с кем я говорю? О, понимаю.

Он сделал паузу, нахмурился, потом рассмеялся:

— Да, я передам. — Прижав трубку к голой груди, он обернулся к Талли. — Твоя лучшая подруга на всю жизнь говорит — я цитирую, — чтобы ты оторвала свой нежный белый зад от постели и подошла к чертову телефону. Еще она говорит, что, если ты не прекратишь держать на нее зло, она, пожалуй, поколотит тебя и будет бить, пока ты не запросишь пощады. — Грант усмехнулся. — Звучит вполне серьезно.

— Я возьму трубку.

Грант передал Талли телефон, а сам отправился в ванную. Когда за ним закрылась дверь, Талли поднесла трубку к уху и произнесла:

— Кто это?

— Очень смешно.

— У меня была когда-то лучшая подруга на всю жизнь. Но она плохо повела себя со мной. И я подумала…

— Послушай, Талли, обычно я сразу падаю ниц и позволяю себя унижать, сколько твоей душе угодно. Но сегодня у меня нет времени на этот ритуал, прости меня. Ты позвонила не вовремя, и я повела себя отвратительно. О’кей?

— Что случилось?

— Джонни… Он улетает завтра в Багдад.

Талли следовало догадаться, что назревает что-то в этом роде. На телестудии только и было разговоров что о возможной войне на Ближнем Востоке. Все вокруг гадали, когда президент Буш прикажет сбросить первую бомбу.

— Туда отправляются многие журналисты, Кейти. С Джонни все будет хорошо.

— Я боюсь, Талли, что, если…

— Не бойся, — оборвала ее Талли. — И даже не думай ни о чем таком. Я буду следить за ним из студии. Большая часть новостей поступает прежде всего к нам. Я буду наблюдать за ним и докладывать тебе.

— И ты скажешь мне правду, что бы ни случилось?

Талли вздохнула. Их детское обещание звучало теперь совсем не наивно. Теперь у него был скрытый и пугающий смысл, который Талли постаралась проигнорировать.

— Что бы ни случилось, Кейти, — пообещала она. — Но тебе не следует беспокоиться. Эта война не продлится долго. Джонни вернется домой, прежде чем Мара сделает первый шаг.

— Я буду молиться, чтобы ты оказалась права.

— Я всегда права. Ты ведь знаешь.

Талли повесила трубку и прислушалась к звукам, которые издавал моющийся под душем Грант. Обычно его бормотание вызывало у нее

улыбку. Но сегодня этого не произошло. Впервые за последние годы Талли испытывала настоящий страх.

Джонни в Багдаде.

Кейт получила первую весточку от мужа через два дня после его отъезда. До этого она бродила по дому как потерянная. Стараясь не отходить далеко от нового телефона с факсом, который они поставили на кухне, она автоматически делала привычную работу — меняла памперсы, читала малышке книжки, смотрела, как Мара ползет от одного потенциально опасного места к другому, и думала все время: «Ну же, Джонни, дай мне знать, что ты жив». Джонни сказал, что телефонные звонки будут возможны только в случае крайней необходимости (на что Кейт возразила, что ей всегда крайне необходимо знать, что он жив, и она не понимает, почему он не хочет с этим считаться), а вот посылать факсы не только возможно, но и относительно просто.

И Кейт ждала.

Когда телефон зазвонил в четыре утра, Кейт отбросила в сторону одеяло, вскочила с дивана и побежала в кухню ждать, пока из аппарата вылезет сообщение.

Прежде чем Кейт успела прочитать хоть слово, она начала плакать. От одного вида почерка Джонни тоска по нему сделалась невыносимой.

«Дорогая Кейти!

Здесь настоящий сумасшедший дом, и все кругом психи. Мы не знаем толком, что происходит. Пока что приходится только ждать. Все журналисты живут в отеле „Аль-Рашид“ в центре Багдада, и у нас есть доступ к обеим сторонам. Информационное освещение этой войны изменит все. Завтра мы впервые выезжаем из города. Не беспокойся, я буду осторожен.

Надо бежать. Поцелуй от меня М.

Люблю тебя.

Дж.».

А потом факсы стали приходить лишь раз в неделю. В ожидании сообщений от мужа Кейт не находила себе места.

«К!

Прошлой ночью была бомбардировка. Или, скорее, следует писать „этим утром“? Из отеля мы наблюдали за происходящим с высоты птичьего полета. Картина была ужасающей и потрясающей одновременно. Сверхъестественное звездное небо над Багдадом и бомбы, превращающие город в настоящий ад. Рядом с отелем взорвалось высотное офисное здание. Жарко было, как в печке.

Я осторожен.

Люблю тебя.

Дж.».

«К!

Семнадцать часов бомбардировок, которые не прекратились до сих пор. Здесь вряд ли что останется, когда все закончится. Должен вернуться к работе!»

«К!

Прости, что прошло так много времени с моего последнего письма. Мы часто выезжаем на задания, и у меня нет и пяти секунд на личные дела. Но у меня все хорошо. Я устаю, черт, я больше, чем устаю, я вымотан. Вчера была взята в плен женщина-американка. Все это тяжело ударило по нам. Надеюсь, что когда-нибудь смогу пересказать тебе, что я здесь чувствовал, глядя на все это. Но сейчас голова абсолютно не соображает: очень хочется спать. Ходят слухи, что иракцы собираются поджечь нефтяные скважины в Кувейте, и мы готовы отправиться туда, чтобы писать об этом. Мои поцелуи Маре и еще больше — тебе».

Последний полученный ею факс был датирован двадцать первым февраля девяносто первого года. Почти неделю назад.

Она сидела в гостиной и смотрела новости о войне по телевизору. Последние шесть недель были мучительно тяжелыми. Она ждала, все время ждала телефонного звонка с сообщением, что Джонни возвращается домой, ждала сообщения по телевизору, извещающего о конце войны. И вот теперь они говорят, что заключительные атаки Объединенных сил могут начаться в любой день. Наземная операция… Это, пожалуй, пугало ее больше всего, потому что Кейт знала своего Джонни. Он постарается оказаться на башне танка, передавая репортаж, который не под силу сделать никому, кроме него.

Ожидание абсолютно вымотало ее. Кейт похудела почти на семь килограммов и ни разу не спала как следует ни одной ночи после той, которую она провела с Джонни в отеле.

Кейт сложила пополам последний факс и положила листок на остальные сообщения. Каждый день Кейт обещала себе больше не разворачивать и не перечитывать послания Джонни и каждый день возвращалась к ним снова.

Сегодня Кейт взялась за уборку, хваталась то за одно, то за другое, но все оставляла недоделанным. Вместо этого она садилась на диван и включала телевизор.

Мара стояла рядом с Кейт у журнального столика, крепко ухватившись за край пухлыми розовыми пальчиками, раскачивалась, как танцор брейка, и что-то лопотала на своем языке. В конце концов она плюхнулась на попку и поползла от дивана в сторону.

— Будь рядом с мамой, — автоматически проговорила Кейт, глядя в телевизор.

На экране горели нефтяные вышки, и воздух над ними был сплошным облаком черного дыма.

Мара вдруг затихла, она заинтересовалась чем-то в другом конце комнаты. Кейт встала и подошла к креслу у камина. К креслу Джонни.

«Не думай о плохом! — приказала она себе. — Джонни может вернуться в любой день и снова будет сидеть в этом кресле и читать газету после работы».

Кейт нагнулась, подхватила на руки свою любопытную дочурку, которая глядела на нее огромными карими глазами и что-то бормотала. Кейт не смогла сдержать улыбки, глядя на серьезное личико Мары, которая пыталась что-то сказать матери. Радостный лепет малышки, как всегда, поднял настроение Кейт.

— Эй, гномик, что это у тебя там?

Она отнесла Мару обратно к дивану, выключив по дороге телевизор. С нее хватит! Вместо этого она включила приемник. Он был настроен на канал со старыми песнями. Кейт всегда удивлял выбор репертуара на этом канале. По ее мнению, семидесятые годы были не так уж далеко, и вряд ли эти песни можно было назвать старыми. «Иглз» пели «Десперадо».

Мелодия перенесла Кейт в беззаботные времена ее юности. Прижав к груди дочурку, она закружилась по комнате, напевая себе под нос. Мара хихикала и крутилась у нее на руках, и впервые за много дней Кейт рассмеялась. Она поцеловала малышку в пухлую щечку, потерлась носом о ее нежную шейку и пощекотала девчушку, которая в ответ радостно рассмеялась.

Им было так весело, что Кейт не сразу услышала телефонный звонок. Услышав, она кинулась к приемнику, приглушила звук и взяла трубку.

— Миссис Джон Райан? — слышно было плохо. Звонили явно издалека. «Только в случае крайней необходимости».

Кейт замерла, крепче прижала к себе Мару, извивавшуюся у нее в руках.

— Да, это я.

— Говорит Ленни Голлихер. Я — друг вашего мужа. Я сейчас вместе с ним в Багдаде. Неприятно сообщать вам печальные новости, миссис Райан, но вчера была бомбардировка…

Метрдотель проводил Эдну к ее постоянному столику. Талли шла рядом, стараясь не глазеть на известных бизнесменов и знаменитостей, которые собрались здесь сегодня на ланч. Ресторан «Двадцать один» явно был тем местом, которое стоило посмотреть на Манхэттене. Эдна останавливалась почти у каждого столика, чтобы поздороваться с кем-нибудь. Она представляла всем Талли со словами: «Это девушка, за которой я советую вам понаблюдать».

К тому моменту, когда они дошли до столика, Талли парила в небесах от счастья. Ей не терпелось позвонить Кейт и рассказать, что она видела Джона Кеннеди-младшего.

Она отлично знала цену тому, что сейчас происходит. Эдна подарила ей возможность стать узнаваемой для сильных и

знаменитых.

— Почему я? — спросила она, когда официант отошел, приняв заказ.

Эдна закурила и откинулась на спинку стула. Она кивнула кому-то за дальним столом. Талли показалось, что Эдна не расслышала ее вопрос, и она собиралась повторить его, когда Эдна вдруг ответила:

— Ты напоминаешь мне меня. Я вижу, тебя это удивляет.

— Это мне льстит.

— Я родом из маленького городка в Оклахоме. Когда я приехала в Нью-Йорк — с дипломом по журналистике и опытом работы секретаршей, — мне открылась вся неприглядная правда о выбранной профессии. Практически каждый был кем-то или имел отношение к кому-то. А тому, кто был никем, приходилось чертовски много работать. Не думаю, что спала в те годы больше пяти часов подряд, приезжала домой, к родителям на праздники, или занималась сексом с кем-то, кто для меня что-то значил.

Официант принес им еду, расставил ее на столе с подобострастным выражением лица и испарился. Не вынимая сигарету изо рта, Эдна начала резать свой стейк.

— Когда я увидела тебя, сразу подумала: «Этой девочке я помогу». Даже не знаю, по какой причине. Кроме того, что ты напомнила мне меня, ничего не приходит в голову.

— Это был мой счастливый день.

Эдна кивнула и занялась едой.

— Миз Губер, — это снова был метрдотель, на сей раз с телефонной трубкой в руке, — для вас срочный звонок.

— На проводе, — сказала Эдна, взяв трубку.

А затем молча слушала говорившего.

— Как их имена? Как? Бомбы? — Она начала быстро делать записи. — Убиты репортеры из Сиэтла, продюсер ранен.

Талли ничего уже не слышала после слова «продюсер». Голос Эдны теперь звучал откуда-то издалека. Талли наклонилась вперед:

— Кто это?

Эдна прижала телефон к груди.

— Двое парней из филиала в Сиэтле пострадали в бомбардировке. Репортер убит. Продюсер, Джон Райан, в критическом состоянии. — Эдна вернулась к телефонному разговору: — Как звали репортера?

Талли втянула в себя воздух, ей было трудно дышать. Талли закрыла глаза. Тьма тут же заполнилась воспоминаниями — вот они сидят с Джонни на палубе его плавучего дома и говорят о ее будущем, вот танцуют в том странном ночном клубе в злачном районе Сиэтла, вот он со слезами на глазах смотрит на свою новорожденную дочь.

— О боже! — сказала она, вскакивая на ноги. — Мне надо идти.

Эдна с удивлением посмотрела на Талли:

— Что случилось?

Талли едва могла говорить, слова не шли с ее языка.

— Джон Райан — муж моей лучшей подруги.

— Вот как? — Эдна посмотрела на нее и сказала в трубку: — Маури, поставь Талли на этот материал, у нее есть источник информации. Я перезвоню потом.

Эдна повесила трубку.

— Сядь на место.

Талли повиновалась. Ноги едва держали ее.

— Я должна быть с Кейти, — твердила она. — Просто быть рядом с ней.

— Это сенсационный материал, Талли, ты это понимаешь? — убеждала ее Эдна.

Талли нетерпеливо отмахнулась:

— Меня это сейчас не волнует. Речь идет о моей лучшей подруге.

— Не волнует? — резко переспросила Эдна. — Это не может тебя не волновать. Каждый хочет получить такое задание, а получила его ты. Ты понимаешь, что это означает?

Талли нахмурилась, стараясь не поддаться овладевшей ею тревоге, она чувствовала, что сейчас ей надо сделать решающий выбор: дружба или карьера.

— Я не знаю.

— Значит, ты не та, за кого я тебя принимала. Что мешает тебе сделать эксклюзивный репортаж и одновременно утешить свою подругу?

Талли на секунду задумалась.

— Ну, если вы так ставите вопрос…

— А как еще его можно поставить? Ты можешь взять интервью, которое не получит никто другой. Такой репортаж поднимет тебя на

новый уровень. Может, после него для тебя найдется местечко в мире новостей.

Талли не могла противостоять такому искушению. Получить это самое «местечко в мире новостей» означало войти в команду утренней программы, где освещаются самые важные новости дня. Назначение в эту группу означало бы высокий коэффициент узнаваемости — ее будет ежедневно видеть вся страна. Некоторым даже удавалось перепрыгнуть из новостной программы сразу в ведущие собственного шоу.

— И я смогу защитить Кейт.

— Вот именно. — Эдна снова взяла телефон и набрала номер. — Харт добудет нам эксклюзивный репортаж, Маури. Это все равно что уже сделано. Я за нее ручаюсь.

Всю обратную дорогу в офис Талли убеждала себя, что поступает правильно. Подойдя к своему столу, она бросила куртку на спинку стула и набрала номер Кейт. В ответ длинные гудки. Наконец включился автоответчик.

«Вы позвонили в дом Райанов. Ни Джонни, ни Кейт не могут сейчас подойти к телефону, но если вы оставите сообщение, мы перезвоним вам, как только сможем».

После сигнала Талли сказала:

— Привет, Кейти, это я. Я только что узнала…

Кейт схватила трубку и отключила автоответчик.

— Привет, — сказала она, и голос у нее был абсолютно безжизненным. — Ты получила мое сообщение. Извини за автоответчик. Чертовы репортеры никак не оставят меня в покое.

— Кейти, как…

— Он в госпитале в Германии. Я вылетаю через два часа на военном самолете. Позвоню тебе, как только приземлюсь.

— Вряд ли. Я буду ждать тебя в госпитале.

— В Германии?

— Конечно, я не допущу, чтобы ты проходила через все это одна. Мара с твоей мамой, да?

— Да. Ты серьезно, Талли? — Голос Кейт будто ожил. В нем послышалась надежда.

— Лучшие подруги навсегда, помнишь?

— Несмотря ни на что, — при этих словах голос Кейт дрогнул.

Талли хотела сказать: «А для чего же еще существуют друзья», но слова застряли у нее в горле. Она могла думать сейчас только об эксклюзивном репортаже, который обещала Эдне.

20

Вот уже шестнадцать часов к Кейт то возвращалась надежда, то ее снова охватывало отчаяние. Сначала она попыталась сосредоточиться на делах. Надо было позвонить родителям, собрать вещи Мары, заполнить бумаги. Дела стали для нее настоящим спасением. Не будь их, Кейт ничего не оставалось бы, как изводить себя, сгорая от тревоги. В самолете Кейти впервые в жизни приняла снотворное, и хотя сон ее был неровным, полным кошмаров, это, несомненно, было лучше, чем бодрствовать.

Кейти привезли в госпиталь. Подходя к зданию, она увидела толпящихся у дверей репортеров. Кто-то в толпе, должно быть, узнал ее, потому что все они одновременно повернулись, как звери, которых вспугнули, и кинулись в атаку.

— Миссис Райан, какой информацией о состоянии мужа вы располагаете?

— У него черепно-мозговая травма?

— Он говорит?

— Он открыл глаза?

Кейт шла, не замедляя шаг. Если она и знала что-то наверняка, будучи женой продюсера, так это как пробираться сквозь представителей прессы. Журналисты вели себя вполне прилично, насколько это возможно в такой профессии. Хотя Джонни был одним из них и все понимали, что и с ними в один прекрасный день может произойти то же самое, репортаж оставался репортажем.

— Без комментариев, — повторяла Кейт, протискиваясь сквозь толпу и входя в госпиталь.

Все здесь было как и во всех медицинских учреждениях — голые стены, практичное покрытие пола, люди в белых халатах, снующие туда-сюда по широким коридорам.

Их явно предупредили о ее прибытии. Навстречу Кейт кинулась приземистая женщина в белом халате и накрахмаленной медицинской шапочке. Женщина приветливо улыбалась.

— Вы, должно быть, миссис Райан? — с сильным акцентом произнесла она по-английски.

— Да, это я.

— Пойдемте, я отведу вас в палату к мужу. Скоро приедет доктор, он хотел бы с вами поговорить.

Кейт кивнула.

Слава богу, женщина не пыталась развлечь ее беседой, когда они шли по коридору и ехали в лифте.

На третьем этаже, пройдя мимо поста медсестер, они оказались наконец в палате Джонни.

Джонни неподвижно лежал в кровати. Он был похож на маленького ребенка, улегшегося в постель к родителям. Кейт остановилась, вдруг осознав, что, пытаясь представить себе встречу с Джонни, она оказалась совершенно не готова к представшей перед ней реальности. Лежавший перед Кейт человек лишь отдаленно напоминал ее веселого красавца мужа.

Голова Джонни была забинтована. Левая сторона лица распухла, кожа была очень бледной, глаза скрывала повязка.

Вокруг стояли какие-то аппараты и приборы, от них тянулись провода к Джонни.

Медсестра потрепала ее по плечу и тихонько подтолкнула к кровати.

— Он жив, — сказала она. — И именно это вы должны видеть, когда смотрите на него.

Кейт сделала самый трудный шаг в своей жизни. Она даже не сознавала, что неподвижно застыла на месте, переступив порог палаты Джонни.

— Он всегда был сильный, — пробормотала она.

— А сейчас ему нужно, чтобы сильной были вы.

Это были именно те слова, которые необходимо было услышать Кейти. У нее здесь работа, которую надо сделать, а горевать, переживать и плакать она будет, когда выйдет из палаты и останется одна.

— Спасибо вам, — поблагодарила Кейт медсестру и подошла к кровати мужа.

Дверь тихо закрылась за ее спиной. Они были здесь одни — она и этот мужчина, который и был, и не был ее Джонни.

— Мы так не договаривались, — сказала она тихо. — Я помню: ты обещал, что все будет хорошо. Так что позволь я и дальше буду

думать, что ты сдержишь слово.

Кейт вытерла глаза и, нагнувшись, поцеловала Джонни в распухшую щеку.

— Мама и папа шлют тебе свои молитвы. Мара сейчас у них. А Талли летит сюда, чтобы в трудную минуту быть с нами. И ты, я думаю, понимаешь, как она рассердится, если не уделить ей должного внимания. Лучше тебе очнуться сейчас, пока она не затормошит тебя до смерти.

Кейт запнулась на последнем слове, поморщилась и усилием воли заставила себя не расплакаться вновь.

— Ох, я совсем не то имела в виду, — прошептала она, хватаясь за спинку кровати. — Ты слышишь меня, Джон Райан? Дай мне знать, что ты здесь, со мной. — Она взяла его за руку. — Сожми мою руку, милый. Я знаю, что ты можешь. Да скажи же хоть что-нибудь! Я совсем не сержусь на тебя за то, что ты напугал меня до безумия. По крайней мере, сейчас не сержусь.

— Миссис Райан?

Кейт даже не слышала, как открылась дверь. Оглянувшись, она увидела мужчину, стоявшего в дверях.

— Я — доктор Карл Шмидт, лечащий врач вашего мужа.

Кейт понимала, что вежливость требует отпустить руку Джонни, подойти к доктору и поздороваться. Она всю жизнь поступала правильно, была безупречно вежливой, но сейчас не могла даже пошевелиться, не находила в себе сил сделать вид, что с ней все в порядке.

— Да? — Все, что она смогла из себя выдавить.

— Как вы, несомненно, уже знаете, он получил тяжелую травму головы. Сейчас ваш муж находится под действием сильных седативных препаратов, и мы не можем провести комплексное исследование функции его мозга. В Багдаде ему была оказана высококвалифицированная медицинская помощь. Наши коллеги удалили часть черепа…

— Что они сделали?

— Удалили часть черепа, чтобы дать место мозгу, который увеличился в размерах из-за отека. Не волнуйтесь. Это рутинная операция при такого рода травмах.

Кейт хотелось сказать, что рутинная операция — это когда удаляют аппендицит. Но она не осмелилась.

— Почему у него на глазах повязка?

— Мы пока не знаем, сможет ли…

Дверь за спиной доктора распахнулась, громко стукнув о стену. Талли ворвалась в комнату — это нельзя было назвать по-другому — и, взглянув на кровать, застыла неподвижно. Она тяжело дышала, но лицо ее было оживленным.

— Извини, что я так долго, Кейти. Никто в этом чертовом госпитале не мог сказать мне, где тебя искать.

— Сожалею, — сухо сказал доктор, — но здесь разрешено находиться только членам семьи больного.

— Она и есть член семьи, — сказала Кейт, протягивая Талли руку.

Талли отмахнулась от протянутой руки и заключила подругу в объятия. Так они плакали вместе несколько минут, пока Кейт наконец не отстранилась, вытирая глаза.

— Мы пока не знаем, грозит ли вашему мужу слепота, — сказал доктор. — Есть вещи, которые станут ясны, только если он очнется.

— Когда он очнется, — поправила врача Талли, но голос ее звучал неуверенно.

— Следующие сорок восемь часов будут решающими, — продолжал доктор Шмидт, словно не заметив реплики Талли.

Сорок восемь часов. Это было равносильно вечности.

— Продолжайте разговаривать с ним. Это не повредит ни в каком случае.

Кейт кивнула и отступила на шаг в сторону, давая доктору возможность подойти и осмотреть Джонни. Он сделал какие-то пометки в его медицинской карте, затем покинул палату.

Как только он ушел, Талли взяла Кейт за плечи и легонько встряхнула.

— Мы не будем думать ни о чем плохом, — заявила она. — Герр доктор просто не знает Джонни Райана. А мы знаем! Он обещал вернуться домой к тебе и к Маре, а он — мужчина, который держит слово.

Само присутствие Талли помогало Кейти держаться. Силы, так быстро оставившие ее, теперь вернулись.

— Лучше тебе послушать ее, Джонни. Ты ведь знаешь, какой она становится, когда что-нибудь делают не по ее.

Следующие шесть часов они провели у постели Джонни. Кейт говорила с мужем, а когда она уставала или начинала плакать, ее сменяла Талли и продолжала разговаривать с Джонни.

Где-то в середине ночи — Кейт уже потеряла счет времени — они спустились в пустой буфет, купили еды в автоматах и уселись за столик у окна.

— Что будешь делать с прессой? — поинтересовалась у подруги Талли.

Кейт подняла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

Талли пожала плечами и отпила из пластикового стаканчика кофе.

— Ты ведь видела репортеров у входа. Здоровье Джонни сегодня сенсация, Кейти.

— Медсестра сказала, что они пытались фотографировать Джонни, когда его везли на каталке. Один репортер даже пытался подкупить дежурного по этажу, чтобы тот сфотографировал Джонни в бинтах. Эти журналисты настоящие чудовища! Не обижайся, к тебе это не относится.

— Я и не обижаюсь. Мы ведь не все такие, Кейти.

— Джонни не хотел бы, чтобы они знали.

— Смеешься? Он же сам журналист. И он, разумеется, был бы за то, чтобы его коллегам — или хотя бы одной из них — дали сделать о нем репортаж.

— Ты думаешь, Джонни хотел бы, чтобы весь мир узнал, что он может остаться слепым и с поврежденным мозгом? Как он сможет работать снова? Никак. Эта история не увидит свет, пока я не узнаю подробностей о его состоянии.

— Врачи говорят, что у него, возможно, поврежден мозг.

— Они удалили ему часть черепа. Как тебе это? — Кейти нервно поежилась. — И совсем ни к чему, чтобы за моим измученным мужем наблюдал весь мир.

— Это новости, Кейти, — сказала Талли. — Если ты дашь мне эксклюзивное интервью, я смогу тебя защитить.

— Если бы не эти чертовы новости, Джонни не лежал бы сейчас неподвижно на больничной койке.

— Я не единственная, кто верит, что наша работа важна.

Это было прямым напоминанием о том, что у Джонни и Талли было много общего, о том, из чего всегда была исключена Кейт. Ей хотелось ответить Талли какой-нибудь остроумной колкостью или шуткой, но сил у нее не было даже на это. Она не спала как следует уже несколько недель, и нервы ее были напряжены до предела.

Талли накрыла ладонью руку Кейт.

— Позволь мне общаться вместо тебя со средствами массовой информации. Только мне, а тебе вообще не надо об этом думать.

Кейт улыбнулась, пожалуй, впервые за последние двадцать четыре часа.

— Что бы я делала без тебя, Талли?

— Ты шутишь? Я три дня жду твоего звонка. И когда ты удосужилась наконец позвонить, ты говоришь, что тебе требуется еще время?

Талли крепко прижималась к таксофону, стараясь хоть как-то сузить свое личное пространство в этом переполненном народом месте.

— Семья пока не готова опубликовать информацию, Маури. И врачи уважают их желание. Думаю, ты понимаешь, о чем речь.

— Понимаю? Да кого, к чертовой матери, волнует, что я там понимаю? Это мир теленовостей, Талли, а не клуб сплетниц из студенческого общежития. По Си-эн-эн передали, что у него травма головы…

— Это не подтверждено официально.

— Черт побери, Талли, ты ставишь меня в жуткое положение. Начальство в бешенстве. Сегодня утром обсуждалось, не снять ли тебя вообще с этого задания. Дик хочет послать…

— Я добуду что-нибудь.

— Добудь мне эту историю сегодня, Талли. И на следующей неделе я включу тебя в штат группы теленовостей.

Талли на секунду показалось, что ей послышалось.

— Ты это серьезно?

— У тебя двадцать четыре часа, Талли. К концу суток ты станешь всем или никем. Зависит от тебя.

И Маури швырнул трубку на рычаг. Через стеклянное окно пустого вестибюля она видела столпившихся вдоль тротуара репортеров. Вот уже три дня они ожидали официального сообщения о состоянии Джонни. А пока что передавали в эфир известные им факты о событиях, которые привели к бомбардировке, сообщения с места взрыва о полученных Джонни Райаном ранах и его работе в Центральной Америке. Они использовали все это как подводки к другим историям, имеющим косвенное отношение к Джонни — о том, какие опасности подстерегают журналистов, ведущих репортажи из горячих точек, о конкретных проблемах операции «Буря в пустыне» и о ранениях, которые получают вследствие бомбардировок.

Талли стояла посреди вестибюля, пытаясь сообразить, как же ей добиться своего, сделать так, чтобы и Маури, и Кейт получили то, что им надо.

Все сейчас зависело от Талли, и если она поведет себя правильно, то ее будущее круто изменится. Она скорее умрет, чем подведет Эдну, а Эдна сказала, что она может сделать свою работу и одновременно защитить Кейт. Она должна сделать этот репортаж. Но главное: как она его сделает.

Аккуратно, тактично. Никаких упоминаний о черепно-мозговой травме и возможной слепоте. Тогда каждый получит то, что ему нужно.

Она — место в штате службы новостей.

Талли мечтала об этой работе всю свою жизнь, представляла ее как начало всего самого прекрасного. Она просто не могла отказаться от возможности ее получить. И Кейт наверняка поймет, как это для нее важно.

Обязательно поймет.

Улыбнувшись, Талли отправилась искать своего оператора. Они начнут с нескольких установочных кадров — фоновые снимки, больница снаружи и внутри и всякое такое. Они будут прятать камеру до последнего. К счастью, все знали, что Кейт предоставила Талли полный доступ в палату Джонни.

Талли подошла к двери и вышла под холодное серое небо. Ее оператор стоял сбоку, отдельно от остальных репортеров. По сигналу Талли парень спрятал камеру под стеганый пуховик и направился к ней.

Кейт сидела в кабинете доктора Шмидта и слушала врача.

— Итак, отек пока не спадает, — сказала она, еле сдерживаясь, чтобы не сцепить вспотевшие пальцы рук. Она так устала, что даже просто держать глаза открытыми стоило ей большого труда.

— Не так быстро, как нам бы хотелось. Если в ближайшие часы не наступит улучшение, думаю, понадобится еще одна операция.

Кейти кивнула.

— Пока что не стоит волноваться, миссис Райан. Ваш муж очень сильный. Мы видим, что он борется.

— Как вы можете это видеть?

— Ну, я заключил это хотя бы потому, что он до сих пор жив. Более слабый человек уже покинул бы этот мир.

Кейт попыталась поверить в эти слова, надеясь, что они придадут ей сил, но надеяться на лучшее становилось все труднее. Каждый проходящий день лишал ее сил, ослаблял ее оборону, делал бессильной против страха, заставлял считать его правдой.

Доктор Шмидт встал.

— Я должен осмотреть пациента. Пойдемте, провожу вас немного к палате мистера Райана.

Кейт, кивнув, направилась за ним. На какую-то секунду, слушая его мягкий и в то же время такой внушительный голос, Кейт вдруг почувствовала, что сейчас ей не хватает рядом отца.

— Ну что ж, всего доброго, отсюда мне в другую сторону, — сказал доктор Шмидт, указывая на расположенное вниз по коридору отделение радиологии.

Кейт молча кивнула, понимая, что должна выдавить из себя хотя бы обычные слова прощания, но она не доверяла сейчас своему голосу, и последнее, чего бы ей хотелось, — это продемонстрировать свою слабость.

Она стояла в коридоре, глядя вслед удаляющемуся доктору. Вот она уже перестала видеть его фигуру в толпе спешащих в обе стороны людей в белых халатах.

Кейт поспешила в палату к Джонни. Может быть, Талли уже там. Присутствие подруги очень помогало Кейт. Если честно, она вообще не знала, как бы справилась эти дни без Талли. Они все время были рядом с Джонни, рассказывали друг другу разные истории и даже

спели вместе несколько старых песен в надежде, что Джонни очнется и велит им замолчать. Прошлой ночью Талли нашла по телевизору серию «Семьи Партридж», правда на немецком языке, и налетела на Кейт с придуманным ею самой диалогом, изображавшим, как Дэвид Кэссиди ссорится со своей телевизионной сестрой. Медсестре даже пришлось прийти с поста, чтобы попросить их успокоиться.

Кейт завернула за угол и увидела высокого длинноволосого мужчину в дутой куртке и джинсах у двери в палату Джонни. На плече его была видеокамера. Судя по красному огоньку на ней, мерзавец как раз вел съемку.

Кейт подбежала к нему, схватила за рукав куртки и развернула его к себе.

— Что, черт побери, вы делаете?

Она толкнула оператора с такой силой, что тот попятился назад и чуть не упал. Кейт пожалела, что не ударила его по лицу.

— Падальщик! — прошипела она сквозь зубы, выключая одним тычком пальца его камеру.

И тут она увидела Талли. Ее лучшая подруга стояла в ногах кровати Джонни, одетая в красный свитер и черные джинсы, с макияжем под камеру и микрофоном в руке.

— О боже! — прошептала изумленная Кейт.

— Это не то, что ты подумала.

— То есть ты не делаешь репортаж о состоянии Джонни?

— Да, делаю, ты сама видишь, что делаю, но я собиралась с тобой поговорить. Все тебе объяснить. Я пришла спросить тебя…

— С оператором? — спросила Кейт, делая шаг назад.

Талли подбежала к ней и затараторила умоляющим голосом:

— Звонил мой босс. Меня уволят, если я не добуду этот репортаж. Я была уверена, что ты поймешь, если я просто скажу тебе правду. Ты ведь знаешь, что такое мир новостей, и прекрасно понимаешь, как много он для меня значит. Но я никогда не сделаю ничего, что может повредить тебе или Джонни.

— Как ты смеешь! И ты еще столько лет считалась моей подругой…

— Я и есть твоя подруга. — В голосе Талли послышалась паника. В глазах ее застыло незнакомое выражение, и Кейт потребовалось несколько секунд, чтобы распознать в нем страх. — Мне не стоило

начинать съемку, признаю, но я не думала, что тебя это так взволнует. Джонни точно не возражал бы. Он — человек новостей, как и я. Как и ты была когда-то. Он знает, что репортаж…

Кейт наотмашь ударила Талли по лицу.

— Он — не твой репортаж! Он — мой муж! — на последнем слове голос Кейт дрогнул. — Уходи! Убирайся отсюда!

Талли не двигалась, и Кейт сорвалась на крик:

— Немедленно! Убирайся, черт побери, из палаты. Здесь можно находиться только членам семьи.

Рядом с кроватью Джонни вдруг зазвучал сигнал тревоги.

Прибежали несколько медсестер в белых халатах и кинулись к кровати, оттеснив Кейт и Талли. Джонни осторожно переложили на каталку и вывезли из палаты.

Кейт стояла, растерянно глядя на пустую кровать.

— Кейти…

— Уходи, — обессиленно произнесла она.

Талли тронула ее за рукав.

— Ну же, Кейти, мы ведь лучшие подруги навсегда, что бы ни случилось. Помнишь? И я нужна тебе сейчас.

— Вряд ли мне нужна такая подруга, как ты.

Вырвав руку, Кейт выбежала из палаты.

И, только оказавшись на втором этаже и обнаружив, что она сидит одна в пустой дамской комнате, уставившись на зеленую дверь кабинки, Кейт разрыдалась.

Несколько часов спустя Кейт сидела в комнате ожидания для родственников пациентов. Рядом находились еще недавно такие же, как она, люди с тревожными или остановившимися взглядами, ожидавшие новостей о своих близких. Но теперь Кейт была здесь одна — поздно, волонтер, дежуривший днем, отправился домой.

Никогда еще время не тянулось так медленно. Кейт ничем не могла занять себя, она ни на что не могла отвлечься. Она полистала журналы, но на английском языке не было ни одного, и она отложила их в сторону. Не помог даже телефонный звонок домой. Теперь, когда рядом с ней не было Талли, Кейт чувствовала, как все глубже погружается в свое отчаяние.

— Миссис Райан!

Кейт вскочила на ноги.

— Здравствуйте, доктор! Что с моим мужем? Как прошла операция?

— Все в целом хорошо. У него было внутримозговое кровотечение, которым, по нашему мнению, и объяснялось то, что отек не спадал. Теперь кровотечение удалось остановить. Это дает нам повод надеяться на лучшее? Проводить вас к нему в палату?

Слава богу, Джонни был жив.

— Спасибо вам!

Когда они проходили мимо сестринского поста, доктор Шмидт спросил:

— Мне послать сообщение на пейджер вашей подруге — Таллуле Харт? Ведь вам наверняка не захочется сейчас быть одной.

— Мне действительно не хочется быть одной, это правда, — сказала Кейт. — Но Таллуле Харт здесь больше делать нечего.

— Ну что ж, дело ваше. Будем надеяться, что ваш муж очнется. За много лет в этой больнице мне не раз доводилось видеть так называемые чудеса. И я думаю, что очень часто вера родных играет в этом свою роль.

— Я даже боюсь снова на что-то надеяться, — тихо сказала Кейт.

Доктор Шмидт остановился у палаты Джонни и посмотрел на Кейт:

— Я ведь не говорил, что верить в лучшее легко, но это необходимо. Для этого тоже требуется своего рода мужество, не так ли?

Доктор похлопал Кейт по плечу и оставил перед закрытой дверью.

Она не представляла, как долго простояла тут, в этом белом больничном коридоре. Войдя через какое-то время в палату, Кейт присела и закрыла глаза. Она стала говорить с мужем тихим, время от времени срывающимся голосом. Она даже не могла вспомнить потом, о чем говорила. И только знала, что ее присутствие может стать тем самым светом в конце тоннеля, светом, который поможет Джонни выбраться из тьмы забытья.

Она умолкла, когда поняла, что уже наступило утро. Через окно в палату проникал свет, он падал на линолеум на полу, на серо-белые стены.

Кейт поднялась со стула. Тело затекло, болела спина и плечи.

— Привет, красавчик, — прошептала она, склоняясь над Джонни и целуя его в щеку. Повязку с глаз сняли, и Кейт увидела синеву и припухлость вокруг левого глаза. — Больше никаких кровотечений, хорошо? Когда захочешь привлечь внимание, воспользуйся проверенными способами — либо разозлись на меня, либо поцелуй.

Кейт говорила до тех пор, пока у нее не иссякли силы. Она не знала, что еще может сказать Джонни. Она включила телевизор, висящий в углу. Послышалось шипение и треск, на экране была серо-белая рябь.

— И это твои любимые новости? — с горечью воскликнула Кейт, гладя руку мужа. Пальцы его были сухими и безжизненными.

Кейт наклонилась к нему, поцеловала в щеку и замерла. Хотя от Джонни пахло больницей — лекарствами и дезинфектантами, — Кейт показалось, что она уловила за этими чужими запахами и его собственный, такой знакомый запах.

— Я включила телевизор. Ты сейчас настоящая сенсация.

Никакой реакции.

Кейт рыскала по каналам, пытаясь найти хоть один на английском языке.

И вдруг на экране возникло лицо Талли.

Она стояла с микрофоном в руке перед зданием больницы. Титры внизу экрана дублировали ее слова:

— Вот уже несколько дней весь мир взволнованно следит за состоянием Джона Патрика Райана, телевизионного продюсера, получившего серьезное ранение в результате взрыва бомбы около отеля «Аль-Рашид». Вчера прошли похороны репортера, бывшего с Джоном Райаном — Артура Гулдера. Немецкий госпиталь и семья Джона Райана отказываются общаться с журналистами. И можем ли мы обвинять их в этом? Семья Райана тяжело переживает эту трагедию. Джон — а для друзей просто Джонни — получил серьезную травму головы. В госпитале Багдада ему была проведена сложная операция. Специалисты рассказали мне, что он вряд ли смог бы выжить, если бы на месте ему не была оказана экстренная помощь.

Картинка на экране сменилась. Теперь Талли стояла у кровати Джонни. Он лежал, неподвижный, на белых простынях. Голова его была забинтована, а на глазах — повязка. И хотя камера задержалась

на Джонни всего несколько секунд, прежде чем на экране снова возникла Талли, эту картину трудно было забыть.

— Перспективы выздоровления мистера Райана туманны. Специалисты, с которыми я разговаривала, считают, что теперь надо лишь ждать. Если отек мозга спадет, то у Джона Райана появится шанс выжить. Если же нет… — Голос Талли дрогнул, и она переместилась к ногам лежащего на кровати Джонни, откуда посмотрела прямо в камеру. — Но не будем пока строить прогнозы. Несомненно одно — это история настоящих людей, которые ведут себя как герои и в горячих точках, и у себя дома. Джон Райан хотел, чтобы американцы знали правду о происходящем, а я знаю этого человека достаточно хорошо, чтобы сказать: Джон понимал, с каким риском это связано. Но выбор перед ним не стоял: он просто не мог поступить иначе. И пока Джонни освещал события этой ужасной войны, его жена Кейтлин ждала его дома с их малышкой, которой едва исполнился год, веря в то, что ее муж делает важную работу. Как любая жена солдата, она принесла в жертву свое семейное благополучие, чтобы Джон Райан выполнил свой долг.

Камера снова показывала Талли на ступеньках госпиталя.

— Таллула Харт из Германии. И хочу добавить, Брайан, что все мы молимся сегодня о семье Райан.

Кейт смотрела в телевизор еще долго, после того как закончился репортаж.

— Талли сделала так, что мы выглядим героями, — произнесла она вслух. — Даже я.

И тут Кейт почувствовала, как шевельнулся под ее рукой палец Джонни. Едва уловимо, так, что сначала она даже и не поняла, что произошло. А поняв, пристально вгляделась в лицо мужа.

Джонни медленно открыл глаза.

— Джонни? — прошептала Кейт, боясь поверить своим глазам. Она решила, что от усталости у нее начались галлюцинации. — Ты видишь меня?

Джонни попытался сжать ее руку. Это трудно было назвать пожатием, в обычное время его движение не потянуло бы даже на прикосновение, но теперь оно вернуло Кейт надежду.

— Ты видишь меня? — повторила она, наклоняясь еще ниже. — Закрой глаза один раз, если видишь.

Джонни медленно закрыл глаза.

Кейт поцеловала его в щеку, в лоб, в сухие, потрескавшиеся губы.

— Ты знаешь, где ты? — спросила она, отстраняясь и нажимая на кнопку вызова медсестры.

В глазах Джонни отразилось смятение, напугавшее Кейт.

— А как насчет меня? Ты знаешь, кто я?

Джонни внимательно посмотрел на нее и тяжело вздохнул. Его губы дрогнули, и он произнес:

— Моя… Кейти.

— Да. — Кейт разрыдалась. — Да, я твоя Кейти.

Следующие семьдесят два часа слились в сплошную вереницу осмотров и процедур, необходимо было скорректировать план приема лекарств. Кейт сопровождала Джонни на консультации к офтальмологу, психиатру, психотерапевту, специалисту по речевой терапии и трудотерапии и, конечно же, к доктору Шмидту. Каждый специалист должен был подтвердить, что операция прошла успешно, пациент пришел в себя, он адекватен и стабилен, прежде чем Кейт сможет забрать мужа, чтобы перевести его в реабилитационный центр поближе к дому.

— Ему повезло, что у него есть вы, — сказал как-то доктор Шмидт во время очередной встречи с Кейт.

Кейт улыбнулась:

— А мне повезло, что у меня есть он.

— Да, а теперь я посоветовал бы вам пойти в буфет и пообедать. Вы заметно похудели за эту неделю.

— Правда?

— Разумеется. Идите прямо сейчас. Я верну вашего мужа в палату, когда мы закончим с анализами.

Кейт поднялась.

— Спасибо, доктор Шмидт. Спасибо за все.

Он сделал рукой жест, означавший, что благодарить не надо.

— Это моя работа.

Улыбаясь, Кейт направилась к двери. Она была почти у цели, когда доктор Шмидт снова окликнул ее.

— Да? — Кейт обернулась.

— Там осталось не так много репортеров, но, может быть, вы позволите рассказать им о состоянии вашего мужа. Нам всем очень хотелось бы, чтобы они ушли.

— Я подумаю об этом.

— Отлично.

Кейт вышла из его кабинета и направилась к лифту в конце коридора.

В кафетерии вечером в четверг было немноголюдно — лишь группа медиков и несколько родственников пациентов, заказывающих еду. Эти две группы разительно отличались одна от другой. Врачи и медсестры оживленно разговаривали между собой, время от времени даже раздавались взрывы смеха, а родственники пациентов ели молча, упершись взглядом в тарелки и посматривая на часы.

Кейт прошла мимо столиков к окну. Небо за окном было стального цвета, тучи висели низко, и казалось, что вот-вот пойдет дождь или снег.

Лицо Кейт, отраженное в оконном стекле, было печальным и изможденным.

Странно, но быть одной теперь, когда наступило облегчение, оказалось еще труднее, чем быть наедине с отчаянием. Тогда ее не тяготило одиночество, она могла подолгу сидеть, уставясь в одну точку, и гнать из головы дурные мысли. Теперь же ей хотелось посмеяться вместе с кем-то, сказать кому-нибудь, что она всегда знала, что все закончится хорошо.

Нет, не с кем-то, не кому-нибудь — Талли.

Талли всегда была первой, с кем праздновала Кейт свои победы. Талли всегда была к этому готова. Ее лучшая подруга могла бы отпраздновать переход через улицу, если бы решила, что это то, что нужно Кейти.

Отвернувшись от окна, Кейт подошла к столику и села.

— Ты выглядишь так, словно тебе необходимо выпить.

Кейт подняла глаза.

Перед ней стояла Талли, одетая в черные джинсы и белый ангорский свитер. Хотя ее прическа и макияж были безупречны, Талли выглядела усталой и заметно нервничала.

— Ты все еще здесь?

— А ты думала, я тебя оставлю? — Талли старалась улыбнуться, но у нее это плохо получалось. — Я принесла тебе чай.

Кейт посмотрела на одноразовый пластиковый стаканчик в руках Талли. Она знала, что чай в нем наверняка ее любимый — «Эрл Грей», причем с хорошей порцией сахара.

Это было единственное извинение, которое смогла придумать Талли. Если Кейт примет его, то о печальном эпизоде в госпитале можно будет забыть — и предательство Талли, и пощечина Кейт растворятся в прошлом. А они снова смогут двигаться в будущее по дороге, соединившей их жизни. Никаких выяснений, никаких обид. Они снова будут «Талли-и-Кейт», или настолько близко к этому, насколько это возможно для взрослых женщин.

— Репортаж был хороший, — безо всякого выражения произнесла Кейт.

Глаза Талли умоляли о прощении, но сказала она только:

— Меня включат в штат новостной группы на следующей неделе. Временно, на замену. Но это хороший старт.

«Так вот за что ты предала меня», — подумала Кейт. Она знала, что никогда не произнесет этого вслух. Вместо этого она сказала:

— Мои поздравления.

Талли снова протянула ей чашку чая:

— Возьми, Кейти. Пожалуйста.

Кейт посмотрела на подругу долгим взглядом. Ей очень хотелось услышать извинения, но она понимала, что не услышит. Таких слов просто не было в лексиконе Талли Харт. Кейт не знала, откуда возникла эта странность — неумение Талли извиняться, но подозревала, что это было как-то связано с ее матерью. Мать Талли, вероятно, в самом детстве нанесла дочери непоправимый урон, и это на всю жизнь оставило шрамы на сердце.

— Спасибо, — сказала Кейт, беря стаканчик с чаем.

Талли улыбнулась и присела рядом. А говорить она начала еще до того, как опустилась на стул.

Скоро они обе уже смеялись. Так обычно и бывает с лучшими подругами.

Так же как матери и сестры, они могут сильно тебя разозлить, заставить плакать, разбить тебе сердце. Но когда тебе плохо, именно

они оказываются рядом, и им удается заставить тебя рассмеяться даже в самую трудную минуту.

21

Каким бы ужасным ни был этот год, Кейт отлично понимала: все могло быть еще хуже. Мужчина, которого она привезла с собой из Германии, в первые несколько месяцев лишь отдаленно напоминал ее мужа. Он поправлялся медленно, часто терял терпение и злился на себя, когда не мог подобрать нужное слово или поймать ускользающую мысль. Кейт проводила бесконечные часы в реабилитационном центре, то работая с Джонни и его физиотерапевтом, то ожидая его вместе с Марой в холле.

С того самого момента, как все они вернулись домой, Мара словно почувствовала, что с папой что-то не так, и никакое укачивание уже не могло ее успокоить.

Девочка с криком просыпалась среди ночи и не умолкала, пока Кейт не брала ее в их с Джонни постель. Миссис Муларки не одобряла действия дочери, закатывала глаза, закуривала сигарету и говорила, что Кейт еще сильно об этом пожалеет.

Приближалось Рождество. Кейт трудилась изо всех сил над украшением дома, надеясь, что вид дорогих им всем вещей снова сплотит их, снова сделает счастливой семьей, которой они и были когда-то.

Но во время «часа подружек», потягивая вино и говоря маме и тете Джорджии, что она отлично справляется, Кейт вдруг расплакалась.

Мама взяла ее за руку.

— Все хорошо, дорогая. Давай же, выговорись.

Но Кейт боялась быть откровенной.

— Со мной все хорошо, — сказала она. — Просто год был очень тяжелый.

Зазвенел дверной звонок. И тетя Джорджия отправилась открывать.

— Наверное, это Рик и Келли, — предположила она.

Но это была Талли. Она стояла на пороге в белоснежном кашемировом пальто макси и брюках того же цвета и выглядела просто

потрясающе. А подарков она принесла столько, что хватило бы на три семьи.

— Только не говорите, что вы начали «час подружек» без меня. Если вы все-таки это сделали, придется начинать заново.

— Ты ведь сказала, что улетаешь в Берлин, — сказала Кейт, жалея, что не оделась понаряднее и не сделала макияж.

— И пропустить Рождество? Ну уж нет!

Талли положила подарки под елку и заключила подругу в объятия.

Талли превратила тихий «час подружек» в настоящую вечеринку. Пора уже было поставить в духовку индейку, а мама, тетя Джорджия и Талли продолжали танцевать под песни «АББА» и Элтона Джона, подпевая во все горло. Вскоре к ним присоединились и Шон со своей подружкой, и Бад с дядей Ральфом.

Кейт с улыбкой смотрела на них. Казалось, что комната озарилась изнутри. И как это Талли так легко удавалось становиться душой любой вечеринки? Может быть, это потому, что ей не приходилось заниматься нудной домашней работой — Талли не была обременена ни уборкой, ни готовкой, ни стиркой.

Джонни появился в комнате неожиданно и остановился рядом с Кейт. Она заметила краем глаза, что он хромает.

— Привет, — сказал он. — Вижу, вы вовсю уже веселитесь.

— Привет! Тебе не мешает этот шум?

В гостиной и вправду было шумно. Тетя Джорджия играла в какую-то настольную игру с Шоном, его девушкой и дядей Ральфом. Марджи и Бад разговаривали с Талли, которая покачивалась в такт музыке с Марой на руках.

Джонни подошел к елке, нагнулся и достал из-под елки небольшой предмет, завернутый в золотую бумагу с большим бантом из красной фольги, и протянул его Кейт.

— Ты хочешь, чтобы я открыла это сейчас?

Джонни кивнул.

Кейт отклеила бантик, сорвала бумагу и обнаружила внутри синюю бархатную коробочку. Открыв ее, она буквально лишилась дара речи. В коробочке лежали золотая цепочка искусной работы и украшенный бриллиантами медальон в форме сердечка.

— Джонни…

— Я наделал в своей жизни много глупостей, Кейти, и за большую их часть заплатил свою цену. Но недавно тебе тоже пришлось расплачиваться. Я знаю, каким трудным был для тебя уходящий год. И я хочу, чтобы ты знала одно: женившись на тебе, я сделал самый правильный поступок в своей жизни. — Он вынул цепочку с медальоном из коробочки и застегнул на шее Кейт. — Я иду на новую работу на прежнем телеканале. Тебе больше не придется обо мне волноваться. Ты — в моем сердце, Кейти Скарлетт, и я всегда буду рядом. Я люблю тебя.

У Кейт предательски защипало в глазах.

— Я тоже тебя люблю.

Когда они учились в колледже, вишневые деревья на площади Квад будто напоминали им о смене времен года. Одно сменяло другое, а серо-коричневые деревья то стояли голые, то покрывались бутонами и зацветали. В восьмидесятые о ходе времени будто сообщали уличные фонари, отбрасывавшие свет на мощеную мостовую перед Паблик-Маркет. Как только на фонарях появлялись первые флаги с надписью: «С Рождеством!», Кейт отмечала про себя, что прошел еще один год.

А в девяностые о ходе времени давала знать прическа Талли. Каждое утро, пока Кейти кормила и купала Мару, она смотрела утреннюю программу по телевизору. Прическа Талли, как по часам, менялась дважды в год. Сначала была прическа с короткой челкой в стиле Джейн Поли, потом художественный беспорядок, как у Мег Райан, потом стрижка «под эльфа», с которой Талли выглядела нереально юной и свежей, а в последний раз она выбрала прическу, о которой говорили по всей стране, — под Рэйчел из сериала «Друзья».

Каждый раз, видя новую прическу подруги, Кейт с тревогой думала о том, как быстро бежит время. Годы не проходили — они пролетали с бешеной скоростью.

На дворе стоял конец августа девяносто седьмого года. Через несколько дней Мара должна была пойти во второй класс.

Кейт стеснялась признаться даже себе самой, что с нетерпением ждет этого дня.

Все прошедшие семь лет она делала все от нее зависящее, чтобы стать лучшей матерью на свете. Старательно описывала успехи дочери

и весь путь ее взросления — шаг за шагом — в специальном альбоме. Сделала множество фотографий. Более того, она наслаждалась обществом своей дочурки, так что иногда ей казалось, что она вот-вот потонет в океане любви, окружавшем их двоих. Они с Джонни пытались все эти годы зачать еще одного ребенка, но Бог не благословил их усилия. Кейти было трудно пережить это, но со временем она смирилась и сосредоточилась на том, чтобы сделать жизнь их небольшой семьи практически идеальной. Она нашла в этой жизни дело, которому готова была отдаться с настоящей страстью — материнство.

Но по мере того как пролетавшие месяцы складывались в годы, Кейт начала испытывать неудовлетворенность. Сначала она старалась подавить в себе это чувство, — в конце концов, сказала она себе, разве ты можешь на что-то пожаловаться? Ей нравился ее образ жизни. Свободное время Кейти посвящала волонтерской работе в классе Мары и в Доме помощи — местном благотворительном центре, поддерживающем нуждающихся в помощи женщин. Она даже взяла несколько уроков рисования.

Однако этого было недостаточно, это не могло заполнить целиком невидимую пустоту внутри Кейт, но по крайней мере давало почувствовать себя полезной. И хотя люди, которые ее любили — Джонни, Талли и мама, — постоянно повторяли, что ей явно хочется чего-то большего, Кейт предпочитала не обращать на их слова никакого внимания. Было гораздо проще сконцентрироваться на повседневной жизни, на заботе о дочери. А для копания в себе у нее будет время позже.

Кейти стояла в пижаме у окна в гостиной и смотрела на темный двор. Даже в темноте она отлично видела игрушки, разбросанные на крыльце и по двору. Барби, бобовые человечки, брошенный велосипед, розовый пластиковый «корвет» покачивался туда-сюда в приливной волне.

Покачав головой, Кейт отвернулась и включила телевизор. Как только Мара проснется, надо заставить ее собрать игрушки. Хотя это наверняка вызовет у девочки приступ гнева.

Телевизор включился с резким звуком. Под мрачным лицом Бернарда Шоу красовались слова: «Горячие новости». По периметру экрана сменяли друг друга кадры фотомонтажа о принцессе Диане.

— Для тех, кто только что включил телевизор, сообщаем последние новости из Франции: принцесса Диана умерла.

Кейт ошалело уставилась на экран, не в силах постигнуть смысл сказанного.

Принцесса Диана мертва!

Рядом с Кейт зазвонил телефон. Она машинально взяла трубку, не отрывая глаз от экрана.

— Алло!

— Ты смотришь новости? — послышался голос Талли.

— Это правда?

— Я в Лондоне, чтобы сделать об этом репортаж.

— О боже!

Кейт смотрела на кадры, сменявшие друг друга на экране.

Юная, застенчивая Диана в клетчатой юбке и коротком жакете, беременная Диана, полная надежд и выглядящая такой счастливой! Элегантная Диана в роскошном платье с обнаженными плечами, танцующая с Джоном Траволтой в Белом доме. Смеющаяся Диана на конной прогулке в Диснейленде со своими сыновьями. И наконец, Диана одна, в больнице где-то далеко от дома, держащая на руках страдающего от недоедания черного ребенка.

И в этих нескольких кадрах — вся ее жизнь.

— Как быстро все может закончиться, — сказала Кейт скорее самой себе, чем Талли. Она только сейчас поняла, что Талли продолжала говорить, а она ее перебила.

— Она как раз начинала свою собственную жизнь.

Может быть, она слишком долго ждала, не решаясь попытаться.

Кейт знала, каково это — смотреть, как растут твои дети, как муж уходит каждый день на работу, и думать о том, что делать с тем крохотным кусочком жизни, который принадлежит тебе самой.

Знакомые фотографии заполнили экран: Диана одна в кадре на каком-то светском рауте, Диана машет толпе, затем возник кадр из этого времени — ворота замка, у которых начинают складывать цветы в память о погибшей принцессе. Как быстро может измениться жизнь! Кейт уже успела об этом забыть.

— Кейт? С тобой все в порядке?

— Думаю, мне надо посещать курс литературы в университете, — тихо проговорила Кейт. Слова эти, произнесенные вслух, удивили ее

саму.

— Правда? Это было бы здорово! Ты всегда суперклассно писала сочинения.

Кейт ничего не ответила. Она медленно опустилась на диван, не сводя глаз с экрана телевизора, и, к собственному удивлению, начала плакать.

Кейт почти тут же пожалела о принятом решении. Ну, то есть это было не совсем так. Пожалела она о том, что рассказала об этом Талли, которая тут же разболтала маме, а та сказала Джонни.

— Отличная идея! — сказал Джонни несколько дней спустя, когда они сидели вечером на диване и смотрели телевизор. — Я помогу тебе во всем, в чем тебе может понадобиться моя помощь.

Кейт тут же захотелось выдать ему длинный список причин, почему учеба никак не может сочетаться с ее жизненным расписанием. По мнению Джонни и Талли, все было очень просто, словно жизнь — это тарелка с закусками, которую можно заказать, оплатить и получить. Но Кейт знала, что это не так, она знала, что значит чувствовать, что ты недостаточно хороша для какого-то дела.

В конце концов она перестала обманывать себя и искать одну причину за другой, чтобы не выполнить задуманное. Когда Мара отправилась в школу, у Кейт появилось свободное время.

В теплый день бабьего лета в середине сентября, завезя Мару в школу, она успела на утренний паром. Проехала улицами нижнего Сиэтла и в десять тридцать уже парковала машину на стоянке для посетителей перед университетом штата Вашингтон. Кейт направилась в факультетское здание, где шла запись, и записалась всего на одну дисциплину: «Художественная проза».

Всю следующую неделю она чувствовала себя неудачницей на грани нервного срыва.

— Я не смогу, — ныла она, жалуясь мужу в тот день, когда ей предстояло в первый раз отправиться на лекцию.

— Ты сможешь, — увещевал ее Джонни. — А я отвезу Мару в школу, чтобы ты не волновалась, что можешь не успеть на паром.

— Но у меня стресс.

Джонни поцеловал ее и, улыбаясь, отступил на шаг.

— Вытаскивай свой зад из кровати. Пора! — строго сказал он.

После этого Кейт двигалась словно на автопилоте — приняла душ, оделась, собрала рюкзак.

Всю дорогу до университета она думала: «Что я делаю? Мне тридцать семь лет. Я не могу вернуться обратно в колледж».

Она оказалась единственной из присутствующих в аудитории, кому было за тридцать, включая преподавателя.

Она не смогла бы сказать, в какой именно момент ей удалось расслабиться, но постепенно она начала успокаиваться. Чем больше говорил преподаватель о литературном творчестве, об искусстве рассказывать истории, тем явственнее Кейт ощущала, что принадлежит к этому миру.

Со своего места за новым столом Талли закончила переговариваться в эфире с другими ведущими программы и сосредоточилась на чтении новостей с телесуфлера:

— Шеф полиции Денвера Том Коби признал сегодня, что в расследовании дела Джонбенет Рэмси были допущены ошибки. Близкие к расследованию источники утверждают…

Закончив, Талли выдала на камеру свою фирменную улыбку и передала бразды Брайану и Кейт. Когда она собирала со стола текст и другие бумаги, подошла помощник продюсера и прошептала ей в самое ухо:

— Твой агент на проводе, Талли. Говорит, что это очень срочно.

— Спасибо!

Перекинувшись по дороге парой слов с ребятами из новостной группы и вспомогательных служб, Талли добралась наконец до своего кабинета. Плотно закрыв за собой дверь, она взяла трубку и нажала клавишу «один» на аппарате.

— Это Талли. Привет, Джордж.

— На улице тебя ждет машина. Встречаемся в «Плазе» через пятнадцать минут.

— Что происходит?

— Подправь макияж и пошевеливайся.

Талли повесила трубку, сообщила всем, кого это касалось, что отправляется на встречу, и покинула здание.

Возле отеля швейцар в ливрее тут же материализовался у ее машины, чтобы открыть Талли дверцу.

— Добро пожаловать в «Плазу», миз Харт.

— Спасибо. — Талли дала ему на чай десять долларов и направилась в мраморный вестибюль цвета слоновой кости с золотом.

Агент Талли, Джордж Дэвисон, в элегантном сером костюме от Армани, уже ждал ее.

— Ты готова все сделать ради того, чтобы сбылись твои мечты? — спросил он.

— Тебе наконец удалось организовать это, да?

Джордж повел Талли по коридору вдоль стеклянных витрин с дорогими сувенирами и ювелирными украшениями. Они вошли в просторный зал ресторана с высокими потолками.

Талли сразу увидела того, с кем они должны были встретиться. В дальнем углу зала сидел президент Си-би-эс.

Он поднялся ей навстречу.

— Здравствуйте, Таллула. Спасибо, что согласились прийти.

Она чуть не споткнулась, но улыбка не исчезла с ее лица.

— Здравствуйте.

Талли присела напротив, глядя, как Джордж усаживается между ними.

— Не будем долго ходить вокруг да около. Насколько мне известно, программа «Сегодня» бьет наше утреннее шоу по рейтингам.

— Да.

— Мы считаем, что значительной долей успеха эта программа обязана вам, Таллула. Мне особенно бросилось в глаза, что вы — мастер интервью. Эни Фишер и Джой Баттафуоко, пережившие бомбардировку Оклахомы, группа защитников О. Джей Симпсона и Лайл Менендес. Вы были неподражаемы.

— Спасибо.

— Мы хотим предложить вам место соведущей одного из блоков нашей утренней программы, начиная с первого шоу в девяносто восьмом. Наши исследования рынка показывают, что зритель чувствует связь с вами. Вы им нравитесь, они вам доверяют. И это как раз то, что нам нужно, чтобы отвоевать назад свои рейтинги. Что скажете?

Талли чувствовала себя так, словно вот-вот взлетит над стулом. Радость переполняла ее, улыбка становилась все шире.

— Я удивлена, — сказала она. — И польщена.

— И что конкретно вы готовы предложить? — вмешался в разговор Джордж.

— Один миллион долларов в год на пять лет.

— Два миллиона, — решительно произнес Джордж.

— По рукам. А что скажете вы, Талли?

Талли не смотрела на своего агента. Это и не требовалось: оба они мечтали о таком предложении уже несколько лет.

— Я скажу: «Черт побери, да!» И можно мне начать прямо завтра?

Начав писать, Кейт снова обрела собственный голос. Она просыпалась каждое утро в шесть и шла к себе в кабинет, оборудованный в пустующей гостевой спальне. И там она усердно работала, доводя до совершенства каждое предложение, отшлифовывая каждый абзац до тех пор, пока не становилось ясно, что текст отражает именно то, что она хочет сказать. Джонни заходил, чтобы поцеловать ее на прощанье, отправляясь на работу, потом просыпалась Мара. Тогда начиналась ее реальная жизнь.

Она чувствовала себя так уверенно, сидя за компьютером в этом импровизированном кабинете. Ей бы эту уверенность сейчас, когда она стояла у доски в аудитории, а напротив развалились на стульях скучающие студенты. Двое, казалось, даже спали. А рядом с ней преподаватель — молодой человек с длинными волосами, в кроссовках и камуфляжных брюках — терпеливо ждал ответа.

Кейт набрала в легкие побольше воздуха и принялась читать:

— «Девушка была одна в доме. По крайней мере так думала она сама. В этом жутком месте, где не было освещения, а окна были заклеены черной бумагой, трудно было сказать, как оно выглядит на самом деле. Стоит ли ей воспользоваться случаем и попытаться убежать? При последней попытке она просчиталась, и это дорого ей стоило. Девушка задумчиво коснулась саднящей скулы…»

Кейт погрузилась в написанное, в собственный рассказ, придуманный ею от первого и до последнего слова. Все закончилось слишком быстро. Замолчав, Кейт подняла глаза, надеясь увидеть снисходительное одобрение на лицах сидящих перед ней.

Не тут-то было.

— Что ж, — сказал преподаватель, — это было интересно. Похоже, в наших рядах появился начинающий жанровый писатель.

Кто-нибудь хочет прокомментировать?

Следующие двадцать минут все обсуждали рассказ Кейт, отыскивая в нем недостатки. Кейт внимательно слушала, усилием воли заставляя себя не обижаться на критику. Кого волнует, что над этими шестью страницами она билась почти четыре недели? Все обращали внимание только на то, что следует улучшить. Ей надо сжать сюжет, четче обозначить свою точку зрения и быть внимательнее к диалогам.

К концу занятия, вместо того чтобы испытывать обиду и уколы уязвленного самолюбия, Кейт почувствовала себя полной сил и готовой к действию, словно перед ней вдруг открылась новая дорога. Она с нетерпением ждала того момента, когда снова окажется дома перед компьютером и примется за работу.

Когда она собирала вещи, преподаватель подошел к ней.

— Все это выглядит действительно многообещающе, Кейт.

— Спасибо.

Улыбаясь, Кейт вышла из аудитории. Всю дорогу через кампус и на стоянке для студентов она размышляла над новыми направлениями развития сюжета и над тем, как подогнать их друг к другу.

Эти мысли так поглотили ее, что она пропустила свой выезд из кампуса и пришлось разворачиваться.

В час двадцать она припарковала машину на стоянке под бетонным виадуком и, перейдя через дорогу, оказалась в ресторане «У Ивара». За столиком в углу уже сидела мама. Залив Элиотт переливался в солнечном свете. Чайки взлетали ввысь, бросались камнем вниз, чтобы полакомиться ломтиками картофеля фри, разбросанными туристами по пирсу.

— Извини, опоздала, — сказала Кейти, усаживаясь напротив матери. — Терпеть не могу вести машину по городу.

— Я уже заказала нам обеим «Луи» с креветками. Я помню, что тебе надо успеть на двухчасовой паром. — Мама наклонилась и положила локти на стол. — Итак, твой преподаватель сказал, что рассказ у тебя вышел лучше, чем у Джона Гришэма?

Кейти не смогла не рассмеяться.

— Ну, не совсем теми же словами. Но он отметил, что у меня есть способности.

— О! — В голосе миссис Муларки послышалось разочарование. — А я считаю, что твой рассказ просто потрясающий.

И папа думает так же.

— Папа думает, что я лучше Джона Гришэма? И это всего-навсего после первого рассказа? Тогда, думаю, я настоящий гений.

— Ты считаешь, что наше мнение небеспристрастно?

— Немного. Но я еще больше люблю вас за это.

— Я горжусь тобой, Кейти, — тихо произнесла мама. — Я тоже хотела бы делать нечто подобное. Но я вместо этого стала вязать платки.

— Зато ты воспитала двух гениальных детей, — возразила Кейт. — Ну, хорошо, одного гениального и одного очень даже ничего. И ты сохранила свой брак и сделала нас всех счастливыми. Этим стоит гордиться.

— Я горжусь, но…

Кейт накрыла ладонью руку матери. Обе они понимали, о чем идет речь. Каждая женщина, ставшая матерью и домашней хозяйкой, это понимала. В конечном итоге любой женщине приходится платить за сделанный ею выбор.

— Ты — моя героиня, мам, — просто сказала Кейт.

Марджи смотрела на дочь, и в глазах ее стояли слезы.

Прежде чем она успела что-то ответить, официантка принесла салат и воду и отошла.

Кейт первая принялась за еду.

Вдруг она почувствовала неожиданно подступившую тошноту.

— Прости, мам, — пробормотала Кейт, роняя вилку, зажимая ладонью рот, и выскочила из-за стола. Она едва успела добежать до кабинки в дамской комнате, прежде чем ее вырвало.

Когда в желудке уже ничего больше не осталось, Кейт подошла к раковине, вымыла лицо и руки и прополоскала рот.

Она дрожала всем телом и чувствовала слабость. Лицо в зеркале было бледным и изможденным. Кейт заметила темные круги у себя под глазами.

Наверное, у нее желудочный грипп. Многие детишки с площадки для игр, куда она водила Мару, заболели за последнее время. Все еще чувствуя дрожь в ногах, она вернулась за столик под бдительный взгляд своей матери.

— Со мной все в порядке, — сказала Кейт. — Просто в выходные я возила Мару на площадку для игр. Там многие детишки болеют.

Она подождала, пока мать ответит. Но миссис Муларки хранила молчание. Кейт встревоженно подняла глаза.

— Что такое?

— Майонез, — многозначительно произнесла мама. — Когда ты была беременна Марой, тебя от него тоже тошнило.

Кейт почувствовала себя так, словно стул, на котором она сидела, вдруг — пуф! — и испарился, и теперь она быстро падает. Мгновенно пронеслись в мозгу воспоминания о некоторых неудобствах, которые она испытывала в последнее время, и все сложилось в единую картину: тяжесть и болезненность в груди, хотя до месячных было еще далеко, сонливость, быстрая утомляемость. Кейти закрыла глаза и с тяжелым вздохом покачала головой. Она хотела еще одного ребенка, и Джонни тоже хотел, но они сдались уже несколько лет назад. А сейчас, когда все так хорошо стало складываться с ее писательством… ей не хотелось снова возвращаться к бессонным ночам и плачущим младенцам, когда она уставала так, что за обедом уже не в состоянии была поддерживать разговор, не то что писать вечером рассказы.

— Тебе просто придется подождать подольше, прежде чем удастся что-нибудь опубликовать, — словно прочитав ее мысли, заметила Марджи. — Ты сможешь совместить одно с другим.

— Мы хотели ребенка, — произнесла Кейт, изо всех сил стараясь выдавить из себя улыбку. — И я действительно продолжу писать. Вот увидишь.

Ей почти что удалось убедить себя.

— Я могу это делать и с двумя детьми.

А вскоре она узнала, что ждет близнецов.

Часть четвертая
Новое тысячелетие

Таких моментов некоторые ждут всю свою жизнь.[5]

22

К двухтысячному году Кейти редко удавалось остановиться посреди хаоса каждодневной жизни, чтобы задать себе вопрос, куда же улетают годы. Раздумья и размышления, как и возможность расслабиться, стали понятиями из другой, прошлой жизни. Дорогой, по которой не удалось пойти, как говорят в таких случаях. У женщины с тремя детьми — девочкой десяти лет, стремительно приближающейся к пубертатному периоду, и двумя мальчиками, которым нет еще двух, — просто не оставалось времени, чтобы думать о себе, а большая разница в возрасте между ее детьми привела к тому, что у нее были как бы две разные семьи. Теперь Кейт понимала, почему женщины стараются рожать детей одного за другим. После долгого перерыва приходится погружаться в заботы заново.

Дни ее были наполнены мелкими заботами. И это удивительно солнечное утро в марте не стало исключением. Работа по дому копилась, одно наслаивалось на другое, пока Кейт не обнаружила, что, хотя только что еще было раннее утро, сейчас солнце уже садится. Самое ужасное было то, что ей никак не удавалось выполнить все дела идеально, и при этом не оставалось ни одной свободной минуты для себя. Такова жизнь домохозяйки с детьми: гонки без финиша. Именно об этом говорили они с Джонни на стоянке, ожидая Мару из школы. Об этом и о разводе. В последнее время казалось, что с каждым месяцем все больше обнажается покрытый трещинами фундамент их выглядящего таким прочным брака.

Но сегодняшний день был не совсем обычным в длинной веренице похожих один на другой дней. Сегодня Талли прибывала в Сиэтл с рекламным турне.

Они не видели друг друга миллион лет, и Кейт сгорала от нетерпения. Ей просто необходимо было общество подруги.

Кейт торопилась закончить дела из своего списка. Она отвезла Мару в школу, провела кучу времени в супермаркете «Сэйфвэй», затем накупила себе в «Райт Эйд» кучу косметики, успела в библиотеку вовремя и смогла просидеть над книгой целый час, забрала из химчистки вещи Джонни, уложила мальчишек спать, сделала уборку.

К двум тридцати, когда Кейт подъехала к школе, она валилась с ног от усталости.

— Тетя Талли будет у нас ночевать, мам? — спросила Мара, втискиваясь на заднее сиденье, где в двух огромных креслах восседали ее братья.

— Да, дорогая.

— И ты сегодня накрасишься?

Кейт не смогла сдержать улыбки. Она до сих пор не понимала, как это получилось, но ей, похоже, удалось вырастить маленькую королеву красоты. Кейт с удивлением наблюдала, как ее десятилетняя дочь листает журналы моды для подростков и запоминает имена дизайнеров. А попытки купить одежду для школы оборачивались настоящим кошмаром. Если Маре не удавалось найти именно то, что она себе наметила, девочка чуть ли не впадала в ярость. Кейт не сомневалась, что про себя Мара оценивала внешний вид матери и чаще всего она оставалась недовольна увиденным.

— Разумеется, накрашусь, — ответила она на вопрос Мары. — И еще завью волосы. Как тебе такая идея?

— А мне можно накрасить губы блеском? Только один раз. Все девочки…

— Нет, — твердо ответила Кейт. — Мы ведь уже обсуждали это. Ты пока слишком мала, чтобы краситься.

Мара упрямо сложила на груди руки.

— Но я не ребенок!

— Но еще и не подросток, — возразила Кейт. — Поверь мне, у тебя еще будет для этого достаточно времени.

Мара выскочила из машины и побежала в дом, прежде чем Кейти успела попросить ее захватить с собой что-нибудь из вещей.

— Спасибо за помощь, — пробормотала она, по очереди доставая сыновей из машины. Лукас и Уильям были активными и непослушными мальчишками и поодиночке, но вместе они были подобны торнадо.

Следующие несколько часов Кейт занималась домашними делами, а потом расставляла по дому вазы с цветами и ароматизированные свечи — повыше, чтобы не достали мальчики, тщательно наводила порядок в комнате для гостей, на случай если Талли решит, что у нее есть время остаться. Затем, когда в духовке уже готовилось жаркое,

вместе с бродящими за ней сыновьями она поднялась наверх, чтобы привести себя в порядок. Проходя мимо комнаты Мары, она услышала звуки, красноречиво свидетельствующие о том, что ее дочь достает из шкафа и примеряет наряды.

Улыбнувшись, Кейт вошла в свою комнату, посадила малышей в манеж и, несмотря на их возмущенные крики, отправилась в душ. Закончив сушить волосы и стараясь не замечать отросшие темные корни, она вышла из ванной.

— Как у вас дела, ребята?

Лукас и Уильям сидели бок о бок, вытянув перед собой пухлые голые ножки, и о чем-то беседовали друг с другом на своем языке.

— Отлично, — сказала Кейт, потрепав их по пути по волосам.

Зайдя в гардеробную, она тяжело вздохнула. Все, что висело у нее в шкафу, либо давно вышло из моды, либо было ей мало. Она все еще не сбросила лишний вес после рождения малышей. Мальчишки превратили ее живот в купол стадиона «Кингдоум», от такого быстро не избавишься.

Наверное, помогли бы упражнения, и Кейт отчаянно жалела сейчас, что не смогла найти для них место в своем графике этой зимой. А теперь поздно.

Она выбрала свои любимые джинсы «Левайс» и черный ангорский свитер, который Джонни подарил ей несколько лет назад, когда вернулся на телестудию. Это была ее единственная дизайнерская одежда.

— Пойдемте, мальчики, — сказала Кейт, с удивительной легкостью поднимая сынишек из манежа и усаживая по одному на каждое бедро.

Кейт отнесла их в спальню, сменила памперсы и надела на обоих морские костюмчики, которые прислала им ко дню рождения Талли. Затем, поскольку ждать, пока они спустятся вниз по лестнице самостоятельно, было слишком долго, Кейт сама отнесла малышей вниз и поставила мультик про Винни-Пуха. Если повезет, ей удастся выиграть двадцать минут.

Закрыв детей специальной загородкой, Кейт прошла на кухню и начала накрывать на стол. Как всегда, во время работы она наблюдала краем глаза за малышами.

— Мам! — послышался крик Мары. — Они уже здесь!

Девочка пулей пронеслась по лестнице, перепрыгнула через загородку для малышей, подбежала к окну и прижала к стеклу свой маленький носик.

Кейт подошла к дочери и раздвинула занавески. Лучи уличных фонарей прорезали тьму. Первой подъехала машина Джонни. Прямо за ней по длинной подъездной дорожке, обсаженной по обе стороны деревьями, следовал черный лимузин. Обе машины остановились перед гаражом.

— Вау! — воскликнула Мара.

Из лимузина вышел шофер в форме и подошел к задней дверце, чтобы открыть ее.

Талли появилась из машины так величественно, словно знала, что это был ее выход, как на сцене.

На ней были дизайнерские джинсы, сидевшие на бедрах, отглаженная до хруста белая рубашка в мужском стиле и синий блейзер. Талли была воплощением элегантного делового шика. Ее прическа была сделана, наверное, у лучшего парикмахера на Манхэттене. Великолепные рыжевато-русые волосы блестели в свете фонаря.

— Вау! — снова произнесла Мара.

Кейт машинально попыталась втянуть живот. Неужели ей придется прибегнуть к липосакции…

Джонни вышел из своей машины и подошел к Талли. Они стояли рядом, касаясь друг друга плечами. Смеясь над чем-то, сказанным водителем, Талли посмотрела снизу вверх на Джонни и прижала руку к его груди.

Они отлично смотрелись вместе — как две модели, сошедшие с обложки глянцевого журнала.

— Папе определенно нравится тетя Талли, — заметила Мара.

— Ну конечно, — пробормотала Кейт, но Мары с ней рядом уже не было.

Ее дочь, открыв дверь, бросилась к своей крестной, которая подхватила ее на руки и закружила.

Талли ворвалась в дом, как всегда, словно вихрь шума и света. Она крепко обняла Кейт, расцеловала Лукаса и Уильяма в пухлые щечки, вручила всем подарки и немедленно потребовала выпить.

Во время обеда она развлекала их, рассказывала истории о том, как летала в Париж освещать момент возможного компьютерного сбоя при наступлении двухтысячного года, и какая паника всему этому предшествовала, о последней церемонии вручения «Оскара» и о том, как роскошное платье приклеили к ее груди скотчем, но скотч подвел прямо на вечеринке во время прямого включения.

— Всех чуть удар не хватил, если вы понимаете, о чем я, — смеясь, сказала Талли.

Мара жадно впитывала каждое ее слово.

— А платье было от Армани? — спросила она.

Кейт чуть не лишилась дара речи, а Талли с смехом ответила:

— Да, Мара, от Армани. Я вижу, ты отлично знаешь модных дизайнеров. Я горжусь тобой.

— Я видела картинки в журнале. Там еще написали, что ты была одета лучше всех.

— Над этим приходится работать, — сообщила Талли. — Целая команда трудится над тем, чтобы я выглядела на все сто.

— Вау! — опять воскликнула Мара. — Вот это круто!

Исчерпав тему предпочтений знаменитостей в одежде, Талли переключилась на политику. Они с Джонни обсуждали до хрипоты скандал Клинтона с Левински и то, правильно ли его освещала пресса. Мара время от времени вклинивалась в паузы с вопросами о детях знаменитостей, которых Талли знала лично и о которых Кейт вообще ничего не слышала. Честно говоря, мальчики постоянно требовали ее внимания, и все силы уходили на то, чтобы держать их в узде. Кейт все время ждала момента, чтобы вставить в разговор хоть слово или реплику, но мальчишки совсем расшалились и стали кидаться друг в друга едой, и Кейт все время приходилось быть начеку.

Обед закончился, и Мара в жалкой попытке произвести впечатление на Талли, убрала со стола.

— Я помою посуду, — предложил Джонни. — Почему бы вам с Талли не завернуться в пледы и не посидеть на веранде?

— Ты — прекрасный принц, — заявила на это Талли. — Я приготовлю кувшинчик «Маргариты». Кейти, укладывай Уилла и Луи, встретимся снаружи через пятнадцать минут.

Кейт кивнула и понесла детишек наверх. Когда она переодела малышей в пижамки, умыла их и почитала немного на ночь, было уже

около восьми.

Чувствуя себя совершенно вымотанной, Кейт спустилась вниз и увидела, что Мара сидит, свернувшись калачиком, на коленях у Талли.

Джонни обнял жену.

— «Маргарита» в блендере. Я сам отправлю Мару спать, — прошептал он ей на ухо.

— Я люблю тебя.

Джонни нежно похлопал ее пониже спины и повернулся к дочери.

— Я знаю. Пойдем, зайчоночек, пора спать.

— Ну, пааа… Можно мне еще немного? Я как раз рассказывала тете Талли про миссис Герман.

— Поднимайся наверх и надевай пижамку. Я приду через пять минут и почитаю тебе.

Мара крепко обняла Талли, поцеловала ее в щеку и подбежала к отцу и матери.

Небрежно чмокнув мать, девочка поднялась наверх.

А Талли подошла к Кейт:

— Я была очень терпеливой, хотя ты знаешь, что терпение — не моя сильная сторона, но теперь дети уложены, так что давай выкладывай.

— Что выкладывать?

— Ты выглядишь ужасно, — тихо сказала Талли. — Что не так?

— Это все гормоны или недосып. Мальчишки так меня выматывают… — Кейт сама рассмеялась над своим привычным списком оправданий. — А так все в порядке.

— Думаю, она не знает, что с ней не все в порядке, — сказал Джонни, обращаясь к Талли, словно Кейт здесь вообще не было.

— Как продвигается твое писательство? — спросила Талли.

— Отлично… — Кейт поморщилась.

— Она ничего не пишет, — тут же сдал жену Джонни, и Кейт готова была стукнуть его за это.

— Совсем ничего? — Талли трудно было в это поверить.

— Вот этого я точно сказать не могу, — пробурчал Джонни.

— Хватит говорить обо мне так, словно меня тут нет, — сказала Кейт. — У меня на руках десятилетняя королева мелодрамы, которая занимается всеми видами спорта на свете, ходит три раза в неделю на танцы, и список ее светских мероприятий больше, чем у героинь

«Секса в большом городе». И не забудьте про двух близнецов, которые очень редко спят в одно и то же время и ломают все, к чему прикасаются. И как, по-вашему, я должна успевать все одновременно — готовить, стирать, делать уборку и еще и писать? — Кейт перевела взгляд с подруги на мужа. — Я знаю, что вы оба думаете. Все вокруг считают, что я обязательно должна найти время для себя, что мне, должно быть, нужно больше, чем просто быть матерью. Мне и нужно больше, черт побери. Я просто не знаю, как справиться со всеми делами, я и так едва успеваю вовремя забрать дочку из школы.

В паузе, наступившей после ее неожиданной вспышки, в камине громко треснуло полено.

Талли посмотрела на Джонни:

— Ну ты и осел!

— Что? — Джонни выглядел таким смущенным, что Кейт чуть было не рассмеялась.

— Так она убирается в доме и стирает твои шмотки? Что, трудно нанять для этого кого-нибудь?

— Но Кейти никогда не говорила, что ей требуется помощь.

До этого момента Кейт как будто сама не осознавала, до какой степени забита всеми домашними проблемами ее голова. Она вдруг почувствовала неожиданное облегчение и расслабилась.

— Вот, теперь говорю, — сказала она, обращаясь к мужу.

Джонни притянул ее к себе, поцеловал и сказал:

— Тебе было достаточно просто сказать…

Кейт ответила на его поцелуй и прижалась к мужу.

— Хватит обжиматься, — прервала их Талли, беря подругу за руку. — Сейчас нам нужно выпить. Джонни, тащи коктейль.

Кейт обняла подругу.

— Спасибо, Тал. Не знаю, почему мне в голову не пришло поговорить с Джонни и нанять помощницу.

— Ну а мне до чертиков нравится приказывать Джонни.

Она опустилась в плетеное кресло. Перед ними чуть поодаль виднелась серебристая полоса прибоя и доносился шелест волн.

Кейт присела рядом с Талли.

Джонни принес женщинам по коктейлю и вернулся в дом.

Подруги долго молчали, затем Талли сказала:

— Я говорю это, потому что люблю тебя, Кейти. Нельзя же так загонять себя! Тебе не обязательно ходить в каждый поход и на каждую распродажу домашней выпечки, тебе нужно личное время.

— Скажи мне лучше что-нибудь, чего я не знаю сама.

— Я читаю журналы и смотрю телевизор. Среди сидящих дома мамочек на сорок процентов больше вероятность…

— Нет, я действительно имела в виду то, что сказала. Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю. И желательно, чтобы это было что-нибудь смешное.

— Я не рассказывала тебе про Париж накануне миллениума? Я имею в виду не фейерверки. Там был один парень… бразилец…

В первый день июля двухтысячного года рядом с кроватью Талли, как всегда по будням, в три тридцать зазвонил будильник. Она со стоном нажала на кнопку, жалея о том, что не может проспать еще хотя бы десять минут, и уткнулась в плечо Гранта. Ей нравилось просыпаться рядом с ним, хотя она редко засыпала в его объятиях. Оба были слишком типичными одиночками даже для того, чтобы спать вместе. За годы их отношений, которые то прекращались, то возобновлялись, они объездили вместе весь мир, побывали на бессчетном количестве гламурных вечеринок и благотворительных мероприятий для VIP-персон. Пресса окрестила Гранта «иногда возникающим бойфрендом» Талли, и она считала, что этот ярлык вполне ему подходит. Но в последнее время она, кажется, начала думать иначе.

Грант проснулся и потрепал ее по руке.

— С добрым утром, любимая! — произнес он хриплым голосом, означавшим, что вечером Грант курил сигары.

— А это так и есть? — тихо спросила Талли, приподнимаясь на локте.

— Что именно?

Он удержался, чтобы не закатить глаза, но выражение лица красноречиво продемонстрировало его раздражение.

— Снова этот разговор? Тебе тридцать девять, я знаю, Талли. Но это не меняет наших отношений. Они хороши такими, какие есть, и не надо их разрушать, ладно?

Он вел себя так, словно Талли попросила на ней жениться или сделать ей ребенка. Но это было не так. Талли встала с кровати и направилась в ванную. Включив свет, она посмотрела на себя в зеркало.

— О боже!

Вид у нее был такой, словно Талли провела бурную бессонную ночь. Волосы, которые были сейчас подстрижены коротко, стояли торчком так, как могут себе позволить носить только Аннет Беннинг и Шарон Стоун, а мешки под глазами были каждый размером с рюкзак.

Больше никаких бессонных перелетов с Западного побережья!

Не тот у нее уже возраст, чтобы все выходные таскаться по вечеринкам в Лос-Анджелесе, а потом выйти в понедельник на работу в Сиэтле. Оставалось надеяться, что никто не сфотографировал вчера ее возвращение домой. С момента трагической смерти Джона Кеннеди-младшего папарацци буквально взбесились. Новости о знаменитостях — и псевдознаменитостях — стали прибыльным бизнесом.

Талли долго стояла под горячим душем, потом высушила волосы и надела дизайнерский спортивный костюм.

Когда она вышла из наполненной паром ванной, Грант уже ждал ее у двери. В костюме, который был на нем накануне вечером, с артистически растрепанными волосами, он выглядел чертовски привлекательным.

— Прогуляем работу? — спросила Талли, обнимая его за талию.

— Прости, любимая, но через несколько часов у меня самолет в Лондон. Надо повидаться с ребятами.

Талли кивнула. Грант всегда находил повод, чтобы уехать. Выйдя из квартиры Талли, они спустились на лифте вниз.

Возле двух черных машин, а Талли и Грант всегда ездили отдельно, припаркованных напротив друг друга на Сентрал-Парк-Вест, Талли поцеловала Гранта на прощание и посмотрела ему вслед.

Когда-то ей нравилось, как этот человек то появляется, то исчезает из ее жизни, всегда приезжая неожиданно и уезжая, прежде чем Талли успевала устать от него или влюбиться. Но последние несколько месяцев Талли вдруг стала чувствовать себя совершенно одинокой и с ним, и без него.

Шофер в форме протянул Талли двойной латте.

— Доброе утро, миз Харт.

Талли с благодарностью приняла кофе.

— Спасибо, Ганс, — сказала она, забираясь в машину.

Откинувшись на спинку сиденья, она старалась не думать ни о Гранте, ни о своей жизни. Талли бездумно смотрела через тонированное стекло на еще темные улицы Манхэттена. В это время суток город еще сладко спал и видел сны. И только самые крепкие духом уже были на ногах — сборщики мусора, пекари, почтальоны, развозящие почту.

Талли много лет считала это рутиной. Почти с первого дня в Нью-Йорке она просыпалась в три тридцать, чтобы успеть первой на работу. А успех только сделал ее долгие дни еще более длинными. С тех пор как ее переманили на Си-би-эс, к утренним эфирам прибавились дневные и вечерние встречи.

Слава, известность и деньги, казалось бы, могли позволить ей немного замедлить темп и получать больше удовольствия от своей успешной карьеры, но все вышло наоборот. Чем больше зарабатывала Талли, тем больше ей хотелось получать еще и тем больше она боялась потерять то, что имела, и от этого работала еще усерднее. Талли бралась за все дела, которые плыли к ней в руки: озвучивала документальный фильм о раке груди, вела новое игровое шоу и даже была в жюри на конкурсе «Мисс Вселенная». Еще она появлялась в качестве гостя в шоу Лено, Леттермана, Рози и других подобных передачах и даже выступала в качестве ведущей праздничных парадов. Талли бросила все силы на то, чтобы оставаться на пике популярности.

Когда ей было слегка за тридцать, жить в таком напряженном графике было несложно. Тогда она могла работать ночью, после чего, проспав несколько часов днем, идти на вечеринку, а потом, утром, выглядеть и чувствовать себя преотлично. Но по мере приближения сорокалетия Талли стала куда быстрее уставать, и вообще чувствовала, что она уже не в том возрасте, чтобы мчаться с одной работы на другую, причем на каблуках. Все чаще и чаще придя с работы домой, Талли сворачивалась калачиком на диване и звонила Кейт, или Марджи, или Эдне. Возможность появиться — и быть сфотографированной — на открытии модного клуба или на какой-нибудь премьере с красной дорожкой вдруг утратила для нее привлекательность. Вместо этого ей все чаще хотелось находиться

рядом с людьми, которые знали ее по-настоящему и которым она была небезразлична.

Эдна часто повторяла ей, что это была часть той сделки, которую заключила Талли. Она пожертвовала всем в своей жизни ради успеха. «Но зачем нужен успех, — спросила Талли Эдну за выпивкой на прошлой неделе, — если тебе не с кем его разделить?»

Эдна просто покачала в ответ головой и сказала: «Вот потому-то это и называют жертвой. Нельзя иметь все сразу».

А если это именно то, что тебе нужно, — иметь все сразу?

Перед зданием Си-би-эс Талли подождала, пока шофер откроет дверцу, и вышла наружу, во все еще темное раннее утро. Она уже чувствовала поднимающиеся от асфальта испарения, предвещавшие жару. Невдалеке прогрохотал мусоровоз.

Талли поторопилась войти внутрь и, кивнув швейцару, направилась к лифту. Там, в гримерной, Талли уже поджидал ее спаситель. Одетый в чересчур обтягивающую красную футболку и не менее обтягивающие черные кожаные брюки, Тэнк, уперев одну руку в бок, покачал головой:

— Кто-то дерьмово выглядит этим утром.

— Ты слишком строг к себе, — съязвила Талли, опускаясь в кресло.

Она наняла Тэнка около пяти лет назад парикмахером и визажистом. И почти каждый день жалела о сделанном выборе.

Тэнк снял с головы Талли шарфик от «Гермеса» и темные очки.

— Ты ведь знаешь, как я люблю тебя, дорогая, но пора тебе перестать поджигать свечку с двух сторон. Да ты и похудела что-то.

— Заткнись и займись макияжем.

Тэнк, как всегда, начал с волос Талли. Работая, он не умолкал ни на минуту. Иногда они с Талли делились друг с другом сугубо личными вещами — таков уж был их бизнес. Время, проведенное вместе, создало почти интимную близость между ними, но в дружбу так и не переросло. Это были типично нью-йоркские отношения. Но сегодня Талли хотелось просто поболтать, не переходя на личности. Ей не хотелось показывать своему стилисту, что она чувствует себя последнее время не в своей тарелке. А то он ухватится за это и начнет опять учить ее жизни.

К пяти утра Талли выглядела на десять лет моложе.

— Ты — гений, — похвалила она Тэнка, выскальзывая из кресла.

— Если не изменишь свои привычки, мисс, тебе скоро понадобится хирург, а не гений макияжа.

— Спасибо на добром слове. — Талли одарила его улыбкой, с которой обычно смотрела в камеру, и поспешила уйти, прежде чем услышит еще какую-нибудь гадость.

В студии она смотрела прямо в камеру и улыбалась. Здесь, в этом фальшивом мире, Талли Харт была безупречна. Она общалась легко и непринужденно, смеялась над шутками гостей и других ведущих и заставляла каждого, кто ее видел, чувствовать себя так, словно она могла бы стать их другом. Талли точно знала: никто во всей Америке не догадывается, как она чувствует себя на самом деле. Никто не представляет себе, что Таллула Харт может хотеть больше, чем у нее есть.

От похода по магазинам с близнецами и Марой у Кейт всегда потом болела голова. После посещения «Сэйфвэй», книжного, аптеки, магазина тканей она совершенно выбилась из сил, а ведь не было еще и трех часов. Всю дорогу до дома близнецы хныкали, а Мара дулась. В десять лет их дочь решила, что она достаточно взрослая, чтобы ехать на заднем сиденье с малышней, и теперь при каждой поездке устраивала скандал. Она явно рассчитывала взять мать измором.

— Прекрати спорить со мной, Мара, — наверное, в десятый раз, с тех пор как они вышли из магазина, сказала Кейт.

— Я не спорю, я объясняю. Эмили сажают на переднее сиденье, и Рэйчел тоже. Ты — единственная мама, которая…

Кейт въехала в гараж и нажала на тормоза так сильно, что пакеты с покупками упали с сиденья. Впрочем, оно того стоило, потому что Мара вдруг замолчала.

— Помоги мне отнести покупки наверх, — попросила Кейт.

Мара со злостью схватила один пакет. Прежде чем Кейт успела ее отчитать, в гараже появился Джонни и забрал сумки. Кейт и мальчики последовали за ним в дом.

Телевизор, как всегда, был включен, по мнению Кейт, слишком громко и настроен на Си-эн-эн.

— Я уложу мальчишек, — сказал Джонни, поставив пакеты с покупками на кухонный стол. — А потом у меня будут для тебя

хорошие новости.

Кейт одарила мужа усталой улыбкой.

— Вот это не повредило бы. Спасибо.

Полчаса спустя Джонни спустился вниз. Кейт за столом в столовой раскладывала на ткани выкройку очередного костюма для танцев.

Девять уже сшито, осталось три.

— Я — идиотка, — сказала Кейт, обращаясь скорее к самой себе, чем к Джонни. — В следующий раз, когда они будут спрашивать про волонтеров, я ни за что не подниму руку.

Джонни подошел сзади, поднял жену на ноги и развернул к себе.

— Ты говоришь так каждый раз.

— Ну так я же сказала: я — идиотка. Но где же твоя хорошая новость? Ты сам приготовишь обед?

— Звонила Талли.

— И это хорошая новость? Она звонит каждое воскресенье.

— Она приедет на выступление Мары и хочет устроить для своей крестницы вечеринку-сюрприз.

Кейт высвободилась из его рук.

— Но ты не улыбаешься, — удивился Джонни.

Прилив гнева, который она испытала, удивил Кейти.

— Танцы — это единственное, что мы с Марой делаем вместе. И я собиралась устроить для нее вечеринку здесь.

— Я не знал.

Кейт видела, что муж хочет сказать что-то еще. Но Джонни успел сообразить, что этого не надо делать, сейчас явно было не время.

Кейт тяжело вздохнула — ей пришлось смириться. Она вела себя как эгоистка, и они с Джонни оба это понимали. Мара обожала свою крестную, и ей наверняка понравится вечеринка-сюрприз.

— Во сколько Талли будет здесь?

23

В день выступления Мара была такой нервной и возбужденной, что едва могла сдерживать эмоции. И вылилось это, как всегда, в замашки маленькой примадонны со склонностью к истерикам. Вот и сейчас девочка стояла возле стола, уперши руки в бока. На ней были выцветшие джинсы и розовый топ с надписью: «Снова ребенок», выложенной стразами. Между краем топа и поясом джинсов виднелся голый живот.

— И куда ты дела мои заколки с бабочками?

Согнувшаяся над швейной машинкой Кейт даже не подняла глаза.

— Они в ящике комода в твоей комнате. Наверху. И ты не выйдешь из дома в этом топе.

У Мары широко открылся рот.

— Но это был подарок на день рождения.

— Ну да, помню, но что делать, если у тети Талли нет мозгов.

— При чем тут тетя Талли?! Все сейчас так одеваются.

— Ты меня очень расстраиваешь, я не шучу. Пойди немедленно переоденься, у меня нет времени с тобой спорить.

Мара драматически вздохнула и побежала наверх.

Кейт покачала головой. Это ведь не единственная выходка ее дочери. Все, связанное с Марой, в последнее время носило мелодраматический характер. Девочка либо веселилась и хихикала, либо откровенно злилась. Всякий раз, когда Марджи видела свою внучку, она закуривала сигарету и говорила дочери:

— То ли еще будет в переходном возрасте. Советую начать пить заранее.

Кейт ниже склонилась над машинкой, поставила ногу на педаль и вернулась к работе.

И это был единственный раз, когда ей удалось сделать паузу. Через два часа, закончив шить костюмы для танцевального выступления, она принялась за остальную работу по дому — искала вешалки, собирала вещи в машину, помогала малышам почистить зубы, разнимала драки. Слава богу, что Джонни позаботился об обеде и посуде.

В шесть вечера она привела всех к машине, усадила мальчиков в детские автомобильные кресла и села за руль.

— Я ничего не забыла?

Джонни внимательно посмотрел на нее:

— У тебя на лбу соус для спагетти.

Кейт откинула козырек и посмотрела на себя в маленькое зеркальце. Ну да, через весь лоб действительно тянулась красная полоса.

— Я не приняла душ, — в ужасе вспомнила Кейт.

— Ну да, мне это показалось странным, — заметил Джонни.

Кейт повернулась к нему:

— Так ты знал?

— Когда я сказал тебе, что уже пять, ты заткнула мне рот и велела заняться обедом.

Кейт застонала. Во всей этой кутерьме она забыла привести в порядок себя. На ней по-прежнему была пара самых старых джинсов, мешковатая футболка с длинными рукавами с логотипом университета и старенькие кроссовки «адидас».

— Я выгляжу как бомжиха.

— Но закончившая колледж.

Проигнорировав шутку Джонни, Кейт выскочила из машины, а вслед ей раздался истошный вопль Мары:

— Не забудь накраситься, мам!

Кейт порылась в ящиках, нашла пару относительно новых лосин со штрипками, и черно-белый пуловер длиной до бедра. Интересно, в моде ли сейчас лосины? Кейт понятия не имела. Собрав волосы в хвост, она прихватила их белой резинкой, почистила зубы, накрасила ресницы и наложила румяна.

Снаружи раздался автомобильный гудок.

Кейт схватила пару шелковых черных гольфов и бархатные черные балетки и побежала к машине.

— Мы опоздаем! — рыдала Мара. — Все, наверное, уже там.

— Мы успеем вовремя, — уверенно сказала Кейт, переводя дыхание.

Они проехали через весь город и припарковались перед концертным залом. Внутри был настоящий хаос: двенадцать девочек в возрасте от семи до одиннадцати и их взбудораженные родители и

целая толпа братьев и сестер, которые равнодушно взирали на всю эту суету. Здесь были и мисс Паркер, их семидесятилетняя репетитор по танцам, требовавшая всегда безукоризненного поведения. Именно ей каким-то непостижимым образом удавалось держать в узде всю эту неукротимую ораву, даже не повышая голоса. Кейт отнесла костюмы в раздевалку и помогла девочкам подготовиться к выступлению. Она причесывала их, закалывала им волосы, брызгала на них лаком, помогала наносить блеск для губ.

Закончив, она опустилась на колени перед дочерью.

— Ты готова?

— А вы принесли видеокамеру?

— Ну конечно.

Мара улыбнулась, обнажив кривые, слишком крупные зубы.

— Я рада, что ты здесь, мамочка, — сказала она.

И Кейт вдруг почувствовала, что ее жизнь имеет смысл, что стоило вытерпеть эту постоянную нехватку времени, бессонные ночи, бесконечную стирку, глажку, готовку. Она делала все это ради нескольких секунд вот такой близости, и они того стоили.

— Я тоже, малышка.

Мара нежно обняла ее:

— Я люблю тебя, мамочка.

Кейт крепко прижала дочку к себе, вдыхая ее родной запах. Она с грустью подумала в этот момент, что скоро закончится детство Мары и у нее начнется этот пугающий переходный возраст. Такие минуты, как эта, уже и сейчас были редкими.

Мара отстранилась, улыбнулась матери и убежала вместе с подружками.

— Пока!

Кейт медленно поднялась и пошла в зал, где в третьем ряду сидел Джонни, посадив рядом с собой с обеих сторон по сынишке. Кейт огляделась, отыскивая глазами Талли.

— Ее еще нет?

— Нет. И не звонила. Может, подвернулось что-то в последний момент? — Джонни улыбнулся. — Ну, например, свидание с Джорджем Клуни.

Кейт с улыбкой кивнула и присела рядом с Лукасом. Вокруг нее рассаживались родители и бабушки с дедушками, а едва усевшись,

доставали фотоаппараты и видеокамеры.

Родители Кейт прибыли перед самым началом и сели рядом с ней. У мамы, как всегда, был с собой старый «Кодак Инстаматик», висевший на петле на запястье.

— Я думала, что Талли приедет, — сказала она.

— Говорила, что приедет. Надеюсь, ничего плохого не случилось. — Кейт держала место для Талли, пока могла. Но потом пришлось его уступить.

Осветилась сцена, и в зале наступила тишина. Мисс Паркер, одетая в розовые колготки, черную короткую юбку для танцев и черный гимнастический купальник, вышла в центр сцены.

Выглядела она, кем и была, как постаревшая прима-балерина.

— Здравствуйте, — произнесла она своим низким голосом. — Как вы знаете, я…

И тут двери зала распахнулись. Все присутствующие, как по команде, повернули головы.

На пороге стояла Талли, которая выглядела так, словно прибыла сюда прямо с церемонии вручения «Грэмми». С коротко стриженными волосами с мелированными прядями и широкой улыбкой, она была похожа на озорного мальчишку. На Талли было потрясающее зеленое шелковое платье с одним оголенным плечом и утянутое на ее по-прежнему тонкой талии.

По залу пронесся шепот: «Это Таллула Харт… Она в жизни еще красивее…»

Никто уже не слушал вступительное слово мисс Паркер.

— И как ей удается так отлично выглядеть? — спросила Марджи, наклоняясь к дочери.

— Пластическая хирургия и батальон визажистов.

Марджи рассмеялась и сжала руку Кейт, давая понять, что и свою дочь считает красавицей.

Помахав семейству Муларки, Талли прошла к свободному месту в первом ряду и села.

Свет стал медленно гаснуть. На сцене появилась Мэгги Левин в костюме феи. За ней на сцену вышла ее сестра Клео вместе с остальными девочками, которые старались двигаться синхронно. Младшие девочки пристально следили за старшими и в результате делали свои движения на секунду позже, чем надо.

Но эти небольшие ошибки делали всю картину еще более милой и трогательной. Кейт едва сдерживала слезы. Джонни, перегнувшись через Лукаса, взял ее за руку как раз в тот момент, когда по сцене закружилась Мара. На середине танца она вдруг заметила в зале Талли, замерла на миг и помахала ей.

Весь зал рассмеялся, когда Талли помахала в ответ.

Когда представление закончилось, раздался шквал аплодисментов. Девочки несколько раз вышли на поклоны, затем, хихикая, побежали к своим родным.

Мара сразу же направилась к крестной. Громко смеясь, она упала прямо со сцены в объятия Талли. Вокруг них собралась толпа. Люди хотели получить у Талли автограф и познакомиться. Мара буквально светилась от гордости.

Когда страсти улеглись, Талли подошла к Райанам и заключила всех по очереди в объятия. Одной рукой она обняла за плечи Кейт, другой продолжала прижимать к себе Мару.

— У меня есть сюрприз для моей крестницы, — громко произнесла Талли.

Мара, смеясь, запрыгала на месте.

— Что это? Что это?

— Пошли посмотрим. — Талли подмигнула Кейт, и вся семья направилась к выходу.

Снаружи стоял, припаркованный к обочине, огромный розовый лимузин.

Мара завизжала от восторга.

Кейт повернулась к Талли:

— Ты меня разыгрываешь?

— Ну, разве он не крутой? Не представляешь, как трудно было такой найти. Ну, давайте же, забирайтесь внутрь.

Талли открыла дверь, и все уселись в обитый велюром салон. Потолок был подсвечен крохотными синими и красными лампочками.

Мара свернулась калачиком возле Талли и взяла ее за руку.

— Это — самый лучший сюрприз на свете, — сказала она. — А тебе понравилось, как я танцевала?

— Ты была превосходна! — заверила девочку Талли.

Они оставались в машине все время, пока переправлялись на пароме, и Мара ни на секунду не переставала болтать с Талли.

Оказавшись на другом берегу, водитель снова включил мотор и стал катать их по городу, словно они были туристами. В конце пути они проехали сквозь ярко освещенную арку к внушительному зданию. Навстречу им вышел одетый в ливрею швейцар. Он открыл дверцу и спросил:

— Кто из этих прекрасных леди Мара Роуз?

Мара тут же подняла руку, счастливо хихикая:

— Я, я!

Швейцар достал из-за спины розовую розу на длинном стебле и вручил девочке.

Мара была сражена.

— Вау!

— Скажи спасибо, Мара, — произнесла Кейт чуть резче, чем следовало.

Девочка кинула на мать полный раздражения взгляд.

— Спасибо!

Талли повела всех в отель. На последнем этаже она открыла дверь гигантского номера, где были всевозможные игровые автоматы и аттракционы для детей — батуты, виртуальный бокс, маленькие машинки. Все девочки из танцевального класса были уже здесь вместе со своими родственниками. В центре номера стоял стол, накрытый белой скатертью. На нем красовался огромный многоэтажный торт, украшенный крошечными сахарными балеринами.

— Тетя Талли! — завизжала Мара, бросаясь на шею крестной. — Ну, это вообще! Я тебя так люблю!

— Я тоже люблю тебя, принцесса. А теперь иди играй с друзьями.

Старшие застыли в дверях, словно пораженные громом. Первым опомнился Джонни. Устроив поудобнее Уильяма, сидевшего у него на руках, он сказал, обращаясь к Талли:

— А не слишком ли ты ее балуешь?

— Ну, вообще-то я хотела еще привезти сюда пони, но подумала, что это будет уже слишком.

Миссис Муларки рассмеялась, а мистер Муларки покачал головой.

— Пойдемте же, Марджи, Джонни, — сказал он в конце концов. — Посмотрим, что у них тут есть в баре.

Когда Кейт и Талли остались наедине, Кейт сказала:

— Ты знаешь, как сделать свой выход запоминающимся. Мара будет помнить этот вечер всю жизнь.

— Ты считаешь, это слишком? — спросила Талли.

— Ну, может быть, совсем чуть-чуть.

Талли одарила подругу широкой улыбкой, но Кейт почувствовала в ней какую-то фальшь.

— Что не так? — тут же напрямик спросила она.

Но прежде чем Талли успела что-то ответить, к ним подбежала сияющая от радости Мара.

— Мы хотим сфотографироваться с тобой, тетя Талли!

Кейт молча наблюдала, как ее дочь не отходит от своей крестной. Кейт не хотелось признаваться в этом даже самой себе, но она испытывала болезненные уколы ревности. Это должен был быть их вечер — ее и Мары.

Талли сидела в лимузине и гладила по темным шелковистым волосам Мару, заснувшую, положив голову ей на колени. Напротив спала Кейт, привалившись к Джонни, который тоже сидел, прикрыв глаза. И рядом с каждым из супругов Райан спал маленький мальчик. Они выглядели просто как фирменная идеальная семья.

Лимузин свернул на дорожку к пляжу. Талли поцеловала мягкую розовую щеку Мары.

— Мы почти дома, принцесса.

Девочка медленно разлепила глаза.

— Я люблю тебя, тетя Талли.

Сердце Талли сжалось от этих слов, она почувствовала какое-то обжигающее волнение.

Талли всегда считала, что успех подобен золоту: стоит того, чтобы покопаться ради него в грязи. Зато любовь всегда будет ждать ее на берегу и к ней можно будет обратиться, когда надоест мыть золото. Теперь она не могла бы ответить сама себе, почему она так думала, учитывая ее собственное прошлое. Ей надо было давно понять святость и важность любви в жизни человека. Если успех был золотом, лежащим на дне реки, то любовь была бриллиантом, зарытым глубоко в земле, который не всегда распознаешь с первого взгляда. И неудивительно, что ее так тронуло признание в любви, полученное от Мары. Она не часто слышала слова любви в своей жизни.

— Я тоже люблю тебя, Мара Роуз.

Лимузин подъехал к дому, шины зашуршали по гравию. Семейству Райанов понадобилась целая вечность, чтобы выбраться из машины и войти в дом. Они немедленно поднялись наверх.

Талли стояла в пустой гостиной и не знала, что ей делать. Сверху слышался скрип половиц.

Она попыталась помочь укладывать детей спать, постаралась вписаться в повседневную рутину их семейной жизни, но только путалась у всех под ногами и в конце концов сдалась.

Наконец Кейт, устало вздыхая, спустилась по лестнице с несколькими платками в руках.

— Ну хорошо, Талли. А теперь расскажи, что не так.

— Что ты имеешь в виду?

Кейт схватила подругу за руку и повела по комнатам с разбросанными игрушками. В кухне она задержалась, чтобы налить два бокала белого вина, затем подруги вышли наружу и уселись на лужайке в плетеные кресла. Тихий шум прибоя перенес Талли почти на двадцать лет назад, к тем ночам, когда они, сбежав из дома, сидели у реки, болтали о мальчиках и курили одну сигарету на двоих.

Талли накинула на себя вязаный платок. После стольких лет и, несомненно, множества стирок, платок по-прежнему пах ментоловыми сигаретами и духами миссис Муларки.

Кейт подтянула к подбородку укрытые большим вязаным платком колени и велела:

— Говори!

— И о чем же ты хочешь поговорить?

— Сколько лет мы с тобой лучшие подруги?

— С тех пор, как был в моде Дэвид Кэссиди.

— И ты думаешь, что я не вижу, когда с тобой что-то не так?

Талли откинулась на спинку кресла, потягивая вино. Правда была в том, что ей действительно хотелось поговорить об этом — в конце концов, отчасти поэтому она летела через всю страну, — и все же сейчас, когда она была здесь и ее лучшая подруга сидела рядом, Талли не знала, с чего начать. Хуже того, она чувствовала себя идиоткой, жалуясь на то, чего не было в ее жизни. Ведь у нее так много всего было.

— Я всегда думала, что ты сваляла дурака, отказавшись от карьеры, — начала Талли. — Четыре года всякий раз, когда я тебе звонила, я слышала на заднем плане плач или нытье Мары. Я думала, что покончила бы с собой, если бы это была моя жизнь, а твой голос всегда был расстроенным или злым, но в то же время почему-то счастливым.

— Когда-нибудь и ты узнаешь, как это.

— Нет, не узнаю. Мне почти сорок, Кейти. — Она наконец взглянула на подругу. — Теперь я знаю: это я была сумасшедшей, когда не хотела ничего, кроме карьеры.

— Зато какую ты сделала карьеру!

— Да, но иногда этого бывает недостаточно. Я знаю, стыдно говорить это, но иногда я устаю работать по восемнадцать часов в день и возвращаться в пустой дом.

— Но ты можешь изменить свою жизнь. Просто надо захотеть по-настоящему.

— Благодарю тебя, подруга. Очень глубокая мысль.

Кейт смотрела на волны, набегающие на берег.

— Все таблоиды писали на прошлой неделе о шестидесятилетней женщине, которой удалось родить.

— Ну и дрянь же ты! — рассмеялась Талли.

— Я знаю. А теперь пойдем, маленькая бедная мегабогатая девочка, я провожу тебя в твою комнату.

— Я буду завтра жалеть, что жаловалась, да?

— Ну да…

Они прошли через темный дом. У дверей гостевой комнаты Кейт повернулась к подруге:

— Не надо больше портить Мару, ладно? Она и так уже думает, что ты можешь достать луну с неба.

— Не глупи, Кейти. Я заработала в прошлом году чертовых два миллиона долларов. И что я, по-твоему, должна с ними делать?

— Пожертвуй на благотворительность. Но никаких больше розовых лимузинов, хорошо?

— Знаешь, ты стала очень скучная.

И только позже, лежа на продавленном матрасе раскладной кровати и глядя в окно на Большую Медведицу, Талли вдруг поняла, что не спросила Кейт о ее собственной жизни.

Кейт смотрела на календарь, висящий на стене у холодильника. Невозможно было поверить, что время летит так быстро. Но доказательство находилось прямо перед ней. На календаре был ноябрь две тысячи второго года, и последние четырнадцать месяцев изменили весь мир. В сентябре прошлого года террористы направили самолеты на башни Всемирного торгового центра и на Пентагон. Погибли тысячи людей. Еще один самолет угнали, и в результате он разбился. Никто не выжил. В вечерних новостях все чаще мелькали сообщения о заминированных машинах и взрывниках-смертниках, разработках оружия массового поражения. Слова «Аль-Каида», «Талибан», «Пакистан» можно было услышать в любом разговоре, их повторяли практически в каждом эфире.

Страх изменил всех и все вокруг, но все же жизнь шла своим чередом. Час за часом, день за днем, пока политики и военные искали бомбы и террористов, пока Министерство юстиции рушило бумажные стены «Энрон», семьи простых людей жили своей жизнью. Кейт продолжала крутиться по дому, растить детей и любить мужа. И если она старалась теперь крепче привязать их к себе и заставить держаться поближе к дому, то все понимали: это оттого, что мир стал небезопасным.

И вот пора уже готовиться ко Дню благодарения, а из-за угла выглядывает Рождество. Наступает пора праздников, которая делает чуть ли не каждую семейную женщину почти что невменяемой личностью, разрывающейся между радостью и той огромной работой, которую надо было переделать, чтобы организовать эту радость для всех. Кейт часто забывала замедлить свой бег, чтобы насладиться чудесным праздничным настроением, царившим вокруг. Необходимо было все время что-то печь — для школьных вечеринок и благотворительных базаров, для распродажи в танцевальном классе, для пожертвований. И конечно, нужно было сделать множество покупок. Каким бы прекрасным ни был остров Бейнбридж, когда дело доходило до подарков к Рождеству, тут же приходилось вспоминать, что это — часть суши, окруженная водой, и все крупные торговые центры и магазины находятся неблизко. Иногда Кейт чувствовала себя альпинистом, отправившимся на покорение вершины, не запасясь кислородом. Вершиной был торговый центр «Нордстром». Когда у

тебя трое детей, уходит довольно много времени на то, чтобы выбрать всем подарки, а праздники стремительно приближаются.

Сидя в машине около школы в ожидании Мары, Кейт начала писать рождественский список, но успела набросать лишь несколько пунктов, когда прозвенел звонок и дети высыпали из школы.

Мара обычно выходила из кирпичного здания, окруженная подружками. Девочки в этом возрасте собираются в стайки. Но сегодня Мара вышла одна и с опущенной головой быстро направилась к машине.

Кейт сразу поняла, что что-то случилось. Вопрос лишь в том, что именно. Ее дочери было двенадцать. Это означало, что в крови у нее бушевали гормоны, а все эмоции кипели, как в горячем котле, и все кругом казалось девочке драматичным.

— Привет, — осторожно произнесла Кейт, понимая, что одно неправильное слово может привести к ссоре.

— Привет. — Мара забралась на переднее сиденье и пристегнула ремень. — А где мальчишки?

— У Эвана день рождения. Папа заберет их по пути с работы.

— А-а…

Кейт вывела машину со стоянки, и они тут же очутились в пробке на Спортсменз-Клаб-роуд. Всю дорогу домой она пыталась завязать с дочерью разговор, но безуспешно. В лучшем случае Мара отвечала односложно, а в худшем только закатывала глаза и демонстративно вздыхала. Когда они заехали в гараж, Кейт предприняла последнюю попытку.

— Я буду печь мальчикам печенье для завтрашнего праздника в честь Дня благодарения. Хочешь помочь мне?

Мара наконец удостоила ее взглядом.

— То самое в виде тыковок с апельсинной глазурью и зеленой посыпкой?

На какой-то миг ее дочь снова превратилась в маленькую девочку с блестящими глазами, и даже губы ее тронула улыбка. Ведь и у нее было столько подобных праздников и приятных воспоминаний.

— То самое, — подтвердила догадку дочери Кейт.

— Мне нравится это печенье.

Именно на это Кейт и рассчитывала.

— А помнишь тот год, когда миссис Норманн принесла точно такие же, и ты так разозлилась, что заставила всех попробовать и те, и другие, чтобы можно было сказать, чьи вкуснее?

Мара наконец улыбнулась по-настоящему.

— Мистер Роббинс жутко тогда на меня разозлился. Мне пришлось остаться, чтобы помочь ему прибрать после вечеринки.

— А Эмили осталась помогать вместе с тобой.

— Да. — Улыбка Мары вдруг поблекла.

— Итак, ты хочешь мне помочь?

— Ну конечно.

Кейт позаботилась о том, чтобы не отреагировать на согласие дочери как на нечто из ряда вон выходящее. Ей очень хотелось улыбнуться и сказать Маре, как она рада, но вместо этого Кейт лишь кивнула головой, вошла вместе с Марой в дом и прошла в кухню. За последний год она узнала кое-что важное о том, как вести себя с девочками на пороге пубертатного периода. В то время когда они буквально фонтанируют эмоциями, родителям лучше всего оставаться спокойными.

Следующие три часа мать и дочь трудились бок о бок в огромной кухне в деревенском стиле. Кейт напомнила Маре, как просеивать муку и как смешивать ингредиенты, показала, как смазывали противень жиром в прежние времена. Они говорили о разных мелочах, об этом и о том — ничего особенно важного. Но Кейт, как настоящий охотник, была начеку и ждала подходящего момента. Они как раз закончили мазать глазурью последнее печенье и собирали в раковину грязную посуду, когда Кейт произнесла:

— Хочешь сделать еще порцию? Мы могли бы отнести ее к Эшли.

Мара вдруг словно окаменела.

— Нет, — произнесла она так тихо, что Кейт едва ее расслышала.

— Но ведь Эш так любит их. Помнишь, когда…

— Она ненавидит меня, — сказала Мара, и, словно наконец прорвало плотину, по щекам ее заструились слезы.

— Вы поссорились?

— Я не знаю.

— Как это можно не знать?

— Я просто не знаю. Все, о’кей?

Разрыдавшись, Мара отвернулась.

Кейт протянула руку и, взяв дочку за рукав, притянула ее к себе:

— Я здесь, милая, я с тобой.

Мара крепко обняла мать.

— Я не знаю, что я сделала не так, — всхлипывая, сказала она.

— Шшш… — Кейт гладила дочь по волосам, словно она была малышкой. И только когда Мара наконец перестала плакать, Кейт отстранилась, чтобы заглянуть ей в лицо. — Иногда жизнь…

Позади них с грохотом распахнулась дверь. Близнецы ворвались в кухню, крича, как резаные. Они изображали схватку игрушечных динозавров. За ними гнался по пятам Джонни. Уильям налетел на столик со стоящим на нем стаканом воды, который, разумеется, не следовало там оставлять. Раздался звук бьющегося стекла.

— Уо! — пробормотал Уильям, виновато глядя на мать.

— Вилл-ли попал! — засмеялся над братом Лукас.

Мара вырвалась из объятий матери, побежала наверх и захлопнула за собой дверь.

— Лукас! — сурово сказал Джонни. — Перестань дразнить брата. И держись подальше от осколков на полу.

Кейт со вздохом потянулась к полотенцу.

На следующий день Кейт въехала на главную аллею, пересекавшую территорию школы, минуты за три до того, как прозвенел звонок на ланч. Припарковавшись в неположенном месте, Кейт поспешила в офис, договорилась там, что Мара пропустит один день, затем направилась к ее классу. Вчера вечером после момента откровенности Мара снова закрылась от Кейт. Никакие хитрости Кейт не помогли снова запустить заглохший мотор. Поэтому Кейт пришлось придумать «план Б» — неожиданную атаку.

Заглянув в класс через прямоугольное окно, она постучала. Учительница увидела ее, приветливо помахала рукой, и Кейт зашла внутрь.

Дети заулыбались ей и поздоровались. В том, чтобы быть волонтером, было свое преимущество: все тебя знали. Дети обрадовались ее появлению еще и потому, что учительнице пришлось прервать урок.

Только на лице Мары застыла гримаса, означавшая: «Зачем ты пришла сюда ни с того ни с сего?» Кейт было хорошо знакомо это

выражение на лице дочери. Она отлично помнила правило средней школы: родители должны быть невидимыми.

Прозвенел звонок, учительница направилась к двери, и дети выбежали из класса, громко болтая.

Когда они остались вдвоем, Кейт подошла к Маре.

— Что ты здесь делаешь? — возмущенно спросила Мара.

— Сейчас узнаешь. Собирайся, мы уезжаем.

Мара смотрела на мать, явно оценивая ситуацию со всех возможных точек зрения.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Подожди меня в машине, ладно?

В другое время Кейт не удержалась бы от комментария и заставила бы Мару выйти из школы вместе с ней, но сейчас девочка была слишком нестабильна эмоционально. Ведь именно поэтому Кейт и приехала сюда.

— Договорились, — сказала она.

Такая легкая победа удивила Мару.

Кейт улыбнулась девочке и дотронулась до ее плеча.

— До встречи через пять минут.

На самом деле Маре потребовалось немного больше времени. Вскоре она уже пристегивала ремень безопасности, усевшись рядом с матерью.

— И куда же мы едем?

— Прежде всего на ланч.

— Ты забрала меня из школы, чтобы отвезти на ланч?

— И кое для чего еще. Это сюрприз.

Кейт подъехала к большому ресторану, который находился на острове рядом с многозальным кинотеатром.

— Я буду чизбургер и клубничный коктейль, — сказал Мара, когда они сели за столик.

— Я тоже.

После того как официантка удалилась, приняв заказ, Кейт внимательно посмотрела на дочь. Мара сидела, сгорбившись, на синем пластиковом стуле и казалась очень худенькой и угловатой. Ее темные волосы, непослушные и встрепанные, когда-нибудь станут ее настоящим украшением, так же, как и большие карие глаза, в которых

отражались ее чувства. Сейчас глаза девочки были полны настороженности.

Официантка принесла их коктейли. Кейт сделала большой глоток.

Пожалуй, это был первый десерт с мороженым, который она попробовала после рождения близнецов, и вкус у него был просто божественный.

— Эшли по-прежнему ведет себя так же мерзко? — поинтересовалась Кейт.

— Она ненавидит меня. Я не понимаю, почему, что я ей сделала?!

Кейт долго думала над тем, что сказать дочери, как вести себя с девочкой, которой первый раз в жизни разбили сердце. Как и любая мать, она готова была на все, чтобы ее ребенок был в безопасности и удары судьбы миновали его. Но не от всех опасностей можно защитить, есть вещи, через которые надо пройти каждому, научиться понимать, что к чему. Это был один из многих уроков, которые пришлось усвоить в этом году ее стране. Хотя некоторые вещи навсегда изменились для них для всех, многое осталось прежним.

— В пятом классе у меня были две лучшие подруги. Мы годами делали все только вместе: демонстрировали наших лошадей на ярмарке, устраивали вечеринки с ночевкой, ходили на озеро летом. Бабушка называла нас «три лошкетера» — от слова «лошадь». И вдруг я разонравилась своим подругам, до сих пор не знаю почему. Они стали встречаться с мальчиками, ходить по вечеринкам, а меня уже больше никогда не брали с собой. Каждое утро, отправляясь в школу, я сидела в автобусе отдельно, и за ланчем сидела в столовой одна, а каждый вечер плакала перед сном. — Кейт на минуту умолкла, вспоминая. — Я до сих пор помню, как больно мне было тогда, — призналась она.

— А что случилось потом?

— Ну, в один прекрасный день, когда я чувствовала себя особенно несчастной, да я и была несчастной, видела бы ты меня тогда с брекетами на зубах и в очках в толстой оправе…

Мара захихикала.

— Я отправилась в школу. И увидела на автобусной остановке Талли. Она была самой клевой девчонкой, какую мне только доводилось видеть. И я была уверена, что она никогда не захочет со мной дружить. Но знаешь, что я однажды поняла?

— Что?

— Что в глубине души тетя Талли была такой же испуганной и одинокой, как и я. И мы стали в тот год лучшими подругами. Настоящими подругами, такими, которые не станут специально делать друг другу больно и не разлюбят друг друга безо всякой причины.

— А как же найти такую подругу?

— Это непросто, совсем не просто, Мара. Для этого надо открыться. Вывернуть душу наизнанку. Многие захотят туда плюнуть — девочки часто бывают в этом возрасте очень жестоки, — но это не должно тебя останавливать. Если тебе будет очень обидно, надо просто собраться, встряхнуться и попытаться снова. В твоем классе наверняка есть девочка, с которой ты будешь дружить всю старшую школу. Я знаю. Тебе просто надо ее найти.

Мара задумчиво нахмурилась.

— Эмили очень симпатичная, — сказала она, прежде чем приступить к чизбургеру.

Кейт надеялась, что Мара запомнит этот разговор. Мара и Эмили очень дружили в младшей школе, но в средней как-то отдалились друг от друга.

— Да, мне тоже нравится Эмили, — сказала Кейт.

Наконец она увидела на лице своей дочери настоящую улыбку, и Кейт почувствовала огромное облегчение. Они еще поговорили о разных пустяках, особенно о моде, которой Мара была безмерно увлечена, а Кейт мало что в ней понимала. Когда Кейт оплатила счет и они готовились уйти, она полезла в сумку и вынула небольшой сверток.

— Это тебе, Мара, — сказала Кейт.

Мара развернула бумагу и обнаружила под ними книжку в мягкой обложке.

— «Хоббит», — прочитала Мара и вопросительно посмотрела на мать.

— В тот год, когда у меня не было друзей, я все же была не одна. У меня были книги. А это начало одной из моих самых любимых историй. Я прочитала «Властелина колец», все три книги, наверное, раз десять. Думаю, пока ты еще не готова прочесть «Хоббита», но когда-нибудь, может быть через несколько лет, может случиться что-то, что больно заденет твои чувства. Может быть, ты останешься наедине

со своей бедой, не будешь готова поделиться ею со мной или с папой, и если это случится, вспомни о книге, которая лежит у тебя на тумбочке. Ты сможешь прочесть ее тогда, и она унесет тебя далеко-далеко. Поверь, это очень помогло мне, когда я была такой, как ты, и мне было трудно и одиноко.

Мара выглядела озадаченной и смущенной, получив подарок, для которого она, может быть, была еще мала. Она тихо проговорила:

— Спасибо.

Кейт снова смотрела на дочь и думала, как быстро летит время. Детство Мары осталось позади, так же быстро пролетит и отрочество.

— Я люблю тебя, мама, — сказала Мара.

Для всего мира, наверное, это был самый обычный день и час, но для Кейт он стал необыкновенным. Именно ради таких моментов она сделала свой выбор и осталась дома, а не стала делать карьеру… Наверное, бывали дни, когда она сомневалась в правильности своего выбора, но такие моменты, как этот, нельзя было променять ни на что.

— Я тоже люблю тебя, малышка. Поэтому сегодня мы прогуливаем школу и идем в кино на дневной сеанс. «Гарри Поттер и тайная комната» тебе подойдет?

Мара, сияя, поднялась из-за стола.

— Ты — лучшая мама на свете!

Кейт рассмеялась:

— Надеюсь, ты не забудешь об этом, когда станешь старше.

24

Талли запоминала годы по репортажам, которые она делала. В две тысячи втором она побывала в отпуске в Европе, на острове Святого Варфоломея и в Таиланде, присутствовала на церемонии вручения «Оскара», сама получила «Эмми», покрасовалась на обложке журнала «Пипл», сменила дизайн квартиры, но от всего этого не осталось никаких воспоминаний. Помнила она только репортажи — о начале операции «Анаконда» против «Талибана», о нарастающей напряженности в мире, о суде над Милошевичем за преступления против человечества, о начале войны с Ираком.

К весне две тысячи третьего года Талли смертельно устала от своих командировок в горячие точки, в мир жестокости и насилия. Но оказалось, что и дома ничуть не легче. Куда бы она ни отправлялась, ее сопровождала толпа, а Талли нигде не чувствовала себя такой одинокой, как среди осаждавших ее людей, которым все время от нее что-то нужно, но которые не знают и не хотят узнать ее по-настоящему.

И хотя никто из ее зрителей и почитателей ничего не замечал, Талли тихо сходила с ума. Грант не звонил ей четыре месяца, да и в последний раз, прежде чем расстаться, они нехорошо поговорили.

«Я просто не хочу того, чего хочешь ты, любимая», — сказал он, даже не пытаясь изобразить сожаление. «Что же это?» — спросила в ответ Талли, с удивлением чувствуя, как глаза жгут готовые пролиться слезы. «То же, что и всегда. Ты всегда хотела большего».

Такой ответ не должен был ее удивить. Видит бог, она слышала то же самое от разных людей на протяжении всей своей жизни. Талли даже готова была признать, что это правда. Она хотела теперь куда большего, хотела настоящей жизни, а не жизни в том идеальном коконе, который создала для себя сама.

Но она понятия не имела, как можно в ее возрасте начать все сначала. Она любила свою работу и не была готова отказаться от нее. К тому же она так давно была богата и знаменита, что просто не могла представить себя в роли обычной женщины.

И вот она спешила по улицам Манхэттена погожим солнечным днем, безошибочно угадывая вечно торопящихся местных жителей

среди толп туристов. Сегодня был первый погожий день после долгой снежной зимы, а ничто так не меняет настроения Нью-Йорка и его обитателей, как солнце.

Люди поспешили надеть удобную обувь для прогулок и выйти из душных квартир. Справа был зеленый оазис Центрального парка. В какой-то момент, глядя на гуляющих, Талли словно увидела свое прошлое: площадь Квад в кампусе университета Вашингтона, зеленые лужайки, захваченные студентами. Прошло двадцать лет с тех пор, как она последний раз была в кампусе. В жизни столько всего случилось за эти годы, но сейчас Талли чувствовала себя так, словно прошлое так же близко, как ее собственная тень.

Улыбнувшись, она энергично тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Надо будет позвонить сегодня Кейти и поделиться с ней воспоминаниями.

Талли как раз собралась ускорить шаг, когда увидела его.

Он стоял на заасфальтированной дорожке у подножия зеленого холма и наблюдал, как катаются на роликах две девочки-подростка.

— Чад!

Она произнесла его имя вслух впервые за многие годы. И оно было таким же сладким на вкус, как миндальный ликер. Один взгляд на этого мужчину словно стер все прошедшие годы, и Талли снова почувствовала себя молодой.

Талли свернула к дорожке и попала в тень раскидистого дерева, которое, как зонтик, скрыло от Талли солнце. Ей вдруг стало холодно.

Что она скажет ему после всех этих лет? А что Чад скажет ей? Последний раз, когда они были вместе, он сделал ей предложение. Больше они не виделись. Чад хорошо знал ее, так хорошо, что не стал ждать ответа. Он знал, что услышит «нет». Но они любили друг друга. По прошествии стольких лет Талли стала мудрее, и теперь она точно это знала. И еще она знала, что над любовью не властно время. Она может поблекнуть, иссушиться временем, но не исчезает бесследно.

Талли вдруг открылось, что она хочет любить кого-нибудь и быть любимой в ответ. Как Джонни и Кейт. Она больше не хочет быть одинокой в этом мире.

Преодолев сомнения, Талли смело направилась к Чаду. Из тени — на свет.

И вот он стоит перед ней — мужчина, которого она так и не смогла изгнать из своих снов. Она произнесла его имя. Слишком тихо, чтобы он мог услышать. Но Чад повернул голову.

И улыбка тут же исчезла с его лица.

— Талли?

Она видела, как шевелятся его губы, и понимала, что он произносит ее имя, но не могла его расслышать — мимо нее с криками промчались двое скейтбордистов.

А Чад уже шел к ней. Это было как в фильмах, как в самых смелых ее снах. Он заключил Талли в объятия.

Но вдруг разжал их и сделал шаг назад.

— Я знал, что мы встретимся.

— У тебя всегда было больше веры, чем у меня.

— Ну, так можно сказать почти про каждого, — улыбнулся Чад. — Как ты?

— Я работаю на Си-би-эс. Я…

— О твоей карьере я все знаю, — тихо сказал Чад. — И горжусь тобой. Я всегда знал, что ты доберешься до вершины. — Несколько секунд он внимательно смотрел на Талли, потом спросил: — Как Кейти?

— Она вышла замуж за Джонни. Мы редко видимся последнее время.

— Да, — сказал он с таким видом, словно услышал ожидаемый ответ на свой вопрос.

И Талли почувствовала, что он по-прежнему видит ее насквозь.

— Что — да?

— Ты одинока. Всего мира, в конце концов, оказалось недостаточно.

Талли нахмурилась. Они стояли так близко друг к другу, что любое движение могло закончиться поцелуем. Но Талли не представляла, как преодолеть разделявшее их такое короткое расстояние. Чад выглядел моложе, чем она представляла, вспоминая его. И гораздо красивее.

— Как тебе это удается? — спросила Талли.

— Что именно?

— Папа, смотри!

Голос раздался откуда-то издалека. Талли медленно повернулась и увидела подъезжавших к ним двух женщин на роликах. Она ошиблась при первом взгляде. Это не были подростки. И одна из них была очень похожа на Чада — те же резкие черты, темные волосы и глаза, в которых загорались искорки, когда девушка смеялась.

Но внимание Талли привлекла вторая женщина. Лет тридцати — тридцати пяти, с открытой улыбкой, она словно была готова в любой момент рассмеяться. Она была одета ярко — джинсы, розовый свитер крупной вязки, ярко-синюю шапочку и перчатки.

— Моя дочь. Она учится в аспирантуре Нью-Йоркского университета, — представил девушку Чад. — А это Кларисса — женщина, с которой я живу.

Талли кивнула, безуспешно пытаясь изобразить радость, и, взяв Чада под руку, отступила в сторону.

— Ты по-прежнему живешь в Нэшвилле? — Талли выталкивала из себя слова, словно катила в гору тяжелое бревно. Последнее, чего ей хотелось, это вести с этим человеком светские беседы. — По-прежнему посвящаешь в мир новостей молоденьких девочек с горящими глазами?

Обе женщины, не желая мешать разговору, поспешили оставить их наедине.

Чад взял Талли за плечи и развернул к себе.

— Ты ведь сама не захотела быть со мной, Талли. — В голосе Чада угадывались еле сдерживаемые эмоции. — Я готов был любить тебя вечно, но ты…

— Не надо. Пожалуйста!

Он коснулся ее щеки легким жестом, полным скрытого отчаяния.

— Мне надо было тогда поехать с тобой в Теннесси, — сказала Талли.

Чад покачал головой.

— У тебя были мечты. Именно это я любил в тебе больше всего.

— Любил, — повторила она, злясь на себя за ту боль, которую испытывала сейчас.

— Некоторым вещам просто не суждено случиться.

Талли кивнула.

— Особенно когда боишься позволить им случиться.

Чад снова заключил ее в объятия и прижал к себе с куда большей страстью, чем прижимал ее Грант. Она ждала поцелуя, который так и не последовал. Вместо этого Чад отпустил ее, затем взял за руку и повел обратно к дорожке.

Талли помедлила, не спеша последовать за ним.

— Скажи мне что-нибудь, Уили. Я, кажется, безнадежно проиграла свою жизнь.

На залитой солнцем дорожке Чад посмотрел ей в глаза.

— Ты ведь добилась такого успеха, о котором не могла даже мечтать, разве тебе этого недостаточно?

Талли поморщилась:

— Думаю, мне следовало остановиться, чтобы понюхать эти цветы. Черт побери, ведь я даже не замечала их раньше!

— Ты не одна, Талли. Каждого из нас окружают в этой жизни люди. Семья.

— Ты, наверное, забыл, что представляет собой моя мать.

— А может, это ты забыла.

— Что ты имеешь в виду?

Чад оглянулся и посмотрел на парк, где катались на роликах, взявшись за руки, его дочь и его женщина. Одна учила другую ехать задом.

— Я потерял столько лет, не общаясь со своей дочерью. В один прекрасный день я просто решил, что дальше так продолжаться не может, и нашел ее.

— Ты всегда был оптимистом.

— И ты тоже. — наклонившись, Чад поцеловал Талли в щеку и тут же отстранился. — Продолжай устраивать переполох в этом мире, Талли Харт.

С этими словами Чад повернулся и пошел прочь.

Забавно было услышать от него те же слова, которые он написал столько лет назад в прощальном письме. Когда они были написаны на бумаге, Талли не сумела расслышать за ними эту самую нотку безнадежности, которая выступила теперь на первый план.

Зато теперь ей открылась истина: этими словами Чад много лет назад хотел не только приободрить, но и предостеречь ее: что толку поджигать весь этот мир, если потом придется в одиночестве смотреть, как он горит.

Если на свете и было что-то, что Талли умела делать безукоризненно, так это игнорировать неприятные вещи. Большую часть жизни ей удавалось запечатывать и хранить все свои обиды и разочарования в дальнем уголке подсознания, там, где никто их не видит. Конечно, иногда ей снились кошмары, и она просыпалась в холодном поту, а воспоминания плавали где-то на поверхности, но когда наступало утро, она снова заталкивала дурные мысли подальше и забывала о них.

Но сегодня она в первый раз столкнулась с чем-то таким, что не могла ни забыть, ни запрятать подальше.

Чад. Увидеть его вот так, в городе, ставшем для нее родным, — это потрясло ее до глубины души. И она не могла избавиться от нахлынувших воспоминаний. Она слишком много не успела ему сказать, о многом не расспросила.

Через три месяца после их случайной встречи Талли поймала себя на том, что вспоминает каждую ее подробность, прокручивает снова и снова, как судебный эксперт, пытающийся, собрав части, увидеть целое. Чад стал символом всего, от чего она отказалась, чтобы достичь того, что она имеет сейчас, пойти по дороге, которую она выбрала.

Но самым болезненным для нее было воспоминание о том, что сказал Чад об Облачке. «Ты не одна, Талли. У каждого есть семья». Слова она помнила неточно, но смысл был именно такой.

Эта мысль разрасталась в ее мозгу подобно раковой клетке. Она все время ловила себя на том, что думает об Облачке, по-настоящему думает. Вместо того чтобы вспоминать те случаи, когда мать ее бросала, она вспоминала теперь о том, как Дороти возвращалась. Талли знала: это опасно — цепляться за позитив, когда существует столько негатива, но вдруг ей подумалось, что, возможно, в этом была ее ошибка. Неужели она была настолько сосредоточена на ненависти к матери, на том, чтобы забыть или загнать подальше свои разочарования, что от нее оказался скрыт истинный смысл бесконечных возвращений Облачка.

И мысли об этом, надежды на это невозможно было похоронить в памяти, невозможно загнать в тень.

Наконец Талли решила во всем разобраться. Результатом стала странная поездка. Талли освободилась на две недели от работы и

сказала всем, что едет в отпуск. Собрала чемодан и села в самолет, летящий на запад.

Меньше чем через восемь часов, после того как она покинула Манхэттен, Талли уже была на острове Бейнбридж и подъезжала к дому Райанов.

Талли вышла из наемного лимузина. Она стояла на подъездной дорожке и слушала, как отъезжает машина и шины шуршат по гравию. Она слышала, как за домом накатывают на берег волны. Это означало, что приближается прилив. В этот солнечный летний день старомодный фермерский дом выглядел как картинка из фотоальбома. Тронутая свежей краской черепица напоминала карамель, на блестящей белой окантовке играли солнечные блики.

По двору были разбросаны игрушки, валялись велосипеды. Талли вспомнила то время, когда они с Кейти были девчонками с улицы Светлячков. Их велосипеды были волшебными коврами-самолетами, уносившими их в иной мир.

«Ну, давай же, Кейти, решайся!»

Талли улыбнулась. Она не вспоминала о том лете уже очень давно. Тысяча девятьсот семьдесят четвертый, начало всего. Встреча с Кейт изменила ее жизнь, а все потому, что они осмелились протянуть руки друг другу, осмелились произнести вслух: «Давай будем лучшими подругами».

Талли подошла к заросшей сорняками тропинке, которая вела к входной двери. Не успев подняться по ступенькам, она уже слышала доносившийся из дома шум. Это не удивило ее. По рассказам Кейт, первая половина две тысячи третьего года была совершенно безумной. Мара бурно вступала в переходный возраст, она кинулась в него очертя голову. А близнецы превратились из шумных, лезущих везде карапузов в не менее шумных пятилетних мальчишек, деятельность которых стала еще более разрушительной. Каждый раз, когда Талли звонила Кейти, та была за рулем и везла куда-то кого-то из детей.

Талли позвонила в дверной звонок. Обычно она входила в этот дом без предупреждения. Но обычно ее приезда здесь ожидали. А эту поездку она решила совершить под влиянием момента и не успела предупредить Кейти заранее. Честно говоря, она не была по-настоящему уверена, что решится. Всю дорогу она была готова повернуть назад, но вот она все-таки стоит здесь.

От топота детских ног старый дом буквально дрожал. Наконец дверь открылась. На пороге стояла Мара.

— Тетя Талли!

Девочка бросилась ей на шею.

Талли обняла свою крестницу и прижала к себе. Когда они отстранились друг от друга, Талли с удивлением посмотрела на девочку. Она не видела Мару всего семь или восемь месяцев — совсем немного при напряженной жизни Талли, но стоявшая перед ней девочка была ей незнакома. Мара выглядела взрослой девушкой — выше Талли, с молочно-белой кожей, пронзительным взглядом карих глаз, темными сияющими волосами, струящимися по спине, — настоящая красавица.

— Мара Роуз! — воскликнула Талли. — Ты совсем выросла, и ты великолепна. Ты уже пробовала себя в качестве модели?

Улыбка Мары сделала ее лицо еще более прекрасным.

— Вот! А мама думает, что я еще ребенок.

Талли рассмеялась:

— Ну уж нет! Ты совсем не ребенок.

Прежде чем она успела сказать что-то еще, по лестнице спустился Джонни, зажавший под мышками извивающихся мальчишек. Увидев Талли, он замер на месте и широко улыбнулся.

— Тебе не надо было впускать эту опасную женщину, Мара. Она приехала с чемоданом.

Талли, рассмеявшись, закрыла за собой дверь.

— Кейти! — громко позвал Джонни. — Тебе лучше спуститься вниз, иначе ты не поверишь, кто приехал нас навестить.

Он опустил близнецов на пол и заключил Талли в объятия. Она почувствовала, как это приятно, когда тебя просто обнимают. Ее давно так не обнимали.

— Талли! — Голос Кейти перекрыл шум.

Подруга торопилась к ней по лестнице, спеша заключить в объятия. Когда Кейт отстранилась, на губах ее играла улыбка.

— А теперь расскажи, что это ты здесь делаешь? Разве не знаешь, что мне надо заранее готовиться к каждому твоему приезду. А теперь ты будешь отчитывать меня за то, что я давно не стриглась и не мелировала волосы.

— И не забудь про то, что я застукала тебя без косметики. Но зато я помогу тебе создать новый имидж, у меня отлично получится. Это подарок.

Кейт взяла подругу за руку и подвела к дивану. Талли, оставив чемодан у дверей, села рядом с Кейт, и они провели целый час, рассказывая друг другу обо всем, что произошло в их жизни с тех пор, как они не виделись. Примерно в три часа они перенесли свою маленькую вечеринку на задний двор, где мальчики и Мара стали соревноваться с матерью за внимание Талли.

Начало темнеть. Джонни делал барбекю, на столике для пикника на тарелках были разложены овощи. Талли впервые за несколько месяцев наслаждалась домашней едой под звездным небом на берегу залива.

Потом она поиграла с мальчиками в настольную игру «Конфетная страна». А когда Кейт и Джонни увели близнецов, Талли и Мара остались сидеть на заднем дворе, завернувшись в знаменитые вязаные платки миссис Муларки.

— Каково это — быть знаменитой? — спросила девочка.

Талли много лет не размышляла на эту тему — просто принимала свою известность как должное.

— Ну, вообще-то это круто, — ответила она. — Тебя все время сажают за лучшие столики, приглашают в самые клевые заведения, дарят подарки. В общем, все к твоим услугам. И, поскольку я журналист, а не кинозвезда, папарацци в большинстве случаев оставляют меня в покое.

— А вечеринки?

Талли улыбнулась:

— Меня давно не интересуют вечеринки, но мне приходится там появляться — меня часто приглашают на них. А еще дизайнеры присылают мне платья, а от меня требуется появляться в них в публичных местах, на светских мероприятиях.

— Вау! — воскликнула Мара. — Вот это действительно круто!

Позади них хлопнула дверь. По веранде протащили стол. Послышалась музыка — Джимми Баффет, «Маргаритавилль».

— Ты ведь знаешь, что это означает, — сказала Кейт дочери, появляясь за их спинами с двумя бокалами «Маргариты» в руках.

Мара тут же захныкала:

— Я уже большая, могу посидеть с вами подольше. К тому же завтра не надо в школу. Завтра в школе родительский день.

— В кровать, малышка, — сказала Кейт, передавая бокал Талли.

Мара посмотрела на крестную взглядом, в котором ясно читалось: «Вот видишь, я же говорила, что она считает меня ребенком».

Талли не смогла удержаться от смеха.

— Было время, мы с твоей мамой тоже торопились поскорее стать взрослыми. Мы выбирались ночью из дома, воровали у моей матери…

— Талли! — резко оборвала ее Кейт. — Маре неинтересно слушать старые истории.

— Моя мама убегала ночью из дома? А что делала бабушка?

— Приговаривала ее к пожизненному заключению. И заставляла носить вещи с распродажи у «Фреда Майера», — смеясь, ответила Талли.

Мара вздрогнула при одной мысли о таком наказании.

— Из полиэстера, — добавила Кейт. — И я все лето боялась близко подходить к открытому огню.

— Вы обе мне врете! — заявила Мара, сложив руки на груди.

— Мы? Врем? Никогда! — воскликнула Талли, отпивая из бокала.

Мара встала со стула, одарила их долгим, полным страдания взглядом и отправилась в дом. Как только за девочкой закрылась дверь, Талли и Кейт рассмеялись.

— Скажи мне сейчас же, что мы такими не были, — потребовала Талли.

— Моя мама говорит, что я была именно такой. А вот тебя она считала маленькой мисс Совершенство. Разумеется, пока нас не арестовали по твоей милости.

— Да, это была первая пробоина в броне.

Кейт, смеясь, села в кресло рядом с подругой и завернулась в вязаный платок матери.

Талли даже не понимала, в каком напряжении она была все это время, как затекли у нее спина и плечи. Пока не наступил момент расслабления. Как всегда, Кейт была для нее спасением, ее вечной тихой гаванью. Рядом с лучшей подругой она могла наконец-то доверять самой себе. Откинувшись на спинку кресла, Талли смотрела в ночное небо. Она никогда не была из тех, кто чувствовал себя ничтожной, но она вдруг поняла, почему люди испытывают это

чувство. Все дело было в перспективе. Она провела столько лет в своей жизни в непрерывной гонке, что в какой-то момент выдохлась. Если бы она обращала больше внимания на окружающий пейзаж и меньше — на цель, к которой стремилась, она не была бы сейчас сорокадвухлетней женщиной в тщетном поиске хоть какого-то подобия семьи.

— Мне что, придется тебя расспрашивать? — спросила ее Кейт.

Глупо было скрывать правду, хотя в первую минуту Талли хотелось поступить именно так.

— Я встретила Чада, — наконец произнесла Талли.

— Несколько месяцев назад, насколько я помню. В Центральном парке, правильно?

— Да.

— И эта встреча заставила тебя вскочить в самолет и прилететь ко мне? Что ж, понимаю.

Прежде чем Талли успела ответить, дверь дома открылась, и появился Джонни со стаканом пива. Он подвинул себе кресло и присел рядом. Какое-то время они молча смотрели на залив. Лунный свет серебрился в накатывавших на песок волнах.

— Она уже рассказала тебе?

— Да вы двое что — телепаты? — воскликнула Талли. — Я как раз собиралась начать.

— Ну, пока что, — сказала Кейт, — она только напомнила мне, что пару месяцев назад встретила Чада.

— А-а… — Джонни кивнул с таким видом, словно сказанное полностью объясняло неожиданный приезд Талли.

— А что означает «а»? — Талли неожиданно почувствовала раздражение.

Вот и Чад говорил с ней примерно таким же тоном.

— Он — твой Моби Дик, — сказал Джонни, — огромный белый кит.

Талли дерзко посмотрела на Джонни.

— Я никогда ничего не говорила о размерах его члена.

— Ну, говори же, Талли, — перебила Кейт, сжав руку мужа. — Что произошло?

Талли посмотрела на этих двоих, сидящих рядом. На мужа и жену, которые все еще смеются вместе и после стольких лет супружества

стремятся коснуться друг друга, и в ее груди возник болезненный ком.

— Я устала быть одна, — наконец-то выдавила из себя Талли.

Она так долго носила в себе эти слова, что теперь, когда Талли наконец произнесла их, они казались какими-то затертыми, словно обточенные морской водой камни на берегу.

— А что насчет Гранта? — спросил Джонни.

— Но ты вроде сказала, что Чад живет с женщиной, — отреагировала Кейт.

— Тут ведь, по правде говоря, дело не в Чаде. То есть, конечно, в нем, но не в том смысле, в каком вы думаете. Он напомнил мне, что у меня тоже есть семья.

Кейт внимательно посмотрела на подругу.

— Ты сейчас имеешь в виду Облачко?

— Она — моя мать.

— Биологическая. Из любой рептилии мать лучше, чем из нее, хотя они зарывают яйца в песок и уползают.

— Я понимаю, что ты просто стараешься меня защитить, Кейти, но тебе хорошо говорить, — у тебя ведь есть семья.

— Она делает тебе больно каждый раз, когда вы видитесь.

— Но она ведь все время возвращалась. Может быть, это что-то значит?

— Но потом она всегда уходила. И каждый раз разбивала тебе сердце.

— Я стала сильнее.

— О чем вы двое сейчас говорите? — поинтересовался Джонни. — Вы словно придумали какой-то код.

— Я хочу найти ее. У меня есть ее последний адрес, я каждый месяц посылаю ей деньги. Может быть, если мне удастся организовать ей грамотную программу реабилитации, у нас появится шанс.

— Она не раз проходила реабилитационные программы, — напомнила Кейт.

— Я знаю. Но ни разу при моей поддержке. Может, именно это ей и нужно.

— Я слышу слишком много «может быть», — откликнулась Кейт.

Талли перевела взгляд с Кейт на Джонни, затем снова на Кейт.

— Я знаю, что это безумие, что это может не сработать, и кончится тем, что я буду плакать или пить, или и то и другое, но я

устала быть такой чертовски одинокой, и у меня нет ни любовника, ни детей. Кто у меня есть — так это мать со всеми ее недостатками. И, Кейти, я хочу, чтобы ты поехала со мной и помогла мне найти ее. Это займет всего несколько дней.

Кейт выглядела изумленной.

— Что?

— Я хочу найти ее. Но я не смогу делать это одна.

— Но… я не могу просто вот так взять и уехать на несколько дней. Завтра карнавал в младшей школе, я — ведущая всех игр. Мне надо быть там, организовывать ребят и раздавать призы.

Талли разочарованно вздохнула.

— Ну что ж, а как насчет выходных?

— Извини, Тал, не получится. Правда. Мы с мамой проводим раздачу еды от церкви в субботу и воскресенье. Без меня там не справятся. А в понедельник и среду я волонтерствую в департаменте парков и зон отдыха. Может быть, я смогу поехать с тобой на несколько дней в конце следующей недели.

— Если я буду ждать, я передумаю ехать, — сказала Талли, пытаясь представить себе, сможет ли осуществить эту поездку без поддержки. — Придется ехать одной. Я просто ужасно волновалась…

— Ты должна ехать с командой, — заявил Джонни.

Талли посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, знаешь, сними это, сделай репортаж. Ты — звезда с биографией бедной маленькой девочки. Я вовсе не хочу показаться бесчувственным, но твоим зрителям наверняка понравится, если они смогут отправиться в эту поездку с тобой. Мой босс из кожи бы выпрыгнул, чтобы иметь возможность это снять.

Талли прокручивала эту неожиданную идею в голове. Конечно, это было для нее небезопасно. Ведь мать запросто может унизить ее на глазах у всех. Но, с другой стороны, это могло обернуться и триумфом. Воссоединение матери и дочери перед телекамерой будет настоящей сенсацией. Талли удивилась, как она сама не додумалась до этого. Такой личный, человеческий репортаж может поднять ее рейтинг до небес. И узнаваемость тоже. Но стоит ли ей идти на такой риск?

Ей необходим продюсер, который бы обо всем позаботился.

Она посмотрела на Джонни.

— Поехали со мной, — сказала Талли, наклоняясь к нему. — Будь моим продюсером.

Кейт села, выпрямив спину.

— Что?

— Пожалуйста, Джонни, — буквально взмолилась Талли. — Чтобы это состоялось, мне нужен ты. Я никому больше не смогу доверить такое. Я позвоню твоему боссу, мы с Фредом давние друзья. И, как ты сам только что сказал, он наверняка убил бы за такой эксклюзив.

Джонни посмотрел на жену:

— Кейти?

Талли, затаив дыхание, ждала, что ответит ее лучшая подруга.

— Решать тебе, Джонни, — наконец-то произнесла Кейт, хотя видно было, что она не в восторге от этого предложения.

Джонни откинулся в кресле.

— Я поговорю с Фредом. Предположим, он в деле. Тогда мы могли бы начать завтра. Я позвоню Бобу Дэвису. Пусть поработает оператором — Он улыбнулся. — В любом случае, будет приятно вырваться ненадолго из студии.

— Это просто здорово! — Талли рассмеялась.

Дверь за их спинами вдруг распахнулась, и на лужайку выбежала Мара.

— А можно мне с вами, пап? Школы завтра все равно нет, а ты говорил, что как-нибудь покажешь мне, как ты работаешь.

Талли взяла крестницу за руку и усадила ее к себе на колени.

— Замечательная идея! Так у тебя будет возможность узнать, какой потрясающий продюсер твой папа. А маме не придется за тебя волноваться, пока она будет заниматься своими делами.

Из груди Кейт вырвался стон.

Талли обернулась к лучшей подруге.

— Ты ведь разрешаешь, правда, Кейти? Это всего два-три дня. К тому же у тебя есть возможность показать Маре, как ей повезло, что у нее такая мама. А в понедельник я привезу ее к школе вовремя. Я обещаю.

Джонни встал и раскрыл свой мобильный телефон. Набирая номер, он взволнованно ходил по дому. Он начал говорить довольно громко, но голос его стих, когда он зашел в дом.

— Фред? Это Джонни. Извини, что беспокою, но…

— Кейт? — Талли наклонилась к подруге. — Скажи мне, что я все делаю правильно.

На лице ее лучшей подруги проступила улыбка.

— Конечно, Талли. Можешь взять всю мою семью, если захочешь.

25

— Талли, подумай хорошенько. Твоя мать всегда делала тебе больно, — говорила Кейт несколько часов спустя, когда огни Сиэтла, мерцающие в водах залива под беззвездным небом, постепенно начали гаснуть.

Талли вздохнула, глядя на белую полосу морской пены вдоль берега. Полоса была едва видна. Прикончив третью «Маргариту», она поставила рядом пустой бокал и сказала:

— Ты права.

И Талли надолго замолчала. Голова у нее кружилась, и она уже начинала сомневаться, так ли уж хороша ее идея.

— Зачем тебе Джонни? — задала Кейт вопрос, который давно вертелся у нее на языке.

В голосе ее звучало сомнение, словно она не была уверена, стоит ли вообще его задавать.

— Он поможет мне. Если я попрошу прекратить, он прекратит. Если попрошу выбросить отснятый метраж в мусорный бак, выбросит.

— Я так не думаю.

— Для меня он это сделает. И знаешь почему?

— Почему?

— Из-за тебя.

Талли неуверенно поднялась на ноги, не желая больше обсуждать принятое решение.

Кейт поднялась и встала рядом, чтобы помочь Талли удержаться на ногах.

— Что бы я делала без тебя, Кейти? — пробормотала Талли, опираясь на плечо подруги.

— Этого мы никогда не узнаем. А теперь пошли, я помогу тебе добраться до комнаты. Тебе надо лечь.

Кейт повела подругу по коридору в комнату для гостей.

Там Талли рухнула на кровать, глядя на Кейт затуманившимся взглядом. Теперь, когда комната кружилась вокруг нее, она вдруг поняла, какой глупой была идея стать героиней документального фильма и как тем самым она подставляет себя. От Облачка ведь можно

ожидать чего угодно. Вот если бы у нее была такая жизнь, как у Кейт, тогда Талли не пришлось бы идти на такой риск.

— Тебе так повезло, — пробормотала она. — Джонни…

Она хотела продолжить: «…и дети любят тебя», но слова спутались у нее в голове, и прежде чем Талли успела что-то сказать, она вдруг разрыдалась. А успокоившись, быстро уснула.

На следующее утро Талли проснулась с такой головной болью, что едва смогла открыть глаза. Ей потребовалось гораздо больше времени, чем обычно, чтобы причесаться и накраситься. И крики Джонни, чтобы она поторапливалась, не помогали. Но наконец она была готова к выходу.

Джонни заключил Кейт в объятия и поцеловал.

— Это займет не больше двух дней, — произнес он таким тихим голосом, что Талли поняла: слова не предназначены для ее ушей. — Мы вернемся прежде, чем ты успеешь без нас соскучиться.

— Мне будет казаться, что тебя не было в два раза больше, — ответила Кейт. — Я уже скучаю по тебе.

— Ну же, мама! — резко прервала их Мара. — Нам пора ехать, правда, тетя Талли?

— Поцелуй мамочку на прощание, — велел дочери Джонни.

Мара послушно подошла к Кейт и поцеловала ее. Кейт прижимала к себе девочку, пока та не начала вырываться из объятий.

Талли почувствовала укол ревности, видя, как близки они все друг с другом. Райаны были очень красивой семьей.

Джонни посадил Мару в машину, а сам стал укладывать в багажник их вещи.

— Ты ведь будешь дома, правда? — спросила подругу Талли. — На случай, если мне понадобится позвонить?

— Я всегда дома, ты же знаешь, Талли. Я — то, что называют «домашней мамой».

— Забавно! — Талли посмотрела на свои вещи. Сверху лежали записи, сделанные во время недавнего телефонного разговора со своим юристом. Там были последние известные им адреса Облачка. — Ну, а я, стало быть, самый недомашний человек на свете.

Взяв сумку, Талли направилась к машине.

Когда они выезжали со двора, Талли обернулась.

Кейт стояла на пороге дома с мальчишками, все трое махали им на прощание.

Первую остановку, всего через пару часов езды, они сделали на стоянке домов на колесах в Фолл-Сити — последний известный адрес Облачка. Но тут они узнали, что ее мать куда-то переехала с неделю назад, а нового адреса для пересылки корреспонденции пока не сообщила. Мужчина, с которым они говорили, полагал, что Облачко перебралась в кемпинг в Иссакуа.

Следующие шесть часов они переезжали с одного места на другое, следуя советам, которые давали им разные люди. Талли, Джонни и оператор, который не зря назывался Толстым Бобом, в каждом месте снимали разговоры Талли с обитателями кемпингов и различных коммун. Несколько человек были знакомы с Облачком, но никто точно не знал, где ее искать. Из Иссакуа они направились в Клее-Элем, оттуда — в Элленсбург. Мара не отходила от Талли, смотрела ей в рот, жадно ловя каждое слово.

Они как раз заканчивали довольно поздний ужин, когда позвонил Фред и сообщил, что последний отправленный матери Талли чек был обналичен в банке на острове Вашон.

— Мы могли бы быть там через час, — пробормотал Джонни.

— Думаешь, мы ее найдем? — спросила Талли, помешивая в чашке кофе. Впервые за целый день они остались вдвоем. Толстый Боб был в фургоне, а Мара отлучилась в туалет.

Джонни внимательно посмотрел на нее:

— Я думаю, что мы не можем заставить людей любить нас.

— Даже родителей?

— Особенно родителей.

Талли снова ощутила прежнюю связь Джонни, вспомнила, что у них обоих было одинокое детство.

— Как это, Джонни, когда тебя любят?

— Это ведь не тот вопрос, который ты хотела задать. Тебе интересно, как это — любить самой. — Джонни одарил ее своей прежней мальчишеской улыбкой. — Кого-то кроме себя, конечно.

Талли откинулась на спинку стула.

— Мне нужны новые друзья.

— Я не отступлю, ты же знаешь. И надеюсь, что все сложится для тебя хорошо. Ты уже втянула меня в эту историю, мы все будем

снимать на камеру. Так что, если хочешь отступить, сейчас самое время.

— Ты сможешь меня защитить.

— Именно в этом я и пытаюсь тебя разубедить, Талли. Я не стану тебя защищать, я сделаю этот репортаж. Как ты когда-то в Германии.

Талли поняла, о чем говорит Джонни. Дружба кончается там, где начинается мир новостей. Это аксиома журналистики.

— Хотя бы постарайся снимать меня слева. С этого ракурса я выгляжу лучше всего.

Джонни, улыбнувшись, расплатился по счету.

— Пойдем найдем Мару. Если поторопимся, успеем на последний паром.

Но последний паром они пропустили. И им пришлось заночевать в трех номерах обшарпанной гостиницы около пристани.

На следующее утро Талли проснулась с головной болью, которую не помогло снять никакое количество аспирина. Все же она тщательно оделась, накрасилась и съела завтрак в жуткой закусочной с плохо вымытой посудой, которую по необъяснимой причине порекомендовал ей Толстый Боб. К девяти утра они уже были на пароме на пути на остров Вашон, в коммуну, занимавшуюся выращиванием ягод.

Каждую милю их пути, каждую беседу Талли фиксировала камера. Разговаривая с операционистами в банке, где был обналичен ее последний чек, показывая им старую, потертую фотографию матери, единственную, которая у нее была, Талли неизменно улыбалась.

Было почти десять, когда они остановились у вывески «Саншайн Фармз». И тут самообладание изменило Талли.

Коммуна была похожа на все остальные, которые ей приходилось видеть: большие площади засаженных фермерских угодий, потрепанные люди, одетые в современные варианты рубищ и власяниц, ряды туалетных кабинок. Единственное, что отличало эту коммуну от других, — это жилье. Здесь люди жили в куполообразных палатках, которые называли юртами. Вдоль реки стояло около тридцати таких юрт.

Джонни припарковал фургон на стоянке и вышел наружу. Толстый Боб тоже вышел, сначала резко распахнув дверь, потом с шумом ее захлопнув.

— Тетя Талли, с тобой все в порядке? — озабоченно спросила Мара.

— Выходи, Мара, — сказал дочери Джонни. — Иди за мной.

Талли понимала, что все ждут ее, но не могла заставить себя выйти из машины. Людям все время приходилось ее ждать — одна из прихотей всех знаменитостей.

— Ты сможешь сделать это, — сказала Талли испуганной женщине в зеркале заднего вида.

Она потратила столько времени, заковывая в броню свое сердце, а теперь целенаправленно сдирала ее, обнажая самое уязвимое место. Но разве у нее есть выбор? Если у нее и у ее матери есть хотя бы один шанс, кто-то должен сделать первый шаг.

Талли наконец открыла дверь фургона и спрыгнула на землю.

— Мы находимся в коммуне «Саншайн Фармз». Нам сказали, что моя мать жила здесь почти неделю, хотя она еще не выслала адрес моему адвокату, и я не знаю, планирует ли она здесь задержаться.

Талли подошла к длинному ряду столов под деревянными навесами, где несколько женщин продавали свою продукцию. Ягоды, джемы, сиропы, ягодные масла и поделки в стиле Холи Хобби.

Никого, казалось, не заинтересовало, что их снимают на камеру.

— Я — Таллула Харт, и я ищу эту женщину. — Она показала фотографию матери.

Толстый Боб встал слева от нее.

— Облачко, — без улыбки сказала одна из женщин.

Сердце Талли подпрыгнуло в груди.

— Да.

— Ее уже здесь нет. Ей не нравилось, что здесь приходится много работать. Последнее, что я слышала, что она подалась в Малберри. А что она сделала?

— Ничего. Она — моя мать.

— Она говорила, что у нее нет детей.

Талли понимала, что камера запечатлела ее реакцию — гримасу боли, отразившуюся на лице.

— Это неудивительно. Так как нам попасть в Малберри?

Пока женщина объясняла дорогу, Талли почувствовала нарастающее беспокойство. Она отошла в сторону, чтобы побыть немного наедине с собой. Джонни неслышно подошел к ней.

— С тобой все в порядке? — спросил он как можно тише, чтобы звук не записался на камеру.

— Я боюсь, — прошептала Талли, поднимая на него глаза.

— Все будет хорошо, она больше не сможет причинить тебе боль. Ведь ты — Таллула Харт, помнишь?

Именно этого и не хватало Талли. Она улыбнулась, вдруг почувствовав себя сильной, развернулась и посмотрела прямо в камеру. И даже не посчитала нужным смахнуть с глаз слезы.

— Но я по-прежнему хочу, чтобы мама меня любила, — тихо сказала она. — Поехали.

Все забрались обратно в фургон и выехали на шоссе. Возле Милл-Роуд они свернули налево и ехали по ухабистой гравийной дороге, пока впереди не показался бежевый передвижной дом. Он стоял на каких-то блоках посреди поля, окруженный ржавыми, сломанными автомобилями. Неподалеку лежал на боку холодильник, рядом с ним — сломанное кресло-качалка. К забору были привязаны три питбулля. Когда фургон остановился около дома, собаки стали отчаянно лаять и рваться с привязи.

— Это и есть «Освобождение», — сказала Талли со смущенной улыбкой, берясь за ручку дверцы.

Они вышли из фургона и направились группой к дому. Талли шла впереди, изображая уверенность в себе, которой вовсе не испытывала. Толстый Боб крутился рядом или забегал вперед, стараясь запечатлеть на пленке каждое мгновение. А Джонни шел сзади, держа за руку Мару и напоминая ей, что надо вести себя тихо.

Талли подошла к двери и постучала.

Никто не ответил.

Она замерла в надежде услышать за дверью шаги, но из-за лая собак это было невозможно.

Талли постучала снова. Она уже была готова вздохнуть с облегчением и сказать, что им снова не повезло, как вдруг дверь распахнулась, и на пороге возник высоченный лохматый мужчина в трусах-боксерах. Всю левую сторону его огромного волосатого живота покрывала татуировка с изображением женщины в гавайской юбке.

— Чего вам? — спросил он, почесывая под мышкой.

— Я хочу повидать Облачко.

Склонив голову вправо, мужчина вышел из трейлера и прошел мимо Талли, направляясь к собакам.

Глаза Талли заслезились от запаха, доносившегося из трейлера. Она хотела повернуться к камере и сказать что-нибудь остроумное, но не могла даже сглотнуть слюну, так сильно она вдруг разнервничалась. Внутри обнаружились груды мусора и пустых упаковок из-под еды. Мухи кружились над коробками из-под пиццы с черствыми крошками. Но взгляд Талли задержался на пустых бутылках из-под выпивки и кальяне для марихуаны. На столе в кухне красовался огромный ворох конопли.

Талли не стала ничего комментировать.

Толстый Боб шел за ней шаг за шагом, снимал каждую минуту ее пребывания в этом аду.

Рядом с кухней была ванная комната, Талли заглянула и туда — никого. Прикрыв дверь, она двинулась дальше. Дважды постучав в следующую дверь, Талли повернула ручку. Это была спальня. Она казалась маленькой из-за валявшейся кругом одежды. На прикроватной тумбочке возвышались три пустые бутылки из-под джина «Монарх».

Мать Талли лежала в позе эмбриона на незастеленной кровати, накрытая потрепанным синим одеялом.

Талли склонилась над матерью, и ей сразу бросилось в глаза, какой серой и морщинистой стала за эти годы кожа Дороти.

— Облачко! — повторила она несколько раз, но ответа не последовало.

Тогда Талли протянула руку и тряхнула мать за плечо. Сначала тихонько, потом энергичнее.

— Облачко?

Толстый Боб нашел выгодный ракурс и наставил камеру на лежащую на кровати женщину.

Мать Талли медленно открыла глаза. Ей понадобилось еще какое-то время, чтобы сфокусировать рассредоточенный, отсутствующий взгляд.

— Таллула?

— Привет, Облачко!

— Талли, — произнесла Облачко, припомнив видимо, что дочь больше любила, чтобы ее называли так. — Что ты здесь делаешь? И

что это, черт побери, за парень с камерой?

— Я искала тебя.

Облачко медленно села на кровати, свесила ноги и полезла в грязный карман за сигаретой. Пока она прикуривала, Талли заметила, как сильно трясутся ее руки. Понадобилось три попытки, прежде чем пламя коснулось сигареты.

— А я думала, ты в Нью-Йорке, становишься богатой и знаменитой.

Она бросила нервный взгляд на камеру.

— Я уже стала и богатой, и знаменитой, — сказала Талли, не в силах скрыть гордость, прозвучавшую в ее голосе. Она ненавидела себя за то, что даже после стольких лет для нее все еще важно заслужить одобрение этой женщины. — И давно ты уже здесь?

— А тебе-то какое дело? Ты живешь небось в роскошной квартире, пока я гнию тут заживо.

Талли смотрела на свою мать, подмечая растрепанные, неухоженные волосы, уже сильно тронутые сединой, широкие мешковатые брюки с обтрепанными внизу штанинами, фланелевую рубашку, застегнутую криво. И на ее лицо, изборожденное морщинами, с серой кожей от злоупотребления табаком и алкоголем и от нищей, неустроенной жизни. Облачку едва исполнилось шестьдесят. Но выглядела она гораздо старше. Хрупкая красота ее юности ушла безвозвратно, унесенная временем и тяжкими злоупотреблениями.

— Неужели тебе нравится так жить, Облачко? Даже ты…

— Даже я! Хм? Зачем ты искала меня, Талли?

— Ты — моя мать.

— Не ври, дело вовсе не в этом. — Облачко отвернулась и прокашлялась. — Мне надо выметаться отсюда. Может быть, я могла бы побыть пару дней с тобой? Принять ванну, съесть что-нибудь.

Талли ненавидела себя за тот всплеск эмоций, который последовал за этими словами. Она всю жизнь ждала того момента, когда ее мать захочет отправиться вместе с ней домой, но при этом знала, какой опасной может оказаться эта затея.

— Хорошо, — сказала она.

— Правда? — Изумление на лице Дороти лишний раз говорило о том, как мало обе они доверяли друг другу.

— Правда.

В этот момент Талли совершенно забыла о камере. Она позволила себе поверить в невозможное: что они с Облачком сумеют стать матерью и дочерью, а не останутся чужими людьми.

— Пойдем, Облачко, — сказала Талли. — Давай я помогу тебе добраться до машины.

Талли твердо знала, что не должна верить даже в возможность прочных отношений с матерью, но сама мысль об этом замешивала такой коктейль из надежды и страха, попробовав который она чувствовала, как кружилась голова. Может быть, в конце концов и у нее будет собственная семья?

На камеру было заснято все — и страх, и надежда Талли. Во время долгой дороги домой, пока Облачко спала, приткнувшись в углу фургона, Талли раскрывала душу объективу камеры. Она отвечала на вопросы Джонни с небывалой честностью и прямотой, раскрыв наконец, какую рану наносила ей всю жизнь отчужденность матери.

И Талли добавила к своим откровениям новое слово: «наркозависимость».

Всю жизнь, сколько она знала свою мать, Облачко сидела на наркотиках и алкоголе. Иногда одновременно на том и на другом. Чем больше Талли думала об этом, тем яснее для нее становилось, что именно в этом была главная причина их разобщенности.

Если поместить Дороти в реабилитационный центр и помочь ей пройти до конца программу, может быть, они могли бы все исправить. Эта идея настолько завладела Талли, что она позвонила своему боссу и попросила дать ей время, чтобы быть хорошей дочерью и помочь своей опустившейся матери избавиться от зависимости.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спросил Джонни, когда Талли завершила разговор с шефом.

Они сидели в гостиной шикарного двухэтажного люкса гостиницы «Фэрмонт Олимпик» в Сиэтле. У окна в огромном мягком кресле сидел Толстый Боб и снимал весь их разговор. Камеры и оборудование были расставлены по всему полу, софиты создавали вокруг диванчика пространство, похожее на сцену. Мара сидела, свернувшись клубочком, в соседнем кресле и читала.

— Я нужна ей, — просто сказала Талли, — а кому еще, кроме меня, нужна она?

Джонни пожал плечами и ничего не сказал.

— Ну что ж, — Талли встала и потянулась, — пойду спать.

Толстому Бобу она сказала:

— Делаем перерыв на ночь. Пойди выспись хорошенько, завтра начинаем в восемь.

Боб кивнул, упаковал свое оборудование и направился в свой номер.

— А можно мне остаться у тети Талли в номере? — спросила Мара, приподнявшись в кресле. Книга выскользнула из ее рук на пол.

— Я не против, — сказал Джонни. — Если Талли не возражает.

— Смеешься? Вечеринка с ночевкой с моей любимой крестницей — отличное завершение трудного дня.

После того как Джонни ушел к себе в комнату, Талли поиграла немножко в дочки-матери с Марой: велела девочке почистить зубы, умыться и надеть пижаму.

— Я уже слишком взрослая для пижамы, — с важным видом сообщила ей Мара. Но когда они забрались в постель, девочка свернулась калачиком, как в те времена, когда — всего несколько лет назад — была малышкой. — Это так круто, тетя Талли, — сонно пробормотала она. — Я тоже стану звездой телевидения, когда вырасту.

— Я ни минуты в этом не сомневаюсь.

— Если моя мама разрешит мне. Но она может не разрешить.

— Что ты имеешь в виду?

— Моя мама ничего мне не разрешает.

— Ты ведь знаешь, что твоя мама — моя лучшая подруга, да?

— Да, — неохотно признала девочка.

— А как ты думаешь, почему?

Мара повернулась и внимательно посмотрела на крестную.

— Почему?

— Потому что твоя мама — классная девчонка.

Мара скорчила гримасу.

— Моя мама? И что же в ней такого классного?

Талли покачала головой:

— Мара, твоя мама любит тебя и гордится тобой. Поверь мне, принцесса, это — самое прекрасное, что может быть в мире.

На следующее утро Талли встала рано, пересекла гостиную и направилась к спальне матери. Перед дверью она остановилась, набираясь мужества, и постучала. Когда никто не ответил, Талли тихонько открыла дверь.

Ее мать еще спала.

Улыбнувшись, Талли вышла, закрыв за собой дверь. Затем подошла к двери Джонни и постучала.

Он открыл довольно быстро. На нем был гостиничный халат, волосы были влажными после душа.

— Я думал, мы начинаем в восемь.

— Мы и начнем в восемь. Но сначала мне надо купить для Облачка какую-нибудь приличную одежду, чтобы дать ей с собой в реабилитационный центр. Заодно прихвачу что-нибудь к завтраку. Поедим в номере, ладно? Учти, Мара еще спит.

Джонни нахмурился.

— Ты слишком гонишь события, Талли. Кстати, имей в виду, магазины еще не открылись.

— Ну, я всегда была быстрой, ты же знаешь, Джонни. А для Таллулы Харт все всегда открыто. Это — одно из преимуществ моей известности. У тебя есть ключ от моего номера?

— Да, я за всем прослежу. А ты, смотри, не слишком усердствуй.

Проигнорировав слова Джонни, Талли отправилась на Паблик-Маркет и накупила там круассанов и пончиков с корицей. Облачку не помешает немного поправиться. Потом она зашла в «Ла Дольче» и накупила для матери джинсы, топы, обувь и нижнее белье. А еще — самый теплый жакет, какой только смогла найти. В отель она вернулась к девяти.

— Я пришла! — крикнула Талли, захлопывая за собой дверь своего люкса. — Посмотрите только, сколько всего я накупила.

Она положила холщовые сумки на диван, а пакеты поставила на пол и начала накрывать столик в гостиной к завтраку с пончиками и круассанами.

Толстый Боб появился в номере и снимал все на пленку.

Талли одарила его лучезарной улыбкой:

— Моей маме надо набрать килограмм-другой веса, пончики ей в этом помогут. И еще я принесла почти все виды кофе из «Старбакса». Ведь я даже не знаю, что предпочитает моя мама.

Джонни, мрачный, сидел на диване.

— А что это у вас тут как в морге?

Талли направилась к спальне матери и постучала.

— Облачко?

Ответа не последовало. Она постучала снова.

— Облачко, ты в душе? Я захожу.

И открыла дверь.

Она сразу почувствовала запах сигарет и увидела открытое окно. А кровать была пуста.

— Облачко? — Талли вошла в ванную, где все еще стоял влажный пар. Пухлые египетские махровые полотенца валялись на полу. Мокрые полотенца для рук и тряпка для пола были брошены в раковину.

Талли медленно вышла из ванной и оказалась лицом к лицу с Джонни и с камерой.

— Она ушла?

— Полчаса назад, — сказал Джонни. — Я пытался остановить ее. Честно!

Талли поразило, как остро ее пронзило предательство матери. Словно она опять была никому не нужной десятилетней девочкой, брошенной на улице Сиэтла.

Джонни подошел к Талли и обнял ее за плечи. Ей очень хотелось спросить его, почему такое с ней происходит, чем она так плоха, что никто никогда не остается с нею, но слова застревали в горле. Она долго стояла, прижавшись к Джонни, который гладил ее по голове и шептал: «Шшш…», словно она была маленьким ребенком.

Но затем Талли вспомнила, кто она и где находится, и, отстранившись, повернулась к камере.

— Что ж, вот чем все кончилось. Конец фильма. Я закончила, Боб.

Она резко развернулась и прошла в свою спальню. Слышно было, как в душе весело распевает Мара. Слезы щипали глаза, но Талли не дала им пролиться. Она не позволит матери снова себя сломать! Она была полной дурой, когда понадеялась, что на сей раз у их истории будет счастливый конец.

И тут Талли заметила, что на ее прикроватной тумбочке нет украшений.

— Эта сука сперла мои драгоценности!

Закрыв глаза, она присела на край кровати, достала мобильный телефон и набрала номер Кейти. Когда та наконец ответила, Талли, не поздоровавшись, сказала дрожащим голосом:

— Со мной что-то не так, Кейти.

— Она бросила тебя?

— Как подлая воровка темной ночью.

— Таллула Роуз Харт, а теперь послушай меня. Сейчас ты повесишь трубку и двинешься в сторону парома. Дома поговорим. И мою семью прихвати с собой.

— Не обязательно орать. Я и так еду, мы все едем. Но, будь добра, к моему возвращению запасись алкоголем. И я не собираюсь мешать его с соком, который пьют твои дети.

Кейт рассмеялась:

— Сейчас утро, Талли. Я лучше приготовлю завтрак.

— Спасибо, Кейт, — тихо сказала Талли. — Когда-нибудь и я тебе приготовлю.

Подняв голову, Талли увидела перед собой Толстого Боба. Он снимал все это с самого начала. А рядом стоял Джонни.

Но дело было не в красном глазке камеры и не в ее публичном унижении, не это сломало Талли.

Все дело было в Джонни и в том понимающем, сочувственном взгляде, которым он на нее смотрел. И Талли заплакала.

26

Документальный фильм показали две недели спустя, и даже для Кейт, давно привыкшей к впечатляющим успехам подруги, стала неожиданностью столь бурная реакция публики. Средства массовой информации буквально лихорадило. На протяжении многих лет Талли Харт, которую люди видели на экране, казалась им бесстрастной, хладнокровной профессионалкой, которая расследовала истории и талантливо делала репортажи с журналистской отстраненностью.

Теперь же публика узнала, что благополучная и безупречная Талли Харт уязвима и не так уж и счастлива. И в ней вдруг перестали видеть только журналистку и увидели женщину. Чаще всего теперь можно было услышать в ее адрес фразу: «Она такая же, как мы».

До выхода фильма публика уважала и ценила Талли Харт, после его просмотра — обожала и боготворила. За одну неделю ее фотографии украсили обложки ведущих журналов. Фильм и фрагменты из него показывали по всем каналам и включали в различные шоу. Казалось, Америка никак не могла насытиться репортажами и фильмом Талли Харт.

Но пока вся страна смотрела на страдающую Талли Харт и ее встречу с беспутной матерью, Кейт разглядела на пленке кое-что другое, за чем наблюдала с неменьшим вниманием.

Она не могла не заметить, какими глазами Джонни смотрел на Талли, когда выяснилось, что Облачко сбежала, как он подошел к ней, как нежно обнял ее.

И еще был тихий разговор между Джонни и Талли на «Саншайн Фармз». Слов не было слышно, поверх кадра начитали общую информацию о коммуне, но Кейт не могла не думать о том, что же было сказано этими двоими не на камеру.

Она пыталась разгадать язык их жестов, увидеть в нем скрытый смысл, но видела только двух старых друзей, которые работают вместе над эмоциональным документальным фильмом. А сама она была ревнивой женой, которая всегда волнуется по поводу их отношений.

На этом надо было бы поставить точку. И если бы больше ничего не случилось, Кейт подавила бы свою ревность и задвинула бы свои

страхи подальше, как делала за долгие годы десятки раз.

Но кое-что случилось.

«Синдиуорлд» — крупнейшая в мире компания, занимающаяся инвестициями, высоко оценила документальный фильм и предложила Талли собственное часовое шоу, которое будет делаться компанией, в которой Таллуле Харт будет принадлежать контрольный пакет.

Это предложение буквально перевернуло весь мир Талли, ведь оно обещало драгоценную возможность быть перед камерой самой собой, показать события да и сам мир через призму собственного восприятия. И никакого больше начала работы в три часа ночи. Едва услышав это предложение, Талли решила, это — именно то, что ей нужно, но все же поставила два условия: во-первых, они должны снимать шоу в Сиэтле. Во-вторых, Джонни Райан будет его продюсером. Разумеется, ни то, ни другое Талли даже не пришло в голову согласовать ни с Джонни, ни с Кейт.

Кейт и Джонни сидели у себя на заднем дворе и болтали за коктейлями в конце долгого дня, когда раздался первый телефонный звонок.

Сначала Джонни рассмеялся над предложением Талли и посоветовал ей найти продюсера, который специализируется на примадоннах.

Но Талли в ответ озвучила сумму гонорара, потрясшую Джонни.

И теперь, два дня спустя, Кейт в гостиной выясняла отношения с Джонни, стараясь говорить потише, потому что дети уже легли спать.

Талли вернулась в Нью-Йорк и теперь, конечно, ждала ответа у телефона, чтобы узнать, удалось ли ей, как всегда, получить намеченное.

— Я не понимаю, почему ты противишься, Кейт, — говорил Джонни, меряя шагами комнату. — Ведь это в корне изменит нашу жизнь.

— А чем тебе не нравится наша жизнь сейчас?

— Ты хоть понимаешь, сколько денег они нам предлагают? Мы сможем выплатить кредит за дом, отправить детей в Гарвард, чтобы выучились на врачей. И я смогу сделать хоть несколько шоу, которые будут по-настоящему интересны. Талли говорит, что я мог бы освещать события в тех местах, где имеются очаги напряженности. Ты понимаешь, что это для меня значит?

— Именно так ты собираешься делать свою карьеру — начинать каждую фразу со слов «Талли сказала»?

— Ты хочешь знать, смогу ли я на нее работать? Да, черт побери, да! Я работал с людьми и покапризнее Талли Харт.

— Вообще-то я хочу знать, как ты собираешься с ней работать? — повысила голос Кейт.

Джонни удивленно посмотрел на жену:

— Ты, наверное, шутишь? Так вот о чем идет речь! Об одной проведенной вместе ночи миллион лет назад?

— Наша Талли — красавица, звезда, мне ли с ней сравниться… — Кейт не смогла закончить, не смогла облечь в слова свои застарелые страхи и сомнения.

Взгляд, который бросил на нее Джонни, был яростным, он, казалось, испепелял Кейт. Она почти физически ощущала это.

— Я этого не заслуживаю! — в сердцах крикнул Джонни и бросился вверх по лестнице.

Кейт услышала, как громко хлопнула дверь спальни.

Она долго сидела, задумчиво глядя на свое обручальное кольцо. Почему некоторые воспоминания просто невозможно стереть из памяти? Кейт медленно погасила в доме свет, заперла все двери и поднялась наверх.

Около двери их спальни она остановилась в нерешительности. Кейт пыталась найти нужные слова, которые она должна сказать мужу. Она задела чувства Джонни, обидела его. Они оба понимали, что предложение Талли — редкая удача, которая немногим выпадает в жизни. И ее ревность и неуверенность в себе не должны стоять у них на пути. Она должна пойти к Джонни, извиниться, сказать, что была полной дурой, что она верит в его любовь, как верит в солнечный свет и дождь.

Ей бы надо гордиться мужем и радоваться выпавшему счастливому шансу. Ведь брак — командный спорт, и сегодня ее очередь возглавить группу болельщиков. Но, даже понимая все это, Кейт не чувствовала ни радости, ни спокойствия. Ее одолевал страх. Да, они станут богатыми, возможно, даже влиятельными. Но какую цены придется им заплатить за это?!

Талли закончила работу по контракту, провела очень яркий, со многими приглашенными звездами, последний эфир и сказала Нью-Йорку «до свидания». Она нашла для себя пентхаус в Эмеральд-Сити и провела следующий месяц в совещаниях за закрытыми дверями, планируя свое новое шоу, которое решила назвать «Час подружек с Талли Харт» в честь давней праздничной традиции семьи Муларки. Они с Джонни проводили по многу часов, работая вместе, как в прежние времена, нанимали персонал, обсуждали оформление студии и общую концепцию шоу.

К августу две тысячи третьего года бóльшая часть подготовительной работы была сделана, и Талли поняла, что она так загружена работой, что ей ни на что не хватает времени. Хотя Кейт была теперь так близко — достаточно пересечь залив, — они не виделись. В одно прекрасное утро Талли позвонила Кейт и пригласила лучшую подругу и свою крестницу провести с ней день.

— Прости, — сказала Кейт. — Но я не смогу сегодня выбраться в город.

— Ну, давай же, — принялась уговаривать ее Талли. — Я знаю, я редко звонила тебе этим летом, но мы с Джонни работали по двадцать часов в день.

— Расскажи мне что-то, чего я не знаю. Ты теперь видишь Джонни гораздо чаще, чем мы.

— Я скучала по тебе.

Последовала пауза.

— Я тоже по тебе скучала. Но сегодня я не могу — к мальчикам в гости приезжают друзья.

— А что, если я заберу у тебя Мару, чтобы не путалась под ногами? Ну да. — Талли начинала все больше нравиться пришедшая ей в голову идея. — Я могу сводить ее к «Джину Хуаресу» на урок маникюра и макияжа. Это будет здорово! День девочек.

— Она еще слишком мала для подобных процедур, Талли. — Кейт рассмеялась, но смех ее показался Талли неестественным. — И забудь о стилисте. Ей запрещено пользоваться косметикой до девятого класса.

— Никто не слишком молод для спа. И ты просто сумасшедшая, Кейт, если запрещаешь ей косметику. Помнишь, что было, когда твоя мама попыталась запретить нам краситься? Мы стали краситься на

остановке. Неужели ты не хочешь, чтобы твоя дочь научилась правильно пользоваться косметикой.

— Пока что нет.

— Ну же, — продолжала уговаривать подругу Талли. — посади ее на паром в одиннадцать пятнадцать. А я буду ждать ее возле «Макдоналдса». Ты ведь сама жаловалась, что вы с ней все время спорите.

— Ну хорошо, я думаю, это можно устроить. Только никаких фильмов для взрослых, как бы сильно она тебя ни просила.

— Хорошо.

— Может быть, это и вправду поднимет ей настроение. Завтра мы едем закупаться к школе. А это у нас чуть менее болезненно, чем удаление зубного нерва без анестезии.

— Может быть, мне отвезти ее в «Нордстром» купить ей что-нибудь симпатичное?

— Пятьдесят долларов.

— Что?

— Максимум, что ты можешь на нее потратить. И ни цента больше. И, Талли, если ты начнешь покупать ей все, во что она ткнет пальцем…

— Я знаю, знаю. Бритни Спирс — воплощение антихриста. Все поняла.

— Хорошо. Пойду обрадую Мару.

Ровно через час двенадцать минут Талли велела своему шоферу припарковать машину у «Макдоналдса» на Аляскан-Вэй. По гудению машин она сделала вывод, что, видимо, останавливаться в этом месте было запрещено. Но Талли не волновали такие мелочи.

Она опустила окно и увидела бегущую к машине Мару.

— Я здесь. — Талли выбралась из машины и раскрыла объятия. Мара бросилась к ней.

— Спасибо, что спасла меня. Мама пилила меня целый день. А что мы будем делать?

— Как насчет мастер-класса имиджмейкера у «Джина Хуареса»?

— Потрясно!

— А потом можем делать все, что ты захочешь.

— Ты — самая классная на свете! — Мара смотрела на крестную с таким восторженным обожанием, какое Талли редко приходилось

видеть в своей жизни.

— Мы обе — самые классные, — рассмеялась она. — И именно поэтому мы — такая отличная команда.

27

«Час подружек» оставил далеко позади всех конкурентов с момента первого выхода в эфир. Талли вдруг стала не просто известной журналисткой и ведущей утренних новостей. Она превратилась в настоящую звезду. Все шоу было построено так, чтобы подчеркивать сильные стороны Талли и демонстрировать ее талант.

Что ей особенно удавалось — Талли всегда делала это лучше всего, — так это разговоры с людьми. Она устанавливала связь не только с камерой. Талли умела объединить приглашенных гостей, аудиторию в студии и зрителей у экранов телевизоров. В первые две недели показа шоу Талли произвело фурор. Ее фотографии украсили обложки многочисленных журналов — развлекательных и вполне серьезных. Компания «Синдиуорлд» с удовлетворением констатировала: шоу Талли Харт стремительно завоевывало новые рынки.

И самым замечательным было то, что шоу принадлежало ей. Разумеется, на паях с «Синдиуорлд», и Райанам досталась небольшая часть, но самой главной была она. Ведь каждый знал, что добиться хотя бы половины успеха шоу Опры Уинфри означало добиться масштабноего успеха.

Талли сидела у себя в кабинете, просматривая заметки к съемкам, которые должны были начаться — она посмотрела на часы — через двадцать пять минут.

Это было одно из ее шоу со знаменитостями, полное улыбок, словно говорящих «как мы все любим друг друга», и интервью.

В Талли Харт оставалось еще достаточно много от журналиста, чтобы блистать в таких сюжетах. Но деловая женщина уже начинала побеждать в ней. Публика в наши дни не может подобраться достаточно близко к своим кумирам. Джонни согласился вставить в шоу эти отрывки в обмен на свои, призывающие изменить мир.

В дверь постучали, затем вежливый голос произнес:

— Миз Харт?

Она развернулась вместе с креслом в сторону двери.

— Да?

— Здесь ваша крестница. Это для сегмента «возьми дочь с собой на работу»?

— Отлично! — Талли вскочила на ноги. — Впустите ее.

Дверь открылась шире. За ней стоял Джонни в поношенных джинсах и синем пуловере.

— Привет! — сказал он.

— Привет!

Рядом с Джонни вертелась, не в силах сохранять спокойствие, Мара.

— Привет, тетя Талли. Папа сказал, что я могу пробыть с вами весь день.

Талли подошла к ним.

— О лучшей дочери трудно мечтать. Хочешь посмотреть, как делается телешоу?

— Я давно мечтаю об этом.

Талли обернулась к Джонни, вдруг осознав, что стоит слишком близко. Она даже могла разглядеть крохотный кусочек плохо выбритой кожи рядом с ухом.

— Если понадоблюсь, — сказал Джонни, — я у себя в кабинете. И, пожалуйста, не вздумай купить ей, пока она здесь, машину или лошадь.

— Как насчет чего-нибудь более компактного?

— Кому другому ответил бы «да», но ведь в твоем понимании это может быть бриллиант.

— Я подумывала о кофре с логотипом «Часа подружек».

— Превосходно!

Талли, довольная, улыбнулась.

— Ты — мой продюсер. Ты обязан говорить мне все время, что я превосходна.

Джонни сощурил глаза и, чуть помедлив, сказал:

— Весь мир считает, что ты превосходна.

Сколько же лет они знают друг друга! Сколько за это время могло быть разговоров, возможностей, важных моментов, от которых она отказалась. Талли подумала о том, что теперь она уже не может сказать, что знает этого человека так хорошо, чтобы с ходу уловить скрытый смысл его слов или выражения лица. Они работали бок о бок каждый день, но их все время окружали люди, и центром всего была

работа. А в те редкие выходные, когда Талли приезжала к Райанам домой, он был мужем Кейт, и Талли соблюдала дистанцию.

Сейчас Джонни смотрел на нее внимательно и серьезно.

Талли улыбнулась и сделала шаг назад, надеясь, что улыбка ее выглядит искренней.

— Пойдем, Мара, поиграем в дочки-матери. У меня в зеленой комнате Линдси Лохан. Спроси ее, как она начинала свою актерскую карьеру.

В начале сентября — это была среда — выдался солнечный день. Кейт стояла перед зданием начальной школы «Ордвэй». Стоянка, еще несколько минут назад полная автобусов и машин — в основном шикарных внедорожников — теперь опустела. Звонок прозвенел и смолк. Директор школы вернулся в свой кабинет в приземистом кирпичном здании, чтобы приступить к работе. Прямо над головой трепетали на ветру два флага.

— Ты все еще плачешь? — бодро спросила Талли подругу, но голос ее выдавал. Легкий намек на иронию слышался в нем.

— Укуси меня, — наверное, это лучший способ меня отвлечь.

— Ну все! Я везу тебя домой.

— Но… — Кейт посмотрела в сторону дальнего крыла школы. — Но ведь я могу понадобиться одному из них.

— Они пошли в дошкольный класс, а не на операцию на открытом сердце, а у тебя куча дел.

Кейт, вздохнув, вытерла глаза.

— Я знаю, это глупо.

Талли сжала ее руку.

— И вовсе не глупо! Я помню свой первый день в школе. Я так завидовала детям, чьи мамы плакали.

— Спасибо, что приехала со мной. Я очень это ценю. Я ведь знаю, как трудно тебе вырваться со студии.

— Продюсер дал мне отгул, — улыбнулась Талли. — Мне кажется, он очень беспокоится за мою лучшую подругу. Я даже думаю, что он в нее влюблен.

Они направились к стоянке.

Кейт села за руль новенького синего внедорожника и завела мотор.

Талли, севшая рядом, тут же наклонилась и засунула в дисковод CD-диск. Салон заполнил голос Рика Спрингфилда, исполнявшего «Девушку Джесси».

Кейт рассмеялась. К тому моменту, когда они, выехав со школьной парковки и остановившись у кафе для автомобилистов, чтобы купить себе по латте, добрались до дома, она определенно чувствовала себя лучше.

В своей неубранной, закиданной игрушками гостиной она повалилась в любимое мягкое кресло Джонни.

— И что теперь, бесстрашный вожак? Отправляемся по магазинам?

— За те смешные три часа, что у нас остались, нам этого не успеть. Тебе надо было отдать их на полный день.

Кейт так и знала, что Талли заведет этот разговор.

— Мне известно твое мнение на этот счет. Но понимаешь, мне нравится, когда мои дети рядом со мной.

— В любом случае, у меня есть план получше. — Талли плюхнулась на диван. — Поговорим о твоем хобби.

Кейт чуть не выронила стаканчик с латте.

— О чем?!

— Ты всегда говорила, что снова будешь писать, когда мальчики пойдут в школу.

— Дай мне немного времени, ладно? Они ведь только начали. Давай лучше поговорим о вашем шоу. Джонни рассказывал…

— Я вижу насквозь твою жалкую тактику, — перебила ее Талли. — Ты считаешь, что я готова позабыть обо всем, если есть возможность поговорить о себе.

— Обычно так оно и бывает.

— На этот раз не прошло. Так о чем ты думаешь писать?

Кейт вдруг почувствовала себя абсолютно беззащитной.

— Это — давняя мечта, Талли.

— Ну, ты тоже не молодеешь, так что ты и твоя старая мечта идеально подходите друг другу.

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты — бесчувственная дрянь?

— Только мужчины, которые со мной встречались. Ну же, Кейти, поговори со мной. Я же знаю, что тебе нужно от жизни больше, чем ты

имеешь.

Кейт даже не ожидала, что Талли заметит ее депрессию со своей сияющей вершины. И как только она поняла это, ей расхотелось спорить и пререкаться. По правде говоря, она и сама устала притворяться.

— Дело не только в этом. Я чувствую себя какой-то… потерянной. Того, что у меня есть, должно быть более чем достаточно, и все же мне чего-то не хватает. И Мара совершенно меня выматывает. Все, что я делаю, она считает неправильным. Я так люблю ее, а она обращается со мной как с парой старых туфель.

— У нее такой возраст.

— Эта отговорка не очень-то помогает. Может быть, разрешить ей пойти в школу моделей, раз она так на этом помешалась? Но мне противна мысль о том, что она будет вращаться в этом мире…

— Эй, позволь напомнить: мы говорим о тебе. Послушай, Кейти, я не знаю, что с тобой происходит, но я знаю, что такое хотеть большего. Иногда приходится побороться за то, что поможет тебе ощутить себя цельной личностью.

— И это говорит женщина, которая одалживает у меня семью, когда она ей вдруг понадобится.

Талли улыбнулась:

— Мы — отличная парочка, не так ли?

Кейти рассмеялась впервые за долгое время.

— Мы всегда были такими. Знаешь, подруга, что я тебе скажу, я подумаю о том, чтобы начать писать, если ты подумаешь о том, чтобы влюбиться.

Талли посмотрела на нее в упор.

— Похоже, мне стоило провести этот день на пляже, — вздохнула Талли. — Я ничего не слышала о Гранте с тех пор, как перебралась сюда.

— Я знаю, — сказала Кейт. — Но, по-моему, Грант тебе совсем не подходил. Если бы вы по-настоящему любили друг друга, вы бы не расстались.

— Так думают люди вроде тебя, — ответила Талли. — Давай-ка лучше сделаем себе по «Маргарите».

— Вот это дело! В первый же день, как отвезла сыновей в школу, напилась, — причем с самого утра. Превосходно!

До карнавала в честь Хэллоуина в «Ордвэй» оставалось семь дней, и Кейт вызвалась помочь подготавливать сцену для фотографирования. Разрываясь между покупкой всего необходимого, рисованием задников и строительством дома с привидениями, она была поглощена работой. Если прибавить к этому необходимость возить Мару в школу моделей, все это привело к тому, что большую часть времени Кейт чувствовала себя на грани нервного срыва.

Но она должна, обязана взяться за свою книгу. Джонни, Талли и мама ждали от нее этого. Да и она сама мечтала об этом. Она была уверена, что, как только близнецы пойдут в школу, она сумеет засесть за книгу.

Кейт уже забыла, что представляет собой расписание самой младшей, дошкольной группы. Она едва успевала отвезти мальчиков в школу, как пора было забирать их обратно. А Джонни, который всегда так помогал ей, теперь проводил все время в студии.

А Кейт делала все то, что и всю свою жизнь. Она лишь надеялась, что никто не замечает, что она уже не так часто улыбается, как раньше, и плохо спит.

Сегодня в шесть утра, разбудив Джонни, она отправилась будить Мару. И снова ее закружила карусель будничных дел. Она отвезла детей, забрав по дороге нескольких их одноклассников, отправилась за покупками в магазины, потом вместе с другими членами комитета украшала сцену, размахивая целый час молотком.

Работа так захватила ее, что она чуть не пропустила момент, когда надо было забрать близнецов. Видя, что опаздывает, она вскочила в свой внедорожник, помчалась через остров и прибыла на стоянку, когда другие машины уже разъезжались. Она посигналила мальчикам и помахала им рукой.

И тут зазвонил ее мобильный.

— Слушаю, — ответила Кейт, одновременно открывая дверцу машины.

— Мам? — послышался голос Мары.

— Что случилось?

Мара рассмеялась, но смех ее был каким-то неестественным.

— Только не надо делать из мухи слона, но я назначаю сегодня на семь вечера семейный совет.

— Что ты назначаешь?

— Семейный совет. Ну, своего рода. Но только без Лукаса и Уильяма.

— Давай уточним. Ты хочешь поговорить сегодня вечером со мной и со своим папой?

— И с Талли.

— Во что ты ввязалась?

— Почему ты всегда готова думать обо мне плохо? Я просто хочу поговорить.

Тринадцатилетняя девочка, которая хочет поговорить со своими родителями? Мара, которая хочет поговорить с Кейт? Это было как снегопад в июле.

— Хорошо, — медленно произнесла Кейт. — Но ты уверена, что не попала ни в какие неприятности?

— Уверена. До вечера. Пока.

Кейт смотрела на телефон в своей руке.

— Что происходит? — вслух спросила она, но не нашла ответа. Долго размышлять над словами дочери ей не пришлось — мальчики уже забрались на заднее сиденье, и Кейт снова оказалась в круговерти повседневных дел.

Надо было ехать по магазинам, готовить, а в три она снова была на стоянке перед школой, чтобы встретить Мару.

— Ты уверена, что не хочешь ничего мне сказать прямо сейчас? — спросила она дочь, когда та села рядом.

Мара низко опустила голову и прижалась к стеклу лбом. Ее роскошные вьющиеся волосы закрывали лицо. На ней были узенькие джинсы, шлепанцы (хотя шел дождь), короткая розовая футболка. Выражение лица было сердитым. Впрочем, сердитое выражение лица в последнее время стало тем аксессуаром, без которого Мара не выходила из дома.

— Если бы я хотела поговорить сейчас, то не стала бы назначать семейный совет на семь. Могла бы догадаться, мам.

Кейт знала, что не должна позволять дочери так с собой разговаривать, но сегодня ей не хотелось ссориться, поэтому она пропустила грубость мимо ушей.

Дома Кейт направилась прямо в ванную, приняла пару таблеток аспирина и переоделась в тренировочный костюм. Стараясь не

обращать внимания на головную боль, она усадила близнецов за кухонный стол клеить в альбомы наклейки и принялась готовить обед.

Она не заметила, как пролетело время. В шесть часов Джонни открыл дверь со словами «Привет, ребята!», пропустив вперед Талли. — Посмотрите-ка, кто приехал со мной на наш большой совет.

Кейт подняла глаза.

— Привет вам обоим. — Она накрыла крышкой кастрюлю и сделала огонь поменьше, прежде чем пойти им навстречу.

— Вы знаете, что вообще происходит?

— Я? — поспешно проговорила Талли. — Я ничего не знаю.

Вечер то медленно тянулся, то несся галопом. Во время обеда Кейт наблюдала за дочерью, пытаясь уловить хотя бы намек на то, что ждет ее дальше, но к концу обеда она была не ближе к разгадке, чем сегодня днем.

— Ну что ж, — произнесла наконец Мара ровно в семь часов, когда посуда была вымыта, а мальчики отправились наверх смотреть телевизор.

Мара стояла у камина и выглядела взволнованной, юной и хрупкой.

— Тетя Талли решила, что я должна…

— Так Талли знает, о чем пойдет речь? — спросила Кейт.

— Хм. Нет, — быстро сказала Мара. — Ну, просто, в общих чертах. Талли считает, что я не должна так сразу все на вас вываливать. Я должна относиться к вам уважительно и дать вам сначала понять, как все это для меня важно.

Кейт вопросительно посмотрела на Джонни, который в ответ только закатил глаза.

— Ну, так вот, — продолжала Мара, скрестив на груди руки. — В ноябре в Нью-Йорке будет конференция, на которую мне обязательно нужно поехать. Туда приезжают агенты и фотографы в поисках моделей. Талли думает, что Эйлин Форд наверняка должна меня выбрать. И моя учительница из школы моделей пригласила меня лично.

Кейт сидела, слишком изумленная, чтобы что-то сказать в ответ.

«Нью-Йорк… Талли думает… пригласила лично». Какую стрелу вытаскивать первой?

— Насколько я понимаю, это стоит денег, — подал голос Джонни.

— Да. — Мара кивнула. — Три тысячи долларов. Но это хорошая сделка. Там будет каждый, кто хоть что-то собой представляет.

— А даты?

— С четырнадцатого по двадцать первое ноября.

— Во время занятий? — уточнила Кейт.

— Но ведь это всего неделя, — начала было Мара, но мать прервала ее:

— Всего неделя? Ты смеешься надо мной?

Мара растерянно оглянулась на Талли.

— Я могу взять с собой домашние задания и делать их ночью. Впрочем, если меня «откроют», мне ведь не придется поступать в колледж.

— И сколько человек из твоего класса в школе моделей едут на эту конференцию?

— Все, — искренне ответила Мара.

— Все? — Кейт вскочила на ноги. — Все? Так это никакое не особое предложение, а просто какой-то дурацкий рэкет с целью вытянуть из родителей деньги. И ты действительно думаешь…

— Кейт, не горячись, — произнес Джонни.

Кейт набрала в легкие побольше воздуха и постаралась взять себя в руки.

— Я не то имела в виду. Я просто… ты не можешь пропустить неделю учебы, и три тысячи долларов — это большие деньги.

— Я заплачу за нее, — вмешалась Талли.

Еще никогда в жизни Кейт не хотелось залепить крепкую пощечину своей лучшей подруге.

— Она не может пропускать школу.

— Я могла бы…

Кейт подняла руку, призывая к тишине.

— Тут не о чем больше говорить, — сказала она Талли.

Мара разразилась слезами.

— Вот видишь! — повернулась она к Талли. — Она думает, что я ребенок, и не дает мне ничего делать.

Джонни поднялся на ноги.

— Мара, послушай, тебе всего тринадцать лет.

— Брук Шилдс и Кейт Мосс были миллионершами в четырнадцать, потому что их мамы их любили, правда, Талли? —

Девочка умоляюще посмотрела на отца: — Пожалуйста, папа!

Он покачала головой:

— Мне очень жаль, дорогая.

Мара резко повернулась и побежала вверх по лестнице, не переставая рыдать. Хлопнула дверь ее комнаты, и рыдания стали не слышны.

— Пойду поговорю с ней, — со вздохом произнес Джонни, начиная подниматься по лестнице.

Кейт повернулась к подруге:

— Ты совсем сошла с ума?

— Но это ведь школа моделей, а не притон наркоманов.

— Черт побери, Талли, ей нечего делать в этом долбаном мире моды. И я уже говорила тебе об этом. Это опасно.

— Я помогу ей пройти через все это. Я поеду с ней.

Кейт была ужасно зла. Талли снова выставила ее перед дочерью какой-то мегерой, а в том, чтобы испортить отношения с дочерью, ей, увы, не требовалась помощь.

— Ты — не ее мать, ее мать я. Ты можешь устраивать ей праздники, делать подарки, жить так, словно весь мир — волшебная страна Питера Пэна. А моя задача — позаботиться о ее безопасности и о ее будущем.

— Но безопасность — это далеко не все, — возразила Талли. — Иногда надо идти на риск, не рискнув, ничего не добьешься.

— Талли, ты сама, черт побери, не понимаешь, о чем говоришь. Моя тринадцатилетняя дочь не поедет в Нью-Йорк в какое-то идиотское турне для моделей, и ты не будешь ее сопровождать. Тема закрыта.

— Отлично, — сказала Талли. — Я просто хотела помочь.

Кейт услышала в голосе подруги обиду, но сегодня она не собиралась уступать.

— Отлично. И в следующий раз, когда моя дочь придет к тебе с планом, включающим недельный прогул школы и турне моделей за тридевять земель от дома, буду тебе очень признательна, если сначала ты позволишь мне обсудить с ней это.

— Но ты ничего с ней не обсуждаешь. Вы обе только орете друг на друга. Даже Джонни говорит…

— Ты обсуждала это с Джонни? — Кейт была неприятно удивлена.

— Он беспокоится по поводу тебя и Мары. Говорит, что иногда ваши отношения напоминают военные действия.

Это был уже третий болезненный удар за сегодняшний вечер, и Кейт было так больно, что она сказала:

— Тебе лучше уехать, Талли. Это все семейные дела.

— Но… я думала, что я тоже в каком-то смысле член твоей семьи.

— Спокойной ночи, Талли! — сказала Кейт и вышла из комнаты.

28

Талли надо было бы отправиться сразу домой и попытаться забыть обо всем происшедшем. Но к тому моменту, когда паром причалил в Сиэтле, она была совершенно разбита. И вместо того чтобы повернуть на Аласкан-Вэй, она повернула направо и надавила на педаль газа.

Она доехала до Снохомиша за рекордное время, пронесясь мимо изменившихся с течением времени мест своей юности. Городок стал местом остановки автобусов с туристами и был теперь полон дорогих модных кафе и антикварных магазинов.

Для Талли все это не имело никакого значения — что изменилось, что осталось прежним, — ей было все равно. Даже при самых благоприятных обстоятельствах она ощущала лишь очень хрупкую связь с собственным прошлым. Но когда Талли доехала до улицы Светлячков, у нее появилось ощущение, что ею буквально выстрелили в прошлое.

Она свернула на мощеную дорожку и подъехала к маленькому белому фермерскому домику с блестящей черной отделкой вдоль строительных швов. За прошедшие годы миссис Муларки превратила заброшенный двор в садик в английском стиле, полный цветов. В этом году осень наступила поздно, и сад, казалось, светился золотистым сиянием. Во дворе и в подвесных кашпо алели герани, освещенные оранжевым светом висевшего на крыльце фонаря.

Талли припарковала машину, подошла к двери и позвонила в звонок.

Ей открыл мистер Муларки, и в эту минуту, когда Талли смотрела на него, вся жизнь пронеслась у нее перед глазами. Мистер Муларки заметно постарел. У него поредели волосы, он раздался, но на нем была белая футболка и джинсы, как и в старые добрые времена, и Талли вдруг снова почувствовала себя молодой.

— Привет, мистер Муларки, — поздоровалась она.

— Ты так поздно, Талли. Ничего не случилось?

— Мне нужно поговорить с Марджи, — сказала Талли. — Я не пробуду долго.

— Ты отлично знаешь, что всегда можешь приехать и остаться здесь на столько, на сколько захочешь. — Он сделал шаг в сторону, пропуская Талли в дом. — Марджи, спускайся. У нас тут стихийное бедствие.

И он подмигнул Талли, вызвав в ответ ее улыбку.

Уже через минуту миссис Муларки спускалась по лестнице в красном бархатном халате на «молнии», который носила столько, сколько Талли ее помнила. Сколько бы роскошных халатов и пеньюаров ни присылала ей Талли за эти годы, этот оставался любимым.

— Талли! — воскликнула миссис Муларки, надевая бифокальные очки в бежевой оправе. — У тебя все в порядке?

Врать смысла не было.

— Не совсем, — призналась Талли.

Миссис Муларки решительно направилась к появившемуся в гостиной в восьмидесятые годы бару и налила им по бокалу вина. Передав один бокал Талли, она направилась к новому дивану леопардовой расцветки. Стена над их головами была вся завешана семейными фотографиями. Иисус Христос и Элвис по-прежнему оставались на своих местах, но теперь их окружали школьные фото Мары и близнецов, свадебные фотографии Кейт и Джонни, фотографии Шона с выпускного вечера. Были здесь и фото Талли.

— И что же все-таки случилось? — повернулась к Талли миссис Муларки.

Талли опустилась в любимое кресло-качалку семейства Муларки.

— Кейт рассердилась на меня, — ответила она на вопрос.

— За что же?

— Мара позвонила мне на прошлой неделе — хотела поговорить по поводу мероприятия для моделей в Нью-Йорке…

— О боже!

— Я предложила помочь — поговорить об этом с ее родителями, но как только Кейт об этом услышала, она как с цепи сорвалась. И отказалась даже выслушать Мару.

— Маре тринадцать лет.

— Этого достаточно, чтобы…

— Нет, — резко оборвала ее Марджи, но затем улыбнулась. — Я понимаю, ты пытаешься помочь, Талли. Но Кейт имеет право

позаботиться о безопасности своей дочери.

— Мара ненавидит ее.

— Так обычно кажется тринадцатилетним девочкам и их мамам. Возможно, тебе это неизвестно, поскольку Облачко была не такой, как все, но девочки и их мамы часто проходят через этот сложный период. И позволяя детям все, чего они хотят, ситуацию не улучшишь.

— Я не предлагаю, чтобы ей давали все, что ей захочется. Но у Мары действительно есть способности. Я думаю, она могла бы стать супермоделью.

— Ну стала бы, и что?

— Она была бы богатой и знаменитой. К семнадцати годам уже могла бы стать миллионершей.

Миссис Муларки наклонилась к Талли.

— Ты ведь очень-очень богата?

— Да.

— Это помогает тебе ощутить гармонию? Стоит ли успех того, чем Маре придется за него расплатиться? Своим детством, своей невинностью, своей семьей? Я видела телефильмы о юных моделях. Все они — дети наркотиков и беспорядочного секса, и рядом с ними такая же публика.

— Я бы присмотрела за Марой. Ведь главное — она нашла что-то, что ей нравится по-настоящему. Это надо в ней взращивать, а не игнорировать. И я боюсь, что Мара и Кейт не сумеют найти дорогу друг к другу. Вы бы слышали, как Мара говорит о матери.

— Ты беспокоишься о Маре, — сказала Марджи, глядя на Талли поверх очков. — Но ты выбрала не того игрока, это Кейт ты очень нужна сейчас.

— Кейт?

— Проблема с Марой съедает ее жизнь. Этим двоим надо хорошо подумать о том, как общаться друг с другом, не срываясь на крик и слезы. И ты должна быть прежде всего подругой Кейт.

— Вы говорите так, будто я в чем-то виновата.

— Конечно, нет. Я о том, что Кейт сейчас нужна ее лучшая подруга. Вы двое всегда были друг для друга защитой. Я знаю, как Мара преклоняется перед тобой, знаю, тебе нравится, когда перед тобой преклоняются. — Марджи улыбнулась. — Но ты не должна принимать чью-то сторону, если только это не сторона Кейти.

— Я только хотела…

— Мара — не твоя дочь.

И именно в эту минуту Талли поняла истинную причину их с Кейти разногласий. Да, она действительно любила Мару, но дело было не только в этом, миссис Муларки поняла это. Мара была для Талли идеальным, удобным ребенком — красивая, амбициозная, эгоистичная. И, самое главное, она считала саму Талли идеалом.

— Так что же мне сказать Маре?

— Что у нее впереди вся жизнь. Что, если она такая способная, как тебе кажется, она сможет заняться любимым делом, когда подрастет, чтобы с ним справиться.

Талли с тяжелым вздохом откинулась на спинку кресла-качалки.

— Как вы думаете, Кейт долго будет на меня сердиться?

Миссис Муларки рассмеялась:

— Вы двое пережили больше взлетов и падений, чем сайтов в Интернете. Все будет хорошо. Просто перестань быть лучшей подругой Мары и снова стань ею для Кейт.

Кейт никогда не надоедало любоваться видом, открывавшимся с заднего крыльца ее дома. Сегодня, холодным вечером в конце октября, черное небо над Сиэтлом было полно звезд. В лунном свете были хорошо видны вдали городские небоскребы.

И звуки здесь, у воды, были слышны более отчетливо. Пожелтевшие кленовые листья с шелестом падали с деревьев и, приземляясь на влажную почву, издавали звук, похожий на чьи-то всхлипы. В ветвях деревьев раздавалось таинственное шуршание. И как всегда, в тишине слышался шум прилива, шепот волн, то набегавших на берег, то отступавших прочь в ритме, которым управляла светившая в небе луна. Здесь менялись только времена года, и каждое придавало пейзажу удивительный, неповторимый вид.

А за спиной Кейт, за старинной деревянной дверью, перемены следовали одна за другой. Расцветала ее подросшая дочь, с каждым днем приближаясь к той женщине, которой она скоро станет. Менялось настроение самой Кейт, которая иногда чувствовала себя, словно ее выбросило на берег и она не знает ни кто она, ни кем хотела стать.

Младшие сыновья Кейт тоже подрастали. Они ходили теперь в дошкольную группу и уже приобрели друзей, выбирали, что им

надеть, и все время задавали матери вопросы. Не успеет она и глазом моргнуть, как мальчишки тоже окажутся на пороге взрослой жизни, будут пришпиливать к стенам в своей комнате фотографии из журналов и требовать, чтобы не нарушали их личное пространство.

Как же быстро летит время…

Кейт постояла еще немного на крыльце, потом вошла в дом и заперла за собой дверь.

В доме было тихо. Кейт прошла через гостиную, подобрав по дороге парочку игрушечных динозавров, валявшихся перед телевизором.

Наверху Кейт тихонько повернула ручку двери в комнату близнецов, надеясь увидеть их спящими. Вместо этого она увидела на кровати Уильяма шалаш из простыней и свет маленького фонарика, проникавший сквозь сине-красные изображения героев «Звездных войн».

— Я точно знаю, что двум маленьким мальчикам давно пора спать!

Из-под импровизированной палатки раздалось хихиканье.

Первым показался Лукас. С растрепанными черными волосами и щербатым ртом он был похож на Питера Пэна, застигнутого Венди за очередной шалостью.

— Привет, мама!

— Лукас, заткнись! — раздалось из «палатки» шипение Уильяма. — Притворись, что спишь.

Кейт подошла к кровати и медленно подняла простыни.

Уильям предстал ее взору с фонариком в одной руке и серым пластмассовым динозавром в другой.

— Упс! — сказал он и рассмеялся.

Кейт распахнула объятия.

— Обнимите мамочку.

Мальчики с энтузиазмом кинулись к ней. Кейт крепко прижала сыновей к себе, вдыхая запах детского шампуня.

— Вам, парни, вижу, нужна еще одна сказка на ночь?

— Почитай нам про Макса, мамочка! — попросил Лукас.

Кейт взяла книжку и устроилась в своей обычной позе — между сыновьями, вытянув ноги. Она открыла книжку «Там, где живут

чудовища» и начала читать. Приключения Макса были в разгаре, когда близнецы заснули.

Она подоткнула одеяла Уильяму, поцеловала его в щеку, потом переложила Лукаса в его кровать.

— Спокойной ночи, мамочка, — пробормотал он, когда она опускала его на постель.

— Спокойной ночи. — Кейт выключила фонарик и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Дверь в комнату Мары в другом конце коридора была закрыта, но из-под нее пробивался свет.

Кейт остановилась. Ей хотелось войти к дочери, но она боялась, что это будет означать начало новой ссоры. Все, что говорила или делала Кейт, теперь казалось ее дочери неправильным, а за те несколько недель, которые прошли с тех пор, как затея с поездкой начинающих моделей не осуществилась, их отношения стали еще более напряженными.

Поэтому, вместо того чтобы войти, она постучала в дверь и громко сказала:

— Пора гасить свет, Мара!

И подождала, пока свет погаснет.

Затем Кейт отправилась к себе в спальню.

Джонни уже лежал в кровати и читал. Он поднял глаза и внимательно посмотрел на Кейт.

— Ты выглядишь усталой.

— Мара, — только и сказала Кейт.

— Я думаю, дело не только в ней, — неожиданно заявил Джонни.

— Что ты имеешь в виду?

Сняв очки, Джонни положил их на тумбочку и принялся собирать разбросанные вокруг него бумаги. Затем произнес, не поднимая глаз:

— Талли сказала мне, что ты все еще на нее сердишься.

По его голосу и по тому, как Джонни старательно отводил глаза, Кейт поняла, что он давно уже хотел поговорить с ней об этом.

«Таковы мужчины», — подумала она. Нужно уметь разгадывать по разным тайным знакам, о чем они думают.

— Она сама мне не звонит, — пожав плечами, ответила Кейт.

— Но ведь это ты на нее рассердилась.

Этого Кейт не могла отрицать.

— Ну, не то чтобы рассердилась, скорее испытала раздражение. Вся эта чушь с карьерой модели для Мары… Талли могла бы по крайней мере признать, что была не права.

— Чтобы Талли извинилась? Ты многого от нее хочешь…

Кейт не смогла сдержать улыбки.

— Знаю, знаю. Но не понимаю, почему я всегда должна делать первый шаг к примирению. Почему я должна ей звонить?

— Ну, ты просто делаешь это.

Это была чистая правда. Так было всегда. В дружбе, как и в браке, правила обычно устанавливаются с самого начала, а затем постепенно отливаются в форму и становятся прочными, как застывший цемент.

Кейт прошла в ванную, почистила зубы и легла в кровать рядом с Джонни.

Он потянулся выключить ночник, потом повернулся к Кейт. Лунный свет, проникавший в окно, освещал его профиль. Джонни вытянул руку, словно предлагая ей лечь поудобнее рядом с ним. Она вдруг почувствовала приступ любви к нему, неожиданно сильный, если учесть, сколько лет они были женаты. Этот мужчина знал ее хорошо, и это почему-то служило утешением. Он окутывал и согревал ее своей любовью.

Неудивительно, что у Талли было столько острых углов и неудобных граней, ведь она никогда не позволяла утешить себя любовью. У Талли не было ни мужа, ни детей, ни матери. Ей некого было любить, и она сделалась эгоистичной. И Кейт снова придется справиться со своим гневом, не ожидая извинений Талли, она не могла долго сердиться на лучшую подругу. Удивительно, как быстро летело время, Кейт казалось, что они поссорились только вчера. Впрочем, важны были не слова, сказанные или невысказанные, важны были годы их дружбы.

— Спасибо, — прошептала Кейт, обращаясь к Джонни.

Завтра она позвонит Талли и пригласит ее на обед. И, как всегда, это положит конец их ссоре. Они без усилия вернутся на дорогу своей дружбы и двинутся по ней дальше.

— За что? — спросил Джонни.

Кейт нежно поцеловала мужа, коснулась его щеки. Все годы, прожитые с Джонни, она испытывала неизъяснимый восторг, когда вот так смотрела на прекрасное и любимое лицо своего мужа.

— За все.

Серым сырым утром в середине ноября Кейт подъехала на своем внедорожнике к школьной стоянке и встала в длинную очередь автомобилей и фургонов. Пока они двигались в пробке, Кейт посмотрела на сидящую рядом дочь.

Вид у Мары, как всегда, был недовольный. С момента ссоры из-за поездки в Нью-Йорк угрюмое выражение не сходило с ее лица.

Теперь Кейт понимала: если прежде ее и дочь разделял невысокий заборчик, после той ссоры между ними выросла стена.

Обычно на долю Кейт выпадало замостить трудные участки дороги, которой двигалась ее семья. Она всех мирила, была арбитром при разрешении споров, посредником при примирениях. Но на этот раз не помогли никакие предпринятые ею усилия. Мара злилась на нее уже несколько недель, и это начинало сказываться на Кейт. Она нервничала, плохо спала ночью. Ее раздражало угрюмое молчание дочери, к тому же она понимала, что Мара пытается ею манипулировать, хочет ее сломать.

— Волнуешься перед вечеринкой? — Она заставила себя задать вопрос.

Надо же было сказать хоть что-то. Весь восьмой класс волновался в радостном предвкушении зимнего праздника. Родители — и Кейт в том числе — постарались на славу, чтобы подготовить для детей незабываемую ночь.

— Мне все равно, — сказала Мара, выглядывая в окно, чтобы отыскать среди стоящей перед школой толпой ребят кого-нибудь из своих друзей. — Ты ведь не собираешься следить за мной на празднике, правда?

Кейт изо всех сил постаралась не реагировать на слова дочери. Она снова сказала себе, что это нормально, как повторяла уже не раз за последнее время.

— Я ведь отвечаю за украшение зала, ты же знаешь. Вряд ли я соглашусь работать ради этого события два месяца, а потом даже не взглянуть на результат своих трудов.

— То есть ты будешь там, — уныло констатировала Мара.

— И я, и твой отец. Надеюсь, ты все же отлично повеселишься.

— Мне наплевать!

Кейт подъехала к линии, у которой обычно высаживали детей.

— Школьный автобус семьи Райан прибыл, — сказала она.

Близнецы на заднем сиденье захихикали над знакомой шуткой.

— До чего же это тупо, — прокомментировала Мара, закатив глаза.

Кейт повернулась к дочери:

— Пока, дорогая. Хорошего тебе дня и удачи на тесте по социологии.

— Пока, — сказала Мара, громко хлопнув дверцей.

Кейт, вздохнув, посмотрела в зеркало заднего вида. Близнецы дрались друг с другом игрушечными динозаврами.

— Девочки-девочки, — тихо произнесла Кейт, в который раз задавая себе вопрос: почему девочки в переходном возрасте так отвратительно относятся именно к своим мамам. Похоже, этот вопрос стоял перед многими мамами девочек-подростков, Кейт знала это.

Через несколько минут она высадила мальчишек у их школы и поцеловала обоих на прощанье при полном скоплении народа. А потом начался ее собственный день: сначала остановка в «Бейнбридж Бейкерс», где она взяла себе латте, после чего завезла книги в библиотеку — и прямиком в «Сейфвэй». К десяти тридцати Кейт была дома и в кухне раскладывала покупки в холодильник и по шкафчикам.

Она как раз закрыла дверцу холодильника, когда услышала хорошо знакомую музыкальную заставку «Часа подружек», доносившуюся из работающего телевизора в гостиной, и отправилась посмотреть передачу. Кейт редко смотрела шоу подруги с начала и до конца — как она могла бы при ее-то расписании? — но она всегда включала в это время телевизор, чтобы знать темы эпизодов. И Джонни, и Талли иногда экзаменовали ее.

Кейт села, закинув ноги на подлокотник дивана.

Отзвучала заставка, и Талли вошла в уютное пространство студии, оформленное в стиле «мы — просто пара девчонок, которые присели поболтать в семейной гостиной». Выглядела Талли, как всегда, потрясающе. В прошлом году она решила дать волосам немного отрасти. К тому же она вернулась к своему натуральному золотисто-каштановому цвету. Изысканная стрижка в стиле «девушка с хорошим вкусом, живущая по соседству», подчеркивала ее высокие

скулы и овал лица. Впрыснутый коллаген делал безупречными ее губы, которые она лишь слегка покрывала блеском и никогда яркой помадой.

— Добро пожаловать в «Час подружек», — приветствовала зрителей Талли, стараясь, чтобы ее голос был хорошо слышен за шквалом аплодисментов. Кейт знала, что люди иногда по шесть часов стоят в очереди, чтобы попасть в студию на съемку. И их можно было понять. «Час», как называли его фанаты и СМИ, был веселой передачей, создавал хорошее настроение, а иногда даже и вдохновение. Никто никогда не знал, что Талли Харт скажет или сделает в следующую минуту. Отчасти именно это заставляло зрителей переключать свои телевизоры на ее шоу, а уж задачей Джонни было позаботиться о том, чтобы все работало как хорошо смазанный механизм.

Талли сдержала слово и сделала их всех богатыми, а Джонни, в свою очередь, делал все, чтобы Талли была безупречна в своем шоу.

Талли сидела в кремовом пластиковом кресле. На его фоне она выглядела яркой и казалась чуть крупнее, чем была в жизни. Она чуть подалась вперед, как бы оставаясь таким образом один на один как с аудиторией, так и с камерой. Шоу на экране неожиданно для самой Кейт захватило ее. Глядя, как Талли делится с остальной Америкой секретами макияжа и прически, Кейт пылесосила жалюзи и раскладывала белье для стирки. После шоу она выключила телевизор и решила снова поработать над рождественским списком. Она была так поглощена этим занятием, что не сразу услышала телефонный звонок. Оглядевшись, Кейт увидела трубку радиотелефона на полу рядом с разбросанными деталькими «Лего» и ответила на звонок.

— Алло!

— Кейт, это вы?

— Да.

— Слава богу! Это Эллен из Вудворда. Я хочу узнать, почему Мары нет на уроках.

— Вот как… — Кейт сама удивилась тому, как резко прозвучал ее голос. — Простите, Эллен. Мара должна быть в школе. Если только… дайте угадаю: Эмили Аллен и Шэрил Бертон тоже нет?

— О боже! — воскликнула Эллен. — А вы не знаете, где они могут быть?

— Есть у меня одна идея. Как только найду их, обязательно позвоню вам. Спасибо, Эллен.

— Простите, Кейт.

Она повесила трубку и посмотрела на часы. Двенадцать сорок две.

Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, где находятся девочки. Сегодня был четверг, день, когда в «Павильоне» начинали показывать новый фильм. И, как назло, сегодня должен был идти фильм с популярной среди подростков актрисой — Кейт никак не могла запомнить ее имени.

Схватив сумку, Кейт поторопилась к машине. Она припарковалась у кинотеатра «Павильон» без нескольких минут час. От нее потребовалось некоторое усилие, чтобы не выглядеть такой рассерженной, какой она на самом деле была. И к тому моменту, когда она, переговорив с управляющим, вошла в темный зал, разыскала там девочек, вывела их и направилась к машине, ей едва удавалось сдерживаться. Но ее гнев был ничто по сравнению с гневом ее дочери.

— Просто поверить не могу, что ты это сделала, — возмущенно заявила Мара, когда они пришли на стоянку.

Кейт проигнорировала ее тон.

— Я ведь сказала тебе, что ты с девочками можешь пойти на новый фильм в субботу.

— Если я уберу свою комнату.

На это Кейт даже не стала отвечать.

— Давайте-ка в машину, девочки, — сказала она. — Вас ждут в школе.

Девочки уселись в машину, бормоча извинения.

— А я вот и не подумаю извиняться, — заявила Мара, хлопая дверцей и рывком застегивая ремень безопасности. — Я пропустила только эту идиотскую алгебру.

Повернув ключ в замке зажигания, Кейт выехала со стоянки на главную дорогу.

— Ты должна быть в школе. И точка.

— Как будто ты никогда не забирала меня с уроков, чтобы отвезти в кино, — ехидно сказала Мара. — Или мне приснилось, как я смотрела «Гарри Поттера» вместо уроков?

— Что ж, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, — произнесла Кейт.

Мара скрестила руки на груди.

— Вот Талли бы меня поняла.

Кейт остановила машину около средней школы.

— Ну что ж, девочки, вперед!

— Моя мама будет орать как сумасшедшая, — простонала Эмили.

Когда они остались одни в машине, Кейт повернулась к дочери.

— Папа понял бы меня, — сказала Мара. — Он-то знает, как много значат для меня фильмы и школа моделей.

— Ты так думаешь? — Кейт достала из кармана мобильный телефон и включила номер Джонни. — Ну, давай же, расскажи ему.

— Сама рассказывай.

— Так ведь это не я прогуляла школу и сбежала в кино.

Она снова протянула телефон Маре, та взяла его и приложила к уху.

— Папа? — Голос Мары вдруг стал совсем тихим, а глаза ее наполнились слезами.

Кейт почувствовала укол ревности. И как это получилось, что Джонни удалось сохранить с дочерью замечательные отношения, в то время как Кейт чувствовала себя нерадивой служанкой собственного ребенка.

— Угадай что, пап. Помнишь тот фильм, про который я тебе рассказывала? Ну, тот, где девочка узнает, что ее тетя — на самом деле ее мама? Пошла посмотреть его сегодня, и это было абсолютно… Что? А… — голос Мары понизился до шепота. — На четвертом уроке, но… я знаю. — Она молча слушала несколько секунд, затем тяжело вздохнула: — Ну, хорошо. Пока, пап.

Мара разъединила вызов и вернула Кейт трубку. На долю секунды она снова превратилась в маленькую девочку.

— Я не могу пойти в выходные в кино.

Кейт так хотелось ухватиться за выпавшую ей редкую возможность и заключить Мару в объятия, прижать к себе свою маленькую девочку, сказать ей: «Я люблю тебя», но она не решилась. Материнство очень часто — слишком часто — требовало твердости, а не способности прогибаться.

— Может быть, ты наконец задумаешься о последствиях своих поступков.

— Когда-нибудь я стану знаменитой актрисой и расскажу по телевизору, что ты ни в чем мне не помогала. Ни капельки. Я буду благодарить только тетю Талли, которая в меня верит.

Мара выскочила из машины. Кейт пошла за ней на расстоянии в несколько шагов.

— Я тоже верю в тебя, — сказала Кейт, следуя за дочерью.

Мара фыркнула:

— Ха! Ты никогда ничего не разрешаешь мне делать, но, как только я смогу, я перееду жить к Талли.

— Сначала замерзнет преисподняя, — пробормотала Кейт себе под нос.

К счастью, у нее уже не было возможности поговорить с дочерью. Когда они вошли в здание школы, их уже ждал директор.

Лето, перед тем как Мара стала учиться в старшей школе, было самым худшим в жизни Кейт. Хотя, оглядываясь назад, она вспоминала, что иметь тринадцатилетнюю дочь, учащуюся в средней школе, было, пожалуй, не лучше.

И то, что Джонни работал последний год по шестьдесят часов в неделю, ситуацию, разумеется, не улучшало.

— Ты не пойдешь в школу в джинсах, которые демонстрируют всему классу половину твоей попы. Кейт старалась говорить спокойно. Ей не просто было выкроить в своем заполненном до предела расписании конца лета целых четыре часа на покупку Маре одежды для школы. Они уже провели в торговом центре два часа, и единственным результатом опять была обострившаяся враждебность.

— В старшей школе все носят такие джинсы.

— Все, кроме тебя, в таком случае.

Кейт прижала пальцы к ноющим вискам. Она едва замечала близнецов, носившихся по торговому центру, так как была просто не в состоянии на них реагировать. Если ей повезет, охранник донесет властям, и ее арестуют за то, что она оставляет своих детей без присмотра. Прямо сейчас мысль об одиночном заключении в камере казалась ей мыслью о рае.

Мара бросила джинсы на стеллаж и отошла.

— Что ж, по крайней мере теперь ты знаешь, что от ненужной одежды можно, повернувшись, уйти, — сказала Кейт, торопясь за дочерью.

К моменту, когда они покончили с покупками, Кейт чувствовала себя, как Рассел Кроу в «Гладиаторе»: избитой, окровавленной, но живой. Никто не остался доволен поездкой. Близнецы ныли, что им не достались фигурки героев «Властелина колец», Мара дулась по поводу джинсов, которые ей не купили, и полупрозрачной блузки, которую тоже пришлось отложить в сторону. А Кейт злилась на то, что покупка одежды для школы способна отнять у нее столько сил и энергии. Единственной хорошей новостью было то, что она сумела провести границу дозволенного для Мары и защитить эту самую границу. Кейт не одержала в этот день полной победы, но не одержала ее и Мара.

По дороге домой из «Силвердейла» в машине на заднем сиденье царили шум и возня, а на переднем — напряженное молчание. Кейт пыталась завязать разговор с дочерью, но каждая фраза оказывалась не отбитой подачей. К моменту, когда они свернули к дому и въехали в гараж, Кейт в полной мере почувствовала свое поражение. И сомнительный триумф, который она испытала, проведя границу и проявив себя как строгая мать, а не как подруга, сошел на нет.

За ее спиной близнецы, расстегнув ремни безопасности, перелезали друг через друга, торопясь выбраться наружу. Кейт знала, что тот, кто первым добежит до гостиной, завладеет пультом дистанционного управления от телевизора.

— Парни, спокойнее, — оглянулась на них Кейт. Мальчишки в эту минуту были похожи на двух львят, пытающихся пролезть в слишком узкое для них отверстие.

Кейт повернулась к Маре:

— У тебя сегодня шикарные обновки.

— Да. — Мара передернула плечами.

— Видишь ли, Мара, жизнь полна… — Кейт остановилась на середине предложения и чуть было не рассмеялась.

Она только что начала читать дочери одну из нотаций своей матери, всегда начинавшихся со слов «жизнь такова…».

— И чего же полна жизнь? — язвительно спросила Мара.

— Компромиссов. Можно жить, думая о том, что у тебя есть, а можно сосредоточиться на том, чего у тебя нет. И от твоего выбора

зависит, какой ты вырастешь.

— Я просто хочу вписаться в коллектив, — неожиданно тихо произнесла Мара.

Кейт поняла, какой на самом деле маленькой еще была ее дочь, и вспомнила, как страшно было когда-то ей самой идти в старшую школу.

Кейт протянула руку и нежно убрала несколько непослушных завитков за ухо Мары.

— Поверь мне, я помню это чувство. Когда я была в твоем возрасте, мне приходилось ходить в школу в дешевой одежде из секонд-хэнда. И ребята смеялись надо мной. Как же мне было обидно!

— Тогда ты понимаешь, о чем я.

— Я понимаю. Но и ты пойми: ты не можешь получать все, что захочешь. Все очень просто.

— Но ведь это была всего лишь пара джинсов, мам.

Кейт внимательно посмотрела на дочь. Редкий случай, когда Мара не хмурится и не отворачивается, а пытается с ней поговорить.

— Мне очень жаль, что мы много ссоримся в последнее время.

— Да, — кивнула девочка.

— Может быть, мы могли бы записать тебя в новую школу для моделей, в конце концов?.. В ту, что в Сиэтле.

Мара ухватилась за эту возможность, как голодный щенок за косточку.

— Так ты наконец-то разрешишь мне выбираться с острова? Следующий курс начинается во вторник, я проверяла. Талли сказала, что могла бы встречать меня у парома, — с самым невинным видом произнесла Мара. — Мы говорили с ней об этом.

— Ах вот как?

— И папа сказал, что разрешит, если у меня будут хорошие оценки.

— Так папа тоже знает? А со мной — со мной никто не поговорил? Да кто я, по-твоему, — Ганнибал Лектор?

— Но ты все время злишься, особенно в последнее время.

— И кто в этом виноват?

— Так можно мне туда ходить?

У Кейт уже не было выбора.

— Хорошо. Но если твои оценки…

Мара придвинулась к матери и обняла ее. Кейт крепко прижала дочь к себе, наслаждаясь моментом. Она уже и не помнила, когда в последний раз Мара обнимала ее.

Мара пошла в дом, а Кейт еще долго сидела в машине, глядя ей вслед и размышляя, правильно ли она поступила, разрешив ходить дочери в новую школу моделей. Существует ловушка, в которую попадают многие матери, — уступить и сдаться гораздо проще, чем твердо настоять на своем. Из-за этого отменяются принятые ранее решения, понижается планка разумных требований.

Не то чтобы Кейт не хотела, чтобы Мара ходила в эту самую школу. Она не хотела, чтобы Мара так рано вступала на столь тернистый путь. Непредсказуемость, ненадежность этой стези, коррупция, внешняя красота, не глубже идеальной кожи, наркотики, анорексия. Вот что лежало под блестящей поверхностью модельного бизнеса. А у подростков такая хрупкая психика и еще не сформировавшееся тело. Видит бог, девочке в переходном возрасте есть от чего слететь с катушек и без неустанной погони за внешней красотой, которую она решила сделать своей профессией.

Кейт не боялась, что ее красавица дочь не сможет пробиться в этом мире, ее больше тревожило, что Мара сумеет стать в этом мире своей, но детство будет для нее потеряно.

Она вышла наконец из машины, коря себя за то, что не проявила твердость.

Бесплодные угрызения матери. Кейт пыталась придумать, как бы развернуть все назад, и приходила к выводу, что это невозможно. Когда зазвонил телефон, Кейт не стала брать трубку, а продолжила разбирать покупки. За это лето она усвоила одну вещь: девочки-подростки живут болтовней по телефону.

— Ма! Это тебя — бабушка! — закричала сверху Мара. — Только недолго. Мне будет звонить Гейб.

Кейт взяла трубку и услышала, как на другом конце провода выдыхают дым. Улыбнувшись, она оставила покупки, забралась на диван и завернулась в вязаный платок матери.

— Привет, мам.

— Голос у тебя какой-то странный.

— Ты сделала этот вывод, услышав мое дыхание в трубке?

— Надеюсь, ты не куришь? У тебя ведь дочь в переходном возрасте.

— Поверь мне, я никогда не вела себя так ужасно.

Миссис Муларки рассмеялась своим хриплым смехом.

— Думаю, ты просто не помнишь, сколько раз ты запрещала мне лезть в твою жизнь и хлопала дверью у меня перед носом.

Воспоминания об этом действительно были размытые, но вспомнить можно было.

— Прости меня, мам.

Последовала пауза, затем миссис Муларки произнесла:

— Тридцать лет.

— Что — тридцать лет?

— Тридцать лет прошло, прежде чем ты догадалась извиниться. Но знаешь, что самое замечательное?

— Что я могу не дожить до этого дня? — усмехнулась Кейт.

— Что ты поймешь гораздо раньше, что твоя дочь жалеет о своем поведении. — Марджи рассмеялась. — А когда она пригласит тебя посидеть с ребенком, тогда она полюбит тебя по-настоящему.

Кейт постучала в дверь Мары и услышала приглушенное: «Заходи».

Она вошла, изо всех сил стараясь не обращать внимания на разбросанные повсюду одежду, книги и мусор, и подошла к белой кровати, на которой сидела, поджав под себя ноги, ее дочь и говорила по телефону.

— Могу я поговорить с тобой минутку?

Мара закатила глаза.

— Извини, Гейб, моя мама хочет со мной поговорить. Созвонимся попозже.

— Что? — спросила она, обращаясь к матери.

Кейт присела на краешек кровати, вспомнив вдруг, сколько раз повторялась такая же сцена во времена ее отрочества. И ее мама всегда начинала с рассуждения о том, какова жизнь. Она улыбнулась своим воспоминаниям.

— Ну что? — повторила Мара.

— Я знаю: мы много ссорились в последнее время, и мне очень жаль, что так вышло. Чаще всего это происходит, потому что я люблю

тебя и хочу для тебя всего самого лучшего.

— А в остальных случаях почему это происходит?

— Потому что тебе удается разозлить меня до чертиков.

Мара едва заметно улыбнулась и подвинулась, освобождая место для матери. Когда-то сама Кейт делала так же.

Она присела на кровать и осторожно взяла дочь за руку. Ей так многое хотелось сказать, попытаться завязать хоть какой-нибудь разговор, но вместо этого она сидела и просто держала дочь за руку. Это был первый вечер без ссоры, первый момент близости за несколько лет, и это наполняло сердце Кейт надеждой.

— Я люблю тебя, Мара, — сказала она. — Именно ты, больше, чем кто-либо другой, показала мне, какой может быть любовь. Когда тебя положили мне на руки…

Она замолчала, почувствовав, как сжимается горло. Ее любовь к своему только что рожденному ребенку была такой огромной, такой всепоглощающей. Иногда во время ожесточенных военных действий, связанных с переходным возрастом, она почти забывала об этом. Кейт улыбнулась.

— В любом случае, я думаю, нам надо устроить вместе что-нибудь особенное.

— Например?

— Например, вечеринку в честь годовщины папиного шоу.

Мара просила ее об этом уже давно, но Кейт отвечала, что она еще слишком мала для присутствия на таких мероприятиях.

— Мы могли бы вместе отправиться по магазинам, в парикмахерскую, купить себе красивые платья…

— Я люблю тебя, — сказала Мара, обнимая мать.

Кейт крепко прижала к себе дочь, наслаждаясь моментом близости.

— Можно, я расскажу Эмили?

И прежде чем Кейт успела ответить, Мара уже протянула руку к телефонной трубке.

— Эм, ты не поверишь, куда я иду в субботу…

Кейт закрыла дверь и пошла к себе, размышляя о том, как быстро все меняется, когда речь идет о детях. Минуту назад ты чувствовала себя эскимосской женщиной, отбившейся от своих и забытой, и вот ты уже покорительница горной вершины, гордо водружающая над ней

свой флаг. От таких перемен может закружиться голова, и единственный способ выжить — наслаждаться хорошими моментами и не пережевывать плохие.

— Ты улыбаешься, — отметил Джонни, когда она вошла в спальню.

Он сидел на кровати в очках для чтения, которые терпеть не мог и, надевая, всегда ворчал.

— А это такое выдающееся событие?

— Честно говоря, да.

Кейт рассмеялась:

— Думаю, ты прав. У нас с Марой была тяжелая неделя. Ее пригласили на всю ночь на совместную вечеринку с мальчиками — до сих пор не могу в это поверить, — а я не пустила.

— Тогда почему ты улыбаешься?

— Я пригласила ее на твою вечеринку. Устроим перед этим день для девочек. Шопинг, маникюр, поход в парикмахерскую. Надо будет снять номер в отеле или взять с собой раскладушку.

— Я буду самым счастливым мужчиной на этой вечеринке, — оживился Джонни.

Кейт улыбнулась мужу. Впервые за много дней в сердце ее поселилась надежда. Они с Марой проведут самый отличный вечер, какой только могут провести дочь с матерью. Может быть, вставшая между ними стена наконец рухнет.

Казалось, Талли должна была чувствовать себя царицей мира. Сегодня отмечали годовщину ее шоу. Десятки людей работали над тем, чтобы сделать это событием года в Сиэтле. Ожидалось присутствие не только местных телевизионщиков, на приглашения откликнулись многие настоящие знаменитости. Короче говоря, каждый, кто хоть что-то собой представлял, будет на ее вечеринке, и все будут воздавать ей должное и аплодировать ее феноменальному успеху.

Талли окинула взглядом оформленный в традиционном стиле зал для приемов отеля «Олимпик». Вообще-то он назывался теперь как-то по-другому. Гостиничные империи все время переходили из рук одних хозяев другим владельцам и переименовывались. Но для коренных жителей Сиэтла это здание все равно оставалось отелем «Олимпик».

Зал был полон ее коллег, приехали многие гости из списка главных знаменитостей, были здесь и ее нынешние сотрудники. И все, кого она одаривала взглядом, поднимали бокалы, приветствуя Талли. Ее любили.

И никто из них не знал ее по-настоящему.

Так уж случилось, что Эдна не смогла приехать, а Грант даже не перезвонил в ответ на ее звонок. В недавнем выпуске какого-то таблоида она прочитала, что Грант женится на какой-то старлетке, и хотя это не должно бы было ее волновать, но почему-то все же растревожило. Это заставило ее вдруг почувствовать себя постаревшей и одинокой. Особенно сегодня вечером. Как получилось, что она дожила до этого возраста и осталась в одиночестве? Без близкого и дорогого человека, с которым можно было бы разделить жизнь?

Она остановила проходившего мимо официанта и взяла с его подноса бокал шампанского.

— Спасибо, — поблагодарила она парня, одарив его своей знаменитой улыбкой, и оглядела зал в поисках Райанов. Их все еще не было. Талли поплыла дальше в море знакомых лиц.

Она осушила бокал и решила взять еще один.

День красоты в компании дочери оказался именно таким замечательным, о каком мечтала Кейт. Впервые за много лет они не ссорились. Мара даже прислушивалась к мнению Кейти о некоторых вещах. Они выбрали себе платья — шелковое с одним открытым плечом для Кейт и с голыми плечами без бретелек из красивейшего розового шифона для Мары. Затем зашли в «Джин Хуарес», где им сделали маникюр, педикюр, прически, подстригли и уложили волосы и нанесли макияж.

И теперь они стояли рядом перед зеркалом в ванной комнате Мары в номере люкс отеля «Олимпик» и оценивали результат.

Кейт понимала, что никогда не забудет отразившуюся в зеркале картинку — они с Марой так близко, ее высокая и стройная девочка с нереально красивым лицом обнимает ее за плечи.

— Мы ваще потрясные! — сказала Мара.

— Ваще! — улыбнулась Кейт.

Мара импульсивно поцеловала ее в щеку и сказала:

— Спасибо, мам!

Затем она взяла с кровати свою расшитую бисером сумочку и направилась к двери.

— Вот и я, пап! — сказала она, появляясь в гостиной.

— Мара! — Джонни присвистнул от восторга. — Ты великолепна!

Кейт последовала за дочерью. Она знала, что у нее не такая красивая фигура, как была в молодости, и она уже не такая хорошенькая, но в этом платье с бриллиантовой подвеской-сердечком на шее, подаренной когда-то Джонни, она была даже красивой. А когда увидела, как улыбнулся при виде ее муж, почувствовала себя еще и сексуальной.

— Вау! — сказал Джонни, подходя к жене и наклоняясь, чтобы ее поцеловать. — Вы выглядите потрясающе, миссис Райан.

Смеясь, все трое покинули номер и отправились в зал для торжеств, где уже начали отмечать праздник.

— Смотри, мам! — восторженно прошептала Мара. — Вот Брэд и Дженнифер. А там — Кристина. Вау! Жду не дождусь, когда смогу позвонить Эмили.

Джонни взял Кейт за руку и повел к бару, где взял два коктейля для них и колу для Мары. Отойдя в сторону, они потягивали напитки и рассматривали толпу.

Даже среди той публики, которая собралась здесь сегодня, Талли выделялась в своем струящемся шелковом платье цвета бирманских изумрудов. Она величественно подплыла к Райанам, и платье колыхалось волнами вокруг ее стройной фигуры.

— Ты выглядишь сногсшибательно, — смеясь, сказала она Кейт, которая не могла не заметить, что ее подруга не слишком уверенно держится на ногах.

— С тобой все в порядке? — озабоченно спросила она.

— Могло бы быть и лучше. Джонни, после обеда нам надо бы сказать пару слов со сцены. А потом пойдем на танцплощадку и оторвемся как следует.

— У тебя есть пара? — спросил Джонни.

Улыбка Талли тут же поблекла.

— Мара может побыть сегодня моей парой. Ты ведь не возражаешь, если я одолжу ее, правда, Кейти?

— Ну что ж…

— А почему мама будет возражать? Она ведь видит меня каждый день.

Талли прошептала на ухо Маре:

— Эштон здесь. Хочешь с ним познакомиться?

Мара была от восторга на грани обморока.

— Шутишь?

Кейт смотрела, как они уходят прочь, склонив друг к другу головы, словно парочка девчонок из группы поддержки, обсуждающих капитана своей футбольной команды.

Постепенно вечер утрачивал для Кейт свое очарование. Потягивая шампанское, она следовала за мужем по залу, улыбаясь, когда должна была улыбаться, повторяя всем, что она — домохозяйка, сидящая с детьми, когда ее спрашивали, и наблюдая, как эти несколько слов, которые она произносила с напускной гордостью, способны сразу убить любой разговор.

И все это время она наблюдала за Талли, а та делала вид, что Мара — ее дочь, и представляла ее одной знаменитости за другой и позволяла отпить шампанского из бокала.

Когда наступило время обеда, Кейт заняла свое место во главе стола. По одну руку от нее сидел Джонни, по другую — президент «Синдиуорлд». Талли председательствовала во время обеда, это именно так и выглядело. Она была яркой, живой, веселой, все, кто сидел рядом, особенно Мара, буквально смотрели ей в рот.

Кейт старалась не поддаваться нарастающему раздражению. Несколько раз она даже попыталась привлечь внимание дочери, но конкурировать с Талли Харт было невозможно.

Наконец она почувствовала, что больше не может выносить это. Придумав какую-то отговорку для Джонни, Кейт направилась в дамскую комнату. В очереди все женщины, казалось, обсуждали Талли и то, как она великолепно выглядит.

— А девочку рядом с ней видели?

— Я думаю, это ее дочь.

— Неудивительно, что они так близки.

— Хотелось бы мне, чтобы моя дочь относилась ко мне так же.

— Мне бы тоже, — пробормотала Кейт себе под нос.

Она смотрела на себя в зеркало и видела женщину, которая постаралась изо всех сил, чтобы выглядеть красивой в глазах своего

мужа и дочери, но поблекла, как выцветшие обои, на фоне своей красавицы подруги. Кейт понимала, что это смешно — чувствовать себя обиженной и исключенной из общего веселья. В конце концов, ведь не она была главной героиней праздника. И все же… она так надеялась…

В этом была ее ошибка.

Она приколола свою мечту о счастье на грудь девочке в переходном возрасте. Идиотка! Поняв, в чем дело, Кейт даже улыбнулась. Разумеется, ни на что не стоило надеяться. Вдруг почувствовав себя лучше и поняв, что может взять под контроль свои противоречивые эмоции, Кейт вернулась в зал.

29

Талли не следовало столько пить. На сцене она вынуждена была держаться за Джонни, чтобы уверенно стоять на ногах.

— Спасибо всем вам! — произнесла она, одарив толпу своей знаменитой улыбкой. — «Час подружек» достиг такого успеха благодаря вам!

Она подняла бокал, приветствуя всех находящихся в зале. И толпа разразилась аплодисментами. Талли вспомнила, что она приготовила речь, которая начиналась совсем другими словами, но поскольку она уже не могла вспомнить свою речь, то решила на этом остановиться.

Она повернулась к Джонни и обняла его за плечи:

— А теперь наступило время для нашего с моим партнером танца.

Оркестр заиграл медленную музыку. Талли взяла Джонни за руку и повела в центр зала. Она узнала мелодию — «Без ума от тебя».

«Только коснись меня, и ты поймешь, что все наяву…»

Это была песня, под которую Джонни и Кейт танцевали первый танец на своей свадьбе.

Талли подняла голову, посмотрела на Джонни и вдруг вспомнила то, о чем ей не следовало вспоминать: те минуты, которые она танцевала в его объятиях. Тогда играла другая песня — «Разве мы не получили почти все», — и в конце танца Джонни поцеловал ее. Если бы тогда она сделала иной выбор, пустилась бы за любовью, а не за славой, может быть, Джонни любил бы ее, подарил бы ей Мару, семью и дом.

В золотистом свете старинной люстры Джонни выглядел необычайно привлекательным. У него был тот тип ирландской внешности, которая от возраста только выигрывает. Он серьезно смотрел на Талли, и она вдруг вспомнила прежние времена, когда Джонни был сломлен жизнью и несчастлив. А ей удалось заставить его смеяться хотя бы в ту их единственную романтическую ночь.

— Ты всегда был отличным парнем, — сказала она и, произнеся это, поняла, что должна быть осторожнее со словами.

Она была пьяна, и ей лучше было бы выйти отсюда, но так приятно было плыть в мужских объятиях. Да и что плохого может

случиться?

Джонни закружил ее, затем снова прижал к себе.

Публика одобрительно захлопала.

— Не стоило мне пить столько шампанского. Вот теперь не попадаю в ритм.

— Неудивительно. Ты никогда и ни в чем не была ведомой.

Услышав эти слова, она снова вспомнила все, что было между ними, во всех подробностях. Воспоминания прорвались через стены, воздвигнутые ею, чтобы не допускать их в свою жизнь. Талли остановилась и посмотрела на Джонни.

— Что же с нами случилось?

— А разве когда-нибудь были «мы», Талли? — усмехнулся Джонни.

И то, как он произнес это — легко и естественно, — навело Талли на мысль, что он, возможно, давно хотел задать ей этот вопрос. Она не поняла, что пряталось за этой усмешкой — грусть или ирония. Она лишь знала, что танец давно закончился, но Джонни не отпустил ее.

— Я не позволила этому случиться.

— Кейт думает, что я так и не забыл тебя.

Талли знала об этом, всегда знала. Так никогда и не коснувшись этой опасной темы их прошлого, связанного с Джонни и Кейт, Талли постаралась убрать подальше воспоминания об этом во имя своей дружбы. И лучше было оставить все как есть. Но, как всегда, алкоголь и одиночество сделали Талли слабой, и, вместо того чтобы прекратить этот разговор, она вдруг спросила:

— А ты забыл?

Когда Кейт вернулась в зал, оркестр играл «Без ума от тебя».

Эта песня всегда вызывала у нее улыбку. В дверях она остановилась и огляделась. Обеденные столы были убраны. В баре снова выстроились очереди. Она увидела в уголке Мару, которая разговаривала с очень худой девушкой в платье не больше носового платка.

Подавив приступ раздражения, Кейт двинулась дальше. И тут она заметила среди танцующих платье из зеленого шелка, а затем словно весь мир обрушился на нее. Талли была на танцплощадке и буквально висела на Джонни. А он обнимал ее с таким видом, словно они

провели вместе всю жизнь. Они не танцевали, — они просто стояли, обнявшись, неподвижные среди танцующих пар. Талли смотрела на Джонни с таким видом, словно только что попросила его отвести ее в постель.

Кейт почувствовала, что не может дышать. В какой-то момент ей показалось, что ее вот-вот стошнит.

«Ты нужна ему, только чтобы забыться».

Кейт всегда помнила, что Джонни выбрал первой не ее. Она сжилась с этим за многие годы. Но смириться с этим было совсем не то же самое, что изменить это.

Музыка смолкла, и Джонни отошел от Талли. Повернувшись, он увидел Кейт. Они смотрели друг на друга через зал, заполненный нарядными людьми. И Кейт, не в силах сдержать слез, заплакала на глазах у всех, кто стоял рядом и мог это видеть. Смутившись, она бросилась к дверям и выбежала из зала.

Оказавшись у лифтов, Кейт начала неистово жать на кнопку.

«Давай же, скорее!» Она не хотела, чтобы ее видели плачущей.

Зазвенел звонок, и двери лифта открылись. Кейт вошла внутрь, прислонилась к двери и сложила руки на груди. Потребовалось несколько секунд нетерпеливого ожидания, прежде чем она сообразила, что забыла нажать на кнопку.

Двери начали закрываться, когда их вдруг раздвинула чья-то рука.

— Уходи, — сказала Кейт мужу.

— Мы танцевали.

— Ха! — Кейт нажала на кнопку и вытерла глаза.

Джонни вошел в лифт.

— Это просто смешно.

На нужном этаже Кейт выскочила из лифта.

— Твою мать! — выругалась Кейт. Она никак не могла вставить ключ в замок — ее руки дрожали. Наконец она открыла дверь и вошла в номер.

И стала ждать, ждать, ждать.

Может быть, ее муж пошел к Талли?

Нет! Она не верила, что это и в самом деле может случиться.

Может быть, Джонни и без ума от Талли, но он — порядочный человек. А Талли — ее лучшая подруга.

Она почему-то забыла об этом в припадке ревности.

Открыв дверь, она увидела, что Джонни сидит в коридоре, вытянув одну ногу. Галстук-бабочка был расстегнут и болтался у него на шее.

— Ты все еще здесь? — Кейт вышла в коридор. Дверь за ее спиной захлопнулась.

— А где мне еще быть?! У тебя наш ключ. Надеюсь, ты собираешься извиниться.

Кейт подошла к Джонни и опустилась на колени рядом с ним.

— Прости меня!

— Я просто не могу поверить, что ты думаешь…

— Я так не думаю.

Кейт взяла Джонни за руку и помогла ему подняться.

— Потанцуй со мной, — сказала она, ненавидя себя за то, что невольно сделала ударение на словах «со мной».

— Здесь?

Кейт обвила руками его шею и начала, покачивая бедрами, медленно приближаться к Джонни, пока не прижала его к стене.

Кейт расстегнула платье и позволила ему упасть на пол.

Джонни опасливо оглядел коридор.

— Кейти!

Он открыл ее сумочку, достал оттуда ключ и отпер дверь.

Они быстро прошли в комнату, упали на диван и стали целоваться со страстью молодоженов, что удивило их обоих.

— Я люблю тебя, — сказал Джонни, в то время как рука его проникла под трусики Кейт. — Постарайся не забывать об этом, ладно?

У Кейт не хватало дыхания, чтобы ответить, поэтому она лишь кивнула, торопливо расстегивая его брюки. И мысленно поклялась, что не позволит страху и неуверенности снова овладеть ею, не позволит себе забыть о его любви.

Две недели спустя Талли стояла у окна своего огромного офиса и смотрела на улицу. Она давно уже поняла, что в ее жизни не хватает чего-то очень важного. Переехав в Сиэтл и начав делать собственное шоу, она надеялась хоть чем-то заполнить пустоту внутри себя, но в этом ей не повезло. Теперь она была еще более знаменитой, баснословно богатой, но смутное неудовлетворение не оставило ее.

Как всегда, когда Талли чувствовала себя несчастливой, она с новой силой принималась за работу, чтобы забыться. У нее ушло некоторое время на то, чтобы понять, что же ей делать дальше, где найти себе дело, которое одновременно заключало бы в себе и вызов, и наполняло бы ее, но в конце концов решение было найдено.

— Ты — сумасшедшая, — заявил Джонни, нервно меряя шагами пространство ее кабинета с огромным окном с видом на залив Элиотт. — Формат на телевидении значит все, и кому знать это, как не тебе. Мы уступаем в рейтингах только Опре, и в прошлом году тебя номинировали на «Эмми». Партнеры не успевают выпускать сувениры для раздачи с символикой нашего шоу с достаточной скоростью, чтобы удовлетворить растущий спрос. А это бесспорный показатель успеха.

— Я знаю, — сказала Талли, которую отвлекло ненадолго ее собственное отражение в оконном стекле. Женщина, которую она видела, выглядела похудевшей и вымотанной. — Но я привыкла нарушать правила, ты же знаешь. Мне надо встряхнуться, завестись по новой. И шоу в прямом эфире поможет мне решить эту задачу.

— Но почему ты хочешь это сделать? Чего еще тебе не хватает?

Это был вопрос на шестьдесят четыре тысячи. Почему она устроена так, что ей всегда и всего мало? И как объяснить это именно ему, Джонни?

Кейт поняла бы ее, даже если бы и не была с ней согласна. Но ее лучшая подруга последнее время была слишком занята, чтобы поговорить с ней как следует. Может быть, это было одной из причин дискомфорта, который испытывала Талли. Она чувствовала себя отстраненной от Кейт. Жизни их проходили по разным дорогам. Они почти не разговаривали с того самого приема в честь годовщины ее телешоу.

— Ты должен понять меня и поверить, Джонни.

— Все это может обернуться провалом, как у Джерри Спрингера. И мы потеряем к чертям доверие публики. — Джонни подошел к Талли, слегка нахмурившись. — Поговори со мной, Тал.

— Ты не поймешь, — выдала она единственно возможный правдивый ответ.

— А ты попытайся.

— Я хочу оставить свой след.

— Тебя смотрят каждый день двадцать миллионов человек. Неужели это ничего не значит?

— У тебя есть Кейти и дети.

Сказав это, Талли тут же поняла, что надежда на взаимопонимание погасла. Джонни посмотрел на нее взглядом, в котором ясно читалось: «Бедная Талли…». Она никак не могла понять, почему, как бы высоко она ни взлетала, этот взгляд преследовал ее всю жизнь.

— Я должна попробовать, Джонни. Ты мне поможешь?

— Разве я тебя когда-нибудь подводил?

— Только когда женился на моей лучшей подруге.

Джонни, рассмеявшись, направился к двери.

— Одна попытка, Талли. А потом оценим результат. По-моему, условия справедливые.

— Вполне.

Талли, забыв обо всем, работала как сумасшедшая, перестав даже делать вид, что живет светской жизнью.

И вот настал момент истины. Талли очень волновалась. А что, если Джонни был прав, и ее блестящая идея выродится в дешевую мелодраму?

В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — крикнула Талли, и на пороге появилась ее ассистентка Хелен, недавняя выпускница Стэнфорда.

— Здесь доктор Тиллман. Он в зеленой комнате. Семью Макадамс я усадила в столовой для сотрудников, а Кристи — в кабинете Теда.

— Спасибо, Хелен, — кивнула Талли, и дверь закрылась.

Она почти успела забыть это пугающее и волнующее одновременно предчувствие возможного провала. Последние годы Талли прожила словно в капсуле. А теперь она начинала все заново, с чистого листа, собираясь затеять то, во что никто, кроме нее, не верил.

Она в последний раз посмотрела на себя в зеркало, сняла с воротника салфетку, которую положил туда гример, чтобы не испачкать одежду косметикой, и направилась в студию.

На сцене она увидела Джонни, который делал несколько дел сразу и еще успевал выкрикивать указания.

— Ты готова? — спросил он.

— Честно? Не знаю.

Джонни направился в ее сторону, продолжая что-то говорить в надетую на голову гарнитуру. Подойдя к Талли, он отвернул микрофон в сторону и сказал, понизив голос, ей одной:

— Все будет хорошо, ты же знаешь. Я верю в тебя.

— Спасибо. Мне необходимо было это услышать.

— Просто будь собой. Все любят тебя.

По сигналу Джонни студия начала заполняться зрителями. Талли отправилась за кулисы и стала ждать своего выхода. Когда зажглись красные огни, она вышла на сцену.

Как всегда, она сделала паузу, во время которой стояла, улыбаясь, и позволяла аплодисментам и волнам восхищения захватить ее, проникнуть в самое ее существо, заполнить ее изнутри.

— Сегодня мой гость доктор Уэсли Тиллман, известный психиатр, специализирующийся на лечении алкогольной и наркотической зависимости, консультант по семейным проблемам.

На экране позади Талли возникло изображение очень полного мужчины с редеющими волосами. Он старался не плакать, но это ему не удавалось.

— Моя жена — очень хорошая женщина, Таллула. Мы прожили вместе двадцать лет, у нас двое отличных детей. Проблема в том… — Он сделал паузу, вытирая глаза. — Выпивка. Сначала это были всего лишь коктейли с друзьями, но потом…

На экране прокрутили клип, демонстрировавший в звуках и образах распад семьи.

Когда фильм закончился, Талли повернулась к аудитории. У нескольких женщин глаза были на мокром месте.

— Мистер Макадамс похож на многих из нас. Ему приходится вести жизнь, полную тихого отчаяния, из-за пагубного пристрастия любимого человека. Он клянется, что использовал все способы, стараясь уговорить свою супругу пройти курс лечения и покончить со злоупотреблением алкоголем. Сегодня с помощью доктора Тиллмана мы попытаемся принять радикальные меры. Миссис Макадамс находится сейчас одна в комнате за сценой. Она считает, что выиграла путевку на Багамы, и пришла сюда, чтобы ее забрать. А на самом деле ее семья — с помощью доктора Тиллмана — собирается сразиться с ее алкоголизмом. Мы надеемся, что сумеем убедить миссис Макадамс увидеть правду и заняться лечением.

В аудитории наступила тишина.

Талли задержала дыхание.

И тут раздались аплодисменты.

Талли с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Она посмотрела на Джонни, стоящего возле главной камеры. Он улыбался ей мальчишеской улыбкой и держал поднятыми оба больших пальца.

Это поможет ей, снова наполнит ее жизнь. Она искренне хочет помочь этой семье, и Америка будет любить ее за это.

Талли продолжила представлять своих гостей, и с этого момента шоу пошло как по маслу. Все присутствующие принимали активное участие, им явно нравился новый формат. Они хлопали, стонали, подбадривали героев криками. Они плакали. А Талли, как опытный рефери на ринге, контролировала ситуацию. Она занималась своим делом — в этом не могло быть никаких сомнений. И все, что она делала на телевидении, она делала отлично.

Зима неожиданно настала в ноябре, окутав остров серой пеленой дождя. Голые деревья дрожали на холодном ветру, цепляясь за еще не опавшие листья, словно потерять их было равносильно поражению. Каждое утро с залива наползал туман, размывая контуры предметов и превращая хорошо знакомые звуки в таинственное далекое эхо. Паромы гудели, входя в порт и выходя из порта, и гудки их были похожи на тревожный плач.

Отличный антураж для написания готического триллера. По крайней мере именно так сказала себе Кейт, когда, втайне от всех, снова начала писать.

К сожалению, это было теперь не так просто, как раньше.

Она перечитала только что написанное, вздохнула и нажала на клавишу «удалить». Она смотрела, как буквы исчезают одна за другой, пока снова не оказалась перед пустым экраном. Она попыталась придумать, как выразить удачнее то, что она пыталась написать, но в голову лезли одни бестолковые клише. Крошечный веселый курсор мигал, словно дразня ее.

Наконец Кейт оттолкнулась от стола и поднялась на ноги. Она слишком устала, чтобы представлять себе сейчас иные миры и полную драматических событий жизнь других людей. И к тому же пора было заняться обедом.

Последнее время Кейт все время чувствовала усталость, но когда она ложилась в постель, то спала из рук вон плохо.

Она погасила свет в кабинете Джонни, закрыла ноутбук и отправилась вниз.

Джонни поднял глаза от «Нью-Йорк таймс».

— Как вели себя мальчики? — спросила она мужа.

Джонни наклонился и потрепал близнецов по волосам.

— Пока я пел вместе с «бедными несчастными душами», они были просто счастливы.

Кейт не смогла сдержать улыбку. «Русалочка» была фаворитом этой недели. А это означало, что ее сыновья, если дать им волю, смотрели бы мультик каждый день.

Входная дверь со стуком распахнулась, и в комнату буквально влетела возбужденная Мара.

— Ни за что не поверите, что со мной сегодня случилось!

Джонни опустил газету.

— И что же?

— Кристофер, Дженни, Джош и я идем в Такома-Доум на «Найн Инч Нэйлз». Можешь себе представить? Джош пригласил меня!

Кейт глубоко вздохнула. Бесконечные конфликты с Марой приучили ее не реагировать слишком импульсивно.

— Концерт, хм? — произнес Джонни. — А кто эти ребята? Сколько им лет?

— Джош и Крис со второго курса. И не волнуйся: мы не забудем пристегнуться в машине.

— И когда же концерт? — спросил Джонни.

— Во вторник.

— В будний день? Ты считаешь, что можно идти на свидание, на концерт с ребятами, — и все это вечером буднего дня? — Кейт посмотрела на Джонни. — Но это неправильно по многим причинам.

— А во сколько концерт? — продолжал расспросы Джонни.

— В девять. Часа в два мы должны уже быть дома.

Кейт, не сдержавшись, рассмеялась. Она не понимала, как ее мужу удается оставаться таким спокойным.

— «К двум должны быть дома»? Да ты шутишь, Мара! Тебе всего четырнадцать.

— Денни тоже четырнадцать, и она пойдет. Пап! — Мара повернулась к Джонни. — Ты должен мне разрешить.

— Ты еще слишком мала, — решительно сказал Джонни. — Уж извини.

— И ничего я не слишком мала. Все ходят на концерты и на свидания, кроме меня.

Сердце Кейт разрывалось от сочувствия к Маре. Она вспомнила, как сама стремилась поскорее вырасти и стать самостоятельной.

— Я знаю, ты думаешь, что мы слишком строги, Мара, но жизнь…

— О нет, пожалуйста! Только не еще одна лекция на тему, какова жизнь! — Мара скривила лицо, бросилась наверх и захлопнула за собой дверь комнаты.

На Кейт вдруг накатила волна такой чудовищной усталости, что она едва удержалась на ногах.

— Я рада, что вовремя спустилась вниз, — сказала она Джонни.

Ее муж улыбался. Как просто у него все выходило! Вроде бы он ругался с Марой по тем же поводам, что и Кейт, но при этом умудрялся не пострадать и даже остаться любимым папочкой.

— Ты всегда успеваешь вовремя.

Поднявшись, Джонни поцеловал жену.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Кейт знала, что эти слова были вроде пластыря на нанесенную Марой рану, и была благодарна за это Джонни.

— Пойду приготовлю обед, а потом попытаюсь с ней поговорить. Надо дать ей время остыть.

Джонни снова сел и вернулся к чтению газеты.

— Позвони матери Дженни и скажи ей, что она идиотка.

— А вот это я предоставлю тебе.

Кейт отправилась на кухню и принялась за обед. Примерно на час ей удалось занять себя нарезкой и обжариванием овощей и приготовлением любимого Марой маринада терияки. В шесть она смешала салат, поставила в духовку печенье и накрыла на стол. Обычно эту работу выполняла Мара, но сегодня просить ее помочь было бесполезно.

— Ну, хорошо, — сказала она, выйдя в гостиную, где Джонни с мальчиками строили что-то на полу из блоков «Лего». — Я иду.

Джонни поднял глаза от газеты.

— Бронежилет в кладовке для верхней одежды.

Приободренная его шуткой, Кейт пошла наверх. Перед закрытой дверью в комнату своей дочери, на которой висел желтый знак с надписью: «НЕ БЕСПОКОИТЬ», она остановилась, призывая на помощью всю свою суровость, затем постучала.

Ответа не последовало.

— Мара! — крикнула она несколько секунд спустя. — Я знаю, что ты расстроена, но нам надо об этом поговорить.

Она подождала немного, снова постучала, затем открыла дверь.

Кейт понадобилось несколько минут, чтобы окинуть взглядом кучу валяющейся одежды и книг и осознать то, что она увидела.

Пустую комнату с открытым окном.

На всякий случай Кейт заглянула в шкаф, под кровать, проверила ванную, комнату мальчиков и даже свою собственную. К тому моменту, когда Кейт обыскала весь второй этаж, сердце ее отчаянно билось.

Оказавшись на лестнице, она схватилась за перила, чтобы не упасть.

— Ее нет, — произнесла Кейт дрожащим голосом.

Джонни поднял глаза.

— Что?

— Она ушла. Думаю, вылезла в окно и спустилась по решетке.

Джонни вскочил на ноги в одну секунду и воскликнул:

— Черт возьми!

Он выбежал наружу, Кейт последовала за ним.

Они стояли под окном спальни Мары, глядя на то место, где она, сломав ажурную белую решетку, продралась через заросли плюща.

— Черт побери! — снова выругался Джонни. — Надо обзвонить всех ее подруг.

Даже такой холодной ночью, как эта, Талли любила сидеть у себя на веранде. Это было огромное, отделанное каменной плиткой пространство, имитирующее террасу на итальянской вилле. В больших керамических кашпо росли лиственные деревья, ветви их были усыпаны крошечными лампочками.

Талли подошла к ограждению и стала смотреть в ночь. Она слышала далеко внизу звуки большого города, вдыхала соленый запах залива. На почтительном расстоянии, за серыми водами, она видела очертания поросшего лесом острова Бейнбридж.

Интересно, что сейчас делают Райаны? Собрались вокруг своего огромного старого стола и играют в настольные игры? Или Мара и Кейт, свернувшись калачиком на диване, разговаривают о мальчиках? Или Кейт и Джонни улучили момент и целуются где-нибудь?

В квартире зазвонил телефон. И слава богу! Думая о семье Кейт, Талли только чувствовала себя еще более одинокой.

Она зашла в комнату, закрыла за собой двустворчатую дверь и ответила на звонок:

— Алло!

— Талли?

Это был Джонни. Голос его казался каким-то незнакомым, очень напряженным.

Талли почувствовала беспокойство.

— Что случилось?

— Мара убежала из дома. Мы не знаем точно когда. Возможно, час назад. У тебя она не появлялась? Не звонила?

— Нет. А почему она убежала? — прежде чем Джонни успел ответить, раздался звонок домофона. — Погоди секунду, Джонни, не отсоединяйся.

Она подбежала к трубке домофона и нажала на кнопку.

— Что такое, Эдмонд?

— Вас хочет видеть Мара Райан.

— Пусть поднимается. — Талли отпустила кнопку. — Она здесь, Джонни.

— Слава богу! — выдохнул на другом конце провода отец Мары. — Она у Талли, дорогая. С ней все в порядке. Мы сейчас подъедем, Талли. Не давай ей уйти.

— Не беспокойся.

Талли повесила трубку и подошла к входу. Дверь ее пентхауса была единственной с этой стороны. Талли открыла ее и принялась ждать, стараясь изо всех сил выглядеть удивленной, когда Мара выйдет из лифта.

— Привет, тетя Талли. Извини, что пришла так поздно.

— Не так уж и поздно, заходи.

Она отошла в сторону, пропуская Мару в квартиру. Как всегда, Талли поразила необыкновенная красота ее крестной дочери. Как и большинство девочек ее возраста, она была слишком худой, вся состояла из углов и впадин, но это вовсе ее не портило. Мара была из тех девушек, которые до тридцати лет выглядят формирующимися, зато потом они приобретают поистине королевскую осанку и фигуру.

Талли подошла к Маре.

— Что случилось?

Мара плюхнулась на кушетку и вздохнула с драматическим видом.

— Меня пригласили на концерт.

— Так… — Талли присела рядом с девушкой. — И что же?

— В Такома-Доум.

— Отлично…

— В будний день. — Мара скосила глаза. — Мальчик, который меня пригласил, со второго курса.

— Это сколько лет — шестнадцать, семнадцать?

— Семнадцать.

Талли кивнула.

— Я ходила на «Вингз» в Кингдом примерно в твоем возрасте. А в чем проблема?

— Мои родители считают, что я слишком маленькая.

— И они не пустили тебя?

— Правда, ужасно? Все ходят везде, где им хочется, кроме меня. А моя мама не разрешает мне ездить в машине даже с парнями, у которых уже есть права. Она каждый день сама забирает меня из школы.

— Ну, всем известно, что шестнадцатилетние мальчики — очень плохие водители. И иногда оставаться с ними наедине небезопасно.

Талли вспомнила ту ночь в лесу много-много лет назад.

— Но мы ведь идем целой группой.

— Группой? Ну, это другое дело. Пока вы все будете держаться вместе, ничего плохого не случится.

— Я знаю. Думаю, родители боятся, что за рулем будет неопытный водитель.

— Ну, я могла бы отвезти вас на своем лимузине.

— Ты это сделаешь?

— Конечно. Это решило бы все проблемы. Я бы за вами и присмотрела. Мы бы оттянулись по полной. И никто бы не пострадал — я гарантирую.

Мара вздохнула:

— Но ничего не получится.

— Почему же?

— Потому что моя мать — настоящая сука, и я ее ненавижу.

Это заявление застало Талли врасплох, повергло ее в шок.

— Мара… — Она не находила, что сказать.

— Я не собираюсь брать свои слова обратно. Она обращается со мной как с ребенком. Совсем не уважает меня как личность. Пытается выбирать мне друзей и диктовать, что я должна делать. Никакой косметики, никакой завивки, пирсинг на животе тоже нельзя. И домой не позже одиннадцати. И татуировки запрещаются. Жду не дождусь, когда смогу наконец от нее уехать. Я отправлюсь прямо в Голливуд и стану звездой, как ты.

Последняя фраза так польстила Талли, что она чуть было не забыла про все ей предшествовавшее. Пришлось сосредоточиться, чтобы не утратить нить разговора.

— Ты несправедлива к своей маме, Мара. Девочки твоего возраста куда более уязвимы, чем тебе кажется. Много лет назад, когда мне было столько же лет, я тоже думала, что ничего не может со мной случиться…

— Но ты ведь позволила бы мне пойти на концерт, если бы была моей мамой?

— Да.

— Как жаль, что ты не моя мама.

Талли удивило то, как глубоко затронули ее эти слова. Они попали в какую-то особенно чувствительную точку.

— Вы с мамой минуете этот этап, Мара. Вот посмотришь, — пообещала она.

— Нет, никогда.

На протяжении следующего часа Талли пыталась пробиться через гнев Мары, но эта оболочка оказалась неожиданно очень прочной, и разбить ее никак не удавалось. Талли была в шоке от того, с какой легкостью Мара заявляла, что ненавидит мать, боялась, что эти двое

никогда не сумеют восстановить разрушенные отношения. Но Талли-то знала, как никто другой на свете, каким разрушительным может стать для девочки-подростка отсутствие материнской любви и опеки.

Наконец зазвонил домофон, и голос Эдмонда сообщил из динамика, что к Талли пришли мистер и миссис Райаны.

— Так они знают, что я здесь? — воскликнула Мара, вскакивая на ноги.

— Догадаться вообще-то нетрудно, — прокомментировала Талли, подходя к домофону. — Пусть поднимаются, Эдмонд. Спасибо.

— Они убьют меня.

Мара засуетилась и как-то вдруг превратилась в прежнюю девочку — стройную, красивую, но растерянную и испуганную.

Первым в комнату вошел Джонни.

— Черт побери, Мара! — воскликнул он. — Как же ты нас напугала! Мы не могли понять, похитили тебя или ты убежала сама.

Голос его предательски сорвался, и Джонни предпочел замолчать.

Кейт подошла к мужу и встала позади.

Талли вдруг поразила внешность подруги. Она выглядела усталой, больной и казалась словно бы меньше, чем была всегда. И вид у нее был какой-то побитый.

— Кейти, как ты? — обеспокоенно спросила Талли.

— Спасибо тебе, Талли… — Она вымученно улыбнулась.

— Тетя Талли сказала, что отвезет нас на концерт на своем лимузине! — воскликнула Мара. — И будет за нами приглядывать.

— Твоя тетя Талли — идиотка! — воскликнул Джонни. — Ее чокнутая мамочка уронила ее в детстве головой. А теперь бери свои вещи. Мы едем домой.

— Но…

— Никаких «но», Мара, — сказала Кейт. — Бери вещи, и поехали.

Мара разыграла настоящее шоу. Она вздыхала, кашляла, что-то бормотала себе под нос, рыдала. Затем крепко обняла Талли и прошептала ей на ухо:

— Спасибо, что по крайней мере попыталась.

И вышла из квартиры вслед за отцом. А Талли ждала, что скажет Кейт.

— Не обещай ей больше ничего, не посоветовавшись с нами, хорошо? — Голос Кейт был каким-то бесцветным. Казалось, у Кейт

нет сил даже рассердиться. Она повернулась, чтобы уйти.

— Кейт, подожди…

— Не сегодня, Тал. Я так устала.

30

Талли беспокоилась о Кейт и Маре. Всю прошлую неделю она размышляла, как наладить их отношения, но так ничего и не придумала.

Она сидела за столом и просматривала сценарий, когда зазвонил телефон.

— Талли, пришли Макадамсы. Из того шоу про реабилитацию.

— Пригласите их.

Пара, вошедшая к ней в кабинет этим ноябрьским утром, лишь отдаленно напоминала участников ее первого шоу. Мистер Макадамс похудел килограммов на десять, спина его была прямой, он больше не сутулился. Миссис Макадамс подстриглась, уложила волосы, наложила косметику и улыбалась.

— Вау! — воскликнула Талли. — Выглядите вы оба потрясающе, пожалуйста, садитесь.

Мистер Макадамс держал жену за руку. Они сели на черный кожаный диван лицом к окну.

— Простите, что побеспокоили вас. Мы понимаем, как вы заняты.

— У меня всегда найдется время для друзей, — сказала Талли, одаривая их своей знаменитой улыбкой для связей с общественностью.

— Мы просто хотели зайти поблагодарить, — сказала миссис Макадамс. — не знаю, есть ли среди вашего окружения кто-то, у кого проблемы с алкоголем или наркотиками…

Улыбка Талли померкла.

— Есть.

— Мы можем быть подлыми, эгоистичными, злыми и упрямыми. И я была такой, пока вы не поместили меня в луч прожектора и не показали мне мою жизнь в истинном свете.

— Вы даже не представляете, как вы нам помогли, — добавил мистер Макадамс. — Мы просто зашли сказать «спасибо».

Талли была так тронута их словами, что ей потребовалось собраться с мыслями, прежде чем она смогла ответить.

— Именно это я и хотела сделать с помощью шоу в прямом эфире — изменить чью-то жизнь к лучшему. И для меня очень важно, что это

сработало.

Зазвонил телефон.

— Простите. — Талли взяла трубку. — Талли Харт слушает.

— Джон на первой линии, Талли.

— Спасибо. Соедините.

Услышав в трубке голос Джонни, Талли сказала:

— Ты стал слишком ленив, чтобы пройти пятнадцать метров до моего кабинета? Стареешь, Джонни?

— Мне надо поговорить с тобой, Талли, и не по телефону. Могу я угостить тебя пивом?

— Где и когда?

— «Виргиния-Инн»?

Талли рассмеялась:

— Отлично, давно я там не была.

— Лгунья! Итак, в три тридцать жду тебя у себя в кабинете.

Талли повесила трубку и вернулась к Макадамсам, которые теперь стояли перед ней.

— Ну вот, — сказал мистер Макадамс, — мы сказали то, зачем пришли. Надеюсь, вы и другим сможете помочь, как помогли нам.

Талли подошла к ним и пожала обоим руки:

— Спасибо. Если вы не возражаете, я бы хотела назначить на следующий год встречу в эфире с героями предыдущих шоу, чтобы показать Америке ваши успехи. Если не возражаете.

— Ну конечно.

Талли проводила их до двери, попрощалась и вернулась за письменный стол. Следующие несколько часов, пока она писала заметки для завтрашнего шоу, с губ ее не сходила улыбка.

Она сделала с помощью своего шоу хоть что-то хорошее. Она изменила жизнь семьи Макадамс.

В три тридцать Талли закрыла папку, взяла пальто и направилась в кабинет Джонни.

Обсуждая темы предстоящих шоу, они прошли квартал в сторону Паблик-Маркет и зашли в задымленный бар на углу.

Джонни провел ее в глубь помещения и сел за маленький столик у окна. Прежде чем Талли успела опуститься на стул напротив, Джонни уже подозвал официантку, заказал пиво «Корона» для себя и «Грязный

мартини» для Талли. Она подождала, пока перед ними поставят напитки, и спросила:

— Так что же случилось?

— Ты разговаривала в последнее время с Кейт?

— Нет. Я же вижу, что она злится на меня из-за концерта, а может, из-за того турне для начинающих моделей. А что?

Джонни провел рукой по своим непокорным волосам.

— Не могу поверить, что говорю такое про собственную дочь, но Мара растет настоящей дрянью. Хлопает дверьми, кричит на братьев, игнорирует требование приходить домой вовремя, не хочет ничего делать по дому. Они с Кейт ссорятся каждый день, и это совершенно выматывает Кейт. Она теряет в весе, не спит.

— Ты не задумывался насчет школы-интерната?

— Кейт ни за что этого не допустит. — Джонни улыбнулся. — Честно говоря, Талли, я за нее волнуюсь. Ты не могла бы поговорить с ней?

— Ну конечно. Но мне кажется, дружеской беседы может быть недостаточно. Может, показать ее специалисту?

— Психоаналитику? Даже не знаю.

— Депрессия — частый спутник домохозяек. Помнишь, мы делали об этом шоу?

— Вот-вот, именно поэтому я и заволновался. Я хочу, чтобы ты выяснила, есть ли повод для беспокойства, ведь ты хорошо знаешь Кейти.

Талли протянула руку к бокалу.

— Можешь на меня рассчитывать.

Джонни улыбнулся, но вид у него был нерадостный.

— Я это знаю.

В субботу утром Талли первым делом позвонила Джонни.

— Я обо всем договорилась, — сказала она.

— И что ты собираешься делать?

— Отвезу Кейт в Салиш-Лодж. Пусть она там расслабится, ей сделают массаж. А потом мы поговорим.

— Но Кейт может отказаться, сказать, что занята, и никуда с тобой не пойти.

— Тогда я ее похищу.

— Как ты думаешь, сработает?

— Разве тебе хоть раз доводилось видеть мой провал?

— Ну, хорошо. Я приготовлю сумку и поставлю у двери, а потом заберу детей, чтобы у нее не было поводов для отказа. — Джонни сделал паузу, затем добавил: — Спасибо, Талли. Кейт повезло, что у нее есть такая подруга, как ты.

Талли закончила разговор и сделала еще несколько звонков.

В девять утра Талли побросала в машину все, что могло ей понадобиться, заехала в магазин на Капитолийском холме и помчалась к парому. Ожидание на берегу и переправа, казалось, длились вечность, но в конце концов Талли добралась до дома Райанов.

Пространство перед домом выглядело неухоженным. Похоже было, что раньше хозяйка дома посвящала ему много времени, сажала цветы, пока ее дети лежали в колясках рядом, а когда дети подросли и стали играть в свои игры, их мать забросила свой сад. Растения продолжали свою жизнь под щедрым солнцем северо-запада, но это было уже лишь жалкое подобие того, что было когда-то. Растения перемешались друг с другом, как и люди, жившие в доме. И теперь, холодным и серым ноябрьским днем, вид во дворе был неприглядный. Повсюду валялись опавшие листья, цветы пожухли, нераспустившиеся бутоны повисли на умирающих розовых кустах.

Талли припарковала свой «мерседес» перед гаражом и вышла из машины. Пробираясь мимо велосипедов, скейтбордов и садовых фигурок, беспорядочно видневшихся то тут, то там вдоль гравийной дорожки, Талли отметила, что, несмотря на заброшенность, это место выглядело уютным. Особняк, построенный в двадцатые годы прошлого века для уикендов богатых лесопромышленников, был покрыт свежей краской цвета карамели, белые полоски окаймляли многочисленные окна, под которыми в декоративных ящиках все еще цвела герань.

Поднявшись на крыльцо, Талли обошла изображавшую клоуна боксерскую грушу и постучала в дверь. Ждать долго ей не пришлось.

Кейт открыла дверь и, удивленная, замерла на пороге. На ней были черные легинсы и огромная растянутая футболка. Ее светлые волосы отчаянно нуждались в стрижке и краске, сама Кейт выглядела чудовищно вымотанной.

— Какой приятный сюрприз, — сказала она, торопливо поправляя волосы.

— Тогда я попрошу тебя тоже сделать мне приятное и поехать со мной.

— Что значит — поехать с тобой? У меня куча дел, к тому же детская футбольная лига близнецов устраивает благотворительный базар, и я должна…

Талли вынула из кармана ярко-желтый водяной пистолет и заявила:

— Не заставляй меня стрелять в тебя.

— Вот как — ты собираешься выстрелить?

— Можешь не сомневаться.

— Послушай, я знаю, как ты любишь импровизации, но сегодня мне точно некогда. Мне надо готовить поделки для этого базара: простегать пятьдесят лоскутков ткани, а потом…

Талли нажала на спусковой крючок. Струя холодной воды ударила Кейт прямо в грудь. Влага промочила футболку, оставив пятно.

— Что за…

— Это похищение. И не вынуждай меня целиться тебе в лицо. Хотя выглядишь ты, честно говоря, так, что душ бы тебе не повредил.

— Ты пытаешься разозлить меня по-настоящему?

Талли протянула Кейт черную повязку на глаза.

— Мне пришлось съездить за этим в чертов магазин сексуальных игрушек на Капитолийском холме. Так что, надеюсь, ты оценишь мой подвиг.

Кейт выглядела совершенно растерянной, словно никак не могла решить, смеяться ей или сердиться.

— Но я не могу просто так уйти из дома. Джонни и мальчики вернутся через час, и мне надо…

— Они не вернутся. — Талли, не глядя на подругу, прошла через гостиную к подножию лестницы. — Вот твоя сумка.

Кейт растерянно оглянулась.

— Но как…

— Джонни собрал все, что нужно, сегодня утром. Он — мой сообщник или мое алиби, если с тобой что-нибудь случится. А теперь бери сумку.

— И ты рассчитываешь, что я поеду куда-то с теми вещами, которые нужны мне по мнению моего мужа? Вот увидишь, если мы откроем ее, там обнаружится сексуальное белье, зубная щетка и мои вещи, которые уже два года назад перестали на меня налезать.

Талли потрясла повязкой для глаз:

— Надень-ка вот это, или мне придется выстрелить в тебя еще раз.

Она начала давить на спусковой крючок.

Наконец Кейт сдалась.

— Хорошо. Ты победила. — Она надела повязку. — Но ты ведь, конечно, знаешь, что настоящие преступники завязывают своим жертвам глаза до того, как совершат преступление. Я всегда считала, что они это делают, чтобы затруднить опознание.

Талли молча взяла дорожную сумку Кейт и повела ее к машине.

— Что ж, не каждой жертве похищения повезло проехаться в шикарном «мерседесе», — прокомментировала Кейт.

Талли поставила диск в стереопроигрыватель. Они проехали под музыку мост Агейт-пасс-бридж, соединявший Бейнбридж с Сиэтлом, затем через земли резервации, где вдоль шоссе стояли стенды с фейерверками, изготовленными представителями местных племен.

— Куда мы едем? — спросила Кейт.

— Это — мое дело. Не твое.

Талли сделала музыку погромче. Теперь из динамиков звучал голос Мадонны — она пела «Папа, не читай мне мораль».

Через несколько минут обе женщины ей подпевали. Они знали почти все песни, и каждая возвращала их ненадолго в те времена, когда они были молоды. Мадонна, «Чикаго», «Зе Босс», «Зе Иглз», Принц, «Квин». «Богемская рапсодия» была их самой любимой сольной композицией. Время от времени они трясли головами под музыку, отлично имитируя Гарта и Уэйна.

Был уже третий час, когда машина подъехала к месту назначения.

— Приехали. Швейцар смотрит на тебя как-то странно, так что, возможно, ты захочешь снять повязку.

Кейт сорвала повязку с глаз как раз в тот момент, когда швейцар, распахнув перед ней дверь, приветствовал их прибытие в Салиш-Лодж. Словно со всех сторон сразу слышался рокот водопада

Сноквалми, хотя отсюда его не было видно. Пол под ногами дрожал от мощи падающей воды, воздух казался тяжелым и влажным.

Талли подошла к стойке администратора, зарегистрировала их и проследовала за портье к их люксу, оказавшемуся угловым номером с двумя спальнями, камином в гостиной и видом на бурные воды реки Сноквалми, устремившиеся к водопаду.

Портье передал им расписание спа-процедур. Талли вручила ему щедрые чаевые, и они с Кейт остались вдвоем.

— Что ж, сначала самое главное.

Талли достаточно долго проработала на телевидении, чтобы знать, когда бывает необходим жесткий сценарий. Она определила формат и составила расписание на все время их пребывания в Салиш-Лодж. Открыв свой чемодан, она извлекла оттуда два лайма, дорожную солонку и самую дорогую бутылку текилы в своей жизни.

— По аперитивчику!

— Ты с ума сошла! Я не пила текилу уже несколько лет.

— Не заставляй меня снова стрелять, в пистолете кончается вода.

— Ну, хорошо! — рассмеялась Кейт. — Наливайте, бармен!

— Еще по одной, — тут же предложила Талли.

Кейт, пожав плечами, послушно кивнула.

— Хорошо. Теперь купальники. Переодевайся, халат в ванной.

Кейт, как всегда, повиновалась.

— Куда мы идем? — поинтересовалась Кейт, когда они проходили по выложенному блестящими плитками первому этажу.

Они дошли до спа-центра и, следуя указателям, направились туда, где принимали горячие ванны.

Они подошли к находившемуся в самом конце зала бассейну, вокруг которого были расставлены аксессуары в типичном для Северо-Запада азиатском стиле. Пахло лавандой и розами.

Талли и Кейт спустились в горячую бурлящую воду.

Кейт тут же со вздохом откинулась на бортик бассейна.

— Вот он — рай!

Талли смотрела на подругу, отмечая про себя, что даже сквозь пелену пара, поднимавшегося от воды, видно, какой изможденный у Кейти вид.

— Ты неважно выглядишь, — тихо сказала она.

Кейт открыла глаза. Талли заметила, как в них промелькнула злость, но тут же на ее лицо вернулось покорное выражение.

— Это все Мара. Иногда, когда она смотрит на меня, я вижу в ее глазах настоящую ненависть. Не могу передать тебе, как это больно.

— Она перерастет это.

— Так говорят все, но я в это не верю. Если бы только был способ убедить ее поговорить со мной, прислушаться к моим словам. Мы пытались посещать психолога, но Мара отказалась пойти на контакт.

— Ребенка нельзя заставить раскрыться. Только родители могут заставить их что-то сделать, правда?

— О, они еще как раскрываются! И ты просто не веришь в то, что слышишь, когда она заговорит. Если верить Маре, я — единственная мать на этом свете, которая замучила детей своей опекой.

Талли видела по глазам подруги, что Кейт глубоко несчастна, и хотя она понимала, что речь идет только о разочаровании и обидах матери, ей вдруг стало страшно. Неудивительно, что Джонни забеспокоился. В прошлом году Талли брала интервью у одной молодой матери, страдающей депрессией. Через несколько месяцев после интервью эта женщина выпила целый пузырек таблеток. При мысли об этом Талли приходила в ужас. Она просто обязана найти способ помочь Кейт.

— Может, тебе сходить к специалисту…

— Ты имеешь в виду мозгоправа?

Талли кивнула.

— Но мне вовсе незачем беседовать с кем-то о своих проблемах. Мне самой надо научиться быть более организованной, вот и все.

— Вряд ли твоя проблема в отсутствии организованности. Тебе совсем не обязательно ходить в каждый поход, шить костюмы для детских спектаклей и печь печенье для каждой благотворительной распродажи. И в школу твои дети прекрасно могут ездить на школьном автобусе.

— Ты говоришь, как Джонни. Сейчас, наверное, скажешь, что было бы лучше, если бы я делала все это и одновременно писала свою книгу. Знаешь, я попыталась. И продолжаю пытаться. — Голос Кейт сорвался, глаза увлажнились. — Где текила?

— Отличная идея. Давно мы с тобой не выпивали всерьез.

— Да уж, пора напиться как следует. — Кейт рассмеялась.

— Но через полчаса у нас массаж, так что придется подождать.

— Массаж! — Кейт с благодарностью взглянула на подругу. — Спасибо, Талли. Все это было мне просто необходимо.

Необходимо, но вовсе не достаточно. Теперь Талли отчетливо понимала это. Кейт требовалась настоящая помощь, а не несколько глотков текилы и грязевое обертывание. Ее подруга должна найти решение проблемы.

— Если бы ты могла изменить в своей жизни всего одну вещь, что бы это было?

— Мара, — печально ответила Кейт. — Я все бы отдала за то, чтобы мы снова стали подругами, чтобы она вела себя нормально.

И тут на Талли вдруг снизошло магическое озарение. Она знала, как все исправить!

— А что, если тебе прийти на мое шоу? Тебе и Маре? Мы могли бы сделать раздел, посвященный отношениям дочерей с матерями. Лучше, если это будет прямой эфир, чтобы Мара знала, что никакого монтажа не будет. Она поймет, что ты ее любишь, поймет, как ей повезло с матерью.

В секунду Кейт словно помолодела лет на десять.

— Думаешь, это сработает? — с надеждой спросила она.

— Ты же знаешь, как Маре хочется, чтобы ее показали по телевизору. Она никогда не позволит себе предстать в плохом виде перед камерой. Волей-неволей ей придется тебя выслушать.

Казалось, предложение Талли вдохновило Кейт. Она оживилась и повеселела.

— Что бы я делала без тебя, Талли?

Улыбка Талли была шире ее лица. Она поможет своей лучшей подруге, может быть, даже спасет ей жизнь. Как они и обещали друг другу много лет назад.

— Этого мы никогда не узнаем.

— А твои гримеры сумеют скрыть мои морщины?

Талли рассмеялась:

— Поверь мне, когда они закончат свою работу, ты будешь выглядеть моложе Мары.

— Замечательно!

Кейт вернулась из спа в приподнятом настроении. Едва она переступила порог своего дома, Мара накинулась на нее с претензиями по поводу какого-то мероприятия, на которое она не может пойти из-за необходимости быть дома вовремя. Но слова ее впервые были как стрелы, которые упали на землю, не достигнув цели.

«Скоро, — подумала Кейт с тихой улыбкой, — очень скоро мы снова найдем путь друг к другу».

Кейт разделась, приняла ванну, а потом заглянула в комнату близнецов. Кейт почитала им сказку на ночь. Мальчики уже засыпали, когда в дверь просунулась голова Джонни.

— Тссс, — сказала Кейт, закрывая книгу.

Поцеловав макушки сыновей и накрыв их получше, Кейт вышла к мужу.

— Надеюсь, вы с Талли хорошо провели время?

— Отлично. У Талли есть план…

Внизу зазвенел дверной звонок.

— Я открою, — послышался голос Мары.

Джонни и Кейт нахмурились.

— Вечер воскресенья, — сказала Кейт. — Ей же запрещено приглашать гостей, если наутро в школу.

Но, спустившись вниз, они увидели мистера и миссис Муларки, вносящих в дом чемоданы.

— Мама? — удивилась Кейт. — Что происходит?

— Нас прислала Талли, чтобы мы приглядели недельку за малышней. У дома стоит машина, которая отвезет тебя в аэропорт. Талли велела всем прихватить купальник, плавки и солнцезащитные очки. Это все, что вам надо знать.

— Я не могу оставить работу, — запротестовал Джонни. — Мы делаем интервью с сенатором Маккейном.

— Талли — твой босс, разве нет? — сказал Бад. — Думаю, если она говорит, что ты отправляешься в отпуск, то ты отправляешься в отпуск.

Кейт и Джонни переглянулись. Они ни разу в жизни не проводили отпуск без детей.

— Это должно быть здорово, — улыбнулся Джонни.

А потом они носились по дому, составляя списки, пакуя вещи, записывая телефонные номера. А когда сборы были закончены,

поцеловали спящих детей и Мару, поблагодарили родителей Кейт и направились к ожидавшему их лимузину.

— Талли ничего не делает наполовину, — заметил Джонни, забираясь в обитый велюром салон.

Кейт уютно устроилась рядом с мужем.

— Я уже почти расслабилась, а ведь мы пока еще в пути.

Мотор машины приятно заурчал.

— Вы знаете, куда мы едем? — спросил Джонни у водителя.

— Билеты на самолет в кармашке перед вами, — ответил тот.

Джонни вынул конверт и вскрыл его.

— Кауаи, — сказал он.

Именно на этом острове они провели когда-то свой медовый месяц. Кейт, закрыв глаза, представила себе колышущиеся пальмовые листья и розовый песок Анини-Бич.

— Засыпать нечестно, — потормошил ее Джонни.

— А я не сплю, — повернувшись, Кейт склонила голову на плечо мужа. — Спасибо, что помог Талли похитить меня.

— Я беспокоился о тебе.

— Я и сама о себе беспокоилась. Но мне уже теперь лучше.

— Насколько лучше?

Кейт поглядела на перегородку, отделяющую салон от водителя:

— Опусти стекло, и я тебе покажу.

— Мы говорим о сексе?

— Мы говорим о сексе, — подтвердила Кейт, расстегивая его рубашку. — И если ты нажмешь эту чертову кнопку, мы сможем наконец от слов перейти к делу.

На лице Джонни засияла улыбка.

— Уже нажимаю.

31

Кейт и Джонни вернулись домой свежие и отдохнувшие за день до Великого Эфира. На следующее утро Кейт проснулась рано, пошла в туалет и вдруг поняла, что не сможет снова заснуть.

В доме было темно и тихо. Не включая свет, она стала обходить комнату за комнатой, собирая валявшиеся на полу игрушки. Кейт все еще не могла до конца поверить в то, что должно было произойти сегодня. Она так долго ждала и так усердно молилась об изменении их с Марой отношений, что почти потеряла надежду. Но Талли вернула надежду Кейт. Даже Джонни был настроен оптимистично. Он сделал так, как просила, вернее, как приказала Талли, и отказался от всякого контроля над сегментом, в котором должны были принять участие его дочь и жена. На этом эфире Джонни должен был быть просто зрителем в зале, отцом, поддерживающим свою семью.

Приняв душ, Кейт посмотрела на себя в зеркало, стараясь не замечать морщинки, которые начали появляться в уголках глаз, и стала репетировать, что скажет на шоу.

— Да, я действительно отказалась от карьеры, чтобы быть дома и полностью посвятить себя детям. Честно говоря, теперь я думаю, что работать было бы проще.

В этом месте публика наверняка засмеется, все понимают, как трудно сочетать работу и роль матери.

— А Маре я нужна сейчас гораздо больше, чем когда она была малышкой. Все говорят о том, что труднее всего справляться с малышами. В нашей семье самый трудный возраст — подростковый. Я часто вспоминаю те дни, когда я могла посадить маленькую дочку в манеж и быть уверенной, что она в безопасности.

За этой репликой наверняка последует одобрительный гул аудитории.

Кейт оделась, спустилась вниз, приготовила всем завтрак и накрыла на стол. Близнецы сбежали по лестнице в рекордное время и тут же принялись сражаться за место за столом.

Когда вниз спустилась Мара, явно в предвкушении предстоящей съемки, Кейт не смогла скрыть своего волнения.

Это должно было сработать, Кейт точно знала.

— Перестань ухмыляться, мам, — потребовала Мара, наливая себе молока в миску для мюсли и относя ее к столу. — Ты меня нервируешь.

— Оставь мать в покое. — Джонни подошел к Кейт, обнял ее за плечи и поцеловал в шею. — Ты выглядишь великолепно.

Повернувшись, Кейт обняла мужа и заглянула ему в глаза.

— Я рада, что сегодня ты будешь моим мужем, а не ее продюсером. Мне необходимо твое присутствие среди публики.

— Я тут ни при чем. Это Талли практически выдавила меня из команды, работающей сегодня. Всем запрещено рассказывать мне, что будет, и показывать сценарий. Похоже, Талли готовит сюрприз.

С этого момента день полетел как «Тысячелетний сокол» в гиперпространстве. Когда они уже были на пароме, Кейт почувствовала, что начинает нервничать все больше.

Теперь ей казалось, что аудитория посмеется над ней, скажет, что надо было выбрать карьеру, чтобы кем-то стать в жизни. А кто она сейчас? Немолодая, располневшая тетка, домашняя хозяйка…

Кейт была так удручена своими безрадостными фантазиями, что, когда они припарковались, не сразу вышла из машины.

— Я боюсь, — сказала она Джонни.

Мара закатила глаза и поспешила отойти подальше.

Джонни взял жену за руку, отстегнул ее ремень безопасности и помог ей выбраться из машины.

— Все будет отлично, и выглядишь ты замечательно, — одобрил он жену, ведя ее к лифту.

Студия была полна народу. Все бегали туда-сюда, орали друг на друга. Джонни наклонился поближе к Кейт и сказал:

— Как во время твоей работы в новостной студии, помнишь?

— Кейт!

Имя ее прозвучало словно раскаты грома, перекрыв царивший в коридоре гвалт.

Кейт подняла голову.

Великолепная, стройная Талли шла прямо на нее с распростертыми объятиями. Она крепко сжала плечи Кейт, чуть встряхнув ее, и в этот момент Кейт почувствовала, что ей полегчало.

Это ведь было не просто телешоу, это была передача Талли. А ее подруга наверняка сделает все наилучшим образом.

— Я немного нервничаю, — призналась Кейт.

— Немного? — фыркнула появившаяся рядом Мара. — Да она ведет себя как Джастин Хофман в «Человеке дождя».

Талли рассмеялась и взяла Кейт под руку.

— Волноваться тебе совершенно не о чем, — заверила она Кейт. — Ты выглядишь отлично. И все в восторге от того, что вы с Марой пришли на шоу.

Она отвела Кейт и Мару к гримерам и передала в их руки.

— Здесь так интересно, — произнесла Кейт, оглядываясь по сторонам.

Визажист — женщина по имени Дора — тут же принялась работать над ее лицом.

Мара сидела на соседнем стуле, и ею тоже занимались.

Кейт наблюдала за процессом в зеркало. За несколько минут в соседнем кресле появилась совершенно незнакомая особа — юная женщина, которой скоро станет ее дочь. В ее преобразившемся лице Кейт словно разглядела будущее, ей открылась вся правда, скрывавшаяся за еще недавно совсем детским лицом дочери. Вот ее Мара начинает встречаться с юношами, вот она уже водит машину, а вот уезжает в колледж.

— Я люблю тебя, маленький гномик. — Кейт намеренно употребила детское прозвище, вышедшее из моды после появления ланч-боксов с Винни-Пухом и Элмо. — Помнишь, как мы танцевали с тобой под старые добрые песни Линды Ронштадт?

Мара посмотрела на мать. На секунду они снова стали мамой и «маленьким гномиком», и хотя их детские игры не пережили урагана переходного возраста, у Кейт вновь появилась надежда, что сегодняшняя передача поможет им вернуть утраченную близость, снова стать близкими, как когда-то.

Мара, казалось, собиралась что-то сказать, но вместо этого она лишь просто улыбнулась и кивнула.

Кейт так хотелось обнять свою дочь, но она знала, что попытка физического контакта — верный способ еще больше отдалить дочь от себя.

— Кейтлин и Мара Райан?

Развернувшись вместе со стулом, Кейт увидела в дверях симпатичную миниатюрную женщину с планшетом.

— Мы готовы заняться вами.

Кейт протянула руку дочери, которая была настолько возбуждена, что крепко вцепилась в ее пальцы. Они прошли за женщиной в зеленую гостиную, где их попросили подождать.

— В холодильнике вода, и вы можете взять, что хотите, вот из этой корзины, — сказала сопровождавшая их женщина.

Затем она передала Кейт крошечный микрофон и прилагавшееся к нему устройство, крепящееся на поясе.

— Таллула сказала, что вы знаете, как это работает.

— Давно не держала микрофон в руках, но, думаю, справлюсь. И Маре покажу, как с ним обращаться. Спасибо.

— Отлично. Я вернусь за вами, когда придет время. Как вы знаете, сегодня мы в прямом эфире. Но пусть это вас не беспокоит. Просто будьте собой.

С этими словами помощница Талли удалилась.

Только тут Кейт осознала до конца, что все это происходит с ними на самом деле. Для нее это был один из немногих шансов наладить отношения с дочерью.

Ей показалось, что прошло всего несколько минут, когда раздался стук в дверь.

— Пойдемте, Кейт, для вас все готово, — сказала помощница. — А ты, Мара, оставайся здесь. За тобой мы скоро придем.

Кейт направилась к двери.

— Мам! — вдруг резко окликнула ее Мара. — Мне надо что-то тебе сказать.

Кейт, улыбаясь, обернулась к дочери:

— Не волнуйся, дорогая, все пройдет отлично.

И она пошла за помощницей Талли по кишащему людьми коридору. До Кейт донеслись аплодисменты и раскаты смеха зрителей, приглашенных на шоу.

Женщина остановилась.

— Когда услышите свое имя — выходите, — проинструктировала она Кейт.

«Дыши! — приказала себе Кейт. — Втяни живот! Стой прямо!»

Она услышала, как Талли сказала: «А теперь познакомьтесь с моей хорошей подругой — Кейтлин Райан».

Кейт на негнущихся ногах шагнула за угол и обнаружила, что стоит в свете юпитеров на сцене. Свет ослепил ее, и понадобилось несколько секунд, прежде чем Кейт начала четко видеть и осознавать происходящее.

В центре сцены стояла Талли и улыбалась ей. За спиной Талли маячил доктор Тиллман — психиатр, специализирующийся на семейных проблемах.

Талли встала рядом с Кейт и взяла ее за руку. Пока зрители аплодировали, приветствуя Кейт, Талли тихонько сказала подруге:

— Мы в прямом эфире, Кейти. Так что расслабься и плыви по течению.

Кейт посмотрела на висевший над их головами экран. На нем показывали двух женщин, орущих друг на друга. Затем она перевела взгляд на аудиторию.

Джонни и ее родители сидели в первом ряду.

— Сегодня мы поговорим о матерях, склонных к гиперопеке, и о дочерях, которые их ненавидят. — Талли улыбнулась, но голос был серьезен. — Наша цель — помочь им вступить в диалог, преодолеть проблемы в общении, возникающие, когда девочки достигают переходного возраста, научить их найти общий язык друг с другом.

Кейт почувствовала, как кровь отливает от лица. Талли по-прежнему держала ее за руку.

Доктор Тиллман вышел из тени и занял место на стоявшем на сцене стуле.

— Некоторые матери, особенно властные женщины, привыкшие доминировать и контролировать все вокруг, разрушают хрупкую психику своих детей, даже не понимая, что они делают. Дети подобны цветам, пытающимся вырасти на строго ограниченном пространстве. Им необходимо пробиваться самим, совершать свои собственные ошибки. И мы вовсе не помогаем им, опутав их сетью правил, заставляя соответствовать нашим ожиданиям и делая вид, что мы способны обеспечить их безопасность.

Только сейчас до Кейт дошло в полной мере, что происходит.

Ее называют плохой матерью на всю страну, по национальному телевидению, в присутствии ее родных, сидящих в зале.

Она вырвала свою руку из пальцев Талли.

— Что здесь происходит?

— Тебе нужна помощь, — сочувственно произнесла Талли. — И тебе, и Маре. Я тревожусь за вас, и твой муж тоже. Он попросил меня помочь. Мара хочет поговорить с тобой об этом, но боится.

Тут Мара вышла на сцену, лучезарно улыбаясь аудитории.

Кейт почувствовала, что вот-вот расплачется, и сознание собственной уязвимости только усилило ее гнев.

— Не могу поверить, что ты решилась на такое!

Доктор Тиллман подошел к Кейт.

— Давайте признаем очевидное, Кейтлин. Вы разрушаете неокрепший дух своей дочери. Талли — ваша подруга. Она просто хочет, чтобы вы задумались над своим родительским поведением…

— И она хочет помочь мне стать хорошей матерью?! — Кейт повернулась к Талли, а потом обратилась к аудитории: — И вы собираетесь выслушивать советы женщины, которая сама не представляет, что такое любовь и что такое семья? И что такое нелегкий выбор, который приходится делать семейной женщине? Единственный человек, которого когда-либо любила Талли Харт, — она сама.

— Кейти… — едва слышно прошипела Талли. — Мы в прямом эфире.

— И это все, что тебя волнует, не так ли? Твои рейтинги. Что ж, надеюсь, они согреют тебя в старости, потому что больше у тебя не будет ничего и никого. Что ты знаешь о материнстве и любви?

Кейт смотрела на подругу, испытывая такую неприязнь, что это испугало ее саму.

— Твоя собственная мать тебя не любила. И ты продала душу за славу. Да, черт побери, только что ты сделала именно это. — Кейт повернулась к аудитории: — Перед вами ваш идол, уважаемая публика. Чертовски душевная и заботливая женщина, которая за всю свою жизнь, пожалуй, не сказала ни одному человеку, что любит его.

Кейт отстегнула микрофон и блок питания, швырнула их на пол и бросилась опрометью со сцены. По дороге она схватила Мару за руку и увлекла за собой.

За сценой к жене кинулся Джонни и заключил ее в свои объятия. Он крепко прижал Кейт к себе, но она не могла почувствовать даже

тепло его тела. Подбежали родители Кейт и мальчики. Все собрались вокруг в кружок вокруг Кейт и Мары.

— Мне так жаль, дорогая! — воскликнул Джонни. — Я и не представлял, что так все получится, ведь Талли хотела тебе помочь…

— Я не могу поверить, что Талли так поступила, — сказала растерянная миссис Муларки. — Должно быть, она думала…

— Не надо, — резко оборвала ее Кейт, ладонью смахивая слезы. — Мне все равно, что она думала или что она хотела. С сегодняшнего дня меня это больше не интересует.

Когда Талли выбежала в коридор, Кейт там уже не было.

Она стояла в коридоре долго, очень долго, затем вернулась на сцену и посмотрела в зал, на ряды незнакомых людей. Талли пыталась улыбнуться, и ей это даже удалось, но на этот раз ее знаменитая выдержка оставила ее. Она слышала тихий гул аудитории. Похоже, ей сочувствовали. Доктор Тиллман продолжал говорить, стараясь заполнить неожиданную паузу словами, которые она была не в состоянии понять. Вероятно, доктор Тиллман продолжал начатый разговор, пытаясь удержать шоу на плаву, поскольку они были в прямом эфире.

— Я просто хотела ей помочь, — сказала Талли аудитории, прерывая доктора. Талли присела на край сцены. — Я что-то сделала неправильно?

Публика разразилась громкими аплодисментами, которые долго не смолкали. Одобрение этих людей было таким же безусловным, как их присутствие. Это должно было заполнить пустоту внутри Талли. Это всегда срабатывало, но на этот раз даже аплодисменты не помогли.

Кое-как Талли удалось довести передачу до конца.

Но потом она осталась на сцене одна и почувствовала себя невыносимо, фатально одинокой. Сначала ушла публика, затем — ее сотрудники. Ни у кого не хватило мужества заговорить с ней перед уходом. Талли знала: они обижены на нее за нападение на семью Джонни.

В коридоре послышались шаги, кто-то шел в сторону Талли.

Она подняла голову — рядом стоял Джонни.

— Как ты могла так поступить с Кейти? Она доверяла тебе, мы все доверяли тебе.

— Но ты-то хоть веришь, что я хотела ей помочь. Ты сам говорил, что Кейти распадается на части. А доктор Тиллман сказал мне, что в критических ситуациях требуются крайние меры. Он считает, что самоубийство…

— Я увольняюсь, — сказал Джонни.

— Но… попроси ее позвонить мне. Я все объясню.

— Я бы не рассчитывал на ее звонок.

— Что ты хочешь этим сказать? Мы дружим уже тридцать лет.

Джонни окинул ее таким холодным взглядом, что Талли невольно поежилась.

— Думаю, сегодня ваша дружба закончилась.

Бледный утренний свет проникал в окна, рассеивая мглу. Над заливом кружили чайки. Их крики, резкие и пронзительные, и громкий плеск волн, накатывающих на берег, означали, что мимо их дома проплывает паром.

Обычно Кейт нравились эти звуки наступившего утра. Несмотря на то что она жила на побережье уже много лет, Кейт по-прежнему любила наблюдать за бороздящим залив паромом, особенно по ночам, когда суда были освещены и напоминали прозрачные шкатулки с драгоценными камнями.

Но сегодня эта картина не трогала ее. Кейт сидела на кровати, положив на колени раскрытую книгу, чтобы Джонни оставил ее в покое. Она уставилась взглядом в страницу, но буквы расплывались перед глазами и превращались в одинаковые черные точки. Она продолжала вновь и вновь прокручивать в памяти вчерашнее шоу, анализировать его с разных углов зрения. Чего стоило одно название: «О матерях, склонных к гиперопеке, и о дочерях, которые их ненавидят».

Ненавидят!

«Вы разрушаете неокрепший дух своей дочери».

И доктор Тиллман, приближающийся к ней со словами о том, что она ужасная мать, ее собственная мать в первом ряду, которая первой начала плакать. Джонни, вскакивающий со своего места и орущий оператору что-то, чего Кейт не расслышала.

Кейт все еще была в шоке от произошедшего, она словно окаменела. Но под застывшей оболочкой рокотала лава злости, не

сравнимой ни с чем, что испытывала Кейт до сих пор. Она редко злилась по-настоящему, и происходящее с ней сейчас пугало ее. Она боялась, что если сорвется на крик, то уже не сможет остановиться. Поэтому она из последних сил старалась держать эмоции в себе и внешне казалась спокойной.

И продолжала смотреть на телефон, уверенная, что Талли позвонит с извинениями.

— Я повешу трубку, — сказала она.

Да, на этот раз она так и сделает, с нее хватит! За все годы их дружбы Талли не раз позволяла себе немыслимые вещи (нет, конечно же, не такие, на этот раз она превзошла себя), но извиняться всегда выпадало на долю Кейт, независимо от того, была ли она виновата, Талли никогда не просила прощения, она просто ждала, когда Кейт уладит все сама.

Но только не в этот раз! Кейт было так больно, и она была так зла, что ее больше не волновало, останутся ли они с Талли подругами. Если им суждено остаться лучшими подругами, теперь об этом придется позаботиться Талли.

«На этот раз я не отступлю».

Кейт вздохнула, мысленно пожелав, чтобы от этих слов наступило облегчение. Но оно не приходило. Она чувствовала себя абсолютно сломленной тем, что произошло вчера.

В дверь постучали. Это мог быть кто угодно из членов ее семьи. Вчера они сомкнули вокруг нее ряды, обращались с ней как с хрупкой фарфоровой принцессой, старались защитить. Марджи и Бад остались ночевать. Кейт была уверена, что мать опасается неожиданного взрыва эмоций, уж очень настойчиво она старалась все время быть рядом с Кейт. Отец похлопывал свою Кейт по плечу и все повторял, какая она хорошенькая. А мальчики, которые не могли понять до конца, в чем дело, но чувствовали: что-то не так, так и липли к матери. И только Мара молча наблюдала за ней с расстояния.

— Войдите! — сказала Кейт, выпрямляя спину и стараясь казаться более уверенной.

В комнату вошла Мара. Девочка была одета для школы — джинсы, розовые угги и серая толстовка с капюшоном. Мара попыталась улыбнуться, но это получилось у нее плохо.

— Бабушка сказала, что я должна с тобой поговорить.

Кейт испытала вдруг колоссальное облегчение только лишь от присутствия дочери. Она подвинулась и указала Маре на место рядом с собой на кровати.

Но Мара вместо этого уселась напротив матери, прислонившись к обитому шелком изножью кровати и подобрав под себя ноги. Сквозь рваные дыры в ее любимых джинсах виднелись острые детские коленки.

Кейт остро пожалела о том времени, когда она могла обнять свою маленькую дочку и крепко прижать ее к себе. Сейчас это было ей так необходимо!

— Ты ведь знала, что будет на шоу, правда?

— Мы с Талли обсуждали это. Она сказала, что это поможет тебе и мне.

— И?

Мара пожала плечами.

— Мне просто хотелось пойти на концерт.

На концерт. Этот простой и такой эгоистичный ответ глубоко ранил Кейт. Она-то успела забыть и про концерт, и про побег Мары. Неделя на острове Каваи изгладила все это из ее памяти.

Несомненно, именно этого и добивалась Талли. Потому-то она и убрала с пути Джонни, чтобы муж Кейт не смог помешать ее планам.

— Скажи что-нибудь, — попросила Мара.

Но Кейт не знала, что сказать и как ей справиться со всем этим. Она хотела, чтобы Мара поняла, какой эгоистичной она была и как больно это ранило Кейт. Но в то же время ей не хотелось возлагать всю вину на дочь. Ведь на самом деле главной виновницей была Талли.

— Когда вы с Талли составляли этот план, тебе не пришло в голову, что я буду очень огорчена и мне будет больно?

— А тебе не приходило в голову, как я огорчена и как мне больно, когда ты не разрешаешь мне пойти на концерт? Или на ночной боулинг? Или…

Кейт подняла руку, призывая Мару к молчанию.

— Итак, ты опять думаешь только о себе, — устало проговорила она. — Что ж, если это все, что ты хотела сказать, то можешь идти. У меня нет сил ссориться с тобой сейчас. Ты вела себя как эгоистка и сделала мне очень больно. И ты не хочешь видеть этого и не хочешь

брать на себя ответственность за это. Мне тебя жаль. А теперь иди. Иди!

— Ну и пожалуйста. — Мара встала с кровати, но не спешила покинуть комнату. — Когда приедет Талли…

— Талли не приедет.

— Что ты имеешь в виду?

— Твоя преподобная Талли, твой кумир, должна передо мной извиниться. А это не то, с чем Талли справляется. Пожалуй, это тоже роднит вас обеих.

На лице Мары впервые появилось испуганное выражение. И причиной была перспектива потерять Талли.

— Тебе лучше задуматься над тем, как ты обращаешься со мной, Мара, — на этой фразе голос Кейт дрогнул. Ей с трудом удалось обрести контроль над собой. — Я люблю тебя больше всего на свете, а ты намеренно причиняешь мне боль.

— Это не моя вина.

Кейт вздохнула.

— Как так может быть, Мара? Что бы ни происходило, это не твоя вина.

Этого говорить не стоило. Кейт поняла это, как только произнесла свои слова, но взять их назад было невозможно.

Мара выскочила из комнаты, громко хлопнув дверью.

В комнате стало тихо. Где-то прокричал петух, залаяли собаки. Внизу ходили домашние, и доски старого дома скрипели под их ногами.

Кейт снова смотрела на телефон в ожидании звонка.

— Кажется, это мать Тереза сказала, что одиночество — худший вид нищеты, — заметила Талли, потягивая мартини.

Мужчина, к которому она обращалась, недоуменно посмотрел на нее, словно водитель на темной незнакомой дороге, перед машиной которого выскочил неожиданно олень, а потом рассмеялся. Смех его был совершенно особенным — в нем было понимание, одобрение и одновременно превосходство. Так мог смеяться амбициозный выпускник Гарварда или Стэнфорда, прошедший соответствующую выучку в стенах своего элитного университета.

— Что знают такие люди, как мы, о нищете и одиночестве? На этой вечеринке в честь твоего дня рождения человек сто, и, видит бог, шампанское и икра обошлись недешево.

Талли старалась — и не могла — припомнить его имя. Он ведь был ее гостем, и она должна была, черт побери, знать, кто это. И почему она обратилась со столь откровенной репликой к незнакомцу?

Недовольная собой, Талли допила мартини — второй за этот вечер — и направилась к импровизированному бару, устроенному в углу ее пентхауса. В окне за спиной одетого во фрак бармена виднелось небо Сиэтла — все та же удивительная комбинация черного неба и ярких огней.

Талли нетерпеливо ждала свой третий мартини, болтая с барменом о всяких пустяках. Получив коктейль, она направилась на террасу, миновав по дороге стол, заваленный подарочными коробками и завернутыми в яркую упаковочную бумагу подарками. Талли, и не распаковывая коробки, знала, что ей обычно дарят, — бокалы для шампанского от Уотерфорда или Баккара, браслеты от Тиффани, ручки «Монблан», может быть, кашемировый палантин и пару подсвечников из дутого стекла. Дорогие подарки, которые преподносят друг другу коллеги или малознакомые люди, достигшие определенного экономического статуса.

Ни в одном из этих красиво упакованных подарков нет ничего личного.

Талли сделала еще один глоток мартини и вышла на площадку на крыше. Вдали виднелись призрачные очертания острова Бейнбридж. Луна заливала серебристым светом поросшие лесом холмы. Ей захотелось отвести глаза, отогнать неприятные воспоминания, но она не смогла. С того ужасного эфира прошло три недели, двадцать один день. А Талли по-прежнему чувствовала, что сердце ее разбито и восстановлению не подлежит. Все, что сказала ей в тот вечер Кейт, продолжало крутиться в мозгу. А когда ей удавалось об этом забыть, она натыкалась на какую-нибудь статью в прессе, например в журнале «Пипл», или в Интернете.

«Твоя собственная мать тебя не любила… Это ваш идол, уважаемая публика, такая чертовски душевная и заботливая женщина, которая за всю свою жизнь, пожалуй, не сказала ни одному живому существу, что любит его».

Как могла Кейт сказать про нее такое? И даже не позвонить потом, чтобы извиниться? Или просто поговорить… или поздравить ее с днем рождения.

Она допила коктейль и поставила пустой бокал на столик, продолжая смотреть в окно на залив. В эту минуту она услышала телефонный звонок. Она знала! Талли бросилась в глубь квартиры, пробираясь сквозь толпу гостей через гостиную в спальню. Наконец она захлопнула за собой дверь.

— Алло, — слегка запыхавшись, произнесла Талли в телефонную трубку.

— Здравствуй, Талли. С днем рождения тебя!

— Здравствуйте, Марджи. Я так и знала, что вы позвоните. Я хотела бы приехать к вам, повидаться с вами и мистером Муларки. Мы могли бы…

— Сначала ты должна помириться с Кейти.

Талли присела на краешек кровати.

— Я ведь хотела ей помочь!

— Но не помогла. Надеюсь, ты и сама это понимаешь.

— Но вы тоже слышали все эти ужасные слова, которые она сказала про меня в эфире? Я пыталась помочь ей, а она рассказала всей Америке… — Талли не могла даже произнести это вслух, голос ее дрожал. — Так что это она должна передо мной извиниться.

Последовала долгая пауза, после которой на том конце провода раздался вздох:

— О, Талли…

Она услышала в голосе миссис Муларки разочарование и снова вдруг почувствовала себя как много лет назад в полицейском участке. Она словно бы лишилась дара речи.

— Я люблю тебя как дочь, — проговорила миссис Муларки. — И ты это знаешь. Но…

Как дочь. В одном этом слове — «как» — был целый океан смысла, океан отчуждения.

— Ты должна понять, как сильно ты ее ранила.

— А как сильно она ранила меня… она не должна понять?

— То, что сделала с тобой твоя мать, — это настоящее преступление, — произнесла миссис Муларки, затем сказала: — Меня зовет Бад, мне надо идти. Жаль, что все сложилось так, как сложилось.

Талли даже не попрощалась. Просто повесила трубку. Правда, на которую она старалась не обращать внимания, вдруг легла на нее таким тяжелым грузом, что Талли едва могла дышать.

Все, кого она любила, были членами семьи Кейти, а не ее собственной. И когда потребовалось сделать выбор, он был для них очевиден.

С чем же тогда оставалась она?

Как пелось в старой песне, снова одна. Совсем одна.

Талли вернулась к гостям, удивляясь, как это можно было так долго оставаться слепой. Если и следовало извлечь из своей жизни какие-то уроки, то главным из них был именно этот: люди уходят, люди бросают тебя. Родители. Любовники. Друзья.

В гостиной, полной знакомых, приятелей и коллег, Талли лучезарно улыбалась и уверенно прокладывала себе путь к бару.

Не так уж сложно было притворяться, что ты счастлива. Ведь именно это она делала большую часть своей жизни — играла, изображала, творила свой образ.

И только с Кейти она могла по-настоящему быть собой.

В конце концов Кейт перестала ждать звонка от Талли. В долгие месяцы их отчуждения Кейт научилась жить в замкнутом мире с разреженной атмосферой, как будто находилась внутри созданного ею самой ледяного шара. Сначала она плакала, сожалея о потерянной дружбе, с тоской думала о том хорошем, что у них было, но со временем смирилась с тем фактом, что извинений от Талли не последует и что если вообще будут извинения, то, как всегда, извиняться придется ей, Кейт.

Такова их история.

И Кейт, обычно такая уступчивая и податливая, вдруг стала тверже камня. На этот раз она не смогла переступить через себя и не собиралась уступать.

Время шло, ледяные стены шара становились все крепче, и Кейт теперь все реже думала о Талли, а когда думала, то уже не заливалась слезами, а убирала подальше свои воспоминания и продолжала жить дальше.

Но все это выматывало и словно бы иссушало ее. С приближением зимы Кейт поймала себя на том, что ей стоит все

большего труда вставать по утрам и отправляться в душ. Мытье головы стало казаться таким утомительным делом, что Кейт старалась его избегать. А приготовить обед и помыть посуду отнимало у нее столько сил, что приходилось во время процесса присаживаться передохнуть.

Все это было бы ничего, со всем этим можно было бы смириться и считать это допустимым уровнем переутомления или депрессии, если бы дело этим ограничилось. Но на прошлой неделе она была слишком слаба с утра, чтобы причесаться, и повезла детей в школу в пижаме.

— Не понимаю, что в этом такого особенного, — сказала Кейт Джонни, когда он заговорил с ней об этом вечером. Он работал теперь на своей прежней телестудии, был меньше занят и появившееся у него свободное время, казалось, тратил на то, чтобы подмечать все огрехи Кейт.

— Ну да, небольшая промашка в смысле личной гигиены. Это ведь не значит, что я с ума спятила.

— Ты в депрессии, — сказал Джонни, усаживая жену рядом с собой на диван. — И, честно говоря, ты выглядишь неважно.

Ей было неприятно это слышать, но, по большому счету, ей было все равно, как она выглядит.

— Тогда запиши меня к пластическому хирургу. Осмотр терапевта мне вряд ли необходим. Я регулярно хожу к своим врачам, тебе это известно.

— Лучше все же перестраховаться, — ответил на это Джонни.

И вот сейчас она направлялась в город на пароме. Правда была в том — хотя Кейт ни за что не призналась бы в этом своему мужу, — что она была рада этой поездке. Она так устала быть в депрессии, устала чувствовать себя измученной. Может быть, ей пропишут что-нибудь, что поможет забыть дружбу длиной в тридцать лет, закончившуюся так печально.

Когда паром пришвартовался, Кейт съехала по бугристому пандусу и влилась в утренний поток машин. Стоял серый, неуютный день, вполне соответствовавший ее настроению. Она проехала через город и поднялась по склону холма к зданию больницы, где нашла место для парковки в гараже, а затем перешла через дорогу и вошла в

вестибюль. После коротких переговоров в регистратуре Кейт направилась к лифту.

Сорок минут спустя, когда Кейт успела прочесть от корки до корки журнал «Родители», медсестра проводила ее в смотровую и записала необходимые данные.

Снова оставшись одна, Кейт взяла со стола свежий номер «Пипл» и открыла его.

Там красовалась фотография Талли, приветствовавшей камеру поднятым пустым бокалом из-под шампанского. Она выглядела великолепно в черном платье от «Шанель» и расшитой бисером накидке на плечах. Под фотографией стояла подпись: «Таллула Харт на благотворительном вечере в Шато-Мармон со своим бойфрендом, медиамагнатом Томасом Морганом».

Дверь открылась, и в комнату вошла доктор Марсия Силвер.

— Здравствуйте, Кейт, — сказала она. — Приятно снова увидеть вас, — присев на свой стул на колесиках, она протянула руку к амбулаторной карте Кейт. — Итак, есть ли что-то, о чем вы хотели бы мне рассказать?

— Мой муж считает, что у меня депрессия.

— А у вас действительно депрессия?

Кейт пожала плечами:

— Ну, может быть, иногда мне действительно немного грустно.

Марсия сделала запись в карте.

— Вы не были у меня ровно двенадцать месяцев. Это большой срок.

— Ну, вы же знаете, каковы католички. Любят следовать правилам.

Марсия улыбнулась, закрыла карту и надела смотровые перчатки.

— Хорошо, Кейт, давайте начнем с мазка. Подвиньтесь, пожалуйста, на край.

Следующие несколько минут Кейт терпеливо переживала все мелкие неприятности, связанные с заботой о женском здоровье — расширитель, пальпирование, забор анализов. Все это время она и доктор Силвер вели ничего не значащий разговор. Говорили о погоде, о последней нью-йоркской постановке в театре на Пятой авеню, о приближающихся праздниках.

И только через полчаса, когда Марсия осматривала грудь Кейт, она вдруг прекратила болтовню и спросила:

— Когда у вас появилось вот это пятно на груди?

Кейт посмотрела на небольшое красное пятнышко под правым соском. Кожа на нем была слегка шершавой, как апельсиновая корка.

— Месяцев девять. Может, даже год. Все началось с укуса насекомого. Мой домашний доктор посчитал это инфекцией и посадил меня на антибиотики. Все вроде бы прошло, но потом опять появилось. Иногда пятнышко кажется горячим — так я и поняла, что это инфекция.

Марсия, нахмурившись, смотрела на грудь Кейт.

— Я сделала тогда маммограмму, — добавила Кейт. — Все было в порядке.

— Я вижу. — Марсия подошла к висящему на стене телефону и сняла трубку: — Я хочу направить Кейт на ультразвук груди. Прямо сейчас. Скажи, чтобы нашли для нее время. Спасибо.

Повесив трубку, Марсия обернулась к Кейт, которая встревоженно села в кресле.

— Вы пугаете меня, Марсия.

— Я надеюсь, что там ничего страшного, Кейт. Но мне бы хотелось убедиться.

— Но что…

— Давайте поговорим об этом, когда будет известен результат. Дженис проводит вас вниз, в радиологию. Хорошо? Ваш муж здесь?

— А ему следовало бы быть?

— Нет. Я практически уверена, что все в порядке. А вот и Дженис.

Мысли Кейт не поспевали за происходящим. Прежде чем она успела сообразить, она была уже одета и шла за медсестрой вниз по коридору тремя этажами ниже. Затем, после показавшегося ей бесконечным ожидания, она вытерпела еще один осмотр груди, еще несколько хмурых взглядов и ультразвук.

— Я всегда провожу самодиагностику. Я не нащупала никакого узла, — сказала она.

И увидела, как медсестра и рентгенолог обменялись взглядами поверх ее.

— Что такое? — Кейт слышала в собственном голосе страх.

Когда исследование было закончено, медсестра проводила ее в приемную и попросила подождать. Как и все женщины в приемной, она стала просматривать журналы, — пытаясь сконцентрироваться на плясавших перед глазами рецептах и советах на чем угодно, кроме результатов исследования.

«Все будет хорошо, — говорила она себе, когда ее все-таки начинало одолевать беспокойство. — Волноваться не о чем».

Рак ведь никогда не нападает внезапно… Во всяком случае, рак груди. Существуют ранние симптомы, и она тщательно искала их у себя. Раком груди болела ее тетя Джорджия, так что вся семья понимала: надо быть начеку. Остальные посетительницы одна за другой покидали приемную, а Кейт все сидела.

Наконец за ней пришла пухленькая медсестра с оленьими глазами.

— Кейтлин Райан?

Она встала.

— Да?

— Я сейчас провожу вас вниз по коридору. Доктор Кранц ждет вас, чтобы сделать биопсию.

— Биопсию?

— Да. Пойдемте со мной.

Кейт казалось, что она не в силах двигаться, даже кивнуть головой не получалось. Судорожно сжимая в руках сумочку, она поспешила за медсестрой.

— Но моя последняя маммограмма была хорошей. И я регулярно провожу самодиагностику.

Ей вдруг захотелось, чтобы Джонни был рядом, держал ее за руку и говорил, что все обойдется.

Или Талли.

Кейт глубоко вздохнула, стараясь взять под контроль свой страх. Однажды, несколько лет назад, у нее был плохой мазок, и потребовалась биопсия. Ожидание результатов было мучительным, уик-энд был испорчен, но, в конце концов, все оказалось в порядке. Сейчас она вспоминала тот случай, хваталась за него, как утопающий в холодной бурлящей воде хватается за спасательный круг, и шла за медсестрой по коридору. На табличке возле нужной им двери было написано: «Онкологический центр фонда „Гудноу“».

32

Талли разбудил телефонный звонок. Едва разлепив глаза, она огляделась вокруг. Два часа десять минут. Глубокая ночь. Взяв трубку, она произнесла:

— Алло!

— Это Таллула Харт?

Талли протерла глаза.

— Да. Кто это?

— Меня зовут Лори Уизерспун. Я — медсестра в больнице Харборвью. У нас здесь ваша мать, Дороти Харт.

— Что случилось?

— Мы не знаем наверняка. Похоже на передозировку наркотиков, но она еще и сильно избита. Полиция ждет, когда можно будет ее допросить.

— Она просила позвонить мне?

— Она без сознания. Мы нашли ваше имя и номер телефона среди ее вещей.

— Я скоро приеду.

Талли оделась в рекордно короткое время и в два тридцать была уже в пути. Припарковав машину у больницы, она кинулась в приемный покой.

— Здравствуйте, здесь моя мать. Обл… Дороти Харт.

— Шестой этаж, миз Харт. Обратитесь к медсестре на пост.

— Спасибо.

Талли поднялась наверх, и маленькая женщина в бледно-оранжевой форме медсестры проводила ее в палату матери.

В двухместной палате царил полумрак. Ближайшая к двери кровать была пуста.

Талли захлопнула за собой дверь, с удивлением осознав, что испытывает страх. Ее мать всю жизнь наносила ей душевные раны. Она любила ее, будучи ребенком, какой-то необъяснимой любовью, ненавидела подростком, игнорировала, став взрослой женщиной. Облачко разбивала ей сердце раз за разом, бросала ее, как только

представлялась возможность, и даже после всего этого Талли не могла избавиться от чувств к этой женщине.

Облачко спала. Лицо ее было покрыто синяками, один глаз заплыл. Разбитая губа кровоточила. Короткие седые волосы, подстриженные явно тупыми ножницами, слиплись.

Ее невозможно было узнать. Перед Талли была хрупкая пожилая женщина, избитая не просто чьими-то кулаками, но самой жизнью.

— Привет, Облачко, — произнесла Талли дрогнувшим от жалости голосом.

Она ласково погладила мать по виску — единственному месту, где не было синяков и ран. Почувствовав бархатистую мягкую кожу, она вдруг поняла, что последний раз прикасалась к своей матери очень давно, в семидесятых, когда они держались за руки в толпе на улицах Сиэтла.

Она хотела бы знать, что сказать этой женщине, с которой у нее было прошлое, но не было настоящего. И она просто стала говорить обо всем подряд. О шоу, о своей жизни, о том, какой успешной она сумела стать. Когда собственные слова начали казаться пустыми и полными отчаяния, она рассказала о Кейт, об их ссоре и о том, что все это заставило ее почувствовать себя чудовищно одинокой. Слова лились и лились, и, произнося их, Талли понимала скрытую за ними истину. Потеряв семью Муларки и семью Райан, она стала абсолютно, безнадежно одинокой. Облачко была теперь всем, что у нее осталось. Какой же жалкой оказалась ее жизнь!

— Мы всегда одиноки, разве ты до сих пор этого не поняла?

Талли и не заметила, как ее мать проснулась. Облачко пришла в себя и смотрела на дочь печальными глазами.

— Привет, — сказала Талли, улыбаясь и вытирая слезы. — Что с тобой случилось?

— Меня избили.

— Я не спрашиваю, как ты попала в больницу. Я спрашиваю, что с тобой случилось.

Облачко поморщилась и отвернулась.

— А, ты об этом… Твоя драгоценная бабушка, похоже, никогда тебе не рассказывала. — она вздохнула. — Ну а теперь это точно не имеет значения.

Талли тяжело вздохнула. Это был первый осмысленный разговор с матерью за всю ее жизнь, и Талли чувствовала себя на грани открытия, способного многое объяснить, открытия, ускользавшего от нее все эти годы.

— Думаю, это все же имеет значение.

— Уходи, Талли. — Облачко уткнулась лицом в подушку.

— Только после того, как ты расскажешь мне, почему… — Голос Талли дрожал, когда она задавала свой вопрос. — Почему ты никогда не любила меня?

— Забудь обо мне.

— Честно говоря, мне бы очень этого хотелось. Но ты — моя мать.

Облачко повернулась и несколько секунд смотрела на Талли. Талли увидела в глазах матери грусть.

— Ты разбила мне сердце, — тихо произнесла Облачко.

— А ты — мне.

Облачко на секунду улыбнулась.

— Я хотела…

— Чего же?

— Я хотела бы быть такой, какой ты хотела меня видеть, но я не могла. Тебе лучше оставить меня в покое.

— Но я не знаю, как это сделать. Даже после всего, что было, ты — все равно моя мама.

— Я никогда не была твоей мамой. И мы обе это знаем.

— Я все равно буду возвращаться, — сказала Талли, вдруг осознав, что это правда. Они обе, возможно, сломлены, она и ее мать, каждая по-своему, но они связаны друг с другом странными, крепкими узами. И их танец, как бы больно ни было от него обеим, не закончен, далеко еще не закончен. — И когда-нибудь ты будешь готова меня принять.

— Как тебе удается столько лет не расставаться с этой мечтой?

— Держусь за нее обеими руками. — Талли хотелось добавить «что бы ни случилось», но эти слова ей напомнили о Кейт, а эти воспоминания были слишком болезненными.

Дороти горестно вздохнула и закрыла глаза.

— Уходи.

Талли еще долго стояла, вцепившись руками в металлическое изголовье кровати. Она видела, что ее мать только притворяется спящей, и уловила момент, когда она заснула на самом деле, и послышался тихий храп. После этого Талли подошла к стенному шкафу и достала оттуда одеяло. И тут взгляд ее упал на стопку одежды, аккуратно сложенную в дальнем углу нижней полки. Рядом стоял бумажный пакет, какие дают обычно в продуктовых магазинах. Он был закручен сверху.

Талли накрыла мать одеялом и вернулась к шкафу.

Она не могла бы сказать, что вдруг заставило ее рыться в вещах Облачка, что именно она рассчитывала там обнаружить. Сверху было то, что она и ожидала увидеть, — несвежая, поношенная одежда, старая обувь, дешевый туалетный набор в пластиковом пакете, сигареты и зажигалка.

А в уголке пакета, на самом дне, Талли увидела его: кусочек лески, связанный в кольцо, а на нем — две макаронины и одинокую синюю бусинку.

Ожерелье, которое сделала Талли для матери в воскресной школе и подарила Облачку много лет назад, в тот день, когда они уехали из дома бабушки в потрепанном фургоне «фольксваген». Так, значит, мать хранила ее подарок все это время.

Талли не стала касаться ожерелья. Она побаивалась в глубине души, что находка существует только в ее воображении. Повернувшись к матери, она снова подошла к ее постели.

— Ты хранила его, — задумчиво произнесла Талли, словно ей только что открылось что-то новое, что-то пока еще не понятое ею.

В душе снова затеплилась надежда — не надежда отчаявшейся маленькой девочки, а зрелое чувство усталой, умудренной опытом женщины, отлично понимающей, кем они с Облачком были друг для друга все эти годы. И все же она по-прежнему жила в ее сердце, несмотря на боль и разочарование, — надежда.

— Ты ведь тоже знаешь, как удержать мечту, правда, Облачко?

Она села на пластиковый стул у кровати. Теперь у нее появился вопрос, который она обязательно должна задать своей матери. И Талли была намерена получить на него ответ.

Где-то около четырех часов утра сон сморил Талли, и она заснула прямо на стуле.

Ее разбудил звонок сотового телефона. Талли медленно выпрямилась, потирая затекшую спину. Она не сразу поняла, где находится.

Ну да, в больнице Харборвью.

Талли встала. Кровать ее матери была пуста. Она открыла двери шкафа.

Пусто. Смятый бумажный пакет валялся на полке.

— Черт побери!

Сотовый снова зазвонил. Талли посмотрела на определившийся номер и ответила, опускаясь на стул:

— Привет, Эдна.

— Голос звучит ужасно, — послышалось на другом конце провода.

— Была тяжелая ночь. — Ей вдруг очень захотелось коснуться найденного вчера ожерелья, чтобы убедиться, что оно ей не приснилось. — А сколько сейчас времени?

— Шесть часов. А ты сейчас сидишь?

— Так случилось, что да.

— Ты по-прежнему берешь отпуск на конец ноября и весь декабрь?

— Чтобы мои сотрудники насладились отпусками со своими семьями, — с усмешкой добавила Талли. — Да, по-прежнему.

— Я знаю, что ты обычно занята в это время с этой своей подругой…

— Но не в этом году.

— Отлично. Тогда, может быть, ты захочешь отправиться со мной в Антарктиду? Я делаю документальный фильм о глобальном потеплении. Думаю, это очень важная тема, Талли. И участие кого-то с твоим статусом не повредит.

Предложение было словно послано Богом в ответ на ее желание убежать куда-нибудь подальше от собственной жизни. Дальше Антарктиды трудно себе что-нибудь представить.

— Как долго это продлится?

— Шесть недель, в крайнем случае семь. Ты можешь летать туда-сюда, но поездка обещает быть чертовски интересной.

— Звучит замечательно. Мне как раз надо смотаться из города. Когда выезжаем?

Кейт стояла обнаженная перед зеркалом в ванной, изучая свое тело. Всю жизнь она вела настоящую войну с собственным отражением. У нее всегда были слишком пышные бедра, как бы сильно она ни теряла в весе, а живот после двух родов выглядел обвисшим. Кейт даже делала специальную гимнастику, но она не очень-то ей помогла. Около трех лет назад она перестала носить блузки без рукавов — обвисли предплечья и грудь. С тех пор как родились близнецы, она начала носить более плотные и менее сексуальные лифчики и подтягивать бретельки, чтобы грудь заняла положенное ей место.

Но теперь, глядя на себя, Кейт понимала, как мало все это значило и какой пустой тратой времени были все ее переживания.

Она подошла ближе, повторяя про себя слова, которые собиралась произнести. Если и был в ее жизни момент, требовавший силы и мужества, то сейчас он наступил.

Она протянула руку к стопке одежды, лежавшей на шкафчике, и начала одеваться. Она выбрала симпатичный розовый кашемировый пуловер, который получила в подарок от детей на прошлое Рождество, и мягкие джинсы «Левайс». Одевшись, Кейт причесалась, подняла волосы и завязала их в хвост. Она даже накрасилась немного. Для того, что произойдет дальше, ей важно было выглядеть здоровой. Наконец Кейт покинула ванную и прошла в спальню.

Джонни, сидевший на краю кровати, быстро встал и повернулся к жене. Кейт видела, как непросто было ему казаться сильным. Глаза у Джонни блестели.

Наверное, это должно было вызвать слезы и у нее — это молчаливое доказательство его любви, но почему-то это, наоборот, придало Кейт сил.

— У меня рак, — сказала она.

Конечно, Джонни уже знал это. Последние несколько дней, прошедшие в ожидании результатов анализа, были невыносимы. Вчера вечером наконец раздался звонок от доктора. Пока врач излагала информацию, они держались за руки, поддерживая друг друга в надежде услышать, что все будет хорошо. Но все оказалось плохо. Очень плохо.

«Мне очень жаль, Кейт… четвертая стадия… рак груди… агрессивная опухоль… уже распространилась…»

Сначала Кейт была в ярости. Она ведь всегда все делала правильно — осматривала грудь в поисках узлов, делала маммографию, — а потом в душе ее поселился страх.

Джонни переживал все еще тяжелее, и Кейт поняла, что она должна быть сильной ради него. Прошлой ночью они лежали без сна всю ночь, обнимая друг друга, плача, молясь, обещая, что они пройдут через это вместе. А теперь пришло время задуматься над тем, как они это сделают.

Кейт подошла к мужу. Джонни обнял ее и прижал к груди крепко-крепко.

— Я должна сказать им.

— Мы должны.

Джонни отступил назад и ослабил объятия, чтобы заглянуть Кейт в лицо.

— Ничего не изменится. Запомни это.

— Ты шутишь? У меня ведь отнимут грудь. — Голос ее дрогнул от нахлынувшей волны страха. А потом будет химия или облучение. И это еще хорошие новости.

Джонни смотрел на жену, и любовь, светившаяся в его глазах, была самым трогательным, что ей приходилось видеть в этой жизни.

— Между нами ничего не изменится. Мне все равно, как ты выглядишь и что делаешь. Я буду любить тебя всегда так, как люблю сейчас.

Эмоции, которые Кейт так старательно подавляла, снова пробудились.

— Пойдем, — тихо сказала она. — Пока у меня еще хватает смелости.

Рука об руку они вышли из спальни и спустились вниз, где должны были быть дети.

Но гостиная была пуста.

Кейт слышала, что в соседней комнате работает телевизор, и слышатся звуки работающей приставки для видеоигр. Она отпустила руку Джонни и вышла в коридор.

— Мальчики, идите-ка сюда.

— О, мам! — захныкал Лукас. — Мы смотрим кино.

Больше всего Кейт хотелось сейчас сказать: «Ну, хорошо, смотрите» — и отложить неприятный разговор, но она набралась мужества и повторила свою просьбу:

— Пожалуйста, идите сюда. Сейчас же.

Она услышала, как за ее спиной Джонни зашел на кухню и снял трубку телефона.

— Спустись вниз, Мара. Прямо сейчас. Мне все равно, с кем ты разговариваешь.

Кейт слышала щелчок в трубке, опускаемой на рычаг. Она не подошла к мужу, а села на краешек дивана и словно застыла. Кейт била дрожь, и она пожалела, что не оделась потеплее.

Мальчишки с воплями и смехом ворвались в комнату, сражаясь на игрушечных шпагах.

— А как вам вот это, капитан Крюк? — кричал Лукас.

— Я — Питер Пэн! — возразил Уильям, делая выпад в сторону брата. — Защищайся!

Близнецам исполнилось семь, и они начали меняться. Поблекли веснушки, постепенно выпадали молочные зубы. Каждый раз, глядя на мальчишек, Кейт подмечала, как уходит то одна, то другая детская черта.

Еще года три — и ее сыновья изменятся еще больше.

Эта мысль вдруг так испугала ее, что Кейт нервно вцепилась в подлокотник дивана и закрыла глаза. А что, если ее не будет рядом, если она не увидит, как растут ее сыновья?

Нет, прочь плохие мысли! За последние четыре дня это стало ее мантрой.

Джонни сел рядом и взял жену за руку.

— Поверить не могу, что ты прервал мой разговор! — заявила спускающаяся по лестнице Мара. — Это грубое нарушение моих прав! Я разговаривала с Брайаном.

Кейт медленно досчитала до десяти, успокоилась достаточно, чтобы овладеть собой, и открыла глаза.

Ее дети стояли перед ней, и вид у них был либо скучающий — у мальчиков, либо раздраженный — у Мары.

Кейт сглотнула застрявший в горле ком. Она способна сделать это.

— Ты собиралась что-то сказать? — потребовала Мара. — Потому что, если ты хочешь просто посмотреть на нас, я лучше вернусь

наверх.

Джонни начал угрожающе приподниматься со своего места.

— Черт побери, Мара!

Кейт крепко взяла его за руку, останавливая мужа.

— Садись, Мара, — сказала она, поражаясь тому, как спокойно звучит ее голос. — И вы, мальчики, тоже садитесь.

Близнецы повалились на ковер с видом марионеток, которыми перестали управлять.

— Я постою, — сказала Мара, скрещивая на груди руки.

Она одарила мать хорошо знакомым взглядом, в котором читалось: «Ты вовсе не вправе мною командовать», и Кейт даже испытала что-то вроде ностальгии.

— Вы помните, в прошлую пятницу я ездила в город? — начала Кейт, чувствуя, как учащается сердцебиение и перехватывает дыхание. — Так вот, я ездила к врачу.

Лукас прошептал что-то Уильяму, который захихикал и ущипнул брата.

Мара красноречиво посмотрела в сторону лестницы.

Кейт крепко сжала руку мужа.

— В общем, вам не о чем беспокоиться, но я… я больна.

Все трое разом посмотрели на мать.

— Не беспокойтесь. Мне сделают операцию, потом пропишут целую гору лекарств, и со мной, надеюсь, все будет в порядке. Может быть, какое-то время я буду уставать и сильно ослабну. Это как раз одно из проявлений болезни.

— Но потом все будет в порядке? — Взгляд Лукаса был прямым и серьезным и немного испуганным.

Кейт хотелось сказать: «Да, конечно», но ведь такие обещания запоминаются.

Уильям закатил глаза и толкнул брата локтем в бок.

— Она же сказала, что будет в порядке. А нас отпустят с занятий навестить тебя в больнице?

— Да, — заверила его Кейт, борясь с улыбкой.

Лукас первым кинулся ее обнимать.

— Я люблю тебя, мамочка, — прошептал он.

Кейт так долго прижимала сына к себе, что он стал вырываться. Затем то же повторилось с Уильямом.

После этого оба мальчика, как по команде, повернулись и направились к лестнице.

— Вы разве не будете досматривать свой фильм? — спросила Кейт.

— Нет, — сказал Лукас. — Мы идем наверх.

Кейт встревоженно посмотрела на Джонни, который тут же поднялся на ноги.

— Как насчет того, чтобы сыграть в баскетбол, парни?

Близнецы шумно обрадовались и отправились с отцом во двор.

Кейт наконец посмотрела на Мару.

— У тебя рак, да? — после долгой паузы спросила ее дочь.

— Да.

— У миссис Мерфи был в прошлом году рак, и она в порядке. И у тети Джорджии.

— Да, — подтвердила Кейт.

У Мары вдруг задрожали губы. Несмотря на свой высокий рост, как бы взрослое выражение лица и косметику, она снова казалась сейчас маленькой девочкой, которая просит Кейт оставить ночник включенным.

Мара со скрещенными на груди руками подошла к дивану.

— С тобой ведь все будет в порядке, правда?

«Четвертая стадия. Опухоль распространилась. Поздно обнаружили».

Кейт гнала от себя подобные мысли. Они не приведут ее ни к чему хорошему. Сейчас ей необходим оптимизм.

— Ну да. Врачи говорят, что я крепкая и здоровая, поэтому все должно обойтись.

Мара присела рядом на диван и положила голову на колени Кейт.

— Я буду ухаживать за тобой, мама.

Кейт, закрыв глаза, гладила дочь по волосам. Казалось, еще вчера она могла вот так баюкать ее, держа в объятиях, и Мара засыпала, еще вчера, уткнувшись ей в плечо, ее дочь переживала из-за смерти своей золотой рыбки.

«Господи, — молилась сейчас Кейт, — дай мне дожить до того дня, когда мы снова сможем стать друзьями».

— Я знаю, спасибо, дорогая, — проглотив застрявший в горле ком, сказала Кейт дочери.

Девчонки с улицы Светлячков.

Во сне Кейт снова был семьдесят четвертый год, она опять была подростком и ехала на велосипеде рядом со своей лучшей подругой в такой кромешной тьме, что казалась сама себе невидимой. Она помнила то место в мельчайших подробностях. Вьющуюся ленту асфальта, окруженную с обеих сторон канавами с застоялой водой и холмами с густой травой. До того как они встретились, казалось, что дорога ведет в никуда, что это просто окраинная улица, наименованная по названию насекомого, которого никто не видел в этом сине-зеленом уголке земли. Но потом, подружившись, они увидели светлячков, сияющих в глазах друг друга.

«Ну, давай же. Отпусти руль, Кейти! Бог не любит трусишек».

Вздрогнув, Кейт проснулась, чувствуя, как по щекам ее текут слезы. Теперь она лежала в кровати без сна, прислушиваясь к вою снежной бури за окном. За прошедшую неделю Кейт полностью утратила способность избегать воспоминаний. Слишком часто она возвращалась в своих снах на улицу Светлячков. И неудивительно.

«Лучшие подруги навсегда».

Такую клятву дали они друг другу много лет назад и верили, что навсегда сохранят ей верность, даже когда превратятся в двух старушек, сидящих в креслах-качалках на скрипучем крыльце и вспоминающих молодость.

Теперь она знает этому цену. Вот уже год она повторяет себе, что все в порядке, что вполне можно обойтись без лучшей подруги. И иногда даже верит в это.

Но потом в ушах ее начинает звучать музыка. Их музыка. Вчера во время похода по магазинам отвратительного качества фоновая запись из тех, что проигрывают обычно в торговых залах, с песней «У тебя есть подруга» заставила ее расплакаться у прилавка с овощами.

Откинув одеяло, Кейт встала с кровати, стараясь не разбудить спящего мужа. Несколько секунд она смотрела на него в темноте. Даже во сне у Джонни было встревоженное выражение лица.

Взяв с собой трубку телефона, она вышла из спальни и пошла по тихому коридору к выходу на террасу. Там, глядя сквозь стекло на ненастье за окном, она собралась с духом и набрала знакомые цифры, пока еще не зная, что скажет женщине на другом конце провода после

стольких месяцев молчания. С чего же надо начать? «У меня была плохая неделя»? «Моя жизнь разваливается на куски»? Или просто: «Ты мне нужна»?

Телефон в другой части города, за бушующим заливом, звонил и звонил.

Гудки. Снова гудки.

Когда включился автоответчик, Кейт постаралась облечь в слова обуревавшие ее чувства.

«Привет, Тал. Это Кейт. Поверить не могу, что ты так и не позвонила извиниться передо мной…»

За окном вдруг раздались оглушительные раскаты грома, и одновременно Кейт услышала щелчок, означавший, что началась запись.

— Талли! Ты меня слышишь? Талли?

Ответа не последовало.

Кейт, тяжело вздохнув, продолжала:

— Ты нужна мне, Талли. Позвони на мой сотовый.

И тут неожиданно отключилось электричество, а одновременно оборвалась и телефонная связь.

Кейт уговаривала себя не воспринимать это как знак. Она не вернулась в спальню, а спустилась в гостиную и зажгла свечу. Затем, поскольку сегодня был день, на который была назначена операция, Кейт постаралась сделать что-нибудь особенное для каждого из членов семьи, напомнить им о том, что она еще здесь. Для Уильяма она нашла диск с «Корпорацией монстров», который он давно уже не мог найти. Для Лукаса собрала мешочек с его любимыми закусками, чтобы было чем подкрепиться, сидя в приемной больницы. Еще она зарядила сотовый Мары и положила его рядом с ее кроватью, прекрасно понимая, как неуверенно будет чувствовать себя сегодня ее дочь, если лишится возможности позвонить друзьям. И наконец, она нашла все связки ключей, которые были в доме, привесила к ним надписанные бирочки и положила на кухонный стол для Джонни, который терял ключи чуть ли не каждый день.

Когда Кейт больше не могла придумать ничего, что она могла бы сделать для своей семьи, она подошла к окну и увидела, что буря утихла. Казавшийся мрачным мир за окном постепенно светлел. Угольно-черные тучи бесследно исчезли, и на небе появились

перламутрово-розовые облака. Раскинувшийся под восходящим солнцем Сиэтл издалека казался только что построенным городом.

Несколько часов спустя дом стал оживать: встал Джонни, проснулись дети. Все то время, что все они провели вместе за завтраком и сбором вещей, Кейт невольно ловила себя на том, что смотрит на телефон, ожидая, что он вот-вот зазвонит.

Но и через шесть недель, когда у нее уже отняли обе груди, закачали яд в ее кровь и облучили ее плоть, которая напоминала теперь кусок обожженного мяса, она так и не дождалась звонка Талли.

Второго января Талли возвратилась домой — в холодную, пустую квартиру.

— История моей жизни, — с горечью пробормотала она, давая чаевые консьержу, который занес в пентхаус ее огромные чемоданы.

Когда консьерж ушел, Талли несколько минут простояла в растерянности, не зная, за что ей взяться. Девять часов вечера, понедельник. Большинство людей проводят этот вечер в кругу семьи. Завтра она вернется к работе и заставит себя заняться повседневной рутиной созданной ею империи. Скоро, очень скоро она сумеет избавиться от призраков, которые преследовали ее во время отпуска и даже последовали за ней на самый край света. В буквальном смысле. Она провела День благодарения, Рождество и Новый год на морозных подступах Южного полюса, где все они собирались вокруг доступного источника тепла, пили и пели песни. Для неискушенных зрителей все, что беспристрастно фиксировала камера, выглядело так, будто им всем чертовски весело.

Но слишком часто, когда она забиралась в свой спальник, не снимая перчаток и шапки, и пыталась уснуть, в голове ее вдруг начинали звучать старые песни, и тогда ей хотелось плакать. Несколько раз она даже просыпалась с льдинками на щеках.

Талли бросила сумку на диван и посмотрела на часы. На дисплее мигали три пятерки. Наверное, за время ее отсутствия отключали электричество.

Талли налила себе бокал вина, вынула бумагу и ручку и села за стол.

На автоответчике тоже мигали цифры.

— Отлично, — пробормотала Талли.

Теперь она не сможет узнать, кто пытался до нее дозвониться после отключения электричества. Талли нажала на кнопку воспроизведения и принялась терпеливо прослушивать сообщения. Дойдя примерно до середины, она сделала на листке пометку, что надо поговорить с помощницей по поводу голосовой почты.

Она уже почти не обращала внимания на звучащие сообщения, когда из автоответчика послышался голос Кейт.

«Привет, Тал. Это я, Кейт».

Талли, резко выпрямилась и нажала на кнопку повтора.

«Привет, Тал. Это я, Кейт. Поверить не могу, что ты так и не позвонила извиниться передо мной…»

Громкий щелчок.

«Талли? Ты меня слышишь? Талли?»

И снова щелчок, за которым последовали короткие гудки. Кейт положила трубку.

На этом сообщения заканчивались. Больше на автоответчике ничего не было.

Талли вдруг испытала такое острое разочарование, что даже поморщилась.

Она прокручивала и прокручивала сообщение Кейт до тех пор, пока не перестала слышать в нем ничего, кроме обвиняющих ноток.

Это была совсем не та Кейт, которую помнила Талли, совсем не та девочка, которая много лет назад обещала навсегда стать ее лучшей подругой. Та девочка никогда не стала бы обвинять Талли и мучить ее вот так — обвинять и класть трубку.

«Поверить не могу, что ты так и не позвонила, чтобы извиниться передо мной…»

Талли встала, пытаясь уйти, скрыться от этого голоса, заполнившего ее дом и внушившего ей напрасные надежды. Затем нажала на кнопку, давая автоответчику команду стереть все сообщения.

— Поверить не могу, что ты не позвонила мне, — произнесла она в пустоту пентхауса, стараясь не замечать, как хрипло звучит ее голос.

Она подошла к сумке и, порывшись среди царившего там беспорядка, достала свой сотовый. Нашла в довольно обширном списке контактов имя, которое добавила туда всего несколько месяцев назад, и нажала на кнопку вызова.

Когда Томас ответил, она постаралась, чтобы голос ее звучал весело и даже легкомысленно, но притворяться было очень тяжело. В ее груди поселилась тяжесть, которая не желала исчезать.

— Привет, Том. Я только что вынырнула из ледяного небытия. Что делаешь сегодня вечером? Ничего? Прекрасно. Как насчет того, чтобы встретиться?

Талли вдруг почувствовала себя жалкой, осознав, с каким отчаянием она добивается внимания этого мужчины. Но сегодня ночью она не может быть одна. Не может даже ночевать в собственной квартире.

— Встретимся в «Келлз». Скажем, в девять тридцать.

И прежде чем Том успел ответить: «Договорились», Талли нажала «отбой».

33

В две тысячи шестом году «Час подружек» поднялся в рейтингах на еще более высокие строчки. И устойчиво держался там неделю за неделей. Талли творила настоящие чудеса, грамотно подбирая гостей и умело владея вниманием аудитории в студии. Она достигла вершины мастерства и держала все под контролем. Она больше не позволяла себе думать о том, чего нет в ее жизни. Так же, как она поступала в шесть, в десять, а потом в четырнадцать лет. Она собрала все тяжелые воспоминания в коробку и задвинула ее в дальний угол.

И продолжала жить, как делала это всегда, пережив очередное разочарование. Поднимала повыше подбородок, расправляла плечи и ставила перед собой новую цель. В этом году она планировала основать журнал. Возможно, через год он станет любимым для многих женщин. А потом — кто знает?

Талли сидела в своем недавно обновленном офисе в том углу здания, окна которого не выходили на остров Бейнбридж, и разговаривала по телефону с секретаршей.

— Смеешься? Он отменяет шоу за сорок минут до начала съемки? У меня полная студия людей, жаждущих его увидеть. — Она бросила трубку на рычаг и нажала на кнопку селектора. — Пришлите ко мне Теда.

Несколько минут спустя в дверь постучали. Вошел ее продюсер. Щеки его алели, он тяжело дышал.

— Ты хотела меня видеть?

— Джек только что отказался участвовать.

— Только что? — Тед взглянул на часы. — Вот сукин сын! Надеюсь, ты сказала ему, что, когда он выпустит следующую картину, может рекламировать ее по радио.

Талли открыла свой календарь.

— Сейчас первое июня, так ведь? Позвоните в «Нордстром» и «Джин Хуарес Спа». Пусть предложат матерям семейства смену имиджа на летний. Раздайте там шмоток и еще какой-нибудь ерунды. Будет выглядеть по-дурацки, но это лучше, чем ничего.

С того момента, как Тед вышел из ее кабинета, вся съемочная группа начала работать в бешеном темпе. Все пытались привлечь новых гостей, звонили своим контактным лицам в спа-салонах и магазинах, кто-то развлекал собравшихся в студии.

Все, включая Талли, работали со сверхзвуковой скоростью, и запись нового сегмента началась всего на час позже назначенного времени. Судя по аплодисментам аудитории, шоу имело успех.

После эфира Талли, как всегда, задержалась, чтобы пообщаться со своими фанатами. Она позировала для фотографий, раздавала автографы, выслушивала одну за другой истории о том, как изменила чью-то жизнь. Этими минутами Талли особенно дорожила.

Она как раз вернулась к себе в кабинет, когда зазвонил селектор.

— Таллула? Кейт Райан на первой линии.

Сердце Талли словно подскочило в груди, и она тут же рассердилась на себя за вновь проклюнувшуюся надежду.

— Спроси ее, что ей нужно.

После паузы на линии снова раздался голос секретаря:

— Миссис Райан говорит, что вам надо взять трубку и выяснить это самой.

— Скажите ей, чтобы шла на хрен. — Талли тут же захотелось взять эти слова обратно, но она не знала, как исправить ситуацию. Весь долгий период их отчужденности только гнев помогал Талли держаться на плаву, иначе ее одиночество было бы абсолютно невыносимым.

— Миссис Райан говорит, а я буду цитировать: «Скажите этой суке, чтобы подняла свой затянутый в дизайнерские шмотки зад со своего смехотворно дорогущего кожаного кресла и подошла к телефону». А еще она говорит, что, если именно сегодня, именно в этот день вы посмеете ее проигнорировать, она продаст таблоидам фотки, где у вас ужасный перманент.

Талли почти что улыбнулась. И как это несколько слов могут вернуть тебя в прошлое и напомнить одновременно о стольких ошибках?

Она взяла трубку.

— Ты сама сука, и я чертовски на тебя зла.

— Ну конечно, с твоим-то эгоцентризмом. И я не собираюсь извиняться, но это больше не имеет значения.

— Еще как имеет. Ты должна была давно позвонить…

— Я в больнице «Сейкрид Харт», Талли. На четвертом этаже, — сказала Кейт, а потом в трубке раздались длинные гудки.

— Поторопись, — велела Талли водителю уже, наверное, в пятый раз.

Когда машина припарковалась у больницы, Талли выскочила из нее и побежала к стеклянной двери, остановившись лишь на несколько секунд, необходимых, чтобы сработал открывающий дверь сенсор. Как только Талли оказалась внутри, вокруг собралась толпа. Обычно она радовалась общению с фанатами и даже включала его в свой график — отводила по тридцать минут в каждом месте, где появлялась, на знакомства и приветствия. Но сейчас у нее не было времени. Пробравшись сквозь толпу, она направилась к регистратуре.

— Я пришла к Кейтлин Райан.

Регистраторша смотрела на нее с благоговейным ужасом.

— Вы ведь Талли Харт?

— Да, это я. Скажите же, в какой палате находится Кейтлин Райан.

Женщина кивнула:

— Ну да. Сейчас. — Она нажала несколько клавиш на клавиатуре компьютера и сообщила: — Четыре-десять в восточном крыле.

Талли направилась было к лифту, но увидела, что люди двинулись за ней. Ее фанаты явно собирались войти в кабину вместе с ней. Самые смелые попытаются завязать с ней разговор, пока они поднимаются в лифте, а самые наглые выскочат с ней на одном этаже и побегут следом.

Талли решила подняться по лестнице, и уже к третьему пролету похвалила себя за то, что не ленится ходить на аэробику и работать с персональным тренером по фитнесу. И все же, добравшись до четвертого этажа, она тяжело дышала.

Пройдя немного по коридору, Талли очутилась в небольшой комнате ожидания. По телевизору крутили ее шоу — повтор передач двухлетней давности.

Перешагнув порог, Талли сразу поняла, что с Кейт действительно плохо, по-настоящему плохо.

На потертом диванчике сидел Джонни, рядом с которым свернулся калачиком Лукас. Голова мальчика лежала на коленях у отца,

который читал книжку его брату, сидевшему с другой стороны. Мара сидела на стуле рядом с Уильямом и, закрыв глаза, слушала что-то через крошечные наушники. Девочка раскачивалась в такт слышной ей одной музыки. Мальчики, как показалось Талли, здорово подросли, что лишний раз болезненно напомнило Талли о том, как давно они не виделись с Кейт.

Около Мары сидела миссис Муларки, растерянно смотревшая невидящим взглядом на свое вязание. Шон стоял рядом с матерью и разговаривал с кем-то по сотовому. В углу смотрели телевизор Джорджия и Ральф.

Судя по их усталому виду, все они находились здесь уже давно.

Талли потребовались все ее силы, чтобы она смогла сделать шаг вперед и произнести:

— Привет, Джонни!

При звуке ее голоса все подняли глаза, но никто не произнес ни слова. И Талли вспомнила, при каких обстоятельствах все они собирались вместе в последний раз.

— Кейт позвонила мне, — объяснила она.

Джонни высвободился из-под спящего Лукаса и встал. Возникла неловкая пауза, но через несколько секунд он шагнул к Талли и обнял ее. Объятия Джонни были неожиданно крепкими, и Талли поняла: он делает это, чтобы успокоить себя, а не ее. Она прижалась к его груди, стараясь не давать волю охватившему ее страху.

— Расскажи мне обо всем. — Голос Талли звучал напряженно, хотя она и пыталась скрыть свою тревогу.

Джонни кивнул.

— Пойдем в комнату для членов семьи.

Марджи медленно поднялась со своего места.

Талли была поражена тем, как она состарилась. Марджи выглядела хрупкой и сгорбленной, она перестала красить волосы, и теперь они были снежно-белыми.

— Кейти позвонила тебе? — переспросила Марджи.

— И я сразу приехала, — торопливо ответила Талли, как будто скорость имела значение теперь, после стольких месяцев.

Миссис Муларки покачала головой, словно не поверив услышанному, и вдруг обняла Талли, погрузив ее в мир такого

знакомого аромата духов «Жан Нате», смешанного с запахом ментоловых сигарет.

— Пойдем, — сказал Джонни и повел Талли в соседнюю комнату, где был небольшой стол и восемь пластиковых стульев.

Джонни и миссис Муларки сели.

Талли осталась стоять. Минуту никто не произносил ни слова, и каждая секунда этого молчания делалась все более невыносимой.

— Расскажите мне обо всем, — прервала молчание Талли.

— У Кейт рак, — сказал Джонни. — Рак груди.

Талли сосредоточилась на дыхании, чтобы усмирить панику, и сказала:

— Ей сделают операцию, проведут курс облучения и химиотерапии, да? У меня есть несколько подруг, которые побороли…

— Все это с Кейт уже проделали, — тихо сказал Джонни.

— Что? Когда?

— Она звонила тебе несколько месяцев назад, — сказал Джонни, и в голосе его вдруг появилось выражение, которого Талли никогда не слышала раньше. — Она хотела, чтобы ты поехала с ней в больницу. Но ты не перезвонила.

Талли помнила сообщение Кейт. Слово в слово. «Поверить не могу, что ты так и не позвонила извиниться передо мной… Талли! Ты слышишь, Талли?» И щелчок конца записи. Неужели что-то случилось с остальной частью сообщения? Может, как раз в этот момент отключили электричество? Или закончилась пленка?

— Но она ничего не сказала о том, что больна, — растерянно произнесла Талли.

— Она тебе звонила, — с ударением на последнем слове произнесла Марджи.

Талли почувствовала, как ее с головой накрывает чувство вины. Она должна была почувствовать, что что-то не в порядке. Почему она просто не подняла трубку? А теперь столько времени потеряно.

— О боже, мне надо было…

— Все это не имеет теперь никакого значения, — сказала Марджи.

Джонни кивнул и продолжил:

— Рак дал метастазы. Вчера вечером у нее случился микроинсульт. Кейти сразу забрали на операцию, во время которой

врачи поняли, что уже ничем не могут ей помочь… — Голос Джонни дрогнул.

Миссис Муларки схватила руку зятя.

— У нее поражен мозг.

Талли думала, что знает, что такое страх, — например, такой, какой она испытала в десять лет на улицах Сиэтла, когда мать забыла ее в толпе, или когда у Кейти был выкидыш, или когда Джонни пострадал в Ираке, — но все это было несравнимо с тем, что испытывала она сейчас.

— Ты хочешь сказать…

— Ей осталось надолго, — тихо произнесла страшные слова Марджи.

Талли покачала головой, не в силах осознать услышанное до конца.

— Г… где… она. — Вопрос показался ей самой глупым и беспомощным. — Я должна ее увидеть.

Джонни и миссис Муларки обменялись взглядами.

— Что? — не понимала Талли.

— Они разрешают входить к Кейт только кому-то одному, — сказала Марджи. — Там сейчас Бад. Пойду позову его.

Как только Марджи вышла, Джонни наклонился к Талли:

— Она очень слаба. У нее бывают моменты просветления, но чаще… Правда, может, как говорят врачи, наступить короткая ремиссия, но сейчас…

— Что ты хочешь сказать?

— Она может тебя не узнать.

Путь до палаты Кейт показался Талли долгой мучительной дорогой. Вокруг нее были люди, но никогда еще она не чувствовала себя такой потерянной и несчастной. Джонни проводил ее до двери палаты и остановился.

Талли кивнула ему, собралась с силами и зашла внутрь.

Закрыв за собой дверь, она попыталась улыбнуться. Нашла, как ей показалось, в своем арсенале улыбку, подходящую к случаю, и сделала шаг в сторону кровати, на которой лежала ее подруга.

Изголовье кровати было поднято, так что Кейт оказалась почти в сидячем положении. На фоне накрахмаленных белых простыней и

высоко взбитых подушек она выглядела как сломанная кукла. У Кейт не было больше ни бровей, ни волос, ее круглая голова была похожа на бледный овал, едва заметный на подушке. Глаза ее были закрыты.

— Кейт? — позвала Талли, сделав шаг вперед.

И тут же поморщилась, услышав свой собственный голос. Он казался в этой комнате слишком громким, слишком живым.

Кейт открыла глаза, и Талли снова увидела женщину, которую знала всю жизнь, и девочку, которой поклялась в вечной дружбе.

«Отпусти руль, Кейт. Это все равно как летать».

Как же случилось, что после стольких лет верной дружбы они отстранились друг от друга?!

— Прости меня, Кейти, — прошептала Талли, чувствуя, как мало значат сейчас эти слова, которых она избегала всю жизнь, прятала в своем сердце, словно, выпустив их наружу, могла навредить себе. Почему из всех уроков, которые она должна была вынести из истории своей матери, Талли запал в душу именно этот. И почему она не перезвонила, когда услышала на автоответчике голос Кейти? — Прости меня, — снова произнесла Талли, чувствуя, как глаза застилают слезы.

Кейт никак не дала понять, что слышит ее, на ее лице не отразились ни удивление, ни радость. Извинения — пусть и запоздалые — не возымели действия.

— Пожалуйста, скажи, что помнишь меня.

Но Кейт только смотрела на нее бессмысленным взглядом.

Талли, нагнувшись, коснулась щеки Кейт.

— Это Талли. Та самая сучка, которая была твоей лучшей подругой. Я прошу прощения за то, что я сделала, Кейти. Мне давно надо было сказать это.

Талли сдавленно всхлипнула. Если Кейт не вспомнит ее, не простит, не вспомнит их дружбу, она не знает, как это пережить.

— А я вот помню, как впервые встретила тебя, Кейти Муларки-Райан. Ты была первым человеком на свете, которому захотелось узнать меня по-настоящему. А я сначала повела себя с тобой как настоящая дрянь. Но потом, когда меня изнасиловали, именно ты протянула мне руку помощи, — воспоминания захватили Талли. Она смахнула слезы торопливым жестом и продолжала: — Ты ведь думаешь, что я говорю только о себе, да? Так ты обычно говоришь. Но

я и тебя помню, Кейти. Каждую секундочку. Например, как ты читала «Историю любви» и не могла понять, что значит «с…кин ты сын», потому что такого слова не было в словаре, или когда ты поклялась, что никогда не согласишься на французский поцелуй, потому что это отвратительно. — Талли покачала головой, стараясь собрать воспоминания воедино. Вся ее жизнь была сейчас вместе с ней в этой комнате. — Мы были так молоды, Кейти, но мы уже не молоды теперь. Помнишь, как мне пришлось первый раз уехать из Снохомиша, и мы потом написали друг другу десятки писем? И мы подписывали их «Лучшая подруга» или «Лучшие подруги навсегда». А помнишь…

Талли говорила и говорила, вспоминая историю их дружбы. Иногда она даже смеялась. Например, когда рассказывала, как они ездили на велосипедах без рук с Саммер-Хилл или как убегали от копов в тот день, когда их застукали на вечеринке.

— А еще помнишь, как мы пошли в кино на «Дракона Пита», потому что думали, что это боевик, а это оказался мультик. Мы были самыми старшими в зале и вышли оттуда, распевая: «Ты и я против целого света». А потом поклялись друг другу, что так будет всегда… Стоп!

Талли вздрогнула и посмотрела на Кейт. На глазах ее подруги были слезы. Они стекали по щекам и по вискам на подушку.

— Талли, — едва слышно произнесла Кейт. — Неужели ты думаешь, что я могу тебя забыть?

Талли захлестнула волна облегчения. Она судорожно всхлипнула и наклонилась к Кейт.

— Привет! — сказала она. — Тебе не обязательно было заходить так далеко, чтобы привлечь мое внимание. — Она погладила Кейт по безволосой голове, ощутив под пальцами гладкую, как у младенца, кожу. — Достаточно было просто позвонить.

— Я звонила.

Талли поморщилась.

— Мне так жаль, Кейт. Я…

— Ты и вправду дрянь… — Кейт с трудом улыбнулась. — И я всегда это знала. Но я тоже могла позвонить тебе еще раз, если на то пошло. Думаю, ни одна дружба длиной в тридцать с лишним лет не бывает без разбитых сердец.

— Я — дрянь, — кивнула Талли, чувствуя, как глаза ее снова заволакивают слезы. — Это мне надо было давно позвонить. Просто я… — Талли не знала, что сказать дальше, как описать кровоточащую рану, которая осталась в ней после их разрыва.

— Давай не оглядываться назад, хорошо?

— Тогда нам остается только смотреть вперед, — произнесла Талли, стараясь, чтобы каждое ее слово звучало убедительно.

— Нет, — тихо ответила Кейт. — Нам остается только сейчас.

— Я делала передачу о раке груди несколько месяцев назад. В Онтарио есть доктор, который творит чудеса. Я позвоню ему.

— Я закончила с лечением. Мне провели все процедуры, которые только бывают. И ни одна из них не помогла. Просто… побудь со мной.

Талли сделала шаг назад.

— Ты что думаешь, я примчалась к тебе, чтобы смотреть, как ты умираешь? Ты это хочешь сказать? Но я отвечаю: нет, я не собираюсь этого делать!

Кейт едва заметно улыбнулась:

— Но это — все, что нам осталось, Талли.

— Но…

— Неужели ты действительно думаешь, что Джонни сдался бы? Ты ведь хорошо знаешь моего мужа. Он такой же, как ты, и мы почти так же богаты. За шесть месяцев меня смотрели лучшие специалисты. Я перепробовала все традиционные, нетрадиционные средства и даже народную медицину, я посетила даже шамана из экваториальных джунглей. У меня дети, и ради них я сделала все, чтобы поправиться. Но ничего не помогло.

— И что же делать мне?

Улыбка Кейт стала вдруг почти такой же, как прежде.

— Вот теперь узнаю свою Тал. Я умираю от рака, а ты спрашиваешь, что делать тебе.

— Я серьезно…

— Я тоже не знаю, что делают в таких случаях.

Талли вытерла глаза. Наконец до нее дошли вся правда и весь ужас реальности.

— Мы сделаем это как все, что делали в этой жизни, Кейти. Вместе. Бок о бок.

Талли вышла из палаты Кейт потрясенная. У нее вырвался сдавленный всхлип, и она поспешила закрыть ладонью рот.

— Не держи это в себе, — сказала, обнимая ее, Марджи.

— Но я не могу дать этому выход.

— Я знаю. — Голос матери Кейт дрогнул. — Просто люби ее, будь рядом. Это все, что нам осталось. Я плакала, обращалась к Богу, просила его, молила докторов дать нам хоть какую-то надежду. Но теперь все это позади. Кейт больше всего беспокоится за детей, особенно за Мару. У них был тяжелый период в отношениях — ну, ты знаешь, — и Мара будто закрылась от всего происходящего. Никаких слез, никаких вопросов. Все, что она делает, это слушает музыку.

Они вернулись в комнату ожидания и обнаружили, что там пусто.

Марджи взглянула на часы.

— Не хочешь пройти с нами в кафетерий?

— Нет, спасибо. Мне хочется на воздух.

Марджи кивнула.

— Я рада, что ты снова с нами, Талли, я по тебе скучала.

— Мне надо было сразу последовать вашему совету и позвонить Кейт.

— Теперь ты здесь. И это главное. — Она похлопала Талли по руке и ушла.

Талли вышла на улицу, с удивлением обнаружив, что там светло, тепло и солнечно. Казалось, было что-то неправильное в этом, что солнце по-прежнему светит, в то время как Кейт лежит на больничной койке и умирает. Талли направилась вниз по улице, пряча заплаканные глаза за огромными солнцезащитными очками, чтобы никто не смог ее узнать. Меньше всего ей сейчас хотелось, чтобы ее остановили.

Проходя мимо кофейни, она услышала доносившуюся из помещения музыку. Всего на несколько секунд, пока кто-то выходил наружу, открылась дверь кофейни и полились звуки: «Прощай, мисс Американский пирог».

Ноги у Талли подкосились, и она упала на тротуар, больно ударившись и разбив в кровь колени. Но она словно и не замечала ничего вокруг, всю ее сотрясали отчаянные рыдания. Никогда еще Талли не переполняло одновременно столько эмоций. Она ведь умела,

умела, как никто другой, держать их под контролем. Но сейчас они буквально набросились на нее: страх, горе, чувство вины, отчаяние.

— Ну почему я не позвонила ей? — шептала она. — Прости меня, Кейти, — произнесла Талли вслух. Ну почему она произнесла эти слова только сейчас, когда они уже не имели смысла и ничего не могли изменить?!

Она не знала, как долго она простояла рядом с кофейней с опущенной головой, рыдая и вспоминая счастливые моменты, проведенные со своей лучшей подругой. Она была на неблагополучной половине Капитолийского холма, где бродят бездомные и никому ни до кого нет дела, так что никто не остановился, чтобы помочь ей. Наконец, совершенно вымотанная, с трясущимися руками и ногами, Талли поднялась на ноги, чувствуя себя так, словно ее избили. Музыка перенесла ее назад во времени, напомнила сразу о стольких моментах, пережитых вместе. «Поклянись, что мы всегда будем лучшими подругами».

— О, Кейти…

И слезы снова полились из ее глаз.

Она шла, не разбирая дороги, по улицам, пока вдруг в одной витрине что-то привлекло ее взгляд.

В этом магазине Талли нашла то, о чем даже не подозревала. Попросив, чтобы подарок завернули как следует, она поспешила вернуться в палату Кейт.

Запыхавшись, Талли распахнула дверь и вошла в палату.

Кейт повернула голову — она не спала.

— Дай угадаю: ты привела с собой съемочную группу, — с усилием проговорила она.

— Очень смешно. — Талли подошла к кровати. — Твоя мама сказала, что у тебя по-прежнему проблемы с Марой?

— Это не твоя вина. Она напугана происходящим и не знает, как это просто — подойти и извиниться.

— Я тоже не знала.

— Ты всегда была для нее ролевой моделью. — Кейт закрыла глаза. — Я устала, Талли.

— У меня есть для тебя подарок.

Глаза Кейт открылись.

— То, что мне нужно, нельзя купить.

Талли ничего не сказала. Она протянула Кейт завернутый в оберточную бумагу предмет и помогла снять обложку.

Внутри лежал изящный альбом для записей. На первой странице Талли написала: «История Кейт».

Кейт долго смотрела на следовавшую за ней пустую страницу, не говоря ни слова.

— Кейти?

— Из меня бы не получился писатель, — сказала она. — Ты, и Джонни, и мама хотели, чтобы это было так, но я ничего толком и не сделала. А теперь уже поздно.

Талли погладила запястье подруги, удивившись тому, каким хрупким и тонким оно стало. Казалось, что малейшее прикосновение оставит на коже Кейт синяк.

— Ради Мары, — тихо произнесла она. — И ради мальчиков. Они вырастут и прочтут.

— Но что я могу написать?

На это у Талли не было ответа.

— Просто пиши обо всем, что вспомнишь.

Кейт закрыла глаза с таким видом, словно сама мысль обо всем этом казалась ей непереносимой.

— Спасибо, Талли.

— Я больше не оставлю тебя, Кейти.

Кейт не открыла глаза, но на губах ее мелькнула улыбка.

— Я знаю.

Кейт не помнила, как заснула. Минуту назад она говорила с Талли, а в следующую минуту проснулась в темной комнате, где пахло цветами и дезинфекцией.

Она так много времени провела в этой комнате, что уже чувствовала себя здесь почти как дома, а иногда, когда надежда в глазах членов ее семьи становилась для Кейт просто невыносимой, ее утешала царившая в этих бежевых стенах тишина. Когда она оставалась здесь одна, ей не было нужды притворяться сильнее, чем она есть.

Но сейчас ей не хотелось находиться здесь. Ей хотелось оказаться дома, в собственной постели, в объятиях любимого мужа. А сейчас

Джонни спал здесь же, на больничной койке у противоположной стены.

Или быть вместе с Талли на берегу реки Пилчук и обсуждать последний альбом Дэвида Кэссиди и поедать из пакета кукурузные хлопья.

Воспоминания вызвали на ее губах улыбку и каким-то непостижимым образом уменьшили страх, с которым она проснулась.

Кейт знала, что больше не сможет заснуть без лекарства, но ей не хотелось будить ночную медсестру. Кроме того, жить ей оставалось так недолго, так зачем же тратить время на сон?

Такие мысли начали посещать Кейт всего несколько недель назад. До этого, с того момента, как ей поставили диагноз, она делала все, что было необходимо, причем старалась делать это с улыбкой, предназначенной для окружающих ее людей.

Операция? — «Да, конечно, режьте меня и заберите мои груди».

Облучение? — «Разумеется. Облучайте меня».

Химиотерапия? — «Еще порцию яда, пожалуйста».

Тофу и мисо-суп? «Очень вкусно. Можно добавки?»

Кристаллы. Медитация. Визуализация. Китайские травы.

Она прошла через все, стараясь оставаться мужественной. И, что гораздо важнее, она действительно верила во все это. Верила, что сможет вылечиться.

Усилия истощили ее, а вера — вера ее сломала.

Кейт тяжело вздохнула и потерла глаза. Наклонившись, зажгла лампу на прикроватной тумбочке. Джонни, уже привыкший к беспорядочному расписанию ее пробуждений, приподнялся и сонно пробормотал:

— С тобой все в порядке, малышка?

— Все в порядке. Спи, Джонни.

Пробормотав что-то неразборчиво, Джонни снова опустился на подушку, и спустя всего несколько секунд Кейт услышала его тихое похрапывание.

Кейт протянула руку и взяла альбом, который принесла Талли. Провела пальцем по гравировке на обложке и листам с золотым обрезом.

Это будет больно. Несомненно, это будет больно — взять ручку и попытаться описать собственную жизнь. Для этого придется

вспомнить все: кем она была, кем хотела стать. Воспоминания будут болезненными. Причем сейчас и плохое, и хорошее одинаково способны ее ранить.

Зато ее дети смогут потом не только вспомнить эти тяжелые дни ее болезни, но и разглядеть за болезнью ее, женщину, которую они всегда будут помнить, но которую у них не было времени как следует узнать.

Талли была права. Единственный подарок, который Кейт может сделать сейчас своим родным, — это рассказать им правду о том, кто она.

Кейти раскрыла альбом. И поскольку она так и не придумала, с чего начать, она просто начала писать:

«Паника всегда начинается у меня одинаково. Сначала возникает чувство, будто все внутренности завязали в узел, потом наступает тошнота, потом мне начинает не хватать воздуха. И сколько ни делай глубоких вдохов, это не помогает. А вот причины моего страха каждый раз разные, и я никогда не знаю заранее, что способно вызвать у меня все эти неприятные ощущения. Это может быть поцелуй моего мужа. Или выражение грусти в его глазах, когда он отстраняется. Иногда я понимаю, что он уже оплакивает меня, скучает по мне, хотя я еще здесь. Но хуже всего то, как моя дочь молчаливо принимает все, что я говорю. Я бы отдала сейчас все на свете за одну из наших прежних бешеных ссор. Это одна из главных вещей, о которых я хочу сейчас рассказать тебе, Мара. Те ссоры были из реальной жизни. Ты боролась за то, чтобы освободиться от необходимости быть моей дочерью, но еще не знала, как быть собой, в то время как я боялась тебя отпустить. Таков цикл любви. И мне очень жаль, что я тогда не догадалась об этом. Твоя бабушка говорила мне, что я пойму, что ты сожалеешь обо всем этом, еще раньше, чем это поймешь ты сама. И она была права. Я знаю, что ты уже жалеешь о некоторых вещах, которые ты мне говорила, и я тоже жалею о некоторых своих словах. Теперь все это уже не имеет значения, и все же я хочу, чтобы ты знала. Я люблю тебя и знаю, что ты любишь меня.

Но это снова всего лишь слова, не так ли? А я хочу пойти дальше. Поэтому, если ты сможешь это перенести (все-таки я ничего не писала уже несколько лет), я хочу рассказать тебе историю. Это моя история и твоя тоже. А началась она в тысяча девятьсот шестидесятом году в

небольшом фермерском городке на севере от Сиэтла. В обшитом досками деревянном доме на холме над конским пастбищем. Но самая хорошая часть истории начинается в семьдесят четвертом году, когда в доме напротив поселилась самая классная девочка на свете…».

34

Сидя в кресле перед гримером, Талли смотрела на свое отражение в зеркале. Впервые за много лет она обратила внимание на то, какими огромными были гримерные зеркала. Неудивительно, что знаменитостям было так легко потеряться в собственном отражении.

— Мне не нужен грим, Чарльз, — вдруг сказала Талли и встала с кресла.

Гример смотрел на нее с открытым ртом.

— Ты что, шутишь? У тебя же в три часа эфир.

— Пусть видят меня такой, какая я есть.

Талли шла в студию по своему маленькому королевству, отмечая, как снуют вокруг ее сотрудники, стараясь подготовить все так, чтобы эфир прошел идеально, а сегодня им потребуется для этого все их умение, потому что она обзвонила свою команду только вчера в три часа дня, чтобы сказать, что меняет тему шоу в прямом эфире. Она знала, что некоторые ее продюсеры и ассистенты, отбирающие участников для шоу, работали до глубокой ночи, чтобы внести необходимые изменения. Сама Талли не спала до двух часов ночи, собирая нужную информацию. Она отправила факсы и имейлы десяткам ведущих онкологов мира. Она часами сидела на телефоне, подробно излагая им информацию о случае Кейти, которую ей удалось добыть. Но все специалисты говорили одно и то же.

Что ничего нельзя поделать. Ни ее слава, ни успех, ни деньги не могут помочь. Впервые за много лет она чувствовала себя самой обычной женщиной. Бессильной и беспомощной.

Но впервые она собиралась сказать с экрана что-то по-настоящему важное.

Началась музыкальная заставка, и Талли вышла на сцену.

— Добро пожаловать в «Час подружек», — как всегда, произнесла Талли, но тут что-то пошло не так, и она вдруг умолкла. Талли смотрела на свою аудиторию и видела чужие лица. Это был странный и тревожный момент. Большую часть своей жизни Талли искала одобрения людей — таких, какие собрались сегодня в студии. И их единодушная поддержка всегда подбадривала ее.

Сейчас они заметили, что что-то не так, и словно застыли.

Талли села на край сцены.

— Вы все думаете сейчас о том, как я сегодня выгляжу. Да, на самом деле я костлявее и старше. И вовсе не такая хорошенькая, как вам всегда казалось.

Раздались нервные смешки.

— Просто сегодня на мне нет никакой косметики.

В зале раздались аплодисменты.

— Нет, я не напрашиваюсь на комплименты. Просто я очень устала. — Талли огляделась вокруг. — Вы все долгое время были моими друзьями. Вы пишете мне письма, имейлы, приходите на встречи со мной, если их устраивают в городе, где вы живете. И я всегда ценила это. А теперь я предлагаю вам посмотреть на меня настоящую. Возможно, вы помните шоу, которое было несколько лет назад, когда на мою лучшую подругу Кейт Райан напали на этой сцене? Это я тогда напала на нее.

В зале раздался ропот. Некоторые отрицательно качали головами, другие вспомнили то давнее шоу.

— Так вот, у моей подруги рак груди.

Послышались возгласы сочувствия.

— Это очень редкий вид рака, который начинается не с уплотнения или узелка, а с участка кожи, утратившего свой естественный цвет. Семейный доктор Кейти решил, что это укус насекомого, и прописал ей антибиотики. К сожалению, такое случается со многими женщинами, особенно молодыми. Этот рак может быть агрессивным и быстро ведет к смерти. К тому времени, как Кейт поставили правильный диагноз, было уже слишком поздно.

Аудитория не издавала ни звука.

Талли смотрела на собравшихся сквозь застилавшие глаза слезы.

— У нас в студии доктор Хилари Карлтон, с которой мы поговорим об одном из видов рака груди. Она научит вас отличать его симптомы: приливы, локализованное ощущение жжения, участки кожи, утратившие свой естественный цвет, вогнутые соски, — вот лишь некоторые из них. Доктор привела свою пациентку — Мэрил Комбер из Демойна, штат Айова, которая заметила небольшое чешуйчатое пятнышко возле левого соска…

Передача шла своим чередом и, как всегда, держалась на внимании к Талли. Она задавала вопросы гостям, показывала фотографии и напоминала своей миллионной аудитории о том, что необходимо не только ежегодно проходить маммографию, но и наблюдать за любыми изменениями груди. В конце эфира вместо обычного: «Мы встретимся с вами завтра» — Талли посмотрела в камеру и произнесла:

— Кейти, ты — лучшая подруга, о которой можно мечтать, и лучшая мать из всех, кого я знаю. Кроме миссис Муларки, которая тоже отличная мать. — Последовала напряженная пауза, а затем Талли сказала: — Это — мое последнее шоу перед длительным перерывом. Я беру отпуск, чтобы быть рядом со своей подругой Кейти Райан. Думаю, каждый на моем месте поступил бы так же.

Талли слышала удивленные вскрики, последовавшие за ее заявлением, только на тот раз звук шел из-за сцены.

— Это шоу, в конце концов, не больше и не меньше, чем оно есть, — просто шоу. Реальная жизнь протекает в кругу друзей и членов семьи. Как сказал мне однажды очень старый друг, у меня все-таки есть семья. И сейчас я нужна своим близким.

Талли отстегнула микрофон, положила его на пол и ушла со сцены.

Талли убедила Джонни остаться ночевать дома, вместе с детьми, а сама заняла его место на второй кровати в палате. Она подвинула кровать вплотную к кровати Кейт.

— Я принесла тебе запись моего последнего шоу.

— Ты думаешь, это именно то, что захочет посмотреть умирающая женщина?

— Сначала посмотри.

Талли вставила пленку в магнитофон и нажала на кнопку воспроизведения, а затем забралась в кровать. И, как подружки-восьмиклассницы после вечеринки с ночевкой, они принялись смотреть запись шоу.

Когда запись закончилась. Кейт сказала:

— Я вижу, ты по-прежнему используешь меня, чтобы поднять свой рейтинг.

— А я хочу, чтобы ты знала, что это было очень остро и сильно. И еще — очень важно.

— Ты думаешь так обо всем, что делаешь.

— Вовсе нет.

— Отличная отговорка.

— Просто ты не способна отличить качественное телевидение, даже если оно укусит тебя в зад.

Кейт улыбнулась, но улыбка была почти невидимой на ее худом и бледном лице. Как ни странно, без волос с запавшими глазами Кейт выглядела совсем юной и хрупкой.

— Ты устала? — встревоженно спросила Талли, садясь на кровати. — Может, тебе пора спать?

— Я заметила, что ты извинилась передо мной в эфире. Своим фирменным способом. Я имею в виду — не признав, что ты вела себя как последняя стерва, и не сказав слов извинения. Ты лишь дала понять, что тебе жаль.

— Ну, ты сейчас на морфинах. Тебе даже может показаться, что я летала.

Кейт попыталась засмеяться, но закашлялась.

Талли села на кровати.

— Ты в порядке?

— Вряд ли. — Кейт нащупала на тумбочке у кровати пластиковый стаканчик. Талли помогла ей, направив торчащую из стаканчика пластиковую трубочку ей в рот. — Кейт сделала несколько глотков и сказала: — Знаешь, а я начала писать в альбоме.

— Это здорово.

— Хочу, чтобы ты помогла мне кое-что вспомнить, — сказала Кейт, ставя стаканчик на место. — Столько всего в моей жизни произошло на твоих глазах.

— Кажется, что вся жизнь. Боже, Кейти, какими же мы были еще маленькими, когда встретились.

— Мы и сейчас дети, — тихо произнесла Кейт.

Талли услышала в голосе подруги такую же грусть, которую ощущала в эту минуту она сама.

Последнее, о чем ей хотелось сейчас думать, это о том, как они еще молоды. Они годами подначивали друг друга, утверждая, как быстро стареют.

— И сколько ты уже написала?

— Около десяти страниц. — Когда Талли ничего не ответила, Кейт спросила: — Ты ведь не станешь требовать, чтобы я дала тебе почитать?

— Я не собираюсь вмешиваться.

— Не делай этого, Талли, — сказала Кейт.

— Чего именно?

— Не обращайся со мной так, будто я умираю. Я хочу, чтобы ты была собой. Только так и я смогу вспомнить, какая я на самом деле. Договорились?

— Хорошо, — серьезно ответила Талли. — Договорились.

Ей пришлось изобразить на лице улыбку. Что ж, без некоторой порции лжи в предстоящие дни им не обойтись.

— Как же ты можешь без меня обойтись! Я ведь была свидетелем всех важных событий твоей жизни. И у меня фотографическая память. Это дар! Так же, как умение накладывать косметику и делать «перья» в волосах.

Кейт рассмеялась:

— Вот теперь узнаю свою Талли.

Несмотря на то что Кейт принимала обезболивающие, дозировку которых можно было регулировать самостоятельно, покинуть больницу было довольно смелым решением. Прежде всего, дома было слишком много народу: ее родители, ее дети, ее муж, тетя и дядя, брат и Талли. К тому же Кейт пришлось вынести большие нагрузки: из кровати перебраться в инвалидное кресло, из кресла в машину, потом оказаться на руках у Джонни.

Он пронес ее через их уютный дом на острове, где пахло ароматическими свечами и едой. Именно такой запах стоял здесь все эти годы. Кейти могла определить по запаху, что вчера ее муж готовил спагетти. Значит, завтра наступит очередь такос. Два его любимых рецепта. Кейт прижалась щекой к его мягкому свитеру.

«А что он будет им готовить, когда меня не станет?»

От этих мыслей у Кейт закружилась голова. Да, пребывание дома будет наводить ее время от времени на такие вот печальные мысли, так же, как и общение с семьей. Странное дело, но сейчас Кейти казалось, что ей проще было бы провести свои последние дни в больнице, без

напоминаний о прошлых счастливых днях, которые окружали ее в доме.

Но что проще, сейчас не имело значения. Гораздо важнее было время, проведенное с близкими.

Сейчас все они были в доме, и каждый, как солдат, выполнял свое задание. Мара повела мальчиков в их комнату и усадила смотреть телевизор. Мама готовила жаркое, папа, наверное, косил лужайку. Оставались Джонни, Талли и Кейт, которые медленно двигались в сторону комнаты для гостей, переоборудованной к ее возвращению домой.

— Врачи сказали, что тебе будет удобнее на больничной койке, — сообщил Джонни. — Я купил себе такую же, видишь? Будем как близнецы — в одинаковых кроватях.

— Ну конечно. — Кейт не подала виду, что догадалась: скоро ей будет трудно сидеть, и тогда больничная кровать с поднимающимся изголовьем должна помочь. Но голос Кейт вдруг предательски дрогнул: — Т… ты… перекрасил…

Последний раз, когда она видела эту комнату, стены были красными с белой окантовкой, здесь стояла красная и синяя мебель, и это была самая обычная комната в пляжном стиле с подкрашенными антикварными элементами и ракушками в стеклянных стаканах. Теперь комната была салатовой, с розовой отделкой. И повсюду были семейные фото в белых фарфоровых рамках.

— Если честно, это сделала я, — произнесла Талли.

— Это имело какое-то отношение к шакрам, — сказал Джонни.

— К чакрам, — поправила его Талли. — Я как-то делала передачу на эту тему и решила, что это будет кстати.

Джонни донес Кейт до кровати и устроил ее поудобнее.

— Тут в ванной все для тебя приготовлено. Установили все, что надо, — поручни, сиденье в душе и все, что порекомендовали в больнице. Медсестра из хосписа придет к…

Она не заметила, как закрыла глаза, как задремала. Откуда-то издалека до нее доносилась знакомая мелодия «Сладкие грезы» и раздавались голоса. Потом она почувствовала, как Джонни целует ее, говорит, что она красивая и что-то еще про отпуска, которые им предстоит провести вместе.

Вздрогнув, Кейт проснулась в темноте. Она умудрилась проспать остаток светлого времени суток. Рядом с ней горела эвкалиптовая ароматическая свечка. Темнота на секунду успокоила Кейт, заставила подумать, что она одна в комнате.

Но это было не так. В углу кто-то зашевелился.

Кейт нажала кнопку на кровати и поднялась в сидячее положение.

— Привет! — сказала она.

— Привет, мам!

Глаза привыкли к темноте, и Кейт разглядела свою дочь, сидящую в кресле в углу комнаты. Хотя Мара выглядела усталой, она была такой красивой, что у Кейт защемило в груди. Вернувшись домой, она видела все и всех с удивительной четкостью даже в темноте. И, глядя на свою успевшую вырасти дочь с забранными наверх и заколотыми детскими заколками буйными черными волосами, она видела весь цикл ее жизни — ребенка, которым была Мара, и женщину, которой она станет.

— Привет, малышка. — Кейт потянулась, чтобы зажечь стоящую у кровати лампу. — Хотя ты ведь уже больше не моя малышка, не так ли?

Мара встала и шагнула вперед, сложив на груди руки. Несмотря на всю ее уже не детскую красоту, в глазах дочери Кейт увидела абсолютно детский страх.

Кейт пыталась сообразить, что ей следует сейчас сказать. Она понимала, что Маре хочется, чтобы все было как прежде. Но так уже никогда не будет. И с этого момента слова, которые они скажут друг другу, навсегда запомнятся. Таков непреклонный закон жизни. И смерти.

— Я вела себя с тобой подло, — негромко сказала Мара.

Кейт ждала этого момента много лет. Она мечтала о нем в те дни, когда они с Марой находились в состоянии войны; но теперь Кейти смотрела на все это с расстояния и понимала, что те их ссоры были частью самой обычной жизни — девочка, стремящаяся поскорее вырасти, и мать, пытающаяся замедлить этот процесс. Она все отдала бы за еще одну ссору, ведь это означало бы, что у них еще есть время все исправить.

— Ну, я тоже вела себя когда-то с бабушкой не лучшим образом. Так уж устроены девочки-подростки: они нападают на своих матерей.

А твоя крестная Талли вела себя так со всеми.

Мара издала звук, напоминавший одновременно фырканье и смешок, в котором слышалось облегчение.

— Я не скажу тете Талли, что ты так о ней говоришь.

— Поверь мне, дорогая, это не было бы для нее сюрпризом. И я хочу, чтобы ты знала кое-что: я горжусь тобой — тем, что ты настоящая личность, и твой дух не сломить так просто. Это поможет тебе многого добиться в жизни. — Кейт увидела, как при этих словах глаза ее дочери наполнились слезами. Мара зарылась в ее колени, накрытые одеялом, а Кейт осторожно, собрав последние силы, гладила свою плачущую дочь по голове.

Кейт могла бы сидеть вот так вечно, так приятно было ей обнимать свою дочь. Несколько лет такое проявление чувств Мары выражало бы в лучшем случае снисходительное терпение или благодарность за то, что ей разрешили поступить по-своему. Но это было настоящим.

Когда Мара отстранилась, по щекам ее продолжали катиться слезы.

— Помнишь, как ты танцевала со мной?

— Когда ты была совсем маленькой, я подхватывала тебя на руки и кружила, пока ты не начинала смеяться. Однажды я делала это так долго, что тебя стошнило прямо на меня.

— Нам не надо было прекращать это, — сказала Мара. — Мне не надо было.

— Хватит об этом, — прервала ее Кейт. — Лучше сядь ко мне поближе.

Мара забралась в кровать к матери и подтянула колени к подбородку.

— Как там Джеймс? — поинтересовалась Кейти.

— Я теперь влюблена в Тайлера.

— А он хороший парень?

Мара рассмеялась:

— Он — суперклевый. Он пригласил меня на выпускной своего класса. Можно, я пойду?

— Конечно, можно. Но домой надо будет вернуться к определенному часу.

Мара вздохнула. Все-таки некоторые привычки заложены в ДНК подростков, и вздох разочарования в таком случае не способно отменить ничто — даже смертельная болезнь родителей.

— Хорошо.

Кейт гладила дочь по волосам, понимая, что должна сказать ей что-то важное, что-то, что она обязательно запомнит, но так и не нашла нужных слов.

— Ты уже подала заявку на летнюю работу в театре?

— Я не собираюсь работать этим летом. Я буду дома.

— Ты не можешь поставить свою жизнь в режим ожидания, дорогая, — с грустью произнесла Кейт. — Это не сработает. И ты говорила, что работа в театре поможет тебе в будущем поступить в университет Калифорнии.

Мара пожала плечами и отвернулась.

— Я решила поступать в Вашингтонский университет. Как вы с тетей Талли.

Кейт старалась изо всех сил, чтобы голос ее не дрожал, напоминала себе, что у них обычный разговор матери с дочерью, а не попытка заглянуть в туманное будущее.

— Но актерский факультет в Калифорнии самый лучший.

— Ты ведь не захочешь, чтобы я уезжала так далеко.

Это было правдой. Кейт буквально выходила из себя, пытаясь объяснить своей дерзкой дочери, что Калифорния слишком далеко от дома и актерство — не самая лучшая профессия.

— Я не хочу говорить сейчас о колледже, — заявила Мара.

И Кейт не стала настаивать, и они заговорили о другом.

— Мне дали главную роль в летней пьесе, — сказала Мара. — Я не хотела даже пробоваться, потому что ты болеешь, но папа сказал, что я не должна отказываться.

— И я рада, что ты это сделала. Ты наверняка сыграешь потрясающе.

Мара с оживлением стала рассказывать о пьесе, костюмах и своей роли.

— Жду не дождусь, когда ты сама все увидишь. — Глаза девочки вдруг испуганно расширились, когда она поняла, какого ужасного вопроса неожиданно коснулась. Мара встала в ногах кровати, и было

видно, что ей хочется только одного: снова сменить тему. — Прости, мам.

— Все в порядке. Я буду очень стараться, чтобы увидеть тебя в этой роли.

Мара серьезно смотрела на мать. Они обе знали, что это обещание может остаться невыполненным.

— Помнишь, когда я была еще в средней школе и Эшли вдруг перестала дружить со мной, а я не знала почему?

— Конечно, помню.

— Ты тогда взяла меня с собой на ланч, и мы были совсем как две подружки.

Кейт сглотнула застрявший в горле ком, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

— Мы всегда были подругами, Мара. Даже когда не знали об этом.

— Я люблю тебя, мам.

— Я тоже тебя люблю.

Мара вытерла глаза и быстро вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Но через минуту дверь распахнулась снова. Кейт даже не успела вытереть глаза, когда раздался уверенный голос Талли:

— У меня есть план.

Кейт улыбнулась, радуясь тому, что даже сейчас жизнь ее еще может быть полна неожиданностей.

— У тебя всегда есть план.

— Ты мне доверяешь?

— Чтобы окончательно погубить свою душу? Да!

Талли помогла Кейт перебраться в инвалидное кресло и закутала ее в одеяла.

— Мы собираемся на Северный полюс?

— Мы собираемся на улицу, — ответила Талли, открывая французскую дверь и вывозя Кейт на террасу. — Тебе тепло?

— Обливаюсь потом. Пожалуйста, захвати косметичку с тумбочки.

Талли подхватила косметичку, бросила ее на колени Кейт и стала управлять инвалидным креслом.

Этой прохладной июньской ночью их двор казался особенно красивым. Небо было усеяно звездами, их мерцающий свет отражался в угольно-черных водах залива. Высоко над сиявшими вдалеке огнями большого города светила в небе полная луна. Поросшая травой лужайка спускалась к воде. Голубой лунный свет освещал брошенные игрушки и велосипеды, оставленные около утоптанной дорожки, ведущей к пляжу.

Талли спустила с террасы инвалидное кресло, направилась к появившемуся здесь недавно деревянному пандусу и остановилась.

— Закрой глаза, — потребовала она.

— Но здесь и так темно, Талли. Мне вряд ли нужно…

— Я не буду ждать вечно…

— Повинуюсь, госпожа, а то, боюсь, ты снова набросишься на меня в припадке гнева.

— У меня не бывает никаких припадков гнева. А теперь закрой глаза и, если можешь, разведи руки в стороны, как будто это крылья самолета.

Кейт закрыла глаза и осторожно подняла руки. Это движение стоило ей немалых усилий.

Талли провезла кресло через неровное пространство, заросшее травой, и остановилась у пологого холма, спускавшегося к пляжу.

— Мы снова дети, — прошептала она на ухо Кейт. — На дворе снова семидесятые, и мы опять удрали из дома и взяли свои велики. — Талли начала потихоньку толкать кресло вперед, а сама медленно двигалась за ним и продолжала говорить: — Мы на Саммер-Хилл, едем вниз без рук, смеемся как сумасшедшие и считаем себя неуязвимыми.

Кейт чувствовала дуновение ветерка на обнаженной коже головы, и на глаза у нее навернулись слезы. Она вдыхала запах вечнозеленых деревьев и черной влажной земли. Откинув голову назад, Кейт рассмеялась. На какую-то секунду она снова почувствовала себя девочкой с улицы Светлячков, катающейся на велосипеде вместе с лучшей подругой и верящей, что они умеют летать.

Когда спуск закончился и они оказались на пляже, Кейт открыла глаза и посмотрела на Талли. И в этот момент, глядя на трогательную улыбку подруги, она вспомнила про них все. Лунный свет напомнил ей о светлячках, мерцающих точками в траве вокруг них.

Талли помогла Кейт перебраться в одно из кресел, оставленных на пляже, и присела рядом.

Они сидели бок о бок, как делали это сотни раз в прошлом, и разговаривали о ничего не значащих вещах.

Кейт оглянулась на дом, на террасе никого не было, и она, наклонившись к Талли, спросила:

— А ты хотела бы снова почувствовать себя ребенком?

— Ну уж нет. Ни за что не поменялась бы с Марой. Все эти страхи, неуверенность, склонность к мелодраме.

— Да уж! Ты у нас — зона, свободная от мелодрамы.

Кейт порылась в лежащей у нее на коленях косметичке и достала пухлую сигарету с марихуаной. Глядя на изумленное выражение лица Талли, она усмехнулась:

— Мне это прописали.

Сладкий, кажущийся каким-то старомодным запах марихуаны слился с соленым морским воздухом. Облачко дыма, немного повисев между ними, растворилось в воздухе.

— Ты нагло зажала косяк, — сказала Талли, и они обе снова рассмеялись, потому что само выражение — «зажать косяк» — опять вернуло их в семидесятые.

Они передавали сигарету друг другу, продолжая разговаривать и хихикать. Обе были так поглощены этим ощущением вернувшегося прошлого, что не услышали приближающиеся сзади шаги.

— Стоило мне оставить вас, девочки, на десять минут, и пожалуйста: вы уже курите марихуану.

Позади стояла миссис Муларки, одетая в джинсы из девяностых — а может быть, даже восьмидесятых, — и ее седые волосы были завязаны в два торчащих хвостика. — Вы ведь знаете, что это ведет к вещам похуже. Например, к крэку и ЛСД.

Талли старалась не рассмеяться, старалась изо всех сил.

— Это — тот урок, который и я старалась преподать Маре, — сказала Кейт.

Миссис Муларки взяла еще одно садовое кресло и поставила его рядом с дочерью. Какое-то время они так и сидели, глядя друг на друга и на плывущий в воздухе дымок.

— Ну же? — сказала наконец Марджи. — Я ведь учила тебя делиться. Вы, девочки семидесятых, считаете себя такими крутыми.

Пришло время кое-что рассказать вам. Я-то росла в шестидесятые, так что у вас ничего на меня нет.

Она взяла сигарету, как следует затянулась, задержала воздух и выдохнула.

— Черт побери, Кейт, как, по-твоему, я пережила твои подростковые годы, когда каждую ночь две мои любимые девочки убегали из дома и катались ночью на великах?

— Так вы знали? — изумленно воскликнула Талли.

Кейт рассмеялась.

— Она говорит, что это дурь помогла ей пережить это.

— Ну да, — серьезно сказала Марджи. — И дурь тоже.

В час ночи они были на кухне — совершали набег на холодильник. Вошедший Джонни увидел на кухонном столе несколько коробок с готовой едой.

— Кто-то курил анашу, — заметил он.

— Только не говори моей маме, — пошутила Кейт.

А ее мама и Талли при этих словах согнулись пополам от смеха.

Кейт, откинувшись на спинку инвалидного кресла, улыбнулась, глядя снизу вверх на мужа. При неярком свете светильника в своих бифокальных очках и старой футболке с «Роллиг Стоунз» он выглядел как профессор-хиппи.

— Надеюсь, ты присоединишься к вечеринке?

Джонни подошел поближе, склонился над женой и прошептал:

— А как насчет вечеринки в интимной обстановке?

Кейти обвила руками его шею.

— Ты читаешь мои мысли.

Он подхватил ее на руки, пожелал всем «спокойной ночи» и отнес Кейти в их новую комнату. Кейт крепко прижималась к нему, уткнувшись носом в ложбинку на шее и чувствуя запах его лосьона после бритья, лосьона, который на каждое Рождество дарили ему дети.

В ванной Джонни помог ей и предложил себя в качестве костыля, пока она чистила зубы и умывалась. К тому моменту, когда Кейт переоделась и готовилась лечь в постель, она чудовищно устала. Она с трудом ковыляла через комнату, вцепившись в руку мужа. На полпути он опять подхватил ее на руки и отнес в кровать, где постарался устроить поудобнее.

— Даже не знаю, как это я буду спать без тебя под боком, — сказала Кейт.

— А я и есть под боком. Всего в нескольких метрах. Если вдруг понадоблюсь ночью — только позови.

Кейт нежно коснулась его лица.

— Ты ведь всегда мне нужен. И ты это знаешь.

Лицо Джонни вдруг как-то сморщилась, и Кейт поняла, насколько тяжелым грузом легла на мужа ее болезнь. Джонни сильно сдал и выглядел постаревшим.

— Ты тоже нужна мне, — наклонившись, он поцеловал жену в лоб.

Это испугало Кейт. Поцелуй в лоб годился, в ее понимании, для стариков и посторонних людей. Она схватила его руку и с отчаянием произнесла:

— Я не сломаюсь.

Медленно, не отрывая глаз от лица Кейт, Джонни поцеловал ее в губы, и на какой-то замечательный момент время и ужасное завтра перестали существовать для них. Здесь были только они двое. Когда Джонни отстранился от нее, Кейт вдруг почувствовала, как ей стало холодно.

Если бы только были на свете такие слова, которые можно было бы произнести, чтобы облегчить лежащий перед ними скорбный путь!

— Спокойной ночи, милая, — сказал Джонни и отвернулся.

— Спокойной ночи, — прошептала она, глядя, как он укладывается в свою, отдельную от ее, кровать.

35

Всю следующую неделю Кейт наслаждалась лучами летнего солнца. Дни она проводила, свернувшись калачиком в садовом кресле, на пляже, под пригодившимися в очередной раз вязаными платками Марджи. Она писала в своем альбоме, разговаривала с детьми, с Джонни, с Талли. А уж вечера были заняты разговорами всегда. Лукас и Уильям рассказывали ей длинные истории с продолжением — оба сына были изобретательными выдумщиками. К концу каждой истории обычно всех разбирал смех. Потом, уложив детей, взрослые оставались сидеть у камина. Разговоры их все чаще и чаще касались прошлого. Они вспоминали, как были молоды и наивны, как им тогда казалось, что весь мир открыт для них, как легко рождались тогда новые, такие смелые мечты, и мечтали они так же легко, как собирали цветы на лугу. Забавно было наблюдать, как Талли пытается взять на себя обязанности по дому. У нее вечно убегал суп, подгорало второе, она все время ворчала по поводу чертова острова, где не доставляют еду на дом, не справлялась со стиркой и требовала повторить инструкции по пользованию пылесосом. Кейт особенно нравилось, когда ее подруга бормотала себе под нос: «Как же, черт возьми, трудно быть домохозяйкой. И почему ты никогда не говорила мне об этом, Кейти? Неудивительно, что ты выглядела такой усталой последние пятнадцать лет».

В другой ситуации это могли бы быть лучшие дни в жизни Кейт — наконец-то она стала центром внимания.

Но как бы сильно все вокруг ни старались вести себя как ни в чем не бывало, жизнь их сейчас была подобна грязному окну, которое невозможно отмыть дочиста. Все вокруг было окрашено в цвета ее болезни. И, как всегда, задавать тон выпало на долю Кейти, которой приходилось постоянно улыбаться и всячески демонстрировать оптимизм. Ведь с ее домашними все будет в порядке лишь до тех пор, пока она сама остается сильной. Тогда они смогут подолгу разговаривать, громко смеяться и будут производить впечатление дружной, счастливой семьи.

Это было очень утомительно — постоянно подбадривать других, — но что ей оставалось делать? Иногда, когда у нее уже не было сил изображать оптимизм, Кейт увеличивала дозу обезболивающего, сворачивалась калачиком рядом с Джонни и засыпала. А когда просыпалась, то была неизменно готова улыбаться снова.

Воскресное утро всегда требовало особых затрат нервной энергии. Сегодня все были здесь: мама, папа, Шон со своей девушкой, Талли, Джонни, Мара и близнецы. И все они по очереди, то перебивая друг друга, говорили, так что гул голосов не умолкал.

Кейт слушала, кивала, улыбалась, делала вид, что ест, хотя сегодня ее тошнило и мучили боли.

Талли первой заметила, что что-то не так. Передавая ей тарелку, она подняла глаза на Кейт и спросила:

— Тебе нехорошо?

Кейт попыталась ответить, но не смогла произнести ни слова.

Джонни поднял жену на руки и отнес в ее комнату. Он уложил ее в кровать и дал лекарство.

— Как она? — спросила Талли, зайдя в комнату.

Кейт смотрела, как стоят эти двое, плечом к плечу, и испытывала к обоим всепоглощающее чувство любви. Ей на минуту даже удалось забыть о боли. Но и сейчас она почувствовала укол ревности, впрочем, ставший уже таким привычным за эти годы, как удары собственного сердца.

— Я надеялась, что буду чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы поехать с вами в магазин, — виновато улыбнулась Кейт. — Хотела помочь Маре выбрать платье для выпускного. Теперь это придется сделать тебе, Талли. — Она, словно извиняясь за свою просьбу, улыбнулась. — Пожалуйста, ничего слишком открытого и вызывающего, хорошо? И будь внимательна при выборе туфель. Мара считает, что ей пора носить высокие каблуки, но я боюсь, что… — Кейт нахмурилась. — Да вы двое вообще слушаете меня?

Джонни посмотрел на Талли.

— Ты что-то сказала?

Талли с самым невинным видом приложила руку к груди, имитируя знаменитый протестующий жест Скарлет О’Хара.

— Я? Ты же знаешь, как редко я вообще говорю. Многие упрекают меня за излишнюю молчаливость.

Кейт нажала на рычаг, подняв изголовье кровати.

— Что за комедию вы тут ломаете, когда я пытаюсь сказать вам что-то важное?

Послышался звонок в дверь.

— Кто это может быть? — сказала Талли. — Пойду посмотрю.

В комнату просунулась голова Мары.

— Они уже здесь. Мама готова?

— Кто здесь? К чему я должна быть готова?

Не успели эти слова сорваться с губ Кейт, как в комнату вошел незнакомый мужчина в рабочей форме и вкатил огромную вешалку, на которой висели на вешалках платья длиной в пол. Затем на оставшееся небольшое пространство протиснулись Мара, Талли и миссис Муларки.

— Знаешь, папа, — сказала Мара. — Мальчикам придется выйти. Это шоу для девочек.

Джонни поцеловал жену в щеку и вышел за дверь.

— Ну, скажите мне, разве это не здорово — быть богатым и известным?! — воскликнула Талли. — Ну, ладно, скажем честно: богатство — штука хорошая. Ну, например, ты звонишь в «Нордстром» и просишь прислать тебе все, какие есть в наличии, платья для выпускного размером с четвертого по шестой — и они присылают.

Мара подошла к кровати Кейт и сказала:

— Ну как же я могу выбрать свое платье для выпускного без тебя, мамочка?

Кейт хотела ответить дочери, но вместо этого расплакалась.

— Не беспокойся, — заверила Талли подругу. — Я сказала продавщице, чтобы самые сексуальные платья оставили в магазине.

При этих словах все они рассмеялись.

Неделя шла за неделей. Кейт все больше слабела. Несмотря на все ее усилия и установку не поддаваться панике, собственное тело стало предавать Кейт множеством разных способов. То она не могла подобрать нужное слово, то никак не удавалось закончить фразу, то появлялась предательская дрожь в пальцах, то подступала тошнота,

ставшая в последнее время ее постоянным спутником, то начинался страшный озноб. Кейт все время чувствовала себя промерзшей до костей.

И боли становились все сильнее. К концу июля, когда ночи стали длинными, а в воздухе разлился аромат персиков, она чуть ли не удвоила дозу морфина, но врач сказал, что возможная наркотическая зависимость — не самая главная ее проблема.

Кейт умела держать удар, и никто, казалось, не замечал, какой слабой она становится. Ну да, все видели, что ей приходится пользоваться инвалидным креслом, чтобы добраться до пляжа, и что она часто засыпает задолго до того, как начнется вечерний фильм по телевизору, но в эти летние дни все в жизни дома Райанов изменилось. Талли взяла на себя обязанности по дому и старалась изо всех сил. А у Кейт, когда ей становилось немного лучше, появилась возможность работать над рукописью. Правда, в последнее время она ужасно тревожилась, что не успеет ее закончить.

Странно, но мысль о том, что очень скоро она умрет, пугала ее уже не так, как раньше. Да, у нее по-прежнему случались панические атаки, когда Кейт думала о смерти, но и они теперь стали редкими. Теперь она чаще думала: «Дайте же мне наконец отдохнуть».

Конечно, она не могла сказать этого вслух даже Талли, которая теперь могла слушать ее часами. Как только Кейт заговаривала о будущем, Талли морщилась и выдавала какой-нибудь ироничный комментарий.

Что ж, умирать всем и всегда приходится в одиночку.

— Мам? — тихо позвала Мара, приоткрывая дверь комнаты.

— Привет, дорогая. А я думала, ты идешь сегодня на Литтл-Бич со всей бандой.

— Я и правда собиралась.

— И почему же ты передумала?

Мара сделала несколько шагов вперед. Кейт с удивлением смотрела на дочь. Мару невозможно было узнать — ее рост достиг уже метра восьмидесяти двух сантиметров, она созревала, взрослея прямо на глазах.

— Мне надо кое-что сделать.

— И что же это?

Мара повернулась, выглянула в коридор, затем снова посмотрела на Кейт.

— Ты не могла бы переместиться в гостиную?

Кейт секунду боролась с желанием сказать «нет», но нашла в себе силы ответить:

— Ну конечно!

Она надела халат, перчатки и вязаную шапочку. Затем, борясь с подступающей тошнотой, медленно выбралась из кровати.

Мара взяла ее под руку и помогла держаться ровно, на несколько минут поменявшись с Кейт ролями и словно бы став ее мамой. Мара проводила мать в гостиную, где, несмотря на жаркий день, горел в камине огонь. Лукас и Уильям, все еще в пижамках, сидели напротив камина на диване.

— Привет, мамочка, — сказали они одновременно и улыбнулись, сверкая дырами на месте выпавших молочных зубов.

Мара посадила Кейт рядом с мальчиками, закутала ей ноги халатом, а потом села сама с другой стороны от нее.

Кейт улыбнулась:

— Совсем как в тех пьесах, которые ты так любила ставить, когда была маленькой.

Мара кивнула, но посмотрела на мать без улыбки.

— Когда-то очень давно ты подарила мне одну книжку, — произнесла она дрогнувшим голосом.

— Я дарила тебе много разных книг.

— Но в тот день ты сказала, что если когда-нибудь мне станет грустно или я не буду знать, что делать дальше…

Кейт вдруг захотелось отстраниться, спрятаться, исчезнуть, но она была плотно зажата детьми с обеих сторон.

— Да, — только и смогла произнести она.

— За последние несколько недель я много раз пыталась читать эту книгу. Но не могла.

— Ну, ничего страшного, может быть, потом…

— И я поняла почему. Эта книга нужна нам всем, а не только мне. — Мара протянула руку и взяла с тумбочки «Хоббита» в мягкой обложке — книгу, подаренную ей когда-то Кейт. Каким же далеким казался сейчас Кейт тот день, когда она подарила дочери свою

любимую книгу, — словно передала по наследству. Вечность назад и мгновение назад.

— Иии! — восторженно запищал Уильям. — Мара нам почитает.

— Заткнись! — Лукас толкнул брата локтем в бок.

Кейт обняла сыновей, глядя в серьезное красивое лицо своей дочери.

— Что ж, хорошо.

Мара откинулась на спинку дивана, подвинулась поближе к матери и открыла книгу. Голос ее чуть-чуть дрожал только в самом начале.

— «В норе под землей жил-был хоббит».

Август закончился слишком быстро, уступив место ленивому сентябрю. Кейт старалась проживать со смыслом каждую секунду каждого дня, но даже при ее позитивном настрое нельзя было спрятаться от жестокой правды: она угасала. Кейт крепче сжала руку Джонни и сконцентрировалась на ходьбе. Одна подгибающаяся нога перед другой, следить за дыханием. Она устала от того, что ее возили кругом в инвалидном кресле или носили, точно ребенка, но ходить становилось все тяжелее и тяжелее. И еще ее мучили головные боли — пронзительные, сбивающие с ног, а иногда даже мешающие узнавать людей и предметы.

— Тебе нужен кислород? — тихо спросил ее Джонни, чтобы не услышали дети.

— Звучит так, будто я Луи Армстронг, который участвует в «Тур-де-Франс». — Кейт попыталась улыбнуться. — Нет, спасибо.

Джонни помог жене устроиться на террасе в любимом кресле и закутал ее в плед.

— Ты уверена, что с тобой все будет в порядке, пока нас нет?

— Конечно. Маре обязательно надо на репетицию, а близнецы ни за что не захотят пропустить Детскую лигу. К тому же Талли будет дома с минуты на минуту.

Джонни рассмеялся:

— Сомневаюсь. Я мог бы спродюсировать документальный фильм за то время, которое требуется нашей Талли, чтобы купить продукты к обеду.

Кейт улыбнулась:

— Ей приходится заново осваивать эту кухню, ведь всю жизнь она занималась другой.

После ухода Джонни дом за спиной Кейти погрузился в непривычную тишину. Она смотрела на мерцающие голубые воды залива и тиару города на противоположном берегу. Кейт вдруг вспомнила, как жила там, возле Сентрал-Маркет, юная девушка, делающая карьеру, в пиджаке с огромными подплечниками, с широким ремнем и в нескладных сапогах. Именно там она впервые увидела Джонни и влюбилась в него по уши. Она до сих пор помнит все их счастливые моменты — как Джонни поцеловал ее, впервые назвал «Кейти», сказал, что не хотел сделать ей больно.

Протянув руку к висевшей сбоку сумке, Кейт достала свой альбом. Чистые листы в нем уже заканчивались. Кейт описала все, что помнила, и это помогло ей так же, как — она очень на это надеялась — в один прекрасный день поможет ее детям. Кейт открыла страницу, на которой остановилась, и начала писать:

«Когда рассказываешь историю своей жизни, происходит одна странная вещь. Сначала пытаешься припомнить даты, события, имена. Думаешь, что она состоит из разнообразных фактов — твоя жизнь, — а тебе надо, внимательно вглядываясь в прошлое, постараться вспомнить все успехи и поражения, написать этакую хронику юности и зрелых лет. Но главное вовсе не это.

Любовь. Семья. То, над чем мы смеялись. Вот что вспоминается, когда все уже сказано и сделано. Я так много размышляла о жизни, что очень мало сделала и совсем не многого хотела. Думаю, мне можно простить мою глупость — я была молода. Я хочу, чтобы мои дети знали, как я горжусь ими и даже собой. Мы были всем, чего нам хочется в этой жизни — вы, папа и я. И у меня было все, чего мне хотелось.

Любовь.

Вот что мы вспоминаем прежде всего».

Кейти закрыла альбом. Больше ей нечего было сказать.

Талли вернулась из магазина, гордая собой. Она положила пакеты на кухне, разобрала купленные продукты, открыв банку пива, вышла наружу.

— Этот супермаркет — настоящие джунгли, Кейт, — пожаловалась она. — Я прошла весь первый ряд, а может, это был последний. Чувствовала себя так, словно я враг народа номер один — никогда еще мне столько не гудели в спину.

— У нас — неработающих мам — нет времени останавливаться надолго.

— Не представляю, как ты делала это столько лет. Я чувствую себя вымотанной уже в десять часов утра.

Кейт улыбнулась:

— Садись, Талли.

— Если я сейчас растянусь и притворюсь мертвой, мне дадут печенья?

Кейт протянула ей альбом:

— Тебе дадут вот это. Первой.

Талли вздохнула. В течение лета она видела, как Кейт пишет в альбоме, сначала легко и быстро, потом все реже и медленнее. В последние несколько недель она вообще все делала очень медленно.

Талли, внезапно ослабев, опустилась в кресло — почти что упала. Она уже знала, что прочитанное вызовет у нее слезы, но это будет необходимая плата за то, что очистится ее душа. Она сжала руку Кейт и наконец решилась открыть первую страницу.

Одно предложение сразу же бросилось ей в глаза:

«Когда я впервые увидела Талли Харт, то сразу подумала: „Вау! Вот это сиськи!“»

Талли рассмеялась и продолжила чтение — страницу за страницей.

«Мы сбегаем из дома?» — «Конечно. Бери свой велик».

И:

«Я подбрею тебе брови. Просто чтобы придать им форму… упс! Что-то получилось не очень…».

«У тебя вылезают волосы. Наверное, мне надо прочитать инструкцию еще раз».

Талли, смеясь, повернулась к Кейт. От этих слов, от написанного возникло вдруг такое чувство, что у них все хорошо и впереди еще много счастливых дней.

— И как ты могла со мной подружиться?

Кейт улыбнулась в ответ:

— А как я могла с тобой не подружиться?

Талли чувствовала себя захватчицей, прокравшейся в жизнь, в постель Кейт и Джонни. Нет, конечно, ее присутствие в их супружеской спальне было вполне объяснимо, но именно сегодня ей почему-то было особенно неловко. Чтение альбома напомнило Талли обо всем, что было общего у них с Кейт, обо всем, чего им предстоит лишиться.

Наконец, часов около трех, она забылась беспокойным сном. Ей снилась улица Светлячков, две девочки, несущиеся на велосипедах с Саммер-Хилл в ночной тьме. В воздухе пахло свежескошенным сеном, а звезды были необычайно яркими.

«Только, чур, без рук, Кейт! Отпусти руль!»

Но Кейт не было рядом. Велосипед без седока катился по дороге, белые ленты трепетали над ручками руля.

Тяжело дыша, Талли резко села на кровати.

Вся дрожа, она встала и надела халат. В коридоре она шла мимо фотографий, на которых отобразилась вся их жизнь. И мимо двух закрытых дверей, за которыми спали дети Кейти и видели, возможно, такие же кошмарные сны.

Талли спустилась вниз, сделала себе чашку чая и вышла на террасу. Ночная прохлада немного успокоила ее.

— Плохие сны?

Голос Джонни напугал Талли. Он сидел в одном из пляжных кресел и смотрел на нее снизу вверх, в глазах его светилась та же грусть, которая наполняла каждую клеточку ее собственного тела.

— Привет! — сказала Талли, садясь в соседнее кресло.

Холодный ветер дул с залива со зловещим гулом, примешивающимся к привычному рокоту волн.

— Я не знаю, что мне делать, как с этим справиться, — тихо сказал Джонни.

— То же самое сказала мне Кейти, — сообщила Талли, и мысль о том, как же они похожи, снова невольно причинила Талли боль. — Зато у вас была такая красивая любовная история.

Джонни повернулся к ней, и при свете луны Талли увидела жесткую линию его подбородка и морщинки вокруг глаз. Джонни

держал все в себе, изо всех сил стараясь быть сильным ради всех, кто был рядом.

— Тебе ведь не обязательно делать это всегда, — тихо сказала Талли.

— Что именно?

— Быть сильным.

От этих слов внутри Джонни словно лопнула какая-то пружина. Слезы заблестели в его глазах. Джонни чуть наклонился вперед, он не издал ни звука, но плечи его тряслись.

Талли протянула руку, сжала пальцы Джонни и сидела так, пока он плакал.

— Вот уже двадцать лет, стоит мне только отвернуться, как вы двое оказываетесь вместе.

Талли и Джонни одновременно обернулись.

Кейт стояла у открытой двери на террасу, завернувшись в казавшийся огромным на ее похудевшем теле махровый халат. Облысевшая и невозможно худая, она была похожа на ребенка, нарядившегося во взрослую одежду. Она и раньше говорила им такие слова, но на этот раз Кейти улыбалась. Она выглядела одновременно печальной и умиротворенной.

— Кейти, — сказал Джонни охрипшим голосом. Глаза его блестели. — Не надо…

— Я люблю вас обоих, — сказала Кейт, не делая ни шагу в их сторону. — Вы сможете утешить друг друга… позаботиться друг о друге и о детях… когда меня не станет.

— Прекрати, — сказала Талли и заплакала.

Джонни вскочил на ноги. Подойдя к жене, он нежно поднял ее и впился в ее губы долгим поцелуем.

— Возьми Кейти в вашу спальню, Джонни, — сказала Талли. — А я посплю в комнате для гостей.

Джонни нес ее наверх с такой осторожностью, что Кейт почувствовала себя совершенно бессильной, почти безжизненной. Войдя в спальню, Джонни опустил Кейт на кровать.

— Зажги камин, — попросила она.

— Тебе холодно?

«Да, я промерзла до костей».

Кейт кивнула и попыталась сесть на кровати, пока Джонни разжигал газовый камин. Сине-оранжевое пламя с гулом взвилось над фальшивым поленом, окрасив темную комнату золотистым сиянием.

Когда Джонни вернулся и лег рядом с Кейт, она провела кончиком пальца по его губам.

— Первый раз ты соблазнил меня на полу перед камином, помнишь?

Джонни улыбнулся. Она, словно слепая, почувствовала его улыбку подушечкой пальца.

— Если я все помню правильно, соблазнила меня ты.

— А что, если я захочу соблазнить тебя сейчас?

Джонни выглядел таким испуганным, что Кейт захотелось рассмеяться.

— А нам можно?

Джонни заключил жену в объятия. Она знала, что оба они думают о том, как сильно она потеряла в весе, так сильно, что от нее почти ничего не осталось.

Ничего не осталось.

Кейт закрыла глаза и крепче обняла мужа за шею.

Кровать показалась ей вдруг такой огромной, словно море мягкого белого хлопка, по сравнению с другой кроватью, которая была местом ее болезни.

Кейт медленно сняла с себя халат и принялась стаскивать ночную рубашку, стараясь не смотреть на свое исхудавшее тело, на неестественно худые ноги. Она боялась опустить глаза и увидеть то место, где когда-то была ее грудь. Теперь Кейт была бы похожа на мальчика, если бы не ее шрамы.

Джонни быстро разделся, лег рядом с Кейт и прикрыл их обоих одеялом до бедер.

— Ты такая красивая, — прошептал он и наклонился, чтобы поцеловать ее шрамы.

Чувство облегчения и любви накатило на Кейт с такой силой, что вызвало возбуждение. Она ответила на поцелуй мужа, чувствуя, как участилось ее дыхание. За двадцать лет супружества они занимались любовью тысячи раз, и это всегда было потрясающе, но теперь все было по-другому. Теперь Джонни надо было быть особенно нежным.

Кейт понимала, что он боится причинить ей боль. Потом она плохо помнила, как все произошло, как она вдруг оказалась сверху. Все.

Все, что она знала, это что отчаянно нуждается в нем, и что все, чем она была в жизни, было неизбежно и неразрывно связано с этим мужчиной. Когда он наконец вошел в нее, медленно и нежно наполняя ее собой, Кейт раскрылась ему навстречу и на какую-то секунду почувствовала себя той, прежней, — страстной и любящей. Наклонившись, она поцеловала Джонни, чувствуя на губах вкус его слез.

Он так громко выкрикнул ее имя, что Кейт пришлось прикрыть его рот ладонью.

— Дети! — предостерегающе прошептала она.

Если бы у нее оставалось хоть немного дыхания, она бы, наверное, рассмеялась.

Но собственный оргазм через несколько секунд заставил Кейт забыть обо всем, кроме испытанных только что невероятных ощущений.

Наконец, улыбаясь и снова чувствуя себя молодой, Кейт устроилась поудобнее около Джонни и уткнулась ему в плечо. Он обнял ее и притянул к себе. И так они еще долго лежали на высоко поднятых подушках и смотрели, не говоря ни слова, на горящий камин.

Затем Кейт произнесла то, что давно вертелось у нее в голове:

— Мне нестерпима мысль, что ты останешься один.

— Я никогда не останусь один. У нас с тобой трое детей.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я пойму, если вы с Талли будете вместе.

— Прекрати!

Джонни наконец посмотрел на Кейт, и в его глазах, которые она знала лучше, чем свои, Кейт увидела такую глубокую, пронзительную печаль, что ей захотелось плакать.

— Для меня существовала всегда только одна женщина, только ты, Кейти. Талли была лишь кратким приключением. Я не любил ее ни до, ни после этого. Ни одной секунды. Ты — моя душа и мое сердце, весь мой мир. Как ты можешь этого не понимать?

Кейт видела, что он говорит правду, слышала это в его голосе, и ей стало стыдно. Она должна была верить ему, как верила сейчас.

— Я знаю. Просто я тревожусь за тебя и детей. И мне страшно думать…

Вести этот разговор было все равно что плыть в кислоте, сжигающей твою плоть и кости.

— Я знаю, малышка, — тихо сказал Джонни. — Я знаю.

36

День премьеры летней пьесы выдался холодным и ясным. Красивый осенний день, типичный для северо-западных штатов. Кейт хотелось помочь Маре подготовиться к знаменательному для нее событию, но она была слишком слаба. Даже улыбка давалась ей с трудом. Боль в глазах была теперь постоянной, боль, как часы, тикала в ее голове.

И Кейт передала все свои домашние обязанности Талли, которая рьяно кинулась их выполнять.

Кейт проспала большую часть подготовки. К вечеру она отдохнула, насколько это было для нее возможно, и была готова к тому, что ожидало дальше.

— Уверена, что выдержишь? — спросила ее Талли без четверти семь.

— Я готова. Может, ты немного подкрасишь меня, чтобы не испугались маленькие дети.

— Я думала, ты никогда об этом не попросишь. И еще я на всякий случай привезла тебе парик. Если ты, конечно, захочешь его надеть.

— С удовольствием. Я сама подумала бы об этом, если бы у меня в мозгу остались здоровые клетки.

Кейт протянула руку к кислородной маске и подышала немного.

Талли вышла из комнаты и вернулась с набором косметики.

Кейт подняла изголовье кровати в почти вертикальное положение и закрыла глаза.

— Ты меня красишь так же, как в прежние дни.

Талли, болтая без умолку, подвела Кейт брови, наклеила ресницы. Кейт позволила голосу подруги унести себя прочь от дня сегодняшнего.

— У меня дар, ты же знаешь. Есть у тебя бритва?

Кейт хотелось рассмеяться. Может быть, у нее это даже получилось.

— Хорошо, — сказала наконец Талли. — А теперь пора примерить парик.

Кейт заморгала, осознав только в этот момент, что успела задремать, и улыбнулась.

— Прошу прощения.

— Ничего-ничего. Мне даже приятно, что ты заснула под мою болтовню.

Кейт стянула с головы спортивную шапочку, а с холодных рук — перчатки. Последнее время она чудовищно мерзла.

Талли помогла подруге надеть черное шерстяное платье, колготки и сапоги, надела ей на голову парик и поправила его. Усадив Кейт в инвалидное кресло, она завернула ее в плед, затем подвезла к зеркалу.

— Хорошо?

Кейт смотрела на свое отражение — бледное тонкое лицо с глазами, которые выглядели огромными под нарисованными карандашом бровями. Белокурые волосы до плеч, идеальные красные губы.

— Отлично, — сказала Кейт, стараясь, чтобы это звучало искренне.

— Вот и хорошо, — сказала Талли. — А теперь строим войска и выступаем.

Через полчаса они уже добрались до зала, где должна была пройти премьера. Они приехали настолько раньше других, что на парковке не было еще ни одной машины.

Что ж, отлично!

Джонни усадил Кейт в инвалидное кресло, закутал в плед и повез к главному входу.

Оказавшись в зале, они заняли большую часть первого ряда, приберегая места для остальных членов семьи. Кресло Кейт поставили в конце ряда.

— Я вернусь через тридцать минут с Марджи и Бадом и близнецами, — сказал Джонни, обращаясь к Кейт. — Тебе нужно что-нибудь еще?

— Нет.

Джонни ушел. А они с Талли остались сидеть в пустом зале. Кейт было холодно, и она куталась в плед. У нее тряслась голова, и она чувствовала себя ужасно.

— Поговори со мной, Талли. О чем-нибудь.

Талли с удовольствием откликнулась на просьбу подруги. Она заговорила о вчерашней репетиции, о переговорах с другими родителями о том, чтобы возить детей в школу по очереди.

Кейт закрыла глаза и снова перенеслась в блаженный мир их детства. Вот они сидят на берегу реки Пилчук и гадают, как сложится их жизнь.

«Мы будем тележурналистками. И когда-нибудь я скажу Майку Уоллису, что у меня бы ничего не получилось без твоей поддержки».

Мечты, как много их было! И на удивление, многие сбылись. Раньше Кейт не задумывалась об этом.

Откинувшись на спинку инвалидного кресла, Кейт вдруг спросила:

— Ты еще поддерживаешь отношения с тем парнем, который ведет курс театрального мастерства в университете Калифорнии?

— Да, — ответила Талли. — А что?

Кейт чувствовала, как подруга внимательно разглядывает ее профиль. Избегая смотреть ей в лицо, она поправила парик.

— Может, ты бы как-нибудь ему позвонила. Мара хочет там учиться.

И ее тут же пронзила мысль: «Ведь меня не будет рядом». Кейт понимала, что Мара отправится в колледж без нее.

— А я думала, ты не хочешь, чтобы она поступала на театральный.

— Мне страшно представить своего ребенка в Голливуде. Но ведь ты у нас звезда телевидения, а ее отец — продюсер новостных программ. Девочка окружена мечтателями. Разве был у нее шанс стать другой? — Кейт протянула руку и легонько сжала пальцы Талли. Больше всего ей хотелось сейчас посмотреть лучшей подруге в глаза, но она не осмеливалась. — Ты последишь за ней и за мальчиками, ты не бросишь их?

— Конечно.

Кейт облегченно вздохнула. Одного слова Талли было достаточно, чтобы на сердце Кейт стало легче. Что-что, а держать слово Талли Харт умела.

— И, может быть, тебе снова стоит попытаться найти Облачко.

— Удивительно, что ты заговорила об этом. Я и сама собиралась это сделать. Как-нибудь.

— Вот и хорошо, — тихо проговорила Кейт. — Чад был прав, а я — неправа. Когда подходишь… когда приближается твой конец, начинаешь понимать: только любовь и семья имеют значение. И больше ничего.

— Ты — моя семья, Кейти.

— Я знаю. Но тебе захочется большего, когда я…

— Пожалуйста, не говори об этом.

Кейт решилась наконец взглянуть на подругу. Дерзкая, резковатая, занимающая все пространство Талли, ломящаяся сквозь эту жизнь, как лев сквозь джунгли, и всегда оказывавшаяся королевой. Сейчас она выглядела тихой и испуганной. Сама мысль о смерти Кейт лишала ее присутствия духа, делала маленькой и слабой.

— Я умру, Талли. Нет смысла молчать об этом. Мы все равно не сможем ничего изменить.

— Я знаю.

— И я хочу, чтобы ты знала еще одно: я любила жизнь. И не сетовала на судьбу. Да, я долго ждала, когда же наконец начнется что-то настоящее, хотела большего. Иногда мне казалось: я делаю так мало. Всего лишь вожу машину, хожу по магазинам и постоянно жду чего-то. Но я не упустила возможности быть с моей семьей, ни одной минуты не упустила. Всегда была рядом, чтобы помочь каждому из моих родных. Это — то, что я буду помнить. И они есть друг у друга.

— Да.

— А вот о тебе я беспокоюсь, — продолжала Кейт.

— Что ж, наверное, не зря.

— Ты боишься любви, но в тебе ее очень много. Тебе есть что отдать.

— Я знаю. Я провела много лет, жалуясь на одиночество, а сама путалась с неподходящими или несвободными мужчинами. Но правда в том, что моей истинной любовью была моя карьера. И ее по большей части было достаточно, чтобы я чувствовала себя счастливой. И я хочу, чтобы ты это знала.

Кейт улыбнулась усталой улыбкой:

— Я горжусь тобой, и ты это знаешь. Достаточно ли часто я говорила тебе об этом?

— Я тоже тобой горжусь. — Талли внимательно смотрела на лучшую подругу, и перед ее глазами промелькнули все тридцать с

лишним лет их дружбы, все годы, когда они были девчонками, все их детские мечты, годы, когда они стали женщинами. — Мы ведь все сделали правильно, да?

Прежде чем Кейт успела ответить, двери зрительного зала распахнулись и внутрь хлынули люди.

Джонни, Марджи, Бад и близнецы заняли свои места, как раз когда в зале зажегся свет.

А затем зажглись огни рампы, тяжелый бархатный занавес медленно пополз в стороны, обнажая простенькие декорации, которые должны были изображать небольшой городок.

Мара вышла на сцену, одетая в подобие платья девятнадцатого века, сшитое специально для школьной постановки.

И когда Мара заговорила, случилось настоящее чудо. Это просто нельзя было назвать по-другому.

Кейт почувствовала, как пальцы Талли сжали ее руку. Когда Мара ушла со сцены под непрекращающиеся аплодисменты, сердце Кейт было наполнено гордостью. Она наклонилась к Талли и прошептала:

— Теперь ты понимаешь, почему я дала ей второе имя в твою честь.

Талли повернулась к подруге:

— Почему же?

Прошла целая минута, прежде чем Кейт смогла произнести:

— Потому что в ней соединилось лучшее, что есть в каждой из нас.

Конец наступил мрачным и дождливым октябрьским вечером. Все, кого любила Кейт, стояли вокруг ее кровати, и она прощалась с ними по очереди, находя для каждого особенные слова. А когда в окно забарабанил дождь и опустилась тьма, Кейт закрыла глаза навсегда.

В списке дел Кейт последним пунктом были ее похороны, и Талли постаралась выполнить все неукоснительно. Католическая церковь на острове была полна людей — друзей, фотографов — и утопала в цветах. Кейт выбрала любимые цветы Талли, а не те, которые любила сама.

Талли организовывала, устраивала, хлопотала, вникала во все детали, следуя пожеланиям Кейт. Она не могла позволить себе горевать

и плакать. Муларки и Райаны были не в состоянии действовать, они были парализованы горем и большую часть времени сидели на пляже, взявшись за руки, и лишь иногда вспоминая о том, что можно разговаривать друг с другом.

Талли готовила себя к дню похорон, постоянно напоминая себе, что она — профессионал и должна держаться, несмотря ни на что.

Но когда этот день наступил и они оказались перед церковью, Талли вдруг охватила паника.

— Я не могу туда войти, — прошептала она.

Джонни молча взял ее за руку, слов, чтобы утешить Талли, у него не было.

Так, в молчании, они и сидели в машине с детьми на заднем сиденье, пока не подъехали Муларки.

Пора было идти. Как стайка черных ворон, они вышли все вместе, надеясь, что единение придаст им силы. Держась за руки, они прошли мимо одетых в траур людей, поднялись по массивным каменным ступеням и вошли в церковь.

— Мы в левом переднем ряду, — прошептала Марджи.

Талли взглянула на плачущую Мару, и вид девочки сломал ее.

Ей хотелось утешить свою крестницу, сказать ей, что все будет хорошо. Но обе они знали, что это не так.

— Мама очень тебя любила, — прошептала Талли, и перед ее глазами вдруг открылась картина их будущего. Они обязательно станут друзьями, она и Мара. В свое время Талли передаст ей альбом, и они вместе будут читать историю о том, какой была ее мама, историю их дружбы и жизни, и эти истории свяжут их еще крепче и на короткие мгновения вернут им Кейти.

— Пойдемте, — сказал Джонни.

Талли почувствовала, что не может сдвинуться с места.

— Вы идите, а я постою здесь минуточку.

— С тобой все в порядке?

— Да, идите садитесь.

Джонни сжал ее плечо, затем повел Мару и сыновей вперед. За ними двинулись мистер и миссис Муларки, Шон, тетя Джорджия и остальные члены семьи. Все они прошли к первому ряду и заняли свои места.

Зазвучал орган. Звуки медленной и печальной мелодии «Ты и я против всего света» заполнили церковь.

Талли не могла здесь находиться. Она не могла слушать патетическую музыку, пробуждающую слезы, печаль, страдания, не могла слушать, как священник рассказывает о своей многолетней прихожанке, которая была лишь бледной тенью лучшей подруги Талли. У нее не было сил смотреть монтаж из фотографий Кейт, крутившихся на экране над ее гробом.

Прежде чем она успела подумать о том, что делает, Талли повернулась и пошла прочь.

Свежий воздух наполнил ее легкие. Талли жадно глотала его, пытаясь успокоиться. За спиной, в церкви, зазвучал «Один прекрасный день».

Закрыв глаза, Талли прислонилась к двери.

— Миз Харт?

Испуганно вздрогнув, она открыла глаза и увидела распорядителя похорон, стоящего на первой ступеньке. Она встречалась с ним до этого лишь один раз, когда заезжала отдать одежду Кейт и ее фотографии.

— Миссис Райан просила меня передать вам вот это. — Распорядитель протянул ей большую черную коробку.

— Ничего не понимаю.

— Она оставила мне поручения. Просила отдать вам это именно в день похорон. Сказала, что, когда похороны начнутся, вы будете стоять снаружи.

Талли невольно улыбнулась, превозмогая желание разрыдаться. Ну конечно, Кейт могла это предположить, ведь она знала Талли, как никто на свете.

— Спасибо!

Взяв коробку, Талли спустилась по ступенькам. Перейдя через дорогу, она присела на кованую парковую скамейку, набрала в легкие побольше воздуху и открыла крышку. Сверху лежало письмо. Почерк Кейти с легким наклоном в левую сторону не узнать было невозможно.

«Дорогая Талли!

Я знаю: ты не сможешь выдержать мои чертовы похороны, ведь звезда сегодня не ты. Надеюсь, ты хотя бы

отдала подретушировать мои фотографии. Есть так много вещей, которые я должна тебе сказать, но за нашу жизнь мы все их уже сказали друг другу.

Позаботься ради меня о Джонни и детях, хорошо? Научи мальчишек быть джентльменами, а Мару — быть сильной. Когда дети будут готовы, дай им мой альбом и расскажи обо мне, когда они спросят. Расскажи им правду. Я хочу, чтобы они знали все.

Знаю, тебе сейчас тяжело. Об этом я жалею больше всего. Поэтому вот что я хочу сказать в своем „письме из могилы“ (звучит слишком мелодраматично, не находишь?):

Я знаю — ты сейчас считаешь, что я бросила тебя. Но это неправда. Тебе достаточно лишь вспомнить улицу Светлячков, и ты снова меня обретешь.

Ведь мы навсегда остались и останемся „Талли-и-Кейт“».

Письмо было подписано: *«Лучшие подруги навсегда. Кейт».* И рядом с подписью было нарисовано сердечко.

Талли крепко прижала бумагу к груди и снова заглянула в черную коробку. Там лежало всего три вещи.

Сигарета «Вирджиния слимз», вокруг которой был наклеен желтый стикер с надписью «Выкури меня!».

Фотография Дэвида Кэссиди с автографом и надписью «Поцелуй меня!».

И iPod с наушниками и стикером с надписью: «Включи меня и танцуй!».

Талли рассмеялась сквозь слезы и зажгла сигарету. Затянувшись, она закашлялась на выдохе. Запах сигареты тут же вызвал в памяти воспоминания о том, как они лежали на берегу реки Пилчук, привалившись к стволам поваленных деревьев, и смотрели на Млечный Путь.

Талли закрыла глаза, откинула голову на спинку скамейки и подставила лицо неяркому осеннему солнышку. Ветерок коснулся ее лица и взъерошил ей волосы.

«Привет от Кейти», — подумала она.

И неожиданно почувствовала подругу рядом с собой, над собой, вокруг себя и внутри себя. Она слышала Кейт в шепоте ветра над головой, в шуршании желтых листьев, падающих на землю.

Открыв глаза, Талли чуть не задохнулась от этого удивительного ощущения: она была не одна.

— Привет, Кейти! — прошептала она, вставила в уши наушники и нажала на кнопку воспроизведения.

В уши ударила мелодия «Танцующей королевы», перенеся ее назад во времени.

«Ты молода и прекрасна. Тебе всего семнадцать лет».

Талли встала, толком не понимая, плачет она или смеется. Она знала только, что она не одна, что Кейти ее не покинула. У них было тридцать лет, были и хорошие, и трудные времена, и все, что только можно себе представить; и ничто на свете не способно этого отнять. У них была музыка, у них были воспоминания, и они всегда будут вместе.

Лучшие подруги навсегда!

И, стоя посреди улицы в полном одиночестве, Талли начала танцевать.

---

notes

Примечания

1

Цитата из песни «Танцующая королева» («Dancing Queen») шведской группы «АББА».

2

Цитата из песни «Любовь — это поле боя» («Love is a Battlefield») американской певицы Пэт Бенатар.

3

Virgin — дева, девственница (*англ.*).

4

Цитата из песни «Я — настоящая женщина» («I’m every woman») американской певицы Уитни Хьюстон.

5

Цитата из песни «Такой момент» («A Moment Like This») американской певицы Келли Кларксон.